

Вадим Демидов

Сделай
и живи
спокойно - 3

Annotation

Продолжение приключений Вилора в 1949 году. Времени на подготовку к выполнению задания, всё меньше и меньше. Никаких сомнений только вперёд, а там заживём спокойно.

Больница в городе Конотоп ничем не отличалась от других, расположенных в небольших городах Советского Союза. Чистенько и уютненько. Двухэтажное здание с приёмным отделением и ещё несколькими кабинетами внизу и палатами на втором этаже. Я лежу на втором. Три недели уже. Чуть больше, но — не намного. Девятнадцатое августа на календаре, всё того же тысяча девятьсот сорок девятого года. Скучно мне здесь — не привык я бездельничать. А ведь еле выкарабкался. По краю прошёл, не сорвался и в живых остался. Вообще-то спасибо всем, кто участвовал в спасении моей тушки. И это конечно, в первую очередь, тому неизвестному врачу, что оказался в одном со мной вагоне. Что уж он там делал, я не знаю — был без сознания. Но первую помощь он оказал на должном уровне — все про это говорят. Этот мелкий недобиток с ножом мне, какую-то вену в животе повредил. Снаружи крови почти не было видно, а вот внутри всё плохо. Всё бы ничего, если бы я, после ранения, лёг на пол и не шевелился. Но меня же понесло справедливость править. Вот и не рассчитал. Слишком сильно толкнул тех двух здоровых мужиков. Перенапрягся сильно. Силы не рассчитал. Надо было их аккуратненько толкнуть, а я со всей силы. В результате имеем то, что имеем. Что-то там произошло в организме из-за непредвиденной нагрузки и кровотечение усилилось. И как следствие я потерял сознание.

По заверениям главного врача и не менее главной медсестры, а также всезнающих пациентов находиться здесь мне ещё дней десять как минимум. И я точно знаю, что это всё специально подстроено. Потому что я здоров. У меня уже неделю ничего не болит и я прекрасно перемещаюсь без посторонней помощи. Сто процентов это Собкин, что-то там наговорил главврачу и меня специально удерживают здесь придумывая всякие дурацкие диагнозы. И ещё от меня спрятали мою одежду. Я потратил кучу своей энергии, использовал всё своё обаяние, применил все уловки и воспользовался опытом прошлой жизни, но ничего не добился — моя одежда пропала в неизвестном направлении. А ведь она сыграла большую роль в деле моего спасения. Паспорт, что нашли в кармане это ерунда, а вот та синяя бумажка, с грозным названием "мандат", когда её обнаружили, заставила шевелиться всех не с удвоенной, а с удесятерённой энергией. Собкин прибыл в Конотоп в тот же день вечером. Как он умудрился это сделать, для меня загадка. Но тут, по моему, большая заслуга отдела транспортной милиции, который находится в городе Конотоп. Жаль, что я этого не видел — был в отключке, а то бы он так просто от меня не отделался бы. Собкин притащил с собой, чуть ли не весь личный состав калужского отделения, чтобы забрать раненого Шульца и по возможности меня. С Шульцем у него всё получилось, а вот меня ему не отдали. Боялись, что возобновится кровотечение. С глубоким сожалением меня оставили, а недобитка отконвоировали в Калугу.

Этот выверт с "мандатом" мне стоил очень многого. Ко мне, после того как я очнулся, относились как... я не могу подобрать сравнение. Очень хорошо, короче, и с большим вниманием. Таким большим, что каждый мой шаг отслеживался бдительными медсёстрами и всем остальным персоналом. Да я в утку, по-маленькому, просто так сходить не мог. Тут же прибегал какой-нибудь крендель с медицинским образованием и делал визуальный осмотр жидкости. Про судно умолчу. Но тоже почти в том же духе. Надеюсь, что Шульца охраняют не хуже, иначе, я бы очень пожалел, что попал из револьвера ему в пятку, а не в голову. Да, вот так! Я же почти не видел куда стреляю, вот и получилось, что совершенно

случайно угодил этому утырку в каблук правого сапога. Как уж так вышло не представляю совершенно. Только пуля, прошла через каблук и пошла дальше в пяточную кость, где и застряла. В общем Шульц мог только ползать, по полу тамбура и ругаться по непонашему. В общем бегать и прыгать он теперь долго не сможет, а там и лоб ему зеленкой намажут, да погуще желательнее, погуще. Что б уж точно, никакой микроб не проскочил вместе с пулей в мозг. А ещё лучше, таких утырков вешать, потому что нечего на них народное добро переводить. Патроны они всегда нужны, тем более, что врагов, у советской власти много, а верёвку можно несколько раз использовать.

Чего стою, кого жду — непонятно. Из окна палаты вид не самый лучший. А только возвращаться в койку мне не хочется. Надоело! Я скоро жиром заплыву. Мне гулять надо! Мне нагрузка нужна! Вот что мне сделать, чтобы убедить главного и самого умного врача, в том что я здоров? Может из окна прыгнуть и вернуться в палату как ничего не бывало? С улыбкой и бодрой песней, про "первым делом самолёты". Я могу. Только вот поможет или нет — не знаю. А так хочется, хоть что-то сделать.

Делать действительно нечего. Газеты и все доступные журналы, я прочитал ещё утром, вчера. Да и было их тут немного. По радио передают в основном музыку, а когда приходит время новостей у нас начинается приём пищи. Походу у меня началась болезнь всех попаданцев — информационный голод. Как-то раньше я об этом не задумывался. С другой стороны мне некогда было. То одно, то другое и бац — неожиданно третье вылезло! Когда тут читать? В кино один раз, за время моего попадания сюда, в это время, сходил всего-то. Может со скуки письмо Сталину написать? А что? Напишу, что америкосы все поголовно пиндоры — пусть наш вождь порадует. Про командирскую башенку на т-34 я писать не буду. Нафиг! Про автомат Калашникова тоже поздно. К тому же я не очень хорошо его знаю. Мне ближе карабин Симонова. Как-никак два года с ним общался. Про Хрущёва лучше тоже не буду. Нафиг этого клоуна. Если я выполню дедово задание, то ему не жить всё равно. Кстате, надо бы мне поторопиться. Времени-то осталось всего ничего. Но, для начала, мне надо из Конотопа каким-то образом уехать. Эх! Как же всё надоело!

Я ещё некоторое время постоял у окна и невольно улыбнулся. Всё же одно дело я смог сделать. Послал телеграмму Рите. Зачем? Сам не знаю. Но сделал и ни грамма не жалею. Всё произошло спонтанно. Старшая медсестра обмолвилась, что товарищ лейтенант, то есть Собкин, оставил для меня двадцать пять рублей, на покупку всяких там яблок, ананасов и абрикосов. Витаминов короче. А она не знала, что мне больше нравится и подошла спросить. Вот тут-то я и включился. Сначала сам хотел сбегать на телеграф, но меня, по известным причинам никуда непустили. Тогда я дождался утром почтальона(он приносит письма и газеты каждое утро) и попросил отправить телеграмму его. Нафиг витамины, когда моя девушка ждёт от меня весточки. Я на сто процентов уверен, что Собкин занят надобитком и ничего не сообщил Марго. Про Катерину спорный вопрос, может и сказал. Тут не угадаешь. В общем всё завершилось к всеобщему удовольствию — почтальон записал на каком-то бланке, что у него был в сумке, текст и взял деньги. Надеюсь, что он отправил, иначе я ему не позавидую.

Больше ничего, за это время, в моей жизни не произошло. Ну не про клизмы же рассказывать? Или про уколы, что мне делали, вспоминать? Нафиг-нафиг. Скучно, тяжело, грустно и совершенно безрезультативно проведённое время. Ещё и это, постоянно всплывающее чувство вины перед мастером Лепестком. Я же так и не забрал у него растворомешалку. Надеюсь, что он её не выкинет, из-за моей забывчивости. А я, как только

появлюсь в Калуге, сразу же её заберу. Эх! А ведь ещё экзамен на разряд предстоит. Но тут, я спокоен. Уж что-что, а кирпичи класть я умею. О! Мне же документы в техникум надо подавать. Вот ведь, точно говорят — человек предполагает, а кто-то там располагает. С другой стороны — может, ну его этот техникум? Поступлю в следующем году. А что? Кто мне мешает? Мне он нужен был, только для создания алиби, на определённый момент, а не чтобы улучшить своё образование. Да и льготы, конечно. Куда же без них. В Советском Союзе очень трепетно относятся к человеку который совмещает труд и учёбу. Тут тебе и сокращённый рабочий день, и оплачиваемый отпуск на период сдачи экзаменов, и практика не где-то там, куда тебя пошлют по решению комиссии, а именно в той организации где работаешь на данный момент. А теперь, у меня есть дом! И хрям кто докажет, что меня там не было в нужное мне время. Так что это дело надо обдумать хорошенько, пока время есть.

Вот что делать в больнице, когда у нормальных людей выходной день? Я не знаю. Хоть и нахожусь, в таком положении, уже третий раз(офигеть, три выходных прошло!) в этом городе. Первый ладно, я там периодически приходил в себя, а так почти всё время был без сознания. А предыдущее воскресенье? Оно прошло совершенно по идиотски. Гулять нельзя, стоять у окна нельзя, смотреть в потолок нельзя — вообще ничего нельзя. Даже чай можно пить только в определённое время. Ну я и... побезобразничал немного. Больница маленькая — сильно побезобразничать не получилось. Никакого криминала. Только устный разговорный жанр — анекдоты. Сначала. Я их много знаю. Рассказывал выборочно — не то время и не те ценности. А потом перешёл к коротким историям. А что? Стройка хуже цирка, каждый день что-то смешное случается. А я там долго проработал. В общем — ржали все, а виноват оказался я! И ведь не поспоришь, с одной стороны. У одного больного швы разошлись. У другого микроинсульт случился. А третий вообще сам упал с кровати на судно и у него ребро треснуло. Медсестра сама виновата, не фиг смеяться когда укол делаешь. А кот местный, просто испугался нашего смеха. Вот и орал всю ночь, потому что с дерева сам слезть не мог. Местное население никто не звал, они сами пришли. А то что пол после этого грязный, так это не я. Я из палаты не выходил. И вообще — подслушивать нехорошо. Я может быть эти анекдоты только своим соседям по палате рассказывал. Зато всю неделю, после этого, больница была самая чистая и красивая, а медсёстры самые внимательные и строгие, ко мне. Эх! И ведь самое-то главное, что больные слова не сказали, а вот главный врач много чего наговорил. В понедельник. Утром. Обидно, да?!

Картинка в окне не поменялась. А чего меняться? Двор больницы это не улица. Народ не ходит толпами и машины не ездят, а про лошадок с телегами вообще не говорю. Редкость даже для Конотопа. Все всё носят руками и в больничный двор не заглядывают. Хотя, нет! Вон Катерина с какими-то мужиками и корзинками идёт... Катерина!!! Откуда она здесь?!

Я ласточкой метнулся к двери. Вылетел в коридор и помчался на первый этаж по лестнице. В вестибюле действительно стояла Катерина. Ну хоть одно родное лицо, в этом захолустье. Её спутников видно не было. Где-то бродят наверное. А и ладно, мне и Кати хватит, чтобы наговориться до упада. Но взглянув повнимательнее, на двойника Исинбаевой, я понял, что разговор предстоит серьёзный. Такое лицо у богини правосудия Фемиды — ну у этой, с завязанными глазами, которая и весами в руке. Чего это она?

Спокойно поговорить нам не дали. Появилась одна из медсестёр, наверное самая строгая в этом заведении, и голосом, не терпящим возражений, отправила меня обратно в палату. Тьфу, ты! А ведь так хорошо день начинался. Хотя, хоть какая-то отсрочка от неминуемой расплаты будет. Но только, убейте меня ещё раз, никак не могу понять — в чём

и как я виноват? Я вообще-то никакой вины за собой не чувствую. Наоборот, весь положительный со всех сторон. А то, что пораненный немного, так то дело житейские. Всякое бывает.

Через пятнадцать минут, когда я потихоньку подпрыгивая от нетерпения, возлежал на своей кровати, в палату вошла Катерина. Из-за неё выглядывали двое: Сергачёв и мой дед. Тот самый, с которым я договорился о жилплощади, для Катерины. Похоже, что у них всё нормально с житьём-бытьём, раз они приехали вместе. Ну хоть тут всё получилось. Я совершенно, непроизвольно улыбнулся от таких моих мыслей. За что тут же словесно схлопотал от Кати:

— Вот! Посмотрите на него! На минуту нельзя оставить, обязательно в какую-нибудь историю попадёт! И ни грамма стыда и смущения! Сидит и улыбается.

На что я сразу не преминул ответить:

— А сама, что — лучше? Я-то хоть ладно, случайно сюда попал. А ты? Добровольно полезла в горящий дом, хотя могла пожарных дождаться. Что не так?!

— Ах ты! — возмущённо начала возражать Катерина, — Да я может...

— Привет Кать! — я спрыгнул с кровати и подбежал к девушке, чтобы её обнять.

— Ладно... Прощён.

Глава 1

Глава 1

Вагон поезда «Кишенёв — Москва» в котором я ехал, остановился, на станции Тихонова Пустынь прямо напротив входа в вокзал. Сейчас зайду, попью квасу и можно ехать в Калугу. По другому я не согласен, потому, что сегодня двадцать восьмое августа, а погода как в середине июня. Жарища! Градусов под тридцать и если меньше, то ненамного. Хотя, надо посмотреть, как там на свежем воздухе, может это в вагоне так жарко.

В буфете кваса не было. Прямо "чёрная полоса" какая-то. Собкин не встречается, квасу нет, если ещё и телефон в отделении не работает, то надо срочно идти в церковь. Замаливать грехи и каяться в содеянном. А что? Самое время. Скольких уконтропупил уже? А они живые люди, между прочим. А сколько ещё предстоит, сам чёрт не знает? Вот и делаю выводы.

На мои пожелания, насчёт чая со льдом и лимоном, буфетчица упомянула шотландский город Герван. Только как-то с чисто-русским "Х" вместо шотландского "Г" и заменяя мягким, калужским "М" резкую нерусскую "Н". Я только не понял — к чему это всё было? Где Тихонова Пустынь и где этот иностранный город? Но думаю, что разберусь в последствии. У меня и без этого дел невпроворот.

Раз чай со льдом откладывается, то можно минеральной водички попить. Ничего со мной не случится. А пока утоляю жажду, можно кое-о-чём подумать и кое-что вспомнить.

Тогда, в больнице, когда на пороге моей палаты нарисовались Катерина, Сергачёв и мой дед Николай, мне особо думать некогда было. Я просто радовался знакомым лицам и впитывал все положительные эмоции от их присутствия. К тому же они приехали ненадолго. Им ещё в Калугу надо было вернуться, чтобы в понедельник выйти на работу. Так что два часа разговоров пролетели незаметно. А вот содержание, этих бесед, я обдумываю до сих пор.

Всё, в основном, сводилось к одному — меня помнят, ждут, переживают и надеются на скорое возвращение. Но была какая-то недоговорённость. Что-то прям цепляло и не давало успокоиться. Ещё и Катя добавила интриги, когда передала привет от Риты. А на ушко мне добавила, что матерью Риты занимается фининспекция и поэтому она не смогла приехать. И уже совсем перед тем, как выйти из палаты, чтобы бежать на поезд, тихо пояснила:

— Сейчас всех частных проверяют. Согласно указу министра финансов Косыгина, что тут сделаешь.

Мне оставалось только пожать ей руку, показывая что я всё понял. Хотя, если честно, ни фиги я не понял. Что за указ? О чём указ? При чём здесь Косыгин? Если это тот крендель, с которым я думаю, то фигли он делает в 1949 году? Или он бессмертный, раз дожил до восьмидесятих годов в том времени в этой должности?

Стоило только закрыться двери за Катериной, как я начал напрягать свою память, пытаюсь вспомнить всё о Косыгине и его указах. Ничего более кроме, как название «Косыгинская реформа», не вспоминалось. И то, насколько я знал это не его заслуга. Он воспользовался наработками другого человека. Но это было из другой серии и мне совсем не подходило. Короче, пришлось использовать местный электорат. Но и тут мне не повезло. Главгад, он же главврач, отказался разговаривать со мной, на экономические темы. Ссылаясь, что он далёк от этой науки. Я же, с пылом и упорством молодого комсомольца,

вылавливал его по всей больнице и требовал продолжение банкета. Два дня бегал, пока этот докторишка не сдался. Откуда-то из тайных закров извлекли и принесли мне в палату подшивки газет за 1946–1949 года и отдали на изучение. Да-с! Косыгин, как оказалось, был очень плодовитый товарищ, в смысле указов. Да и всё министерство финансов тоже обладала теми же качествами. Столько разных и противоречащих друг другу законов и постановлений, я не видел давно. Одно принимали, другое отменяли и так несколько раз по кругу. Что-то товарищ Сталин не досмотрел с этой стороны. Ну я ему в этом не указ. Раз надо было, значит надо. Я не экономист и тем более не финансист, что я могу сказать, кроме как посочувствовать. Может это тактика такая была, чтобы некоторые товарищи на свет вылезли и начали возмущаться, а тут их раз... и к стенке! А вот нефиг возмущаться! Ну это я так думаю, а там кто его знает. Мне же предстоит определить, какой именно указ подвиг фининспекторов наехать на мою будущую тещу. И что, в этой ситуации, я могу сделать, для Риты?

В общем, неделю я рылся в газетах, пока меня не вышвырнули на улицу. Прямо вот так и было. Утром, после обхода, главгад сказал, что я полностью здоров. Потом, в течении получаса, мне было выдано: выписка из истории болезни, рюкзак с новыми вещами и обувью, мои документы, отдельно паспорт с вложенной синей бумажкой, двадцать пять рублей одной купюрой и шерстяные носки. Последние меня особенно порадовали. Летом, в полуботинках и шерстяных носках — это эпический подвиг! Пассажиры, что будут ехать вместе со мной в купе, очумеют от запаха. Но я человек не привередливый, доеду до Калуги, а там всё поменяю. И на мнение окружающих мне очень сильно фиолетово. Тем более тогда, мне спорить совсем не интересно было. Мне из Конотопа смыться побыстрее хотелось, а там как-нибудь справлюсь своими силами. Меня уже просто плющило от необходимости находиться там.

Дальше, всю дорогу я крутил и так и эдак, всю информацию что сумел раздобыть. Единственный и более-менее подходящий указ это — "Постановление Совета Министров СССР N 1229". Там столько всего навечно, что даже сейчас я до конца не понял всего. И как мне кажется, в газетах был напечатан неполный вариант. Слишком уж всё туманно и размыто было, для такого балбеса как я. Да и название, у этого опуса, слишком неоднозначное. А ещё, что привлекло моё внимание это то, что сначала указ был принят в министерстве финансов РСФСР и только потом ратифицирован для всего Советского Союза. В общем среди множества других, именно это постановление подходило больше всего.

Сейчас, сидя в буфете, я постепенно складывал все паззлы в общую картину и нащупывал наиболее подходящий вариант для помощи Рите. Понятно, что без предварительного разговора ничего не получится. Я могу только сделать всё ещё хуже. В конце концов надо просто узнать, что именно произошло. А уже потом действовать. Я не считаю, что мои размышления ни о чём. Наоборот, я заранее подготавливаю несколько путей решения. А какой выбрать — это покажет время.

Вот теперь можно и в отделение зайти. Я с удовольствием потянулся всеми своими конечностями... аж до хруста! Ах! Хорошо!

Мог бы никуда не выходить. Стоило только приблизиться к двери буфета, как нарисовался Фёдор. Сияющий как солнышко в Египте. С новенькой медалью на груди. После приветствия меня проводили в машину, где я, по праву единственного пассажира, занял правое переднее сиденье. Там и просидел всю дорогу до Калуги. Единственное что очень напрягало в пути это рассказы Фёдора. Не думал, что этот товарищ может так. Удивил, прям.

Кто его вообще пустил работать в милицию? Тут не надо быть шпионом или специалистом по допросам, чтобы узнать всё о работе калужского отдела транспортной милиции. Этот говорун всё сам рассказал! Медалист фигов.

В отделе кардинально ничего не поменялось. Народ ходил серьёзный и озабоченный. На меня никто не смотрел. Хотя, некоторые ребята здоровались. Но у них тут же находился повод, куда-то бежать. В общем поговорить ни с кем не удалось. Собкин сидел в своём кабинете и занимался обычным делом — заполнял туеву кучу бумаг.

Я наверное ни грамма не изменился, раз товарищ лейтенант даже не удивился моему появлению. Так, только посмотрел и опять занялся своим делом. А ведь мог, хотя бы для приличия, встать и чего-нибудь сказать умного. Я же килограмм пять прибавил пока в больнице прохладился. Изменился наверное. Мышц не нарастил, а вот жирку прибавилось точно. Кормили хорошо. Даже очень. Первые дней десять, конечно, строго по схеме питая, а вот потом... Потом я оторвался за всё. За всё что пришлось испытать! За детдомовское детство и послевоенные годы. За мой дурацкий характер и любовь к приключениям. За Катю и её помощь мне, за Риту и за будущих детей! В общем жрал как не в себя. Результат, скорее всего, должен быть виден, но лейтенант этого не заметил. Обидно, да?! Я старался, как оказалось, зря...

— Явился, — наконец-то оторвался от бумаг Собкин и уставился на меня, помолчал немного и продолжил, — я тебя ждал пять дней назад. Где пропадал?

Офигительно меня встречают! Вообще ничего не понял. Это я ещё и виноват, что ли? Какого блюдского блюда здесь творится? Ладно. Я не Вилор-комсомолец, на котором можно только пахать, как на лошади колхозной, а прораб, который сам на ком хочешь вспашет и заборонит, что угодно и как получится. Ещё посмотрим кто тут и в чём виноват. А для начала:

— Начальник, извини! Лепила оборзел, в карантин закрыл, продоху не давал. Режим как на крытке ввёл. Конвой в белых халатах и с зелёной в руках. На любой кипиш укол с горчичником и под арест с голодовкой. Еле вырвался. Во смотри всё в сопроводилровке указано: статья, нарушение режима и меры по пресечению, которые были приняты.

Если кто-то когда-то видел картину «Офонаревший мент», то тот меня поймёт. Я например прямо сейчас её наблюдаю. Но, чтобы добить Собкина окончательно, я вытащил из рюкзака выписку из истории болезни. Покрутил её в руках и аккуратно положил на стол перед начальством. Хотя, какой он мне начальник, после этого. Нахрям этих ментов. Помог им, а они хоть бы значок, как у Фёдора, подарили. Фиг там — только обвинять могут. Уйду я от них. Буду в своём доме жить и картошку растить. Так спокойнее.

— Это что сейчас было? — грозно нависнув над кучей бумаг, спросил Собкин, — я, если честно, половины слов не понял. Это что-то из тюремного жаргона, что ли? И где ты такого успел нахвататься?

Не о об этом я хотел поговорить. Но раз представился случай, то почему бы и нет. Я и выдал всё что думаю по поводу и без него. По детски получилось, конечно. Зато дошло гораздо быстрее. Всё упомянул — и тяжёлое детство, и работу на стройке, и Монетный двор. А самое главное это постоянное общение со сверстниками, которые, по странному стечению обстоятельств, все почему-то предпочитают разговаривать на блатном жаргоне. Причём, дома все белые и пушистые, а стоит только выйти во двор или ещё куда, где собираются подростки, так сразу начинают общаться только так и нету никакой разницы пионер ты или комсомолец. Вобщем загрузил Собкина по полной программе. Пусть теперь у него голова

болит, насчёт этого. Может найдёт решение проблемы, с которой никто не смог справиться. А впрочем, мне это теперь без разницы. Всё равно, я с ментами больше дел иметь не буду. У меня своих дел до фига и больше. Мне вон, на стройку надо попасть, чтобы велосипед и рюкзак свои забрать. У меня, некстати, жор послеобеденный проснулся, а денег свободных в наличии нет. Чем мне в столовой расплачиваться? Да и не нужен я тут больше. Банда ликвидирована, все кто нужно награждены, а кто нет, тот может идти домой. Что я и сделал. Точнее хотел сделать. Но не вышло. Товарищ лейтенант меня остановил и долго рассказывал...

Теперь, после рассказа, мне стало понятно, почему у лейтенанта такое настроение. История стара как мир и известна любому человеку. «У победы тысяча отцов, а поражение всегда сирота», — не знаю кто именно это сказал, но это подтвердилось, на примере поимки Шульца. Когда его доставили в Калугу, не без приключений по дороге, то уже через сутки состоялся большой сбор грозных начальников всех мастей и с различным количеством звёзд на погонах. По горячим следам, наградили Фёдора, так как он пресек попытку побега Шульца. Этот крендель смог с отстреленной пяткой почти вылезти в окошко туалета. Но бдительный старшина, каким-то образом увидел это или почувствовал, что не удивительно, и выломав дверь в туалет успел перехватить преступника. За что и получил очень почётную медаль. А вот дальше всё пошло не по плану. Неожиданно для всех припёрлись люди из охраны лагеря, откуда сбежал Шулец и начали предъявлять свои права на обладание этим экземпляром. В общем, начались такие танцы с бубнами и пионерскими горнами, что только грозный окрик из Москвы смог всех успокоить. В итоге — Шулец поехал в столицу, а Собкин и все кто попался ему под руку, погнали искать трупы остальных поделщиков. Только недавно закончили. Нашли мужчину, которого мёртвого выкинули из вагона, женщину, что выпала вместе с преступниками. А вот из грабителей нашли только одного. Второй или выжил и скрылся, или мёртвым закатился в такую дыру, что его не смогли обнаружить. Меня там не было, поэтому я не могу ничего сказать. Досталось ребятам, с этими поисками, по полной — это точно. Да и ещё, во всей этой кутерьме про меня даже не вспомнили. Хотя, представление на награду, Собкин оформил и отправил в канцелярию Калужского отдела МГБ. Но оно, где-то потерялось в кулуарах или просто лежит в куче других документов, пока ещё не подписанное, а может и не прочитанное вообще. Посмотрим.

Я решил разрядить обстановку и предложил сходить покушать. Ну а что? Я с этого Конотопа не ел по нормальному. Имею право, в конце концов, как раненый в одно место и пострадавший за светлое будущее. Пусть, только, хоть слово скажут, я смогу найти чем ответить и не обязательно словами. Но Собкин, даже, не думал сопротивляться, а очень даже наоборот, моментально высвистел Фёдора, чтобы он нас отвёз в столовую.

В воскресенье, как я и говорил ранее, на талоны можно было покушать только в нескольких местах. Федя не заморачивался по этому поводу и отвёз нас на хлебозавод. А что? Нормальная точка общепита. А по моему, даже, одна из лучших.

Ужин прошёл в непонятной атмосфере. Фёдор сиял и излучал позитив, на всех работниц столовой. Собкин больше молчал и кушал с завидным аппетитом. Я вообще, разошёлся не на шутку и умял две порции. За что и поплатился. Когда меня везли в общежитие, я вырубился прямо на заднем сиденье. А вот когда автомобиль затормозил, то я подскочил и выглянув в окошко громко возмутился:

— А чего это мы сюда припёрлись?

— Ну как? — полуобернувшись и с удивлённым видом ответил Собкин, — тебе же надо отдохнуть?

— Нафиг отдых! — коротко бросил я и добавил, — кто-то мне обещал сватом выступить, когда я вернусь. Я тут, не пора ли выполнить обещание?

— Да ты чё, Вилор? — в который раз, приняв ошарашенный вид, ответил лейтенант, — это же надо готовиться! Переодеться там, ну и подарки какие-никакие собрать. Да и кто на ночь глядя, такими вещами занимается?

— Ночь — не ночь, а свои слова надо держать! — твёрдо сказал я и для придания веса, своим словам, стукнул кулаком по переднему сидению.

— Вот ведь, мабул неугомонный! — это Фёдор очнулся и решил вмешаться в наш спор.

— А ты вообще молчи, — сорвался я на старшину, — мог бы и поддержать меня, если захотелось поговорить. Ты же там тоже был, между прочим и поэтому фиг отвертитесь вдвоём. Поехали к Рите и никаких гвоздей. Если не свататься, то хотя бы поговорить.

Преувеличивал лейтенант. Никакая не ночь, на дворе, а вполне себе хороший вечер. Тёплый и ласковый, как и положено в конце августа. Так что можно не сомневаться, дома у Марго ещё никто не спит. А что скорее всего, все усердно трудятся — выполняя заказ от военных. А может и ещё чего. Месяц прошёл, как я виделся в последний раз с Ритой. Катерина ещё со своими, сказанными в больнице словами, вносила дисбаланс в мыслях. Надо ехать и разбираться, а иначе я просто не смогу, спокойно себя чувствовать. Хорошо, что на работу завтра не идти — выплусь хотя бы. У меня освобождение, на две недели, согласно рекомендации конотопского хирурга. Решать, конечно, местным эскулапам, но я так думаю, что они будут солидарны со своим коллегой. Впрочем завтра всё узнаю. С утра, схожу в поликлинику и там всё решится. Кстати это освобождение мне далось очень нелегко. Мне хотели вообще запретить тяжёлый труд. Что-то очень серьёзное зацепил этот Шульц в моём ливере. Главврач грозился отослать письмо в военкомат. Хотя, где Конотоп и где Калужский военкомат? Но всё-таки оставил решение этого вопроса на калужских врачей. Для этого я и согласился на очень строгий режим стационара. Надеюсь, что от армии меня не освободят. Как-то это фигово быть инвалидом, в таком возрасте. Я совершенно не хочу отказываться от работы каменщиком. Мне нравится эта профессия и, если честно, то ничего другого я не умею. Если не считать работу прорабом, конечно. Но это тоже нелёгкий труд. Как-то не хочется мне быть похожим, на товарища Иванова и целый день сиднем сидеть в прорабской. Ладно, не будем загадывать — завтра всё решится.

К дому Марго доехали за пятнадцать минут. И чего спрашивается спорили? Всё равно сделали так, как я сказал. Только время потеряли. Немного, но всё-таки. Я хотел-было первым вылезти из машины и броситься к знакомой двери, но был остановлен лейтенантом:

— Отдохни пока, — произнёс Собкин, — если уж поручил это дело мне, так будь добр уважать моё решение.

А я чё? Я ничё. Сижу, молчу и смотрю. Учусь у старшего поколения, как и что делать после долгой разлуки. Просто я, на сто процентов уверен, что лейтенант сегодня не намерен заниматься сватовством. День недели не тот. Да и обстановка не располагает. Вот и интересно мне, что же дальше будет?

А было всё интересно. Смешно и громко. Я не знаю, что там подумала моя будущая тёща, но она наотрез отказалась впускать лейтенанта в квартиру. Как бы он её не уговаривал. В конце концов, он просто попросил чтобы Рита вышла на улицу. Но это только ещё больше, возбудило дорогую тёщу. Таких криков я не слышал давно. А самое главное это те

обвинения, что она предъявляла Собкину. Чего там только не было... Как оказалось, калужская милиция это сборище похотливых индивидуумов с, почему-то, обильным слюноотделением. Которые только и мечтают, как бы получить в свои загребущие лапы молоденькую и красивую девочку. Собкин, в который раз, офонарев от таких обвинений, резко развернулся и красный как варёный рак, влез в машину. Минут пять, под неумолкаемый грохот и крики из дома, он сидел и тупо смотрел в одну точку. Пока не выдавил из себя:

— День сегодня, какой-то неудачный. Может завтра приедем? А, Вилор?

— Не, не, не... — быстренько ответил я, — не пойдёт! А давайте я сам попробую?

— Иди, — как-то легко согласился лейтенант.

Тьфу ты! Я думал, что придётся уговаривать, а он сдался при первой возможности. Что-то не вяжется у меня, такие телодвижения, с прежним образом спокойного и рассудительного человека. Которым мне всегда казался товарищ Собкин. Но это дело второе, а сейчас мне предстоит встретиться с женщиной, которая, пока ещё, является самым близким человеком для Риты. Эх! А и ладно... В конце концов, я же не свататься буду. Для этого есть другие люди...

Глава 2

Не думал я, что в это время могут быть такие очереди. Мне почему-то казалось, что это появилось в более позднем периоде советской власти. Но нет и тут всё это было.

Сижу в больнице, жду приёма у терапевта и походу делать мне это ещё час, не меньше. Народу, как в кассе кинотеатра во время премьеры фильма — до фига и даже больше. Хоть бы талончики какие-нибудь придумали — что ли? Нет, не додумались пока — всё в порядке живой очереди. А так, как я пришёл, наверное, одним из последних, то и ждать мне предстоит долго. Но я не жалуясь. Меня это вполне устраивает. Можно подремать немного, после такой-то ночи. А что? Дед, что сидит рядом со мной, ничего против не имеет. Я, пользуясь своим возрастом, устроился в уголке поудобнее, чтобы не упасть если засну. А дедушку попросил меня разбудить, если вдруг чего. Ну там — очередь подойдёт или пожар какой-либо. А он не отказался. За что ему огромное спасибо. Закрываю глаза и, в полудрёме вспоминаю...

Собкин не справился с поставленной задачей. Зато мне это удалось. Не без приключений, но и не так как у товарища лейтенанта. Можно было и не звать этого милиционера. Потому что он, одним своим присутствием, перепугал мою будущую тещу, до нервного срыва и неконтролируемой агрессии. А мне с ней, ещё фиг знает сколько мучаться, после этого. Лучше бы застрелил её, честное слово, чем так. А что? Посидели бы, погоревали дней несколько, а потом бы всё и наладилось. Ну это, я так, шучу немного.

В общем, из машины я вышел один. Собкин и Фёдор остались наблюдать, что собственно мне и надо было. Уж тут-то их помощь мне не нужна. Я сам сусам! Ну или с усами. Кому что нравится, короче.

Подошёл к ограде палисадничка. Чутка постоял, послушал, как там надрывается мама моей девушки и просто громко, как смог, крикнул:

— Рита! Выходи, поговорить надо!

Я ждал, конечно, какого-нибудь эффекта, но то что получилось — было неожиданно. Тишина. Так тихо, наверное, внутри вакуумного колпака. Не слышно было даже кузнечиков. А этих заткнуть не так-то просто, тем более в конце августа. И ещё мне показалось, что на меня смотрит всё население нашей Земли и внимательно слушает. Не очень приятное чувство. Как будто я один, на сцене огромного театра и все ждут от меня продолжения представления. Во блин! А ничего так, у Вилора развито воображение. Или у меня? А кто сейчас? Что-то я, в тот момент, совершенно запутался и пропустил эпизод, когда Марго выбежала ко мне.

Очухался, увидев такие знакомые глаза смотрящие на меня с вопросом. А и не пошло бы оно всё?! Хватаю Риту и бегом на наше место. Там всё будет сказано без лишних ушей и глаз. Нечего за нами наблюдать. Мы сами разберёмся. Притормозил, буквально на секундочку, возле машины, чтобы пожелать Собкину удачи в сватовстве. Ну или подготовке к этому делу. А дальше... Без нас справятся. У них опыта в таких делах больше.

Нацеловались тогда до полной потери реальности. Рита то прижималась ко мне, то била не больно своими кулачками, то что-то пыталась объяснить, то плакала, а я молча принимал всё. Слушал, целовал, нежно тискал успокаивая и не мог наглядеться на неё. Дошло до того, что предложил ей переместиться в более удобное место — ко мне домой. А там... Чаю

попить и успокоиться.

Ага, как же, попили чаю... Не дошли. Пошли искать в сарае, на чём посидеть по нормальному. А там сено, брезент, темнота и никого вокруг. Только мы вдвоём. Ну и... на этом всё.

Сейчас, сидя в очереди, я понимаю что это была инициатива Марго. А кто я такой, чтобы спорить с женщиной? Тогда, конечно, она ещё была девушкой, но всё равно — спорить бесполезно и это факт! Отсюда следует, что мне просто необходимо встретиться с некоторыми ушлёпками, которые говорили всякие нехорошие вещи про Риту. Тут сломанной челюстью они не отделаются. Раза три подряд буду ломать. Это я умею...

Очередь двигается очень лениво. Я бы даже сказал неторопливо, но не буду. Мне как-то пофиг на это. У меня целый день впереди, чего мне торопиться? Все вокруг какие-то напряжные. Ссорятся друг с другом из-за очереди, один я счастливо улыбаюсь и вспоминаю, что было утром...

Мы тогда поговорили с Ритой и решили идти к ней домой. Чего теперь-то скрывать? Вот и двинули с утра пораньше. На удивление, приняли нас как дорогих гостей. Со всей широтой русской души и на крытом столе. Ни о чём не спрашивая усадили и для начала хорошо накормили. До состояния полной сытости, невпихуемости ещё чего-либо и невозможности дышать. Конкордия Прохоровна оказалась нормальной и мудрой женщиной. Я-то сначала, удивился такому имени и даже переспросил, чтобы не ошибиться в произношении, но меня вполне спокойно поправили и продиктовали по буквам. Привыкла она, наверное, к такому. Я сразу же уткнулся носом в чайную чашку, пытаюсь понять, как будет уменьшительное у такого имени? Конкордилинка, Конкордушко или Конкордильюшка? Маразм. А впрочем, гречишные блины со сметаной и с хорошо заваренным чаем не дали мне, долго думать на эту тему. Эта красивая, немного полноватая женщина неуловимо напоминала нашу прославленную фигуристку Ирину Роднину. Не в смысле роста и фигуры, а только лицом. Что-то было похожее, а вот что именно — не понять. Может глаза такие же, какие были у нашей чемпионки в момент звучания гимна СССР, когда она стояла на пьедестале. Ну и конечно же я не стал ничего спрашивать, о происхождении имени. Зачем? Надо будет сама расскажет. Потом, как-нибудь.

После завтрака началось то, чего собственно я и ожидал. Пошли разговоры за жизнь. Сначала на бытовые темы, где самый главный вопрос был о жилье. Потом, незаметно сместили акцент на хозяйственные вопросы и закончили проблемами с финансовой инспекцией. Тут я сразу предложил свою помощь. А что? На тещу наехали за то, что она использовала свой материал во время выполнения заказа. Но я же специально читал газеты и в этом вопросе был более-менее подкован. Начал задавать вопросы и неожиданно понял, что это была обыкновенная подстава, только никто об этом не догадывался. Слишком это, для этого времени, было необычно. У меня даже возникли подозрения, что тут постарался такой же попаданец как и я. В общем надо думать. С чего всё началось-то? Оказывается, Конкордия Прохоровна понадеялась на честность заказчика и не стала перемеривать рулон ткани, что ей принесли. В итоге — ей не хватило самую малость, всего парочки метров. Чтобы не лишиться хороших и щедрых заказчиков и закончить заказ, теще пришлось побегать по магазинам, чтобы купить похожую ткань. Всё успела, всё сделала, а тут — бац! Фининспекторы пришли. И сразу, с ходу в лицо копии чека из магазина. Потом обвинения в спекуляции. А следом и угрозы о возможности возбуждения уголовного дела. Попугали маленько, а потом предложили замять это дело, но с небольшим условием...

— Парень твоя очередь, — я очнулся, в коридоре больницы и какой-то мужик толкал меня в плечо, — ты что заснул что ли?

— Да, — ответил я, — задремал малёхо. Всё иду.

В кабинете терапевта, я сразу прошёл к столу, плюхнул выписку из истории болезни, перед врачом и без разговоров сел на стул. А что? Не в первый раз, знаю как себя вести. Фигли нам какой-то терапевт, когда в Конотопе я месяц был под надзором у местного хирурга. А это вам не хухры-мухры — это высший класс.

Не знаю, что там такого наваял конотопский эскулап, но калужский терапевт зачитался этим бестселлером надолго. Я даже успел соскучиться и опять вспомнил разговор с тещей...

Я долго пытался ей объяснить как выйти из под опеки фининспекторов:

— Конкордия Прохоровна, поймите, что межродственные отношения никоим образом не входят в сферу подконтрольную финансовым инспекторам.

— Ну, а как же мой с ними договор? Они же возбудят дело? Я так не могу, только дочку замуж собралась отдавать, а тут тюрьма! А я хочу внуков успеть понянчить.

— Эх, Конкордия Прохоровна, — спокойно и уверенно ответил я, — всё у вас будет. Будут и внуки, и внучки... и правнуки с правнучками, если сделаете так как я вам сказал.

— Но они же...

— Ничего они вам не сделают, — я махнул рукой и уже более твёрдо добавил, — а если попытаются, то есть кому их взять на горячем. Что я, просто так что ли с грабителями боролся. Есть хорошие люди в милиции и мне, как я надеюсь, они не откажут в помощи.

И уже мысленно, про себя, добавил: — "А нет, так я сам с ними поговорю — по своему". Не, ну а что? Я почему-то думал, что в этом времени не могло быть такого явления, как милицейский рэкет. К тому же такой наглый. То есть, моя теща шьёт некоторые вещи сверх заказа, а эти ушлёпки не возбуждают на неё уголовное дело. Или это называется как-то по другому?

Тёща тогда долго думала. Мы успели с Ритой весь чайник с кипятком опустошить. А он у Конкордии Прохоровны был не маленький — по моим прикидкам литров семь, не меньше. Про маленький, заварочный не скажу, там на вид не определить. Но тоже, вроде, допили до последней капли. Зато Рита перестала смущаться и начала вести себя, как и положено будущей жене. То есть стала хозяйничать за столом и кормить своего мужа(будущего). В общем тренировалась с большим удовольствием. Пока не обратила внимание на часы. Тут я ничего сделать не смог. Работа есть работа и опаздывать туда нельзя.

А пока, Рита в суматохе бегала из комнаты в комнату, чего-то там выискивая и переодевая, теща всё-таки родила. Согласилась с моими доводами и решила поступить так, как я посоветовал. Ну и слава товарищу Микояну, что мои мучения закончились. Дальше начнём действовать сообща. У меня для этого есть великолепный план!

Расстались с Ритой возле педагогического института. Ей прямо, а мне, как и положено нормальному мужику налево. Там больница, где мне, наконец-то, разрешат выйти на работу. Надоело отдыхать — честное слово. Случайно или опять по какому-то жуткому стечению обстоятельств, по пути встретил Евгения, того самого который меня знакомил с калужским маклером. Разговорились так, что забыл про время совершенно. Столько новостей, что аж дух захватывает. Но вовремя я спохватился. Пришлось попрощаться и пообещать зайти на днях. Всю недолгую дорогу думал — как же фигово без велосипеда! По идее тут идти-то сто метров, а всё равно, как-то не то. Дальше всё, больница...

— Да-с! — терапевт наконец-то прочёл триллер конотопского хирурга и решил по

этому поводу, высказаться, — удивили вы меня, молодой человек. Почему вы не соблюдает постельный режим? Как вы вообще смогли дойти до моего кабинета с хр-пр-мяу-май-тау (ну это мне так показалось, на самом деле он что-то произнёс на латыни, а я её не знаю).

— Мне кажется, — с лёгким нажимом, ответил я, — что меня хорошо вылечили. Никакого дискомфорта я не ощущаю. Чувствую себя превосходно. Пора бы и на работу выходить. Думаю, что с завтрашнего дня это будет в самый раз.

Удивлённую Исинбаеву в лице Катерины, я видел. Удивлённого милиционера в исполнении Собкина, тоже наблюдал. А вот теперь, увидел изумлённого до невозможности терапевта. Блин, такое ощущение, что перед ним сидит ожившая мумия фараона и разглагольствует про погоду на крайнем севере. У него глаза стали в два раза больше и слова неожиданно закончились, что русские, что латинские без разницы. Сидит, весь такой изумлённый, молча и потеет. Ну и чего-то там пытается изобразить своими руками. То ли собрать всё что лежит на столе и бросить мне в лицо, то ли просто собирает макулатуру чтобы её выкинуть. Не знаю точно, но я терпеливый, подожду чем закончится этот терапевтический затык.

— Гм! Кхе, — подал признаки жизни терапевт, — вы наверное шутите?

Пришлось подыграть этому медицинскому работнику:

— Вы правы, я очень люблю хорошую шутку. Но только, если она не про моё здоровье. И поэтому, ещё раз, внятно и без всяких задних мыслей, заявляю вам, что я здоров.

— Да? А вот в этих бумагах, я вижу совершенно обратную картину. Мур-мур-мур(опять что-то на латыни) брыжеечной артерии. Гав-гав-гав(опять латынь). Поэтому, чтобы внести ясность в ваш диагноз, вам придётся пройти более тщательное обследование в нашей больнице, — терапевт с ожиданием посмотрел на меня.

А я что? Мне на работу надо, поэтому согласился с этим фанатом латыни. Тот, тут же предложил мне снять рубаху, чтобы провести осмотр. Сначала, этот товарищ меня долго крутил из стороны в сторону. При этом заставлял поднимать, опускать и разводить в стороны руки. Несколько раз пришлось наклоняться вперёд, чтобы дотянуться пальцами рук до пола. Потом положил на кушетку и занялся шаманской практикой — стучал по моему животу и слушал, как он отзывается. Затем меня начали мять, пытаюсь, наверное, выдавить последние капли крови. Не знаю, чем бы это всё закончилось, но тут вошла какая-то женщина в медицинском халате. Скорее всего — какая-то медсестра. Она принесла кучу каких-то бумаг и общих тетрадей. Терапевт отвлёкся на неё, а я, воспользовался этим и быстренько оделся. Надоело мне быть куском глины — всё бока болят, блин. Мне никто не мешал. Перекинувшись несколькими словами с терапевтом, медсестра нас покинула. Довольный, повеселевший, излучающий вселенское счастье, от хорошо проделанной работы терапевт сел за стол и выписал мне кучу различных бумажек. Долго объяснял, как правильно сдавать всякие анализы и что лучше всего не делать перед этим действием. Посоветовал окулиста пройти в последнюю очередь, а вот хирурга наоборот первым. Заверил, что в пятницу, когда увидит результаты, он более точно поставит диагноз. А там и насчёт работы можно будет поговорить. А пока: никаких тяжёлых физических нагрузок, никакой жирной пищи, избегать прямых солнечных лучей, больше отдыхать и не делать резких движений. На этом и расстались. Вышел из кабинета с твёрдым убеждением — сейчас быстренько пробегу по кабинетам и никаких пятниц не будет. Завтра, максимум в среду всё закончится. Тоже, блин, придумали — до пятницы ждать! Нафиг-нафиг я так не могу. О! Кстати, расписание висит, надо бы ознакомиться.

Вот ведь попал! Я думал, что мои мучения с медициной закончились. Но, как оказалось, я глубоко заблуждался. Стоило только мне посмотреть на расписание приёма врачей и толпу людей сидящих в коридоре, как я понял, что на этой неделе я на работу не попаду. Фиг с ним, с этими врачами, но мне опять надо делать рентген брюшной полости. В Конотопе три раза делали и теперь здесь ещё раз. Они тут что совсем мух не ловят? Не в курсе, что рентген это та же радиация, а значит и радиоактивное облучение? Хотя, что я знаю про медицину в 1949 году. Может они до сих пор радием от ангины лечатся, как было в начале этого века. И чё мне делать? Все планы идут к чертям собачьим. Хотя... мне надо подумать и желательнее в спокойной обстановке.

Аккуратно свернув все бумаги, что мне выдал терапевт, я решил отправиться на стройку. Надо забрать велосипед и свой рюкзак. Да и время подходит к обеду. Встречу Марго и пойдём домой. А там будем решать, что и как, и в какой последовательности. Проходя мимо кабинета главврача(дверь почему-то была приоткрыта), я увидел знакомых, что стоя разговаривали с сидящим врачом. Это была та самая пара пенсионеров. Вот ведь! Может подождать и поговорить, на тему — что им от меня надо? А то, что-то слишком часто мы стали встречаться. Месяц, в конотопской больнице, избавил конечно меня от их присутствия. Но стоило только появиться в Калуге, как они тут как тут! Или ну их нафиг? Есть дела поважнее.

Не стал я никого ждать и, как можно быстрее, пошёл куда собирался — на стройку. Потом разберусь. Не до них сейчас. Попадутся на пути ещё раз, тогда точно никуда не денутся — ответят на все вопросы. Поэтому только вперёд, проблемы сами себя не решат. А чтобы они решались ещё быстрее мне нужен велосипед, поэтому путь у меня только один — на стройку. Вот и нечего тут думать — делать надо.

Иду, спешу, стараюсь добраться побыстрее, а мысли-то никуда не делись. На ходу думать конечно можно, но и смотреть по сторонам нужно. А то воткнёшься в какого-нибудь гражданина или гражданку, потом извиняться замучаешься. Про обследование в больнице, я почти забыл. Нафиг. Пусть идёт всё так как идёт. Спешить не буду. Потихонечку пройду всех врачей и сдам анализы какие надо, а всё свободное время посвящу решению основных проблем. Про задание пока молчу. Время до ноября ещё есть. Успею подготовиться. Тут другое вылезло — это долбаные фининспекторы! Пока я не убегу эту занозу, тёща спокойно ни о чём думать не сможет. Я надеюсь, что Собкин мне поможет разобраться с ними. Поймать их на даче взятки, а там пусть МГБ решает. Только Собкин, к взяткам, не имеет никакого отношения. Этим, если мне не изменяет память, должны ребята с уголовного розыска заниматься. Да и сомневаюсь я, что это действительно фининспекторы. Как вариант — может быть, но скорее всего ряженые какие-нибудь. А это, если удастся доказать, высшая мера наказания. Надо обязательно прямо сегодня поговорить с лейтенантом — он в этом деле должен разбираться. Заодно про мою награду может чего узнаю. Мне много не надо.

Незаметно дошёл до работы. Улицу Чичерина не узнать. Уже сейчас видно, что это будет одна из самых красивых улиц Калуги. Дома уже начинают отделять снаружи. Не все, но всё-таки. Красотища! Эх! А я, в этом, не принимаю участие. Болею, блин! Надо — надо быстрее выздоравливать. Тут история творится, а я пролетаю мимо.

Петрович был на месте. Обрадовался моему появлению. Чуть руку не сломал от избытка чувств. И шея теперь долго хрустеть будет. Обнял так обнял. Зато пыль всю из меня выбил, пока хлопал мне по плечам и спине. Нормально так встретились. Поговорили, поспорили,

чай только не успели попить. Обед начался. Я побежал искать Риту — это сейчас важнее, а с баталером прощаться не стал. После перерыва поговорим ещё. Главное, что велосипед стоит на месте и рюкзак никто не трогал. Я проверил, а заодно забрал оставшиеся деньги. Нечего им там делать. Тут обед намечается, а талоны мне выдать сегодня забыли. Буду как всегда выкручиваться своими силами.

Рита вышла вместе со всей бригадой из подъезда. Девчонки меня заметили первыми. Что сразу подтвердили криками:

- Риткин жених пришёл!
- Смотрите вон он!
- Хоть бы цветочек принёс!
- Где пропадал Вилор?!
- Рит, ты не ходи к нему.

А я и не в претензии. Женщины, что с них взять. Мелят своими языками, всякую ерунду. Нет, чтобы нас одних оставить, они наоборот своими криками толпу собирают. Но, как нормальный человек, я не смог не ответить. К тому же они, по моему, этого ждали.

- Привет красавицы! — крикнул я, — давно не виделись.

Дальше мне ничего не удалось сказать. Потому что Рита не стала ждать. Подбежала и, взяв меня под руку, потащила в сторону столовой. Правда, перед этим, обвела всех девчонок взглядом и громко сказала:

- После обеда поговорим!

Не, ну я как бы и не против прямо сейчас поговорить со всеми. Но ей виднее, наверно. После обеда — значит после обеда. А что? У нас тоже есть, о чём поговорить.

Всю, очень короткую, дорогу до столовой Рита мне рассказывала всякую всячину. А я просто шёл и балдел от всего этого. Как оказывается мало надо, для счастья. Пусть и минутного. Зато, я теперь в курсе, что она сегодня работает последний день. А в оставшиеся два дня, до первого сентября, ей многое надо успеть: уволиться, получить расчёт, доделать платье в котором она будет ходить в техникум и ещё куча всяких мелких дел — необходимых и нужных, как ей кажется. А я ничего не успевал сказать. Стоило только начать рассказывать о посещении больницы, как Марго тут же вспоминала, что ещё надо обувь на осень какую-никакую купить с расчёта и пальтишко с варешками. А и ладно. Пусть выговорится. Мы же с утра не виделись. Слава богу, что идти недалеко, да пришли уже, почти.

Обед в столовой, с просто знакомой девушкой или обед там же но, с почти женой — это две большие разницы. Утверждаю это со всей ответственностью! Я конечно согласен, что только после больницы и мне надо хорошо питаться, но не настолько же. Рита готова была мне отдать свою порцию, только бы накормить меня до упада. Всё бы ничего. Я бы съел, честное слово, но ей ведь ещё полдня работать. Так что пришлось пресекать эти поползновения. В общем: мы развлекались как могли изображая молодую семейную пару, пытаясь накормить друг друга. А народ вокруг, как сговорился и никто к нам за стол не садился. Зато наблюдали во все глаза. Ой! Сколько сейчас после обеда будет разговоров. Даже представить трудно.

Как и всё на этом свете, в какой-то момент еда на столе закончилась и пришлось закругляться. Хотя, как мне кажется, никто бы не стал возмущаться, если бы мы ещё остались. А что? Хоть какое-то развлечение людям. Телевизоров-то нету, а тут такое. Да-с...

На улице, не сговариваясь, дошли до аллеи где и расположились на одной из лавочек. Теперь можно и отдохнуть. Только бы никто не присоседился, а то всё настроение

испортится. Нам бы вдвоём побыть и чтобы никто не отвлекал. Вот тут пришла моя очередь рассказывать о посещении больницы. Вовремя сообразил и не стал ничего говорить о предположениях повёрнутого терапевта. Сам разберусь, если что, а Марго пусть лучше готовится к учёбе.

Нормально отдохнуть нам не дали. Как всегда не вовремя появился мой бригадир Шкато и моя наставница Бартолье. Блин! Ну ладно хоть эти. Хотя настроены они очень серьёзно. Посмотрим, что скажут.

Глава 3

Собкин был недоволен. Очень. И это прямо-таки читалось на его лице. Мало того, что я оторвал его от заполнения "любимых" документов, так ещё и предлагаю заняться не своим делом. Но это ничего. Пару минут подумает и подберет. Я бы и сам справился, но зачем? Когда есть специалисты.

Раз уж у меня появился велосипед, то перемещение по городу, теперь ограничено только свободным временем и моей выносливостью. Вот и решил я разобраться в первую очередь с этими непонятными инспекторами. Разберусь с ними, дальше будет легче. А кто лучше всего может мне помочь или, по крайней мере, посоветовать как это всё сделать? Только товарищ Собкин. Я больше вариантов не вижу. Вот и приехал к нему и всё рассказал. А он сидит и морду кривит недовольную.

— Вот умеешь ты, Вилор, — недовольно высказал мне Собкин, продолжая о чём-то думать, — найти приключение на голом месте.

— А что? — тут же ответил я, — стоять и смотреть, как будто бы ничего не произошло? Мне тёща нормальная нужна, а не истеричка. Которая только об одном думает, как бы в тюрьму не попасть.

— Да, тут с тобой не поспоришь, — всё так же задумчиво произнёс лейтенант, — Конкордия Прохоровна, чрезвычайно ответственная и немного нервная женщина. Если у ней голова будет занята не тем чем надо, всем вокруг не поздоровится. Я себя опять на бронепоезде почувствовал, пока тебя сватал.

— Во! А я о чём, — согласился с выводом лейтенанта я, а затем поинтересовался, — товарищ лейтенант, а вы что на бронепоезде служили?

— Да, было дело, — отмахнулся от меня Собкин и жестом показал на дверь, — иди-ка ты... к Катерине сходи. Может она, тебе мозги на место вправит и объяснит, чем должен заниматься нормальный жених. Вместо того, чтобы искать приключений на свою простреленную задницу. Мне тут кое с кем по телефону поговорить надо.

— А чего это, у меня задница простреленная? — натурально возмутился я, — у меня живот ножом проткнутый. Откуда здесь задница взялась?

— Иди-иди, — опять махнул рукой Собкин, — там и спросишь, чего и когда тебе прострелили. Поговорите, обсудите и может, наконец-то, поймёте, что тут отдел милиции, а не клуб девиц и юношей с предсвадебной горячкой. Она там тоже, вся в заботах — к свадьбе готовится. Вот и поможете друг-другу. Иди, дай поговорить уже!

— А чего сразу я? — уже картинно и ненатурально возмутился я, — это Риту сюда надо. Пусть обе сидят и делятся своими мыслями друг с другом. Я-то тут при чём? Мне, вообще, жениться закон не разрешает. Так что это всё без меня.

Вот это поворот — Катерина собралась замуж! Если за моего деда, то я только за! Это значит, что я всё правильно рассчитал! Эх! Как же хорошо! Только одно меня печалило — насчёт награды, я так и не поинтересовался. Очень хотелось, но не в этот раз. Больно Собкин, как-то неадекватно отнёсся к моему рассказу. Но он, я надеюсь, потом, когда всё успокоится, разъяснит мне все нюансы и возможные шансы на получение, каких-нибудь наград.

Кабинет, где находится архив, я мог найти с закрытыми глазами. Да и фигли его искать?

Дверь с табличкой, по моему, единственная в этом помещении была свежепокрашенная и вообще, какая-то чистенькая и аккуратная. Сразу видно, что тут обитает женщина. В отличие от некоторых. Вот когда она все это успевает? Пусть теперь только хоть слово скажет, что работы у неё много. Мне есть чем ей ответить. Дверь она красит, вместо того чтобы работать! Ух! Хе-хе... Довольный, как не знаю кто, я, без стука влетел в кабинет.

Ну меня этим уже давно не удивить. К виду удивлённой Исинбаевой, я давно привык. Только всё-таки, в этот раз, Катерина была немного другой. Помимо удивления, присутствовало еще и то, что отличает счастливую женщину. Я даже прервался от дружеских обнимашек, чтобы рассмотреть получше. Улыбка, сияющие глаза и та самая аура женщины, которая живёт полноценной жизнью. В общем, я всё понял — передо мной была изумительно счастливая Исинбаева!

В мгновение ока, на столе появился чайник, блюдечко с кусочками сахара и горка домашних сухариков. Правда с чайными чашками вышла промашка. В наличии была всего лишь одна штука. Из неё пила сама Катя, а мне пришлось удовольствоваться алюминиевой солдатской кружкой. Но это не беда. Мне не привыкать. Чтобы хоть как-то прервать молчание и немного подколоть Катерину, я сказал:

— Ну вот, а ты не хотела идти к моему де..., гм, деловому партнёру жить. Видишь как всё удачно получилось.

— Ща получишь! — Катерина сделала вид что-таки сейчас меня ударит, — удачно у него. Мелкий ещё, на такие темы разговаривать.

— Чего это мелкий? — я сделал удивлённое лицо, а потом с вызовом закончил, — у меня, между прочим, свадьба скоро. С Ритой!

Ну и понеслось. Господи, лучше бы меня Собкин допрашивал, чем эта... любопытная женщина. Блин, такое ощущение, что она тренировалась в подвалах НКВД. А я ведь, знал её совсем другой — умной, немногословной, рассудительной и отзывчивой девушкой. Настоящей комсомолкой и хорошим товарищем, а теперь?

Но всё когда-нибудь заканчивается, так и у нас с Катей закончился чай, а значит снизился поток вопросов. Я выложил всё! Блин... Вот я тупень, сейчас ведь Катя ринется к Собкину и не слезет с него, пока он ей не разрешит участвовать в операции с фининспекторами. Хотя никаких разговоров, по поводу каких-либо операций, у нас с лейтенантом ещё не было. Но Катерина будет настаивать и это точно. А если Собкин согласится? Меня же дед Николай убьёт! Если узнает, конечно. Он походу втюрился, в эту архивную работницу, как не знаю кто. А-а-а! Я всегда подозревал, что он подкаблучник! А ещё Кенигсберг брал, точнее участвовал в штурме. Блин! Что делать? У меня и так дел дофига, а тут ещё и это.

— Кать, тебе большой привет! — прервал я молчание, надеясь на то, что удастся отвлечь Катерину от всяких ненужных мыслей, — представляешь, встретил Исипову и Сергачёва. Про тебя спрашивали.

— Увидишь их ещё раз, — поглядывая на дверь и чего-то там выдумывая, ответила Катерина, — передавай им тоже.

— А представляешь, — я снова попробовал отвлечь девушку, — они меня хотят отправить в Москву. Там в горкоме, оказывается, без нас калужан ничего не могут сделать. А один Ерасыл не справляется.

— Чего? — наконец-то выпала в реальность Катя, и узнаваемо уперев руки в бока, начала выносить мне мозг, — какая Москва? Ты обалдел что ли? Тебя из дома на секунду

отпускать нельзя, сразу в драку лезешь! В Москву, как человека отправили с поручением, так и там подраться успел. Про всё остальное, говорить не буду! Да я прямо сейчас пойду в Калужский горком комсомола, чтобы разобраться. Да ты же раненый! Как они так могут?!

— Всё-всё-всё успокойся, — теперь мне пришлось вскакивать и пытаться усадить Катю на место заодно быстро говорить всякую всячину, чтобы отвлечь, — это только предложение. Ответ надо дать в пятницу. Но я точно знаю, что никуда не поеду. Там есть кому решать. Крапивин тот же, чем не командир? Я верю, что Ерасыл тоже легко справиться без меня.

Вот ведь неугомонная! Чего опять-то завелась? Никуда я конечно, не поеду. Меня Рита не отпускает. Нет, конечно же, решение всё равно принимать мне. Но я с Марго согласен — нечего мне там делать. Я уважаю и Сергачёва, и Исипову. Даже благодарен им за поддержку. Но как бы они не старались, в Москву, в ближайшее время, я не поеду. У меня столько проблем, что голова кругом идёт. А они тоже хороши — подошли к нам, когда мы сидели, на лавочке в компании с бригадиром и моей наставницей — обсуждали мою аттестацию, и начали агитировать за поездку. Нашли время! Разругались все со всеми. Рита меня защищает, Сергачёв на мою сознательность давит, Исипова обещает золотые горы, бригадир Шкато орёт о аттестационном экзамене, моя наставница громко молчит, а я делаю вид что мне резко поплохело. В общем — мне дали время на подумать до пятницы. А Марго, всё оставшееся время до конца перерыва, говорила что никуда меня непустит. Маша её поддерживала. Шкато вообще обещал дойти до исполкома области. Так что — нафиг! Не поеду! Что и озвучил Катерине. Она вроде как задумалась. Но я-то знаю эту комсомолку. И знаю, что эта тишина, неспроста. Ща чего-нибудь придумает такое, что мне точно не понравится.

Минут пять прошло в молчании. Потом, взгляд Катерины приобрёл осмысленность и она уже набрала воздух, чтобы что-то сказать. Но тут в кабинет ворвался Собкин.

— Слушаем все сюда, — начал он свою речь, — два раза повторять не буду...

Если вкратце, то весь этот его спич сводился к одному основному и единственному приказу или действию, кому как нравится называть. То есть — ни я, ни Катерина в районе дома Марго не появляемся, ни в коем случае, по крайней мере два дня, если не хотим нарваться на серьёзное наказание, вплоть до расстрела обеих самым жестоким образом. Всё! Но это так коротко в моём исполнении, а вот товарищ лейтенант растянул это действие на пятнадцать минут. При этом не забывая стучать по столешнице кулаком, каждый раз когда уточнял что-то. Получилось очень доходчиво. Я проникся ответственностью и важностью, но остался при своём мнении. А оно очень простое — фиг кто мне запретит встречаться с Ритой!

После небольшой паузы, чтобы мы с Катей поняли важность момента, Собкин добавил:

— Этим делом будет заниматься Управление БХСС по Калужской области. А это — сами понимаете... — и показал указательным пальцем вверх, — да, и ещё Вилор, с Конкордией Прохоровной я сам поговорю. В дом к ней не лезь! И Риту провожай только до калитки. Понятно?!

Я согласно кивнул головой. Довольный результатом Собкин вышел из комнаты. Но, не успели мы с Катей что-то сделать, как дверь наполовину открылась и в комнату заглянул лейтенант. Взгляд его был красноречив. А слова, очень убедительны:

— Я вас предупредил. Не дай бог, я кого-то увижу рядом с домом Конкордии Прохоровны, лучше сами застрелитесь!

Вот это нифига себе поворот?! Это чего же я такое опять, на свою задницу, раскопал? Управление БХСС — это про что? В моё время было ОБХСС, а это хоть и похоже, но только несколькими буквами. Опять одни вопросы и, как всегда, без внятных ответов.

Лейтенант окончательно исчез, а мы с Катей продолжали сидеть и молчать. Первая очнулась Катерина и сразу в лоб:

— Вилор? Что ещё я не знаю?

— Кать, ты чего? — спросил я, удивлённый до невозможности.

— Я таким Собкина никогда не видела, — смотря на меня, задумчиво произнесла Катерина, — обычно он мало говорит, а тут целую речь произнёс. Да и угрозы, я впервые от него слышу. Ты точно, что-то от меня скрыл! Давай признавайся, тебе же лучше будет.

Никогда не замечал у Катерины таких дедуктивных способностей. Чего бы это она такая подозрительная стала?

— Кать, я всё тебе рассказал, — уверенно произнёс я, — а вот, что там товарищу лейтенанту в голову взбрело, я не в курсе, совсем.

— Ладно, — мне показалось, что Катя это произнесла с сожалением, — в этот раз поверю. Ты давай повнимательнее и Рите ничего не говори. Раз уж такие дела.

— А когда я ей успею сказать? — спросил я, и рассказал про сегодняшний вечер, — она сегодня решила полный день отработать. Потом всей бригадой пойдут в столовую. Отмечать окончание практики будут и увольнение заодно. Ну там чаю попить с пирожными. Мы с ней как-то забыли договориться, во сколько её прийти встретить. Буду её возле дома ждать.

— Это ты правильно придумал, — похвалил меня Катя. Но, не вздумай в дом зайти. Собкин злой и может выполнить своё обещание, если увидит вас вдвоём там.

— Ну Кать?! — возмущился я, — не дурак вроде, понимаю всё.

Дальше у нас разговор как-то не задался. Мы ещё минут десять поболтали о всяких мелочах, а потом расстались. Уже в коридоре, я посмотрел на часы. Ничего себе? Полчетвёртого. Это я тут почти два часа нахожусь. Обалдеть! А показалось что прошло минут сорок не больше. Образовалось свободное время этим надо воспользоваться. И тут же другая мысль — столько дел предстоит сделать, а с чего начать не знаю. Надо бы в мастерскую заехать, что ли? Раз уж время свободное есть.

Так ничего окончательно не решив, я сел на велосипед и просто прокатил по прямой от вокзала. Может ко Льву заехать? Так время-то ещё рабочее — где мне его искать? А он бы мне пригодился. Парень, конечно, сам себе на уме, но именно это хорошо. Ладно, с ним попозже решу.

Когда проезжал под Брянским мостом, план на сегодня окончательно сформировался. И большую роль в этом сыграло море свободного времени, которое появилось у меня из-за этой медкомиссии. Решено — буду обустривать наше будущее жилище с Ритой. Ну то есть свой дом. Пора уже этим заняться. И для начала купить какую-никакую кровать что ли? Или самому что-то такое изобразить из подручных материалов. Это всё решаемо, но для начала нужно посетить рынок. Может там что-то найдётся.

Рынок у водонапорной башни меня не порадовал ничем. Не тот формат, как будут говорить в будущем. Здесь в основном сено, солома, отруби и ещё много всякого этой направленности. Не, есть и пирожки с молоком, и разного рода одежда с обувью, но мне это не интересно. Так что я посмотрел и поехал дальше. Мне до мастерской чуть-чуть осталось. А там, даже не знаю, как оправдываться. Второй раз и забираю заказ с задержкой. Ладно, разберусь, а в случае чего и извиниться могу, язык не отвалиться.

Михаил Михайлович Лепесток самозабвенно колотил молотком по какой-то железяке. Даже не охота было его отрывать от такого важного дела. Но я всё-таки улучил момент и подошёл к мастеру. На удивление этот ответственный человек ни слова не сказал мне в упрёк. Даже скорее наоборот, отнёсся с пониманием. Оказывается, он посылал своего человека, который ходил на стройку и спрашивал про меня, а там ему объяснили, что я в командировке. В общем никаких обид нет и растворомешалку я могу забрать в любой момент. Ну, хоть одна отличная новость. Испытания решили провести прямо во дворе. А что? Других мест рядом не было. Можно было, конечно, на улице это всё сделать, но как мы помним — кругом просто необъяснимое количество советчиков. На фиг они нужны со своими советами? Мы сами себе советы можем давать, зачем нам чужие?

Я пару раз обошёл вокруг агрегата. А что? Ничего так смотрится. Два шкива, е пропорции один к трём и ременная передача смотрелись, даже на первый взгляд, вполне надёжно. Сама ёмкость была грушевидной формы и была сделана из тонкого листового железа. С ручкой, за которую надо было крутить этот механизм, мастер перестарался. Он её заполировал до блеска. Ладно, лишь бы работало, а там посмотрим.

Вместо сухой смеси в растворомешалку загрузили несколько вёдер речного песка. А если быть точнее, то, для начала засыпали три вёдра, а это тридцать шесть литров или пятьдесят с лишним килограмм. Крутить вручную было непривычно но, вспоминая калымы в "лихие девяностые", мне неожиданно понравилось. Если бы у нас, в то время, был такой агрегат, то насколько бы нам было легче. Да-с... По идее, можно было загрузить ещё пару вёдер, но меня устроил и этот результат. Нафига перегруз нужен? Будет через край пересыпаться, в момент замеса. Нет уж, нам и этого достаточно. Кстати, хорошее количество получается! С одного замеса выйдет пятнадцать кирпичей — плюс-минус одна штука. Точно можно будет сказать, когда дома буду пробовать.

Минут десять потратил, на уточнения всяческих мелочей. Например, как регулировать натяжение ремней? Где и чего смазывать, чтобы растворомешалка работала долго и надёжно? Ну и так небольшие технические вопросы. В качестве бонуса мне опять подогнали телегу с водителем лошадок. Лошадь тоже была. Та же самая! Спокойная и инфантильная. В общем, к моему дому мы этот агрегат доставили без проблем. Так же, как и в прошлый раз, я угостил человека чаем. В процессе питья этого напитка мы наконец-то познакомились. Степан Степанович — заслуженный человек, между прочим. Работает в типографии газеты "Знамя" с тех пор, когда она ещё называлась "Коммуна". Помнит как Калугу посещал Демьян Бедный. Чуть ли не на память воспроизводил его фельетоны «Вольная торговля» и «В Калуге», направленные против спекуляции и частной торговли. Интересный короче человек и работа у него ответственная — развозить тираж по почтовым отделениям и в ближайшие колхоз, и в совхозы тоже. Да и всякие другие поручения от редакции выполняет. А в свободное время подрабатывает частным извозом, за копеечку малую. Да-с...

Я тоже про себя рассказал. Не всё конечно, а так — урезанную версию. Немного о родителях, о детдоме, о эвакуации и как в Калуге оказался в общем. Потом про этот дом рассказал. Посетовал, что дом хороший, а спать не на чем. Поделился проблемой так сказать. А Степаныч неожиданно возбудился, если можно так выразиться. Начал мне рассказывать о новой калужской фабрики "Аккорд", где изготавливают пианино. Я поначалу даже возмутился — на фиг мне пианино? Мне спать негде, а не музыку играть! Но этот мудрый водитель лошадок, мне всё быстренько объяснил. Оказывается, на этой фабрике, один очень умный пленный немец, начал производство пружинных матрацев. Не сам,

конечно, а с помощью нашей столярной артели. В общем, он им немчурскую технологию показал, а наши уже подогнали под советские реалии и материалы. Но что-то калужане не горят желанием покупать эти матрасы. Цена уж больно высока. Один полутораспальный матрас стоит как четверть пианино. Хорошо, что у артели есть чем заниматься помимо матрасов, а то бы разорились нафиг. В общем, есть вариант купить быстро и сразу довести до места, за вознаграждение. Чуть не заорав: — "Где ты был раньше старый?!" — я вскочил и начал собираться за покупкой. Пофиг сколько этот матрас стоит — куплю два!

Так уж сложилось, что я знал про эти матрасы. Не очень много, но достаточно чтобы составить своё мнение. Потому что лично участвовал в перепланировке административного здания этой фабрики. А там было множество старых плакатов в различных кладовках и подсобных помещениях. Среди многих стендов посвящённых выпуску пианино и технике безопасности, были и про эти матрасы. Только, почему-то мне казалось, что они были более позднего времени. Но если такое дело, то в путь и немедленно. Какая разница в каком году делают эти изделия? Главное это качество! За калужскими матрасами выстраивались в очередь. Их продавали по записи. Но это будет чуть позже, когда народ распробует и оценит удобства.

Степаныч ни слова не сказал. А вот лошадка тормозила и её можно понять. Вози этих неугомонных по калужским улицам, которые то в горку, то с горки. Не очень она обрадовалась нашему путешествию. Но, куда ей деваться? Против вожжей не попрёшь! Сказали вперёд, значит скачи как молодая и не ржи!

Как не удивительно, но мы приехали вовремя. Артель ещё работала. И мне, даже, краем глаза, удалось увидеть того самого немца, который следил за соблюдением технологического процесса. Немец как немец, ничего такого выдающегося. Если бы не знал, то и не понял бы в чём отличие. Человек, две ноги, две руки. Может более чистый внешний вид? Хотя, какая разница!

Матрасы действительно были отличные. А я и не сомневался. Это позже, может быть, качество упадёт, а сейчас, под присмотром немчуры, придаться не к чему. Ровные, без выпирающих частей, упругие и обтянуты крепкой тканью. Взял, как и хотел две штуки. А что? Пригодиться. Тёще тоже где-то надо спать, если, не дай бог, придётся скрываться от правосудия и уходить в подполье.

Назад вернулись, когда уже смеркалось. Степан Степаныч помог занести матрасы в дом. Там я с ним и рассчитался. Да и недорого он взял.

Была у меня мысль — показать ему печатный станок, что стоит в подвале. Но, немного подумав, я отказался от неё. Ну нафиг! Там у меня, помимо станка, куча всякого, не совсем законного. Зачем ему это видеть? Может попозже, ещё и решусь, но точно не сегодня. В общем распрощались нормально. Ему ещё до конюшни, через полгорода тащиться, а потом и техобслуживание гужевого транспорта проводить. Это я у себя дома. А впрочем справится, не впервой ему. Я так думаю.

Время близится к девяти часам вечера, а я валяюсь на мягком матрасе прямо на первом этаже в кухне. У меня тут места много. Два матраса поместились влёгкую и даже место осталось, для чего-нибудь. Ноги, да и всё остальное тело, приятно ломит, как после хорошей тренировки. Аж лень шевелиться и чего-нибудь делать. Надо бы конечно выйти и пройтись в сторону дома Риты, проверить пришла она или нет. Я ей доверяю, конечно но, в нашей жизни, чего только не бывает. Да и перекусить чего-нибудь не помешало бы. Блин! И ведь не подойдёшь близко. Обещал как-никак. Хотя, мне тоже много чего обещали. Только

результатов пока не видно.

Спорить с собственным организмом это дело бесполезное. Привык он, в последнее время, кушать нормально и по строгому графику. Разбаловала его больница Конотопская. А тут вам не там, тут, чтобы покушать, надо полчаса до столовой педали вращать. Решено, еду в столовую, только по хитрому маршруту. Так чтобы проехать мимо дома Риты. Хоть посмотрю издали — как там и что?

Хорошая сегодня погода. Тепло и ни грамма не душно. С речки тянет прохладой, что прямо-таки в тему. Иду, борюсь с собой, но, как ни странно, получаю огромное удовольствие. Я, наверное, со всеми этими приключениями превратился в адреналинового маньяка с мазохистскими наклонностями. А что? Другой бы лежал дома, на матрасе и никуда бы не пошёл, в таком-то состоянии. Но я же не он! Чего-чего, а морить голодом я себя не намерен. Да и Рита, а точнее её местонахождение, меня очень интересует.

Мимо знакомого дома прошёл как можно медленнее. На первый взгляд, никаких изменений и каких-либо отличий я не заметил. Это с одной стороны радует, а с другой настораживает. Всякие вопросы в голову лезут, ненужные. Чего это вдруг так тихо вокруг? Может всех уже арестовали? Или чего похуже? Прямо аппетит пропал, ненадолго. Хотел уже остановиться и всё-таки постучать в дверь, чтобы разобраться. Но не решился. Обещания надо выполнять, чего бы это не стоило.

Короткий свист из кустов, что на повороте, заставил меня остановиться. Кто это тут такой музыкальный?

Глава 4

Хорошо меня подлечили в Конотопе. Никаких болей, никаких неудобств и, даже, шрам на пузе ведёт себя нормально. Сегодня с утра решился на хорошую разминку. Чём чёрт не шутит, а вдруг действительно удастся подтянуть свою форму до той что была перед ранением? Я бы не против. Надоело жиром трясти. Надо его в мускулы перетапливать.

Никогда не увлекался восточными практиками. Но понятие о них имел. Ни с того ни с сего, сегодня с утра решил попробовать, что-то изобразить в этом стиле. А что? Посещал я, в своё время, с очередной замороженной начальницей и почти всем составом нашей строительной конторы курсы интенсивной релаксации. Называлось это — курсы "Чихуан". Если начальник платит, то почему бы и не сходить. Халява! Мы ещё ржали в полный голос над названием. Строили разные предположения — что это за курсы такие? Может собачек надо будет гладить или гулять с ними. Очень уж похоже на название собачьей породы чихуахуа. Оказалось полная фигня с этой релаксацией. Не действует она на строителей. Но упражнения, что нам предложили выполнить, в процессе занятия, как ни странно, были интересными. Вспотели все и не по одному разу. Вот и повторю. Попробую по крайней мере. Там ничего запредельного нет. Сказали же — избегать больших физических нагрузок, вот и буду следовать предписаниям. А потеть, мне никто не запрещал, между прочим!

Занимаюсь, никому не мешаю, потею как слон бенгальский. Хорошо мне. Участок на берегу Оки условно мой, поэтому что хочу то и делаю. Мысли всякие приходят и тут же уходят. Воспоминания, хорошие и не очень, лезут туда же. Например, вчерашний вечер с поздним ужином вспомнился. Ничего особенного, а вспомнил всё до мелочей...

Свист из кустов раздался неожиданно. Я остановился и присмотрелся. Какое там! Ничего не видно из-за листвы и веток. А вот вопрос, хоть и заданный шёпотом, я услышал превосходно:

— Какого... тебе же сказали здесь не появляться?

Я тоже не стал выделываться и ответил, в той же манере, таким некультурным кустам:

— Пожрать мне не запрещали! А вертолёта у меня нет, чтобы над дорогой летать. Дорога здесь одна!

А вот дальше было некультурно, хоть и шёпотом. Даже вспоминать неохота. Я не удержался и задал тот самый вопрос, который меня мучил, просто чтобы успокоиться окончательно:

— Рита пришла?

Ещё порция всякого рода ругательств, произнесённых шёпотом и, наконец, та фраза, что я ждал:

— Дома давно. Беги отсюда!

Теперь-то можно и бежать, почему бы и нет?! Меня в столовой ждут хорошие и работающие женщины, которые любят свою работу. Они меня накормят без вопросов и разговаривают они нормально, не шёпотом. Но напоследок я напомнил кустам шепотом.

— Назад буду возвращаться здесь же. Так что не застрелите ненароком.

Кусты ответили молчанием. А мне пофиг! Счастливый, что всё нормально с Марго, я долетел до хлебозавода за рекордный срок. Там, в столовой, ни в чём себе не стал отказывать. Плотно поел и понабрал всякой всячины на завтрак. А что? Имею право. Мне

только жирную пищу нельзя, а всё остальное можно. Домой возвращался сытый и довольный. Проезжая мимо разговорчивых кустов, я не удержался и громким шёпотом попросил:

— Не стреляйте это я!

Молчание в ответ, я принял за безоговорочную капитуляцию. Настроение поднялось ещё больше. Спал, на новом матрасе, как младенец...

Закончив упражняться я просто стоял и смотрел на реку. Времени у меня много. Эта неделя, за исключением посещения врачей и сдачи анализов, полностью свободна. Чем бы заняться? А кстати, мне сказали — не появляться у дома Риты два дня. А с какого надо начинать считать — с сегодняшнего или вчерашнего? Вот ведь вопрос, на злобу дня, да?

Ладно. Раз уж ближайшая местность находится под контролем непонятно кого, мне можно заниматься только разрешёнными законом делами. В подвале делать нечего, не дай бог кто-то придёт и увидит, что там находится. Значит начинаем благоустраивать дом. Это вполне законно и ни у кого не вызовет ненужных вопросов. А подвал подождёт чуть-чуть. Начну пожалуй с печки. Работа знакомая и всё, что для неё нужно, у меня есть. Но, для начала завтрак и кто-то один из специалистов в больнице. А вот потом можно и поработать.

Нет, в таком состоянии, я не готов, что-либо строить, а уж тем более печь ставить. Увольте, но мне необходимо успокоиться. Ну или пожрать для начала, а там уже посмотрю — что и куда? Кто б мог подумать, что сначала мне офигительно повезло...

Я был всего лишь седьмым в очереди. Время ожидания пролетело почти незаметно. Я в уме вспоминал схемы, порядовки, раскладки и другие нужные вещи, которые пригодятся при устройстве печки. Так что всё шло нормально, пока я не зашёл в кабинет к хирургу и не положил ему на стол направление от терапевта. Это было незабываемо с самого начала. Особенно, когда хирург внимательно изучил всё, что было написано в бумаге.

Первым делом у меня спросили, чего бы это я, не в инвалидной коляске, а совсем даже пешком передвигаюсь. А я, при всем своём опыте, сначала даже как-то растерялся, не зная что отвечать. Не ожидал именно такой постановки вопроса. Пока соображал как ответить, чисто на автомате, выполнял команды хирурга — раздеться, лечь на кушетку, дышать, не дышать. А дальше, вопросы, сами собой, вылетели из моей головы. Хирург с непостижимой скоростью нажимал, на различные места, по всему моему телу. При этом он постоянно уточнял мои ощущения, после каждого нажима: — «Болит? Не болит? Больно? Не больно? А как болит? Прямо вот тут? Точно не больно? А здесь? А тут? А вот так? О! Интересно! Надс будет посмотреть анализы. Рентген покажет точнее. Хм!» — и так минут двадцать.

Терапевт, даже рядом не стоял с этим мастером тыкать пальцами куда не попадая. Это не хирург, а живое воплощение швейной машинки Зингер. Тем более, куда там конотопскому эскулапу, против этих двоих — так, "шарашкина контора" и слёзы зависти во всё лицо. Эх-ма! Хорошо, что я жирку успел накопить, валяясь на больничных койках и питаюсь по самой лучшей категории. Иначе, сейчас бы был весь в синяках. А так, вроде ничего и не болит нигде.

Пять минут я отдыхал, потихонечку одеваясь, стараясь чтобы на меня не обращали внимание. Но, не свезло. Хирург начал выдавать предварительный результат обследования. Причём делал это с видом прокурора конституционного суда, подкрепляя свои выводы, какими-то, только ему понятными, латинскими словами и выражениями.

Если убрать из его речи весь латинский мусор и другие специфические слова, то получается, что он будет настаивать на полноценном обследовании и последующем лечении

в стационаре. А вот решение, о моей трудоспособности, должна принимать специальная комиссия, после моего посещения санатория с какой-то жутко полезной минеральной водой.

Эта словесная экзекуция длилась минут двадцать. Я слушал молча, потому что не знал, какими словами и чем вообще, в этом случае, можно возражать. Слушал врача и чувствовал себя оплеванным с ног до головы. Это что — опять инвалидность? Опять невозможность заниматься своим любимым делом? Как так-то? Я же здоров! Я прямо сейчас могу сделать то, что этот учёный хрен не сможет ни за что и никогда! Да я сейчас этот стол переверну нафиг одной рукой! Ща эту кушетку переломлю одним ударом! Да я им тут такое устрою... Еле удержался от того, что бы всё это не воплотить в жизнь. Вот ведь гад, довёл! Хорошо всё-таки иметь огромный опыт прежней жизни. Такое моё поведение, как реакция на слова врача, ничем хорошим закончиться не могло. Наоборот, скорее всего, меня отправили бы в психушку. Что в моём положении — конец вообще всего! Так что молчим и слушаем дальше. Потом подумая над каждым словом и разберусь что делать.

А хирург, между тем, продолжал нагнетать. Он уже спланировал мою жизнь на год вперёд:

— Всего годик вы побудете под нашим наблюдением. Полечитесь хорошенько и отдохнёте месяца три, а потом на работу пойдёте. Поработаете где-нибудь на производстве без больших физических нагрузок. А там мы опять соберём комиссию. И глядишь примем решение о полной трудоспособности.

Вот сука! Он же меня без ножа режет. Хотя, чего я переживаю? Всё что он говорит это только его мысли. Заключительное слово даст терапевт. И он же будет принимать решение. А это будет в пятницу. У меня есть время и возможность прекратить этот бардак и фарс одновременно! Ещё посмотрим, кто прав и чем это грозит.

Сохраняя спокойствие и ничем не показывая, что я в бешенстве, взял прямо из рук хирурга, исписанный листок с заключением. Попрошался. Улыбнулся и вышел...

Теперь стою во дворе больницы и весь киплю от возмущения. На фиг! В столовую! Там, и только там, можно привести свои нервы в порядок. А потом на речку и в воду. И фиг с ним, что не сезон. Мне не привыкать. Где и когда я только не купался! Зато все заботы и дурные мысли убегут вместе с мурашками по телу! А ещё лучше в баню завалиться! С пивом и девками! Стоп! Это уже никуда не лезет! Какое нафиг пиво? Какие к чёрту девки? У меня есть Марго и чайник с чаем во дворе, и печку надо делать. Всё! Отпустило. Уф!

А похолодало на улице! Так-то сразу незаметно, но стоило проехаться немного, как пробрало. Утром только было нормально, а вот нате вам. Ветер, скорее всего, поменялся на северный и солнышко скрылось за тучками. Надо было тельняшку под гимнастёрку пододеть. Осень скоро наступит. Первое сентября через два дня. Да-с... А время-то сколько? Вот ведь! Пуговицы на рукаве гимнастёрки не расстёгивались. Да что ж такое-то? Наконец высвобождаю часы из-под рукава гимнастёрки. Одиннадцать часов всего? Это ж как мне надо было мозги загрузить, что я потерялся совсем?

— Слышь, верзила, дай на велике покататься!

Оборачиваюсь, на приветливо-угрожающий голос. Оп-па на! Трое пацанов моего возраста, может чуть постарше, и довольно плотных, в смысле телосложения, но ростом пониже. Один светлый и два тёмненьких. Двое в рубахах, а один в футболке. Один босиком. Один в сандалях. Третий в парусиновых туфлях. Все в кепарях и с папиросками в зубах. Один подкидывает в руке, что-то блестящее — сразу не поймёшь что. Видимо какая-то разновидность кастета или свинчатки, а может и ещё чего. Голь, как известно, на выдумки

хитра. Этого мне только не хватало! Чё они вылезли-то, посреди рабочего дня?

Мне только драки не хватает, для полного счастья, блин. Это всё хирург виноват! Расстроил меня своими дурацкими планами, а никакого успокоительного не прописал. Я же могу сорваться и нарушить своё обещание не драться. Нет, конечно, можно попробовать убежать, поджав хвост и оглядываясь. Но лучше по шее получить, чем отступить. К тому же, пар спустить, я никогда не против. Только надо правильно это всё подать, чтобы ко мне претензий потом не было. Да и стою я неудобно — ноги враспыху и велосипед между ними. Надо как-то встать поудобнее, а для этого сначала поговорить. Отвлечь внимание — так сказать. Начну я, пожалуй, с предложения:

— Так, душнилы, пока я не слез с велосипеда, у вас есть шанс убежать и остаться целыми.

— Храбрый, да?! — спросил светленький.

— Чего это, мы душнилы, а? — возмутился босой.

— Пацаны, а чё он сказал? — поинтересовался тот, который в футболке.

Пока ребята играли в интеллектуальную игру "Что? Где? Не понял?", я одним махом поменял положение тела и ног. Велосипед упал на траву, а я приблизился на расстояние, которое можно назвать удобным для атаки. Нафиг я, теперь, буду с ними разговаривать? Меня и так трясёт от переизбытка адреналина. Тело подростка — что тут скажешь и ничего с этим не сделаешь. А ведь всё началось с этого долбанного хирурга! Из-за него у меня настроение ниже плинтуса. Ещё и слово придётся нарушить. Я же обещал не драться...

— Ну! — резко спросил я, хлопая ладонями перед лицами хулиганов, — считаю до трех. Кто не спрятался я не виноват! Два, уже!

Тут главное напор и не давать думать. В таких случаях помедленнее это заведомый проигрыш. Что, собственно, и получилось

— Три! — рявкнул я во весь голос. Все трое отшатнулись, немного, на полшага всего. Ошиблись ребята — надо крепко стоять или нападать. А я воспользовался этой секундной заминкой. Ткнул, носком туфли, под коленку парня с какой-то блестящей фигнёй (незнакомое оружие может быть опасно!) и продолжая движение, бью слева, боковым в скулу, стоящего рядом чёрненького. Нормально пошло — упали оба. А третьего просто, двумя руками, толкаю в грудь. И этот на попе. А что? Картина эпохальная — три борзых малолетки в разных позах валяются на земле. Все живы и в разной степени поврежденности. Надо бы добить, но как-то стрёмно это. Фиг его знает, что? Вроде, только что хотел отоварить этих дебилов по полной программе, а теперь, даже, как-то жалко их, что ли. Какой-то я жалостливый становлюсь. Они бы меня не пожалели. Но, всё равно, как-то нехорошо. Чувствую себя, каким-то антигероем — победителем малолеток. Справился с мелочью, да? Они же ничего не умеют, кроме как толпой на одного. Тьфу, блин! Надо бы дожать их, что ли? Но только словами:

— Так, удода! Слушаем меня! По моей команде, подпрыгиваем и летим на "железку". Знаете где это? — всё трое мотнули головами, соглашаясь, — хорошо. Там находите рыжего Лёву. Всё ему рассказываете, а он решает что с вами делать. Понятно! — опять кивок трёх голов, — Ну тогда... Фигли сидим?! Бегом, бегом, марш!

Наверное, они всё-таки какие-никакие, а друзья. Вон, один бежать не может, а они ему помогают. Да и ладно. Мне-то что с того? Хотя, о чём это я? Очень даже того! Организм пришёл в порядок, в момент маленького конфликта. Подстроился под обстановку и прекратил бороться сам с собой. Выдал результат и теперь требовал пищи. А ещё, я уже не

хочу никаких выяснений с хирургом. Пусть всё идёт так как идёт. Не будет у меня никакой инвалидности. Я в этом уверен. Я им гопак вместе с брейк-дансом станцую, во время комиссии. Фиг у них что-то получится!

Что-то очень легко у меня получилось справиться с ребятами. Не ожидал я такого. Думал, что окончательно растерял форму. Но, как оказалось, есть ещё порох в ягодицах, и ягоды в пороховницах. А что? Вон шутки шучу. Да ещё и над самим собой. Значит я пока ещё человек, а не придаток к велосипеду. Всё просто. А насчёт этого эпизода с попыткой наехать на меня, то, как я думаю, пацаны не уголовники, просто дворовая шпана. Решили что их больше, а значит всё можно. Вот и получили. Был бы среди них, кто-то из матёрых уголовников, я не думаю что мне бы удалось так легко отделаться.

С такими невесёлыми, но, с другой стороны, вполне актуальными мыслями, я и подъехал к хлебозаводу. В столовой народ присутствовал, но в малом количестве. Человек десять не больше, я не считал. Очередь тоже отсутствовала. Подходи и бери что хочешь. Я и подошёл. Чего мне стесняться? Набрал всего и много. Мне ещё домой надо хоть что-то взять. Обед же никто не отменял. А готовить ничего не охота. Обойдусь купленным. А вот ужин, если ничего не случится, опять будет тут. Мне нравится эта столовая, чё?

В двенадцать пятнадцать, я уже был дома. Погода не располагала к прогулкам, поэтому я постарался побыстрее добраться. Зачем замерзать на улице, когда можно это делать дома? А чтобы действительно не замёрзнуть, надо активно шевелиться. Для этого всё есть. Замесить глиняный раствор, натаскать кирпича, проверить инструмент — это только начало. Дальше согреюсь ещё лучше.

Когда есть порошок сухой глины и песок, то раствор приготовить, как нечего делать. Затык произошёл с водой. Не было её тут. Надо или на колонку идти, или до колодца плюхать. А это время! Что делать? Для того чтобы обед приготовить или чайник вскипятить много воды не надо — пары ведёр хватает. Тут и на колонку можно сходить, и до колодца идти не напряжно. Сбегал принёс и всё — отдыхай. А когда её надо много, как сейчас например? На реку бежать? Река вроде вот она! А попробуй побегай с ведрами туда-сюда вверх-вниз. Замучаешься! Надо бы ёмкость малую, чтобы набрать сразу побольше. Хотя бы ведро на четыре — это почти пятьдесят литров. Надолго должно хватить.

Решение пришло неожиданно. В сарае есть старая, деревянная бочка — литров на сто. Вроде нормальная. Только мусор из неё вышвырнуть куда-нибудь. Я её покрутил, посмотрел со всех сторон. Должна подойти. Пустые ведра, в количестве трёх штук, тоже есть. Осталось только наполнить ёмкость. Самому таскать ведра — это долго и муторно. А что поделать? Надо!

Вышел на улицу с двумя ведрами. Было бы у меня четыре руки, взял бы четыре ведра. А так только два. Хоть и было желание — закончить с этой водой побыстрее, я ничего не смог придумать, как это воплотить. Буду пока действовать тем что есть. Может попозже что и придумаю.

Когда ходил два раза, то понял, что это не так уж и трудно. Повезло, что колонка находится выше по улице. С пустыми ведрами идёшь в горку, а с полными вниз, с горки. Времени у меня много, а два ведра это тоже нагрузка. Что очень важно для меня. Пошли эти врачи со своими советами, на симпозиум по русскому мату, а я, сам, знаю что и как нагружать. Сейчас ещё кирпичики потаскаю и будет полноценная тренировка, на всё группы мышц. Потом отдохну и начну с печкой работать. Эх!

Пришёл, как я думал, с последними двумя ведрами, а там картина Левитана «Разлив на

Суре», мать иху! Не хватает только деда Мазая, с его зайцами, для завершения натюрморта. Вот бы товарищ Васнецов порадовался, блин!

Бочка протекла... Мать... мать... мать(это прораб высказался, он может, не Вилор).

Вот какого она сразу, после первых вёдер, не показала всю свою гнилую сущность? Почему дождалась, когда я принесу последние два ведра? Это не бочка, это... у меня слов нету. В итоге имеем — два почти полных вёдра и стакан воды на дне бочонка. Дурдом.

Метания по двору и двум этажам дома ничего не дали. Не было ничего подходящего, что можно использовать в качестве большой ёмкости. Зато за сараями нашлись носилки. Они были прислонены к стеночке и не сильно бросались в глаза. Я понял, что это знак свыше и то, что можно начинать работать. Хрям, с этой бочкой! У меня жрать не на чем готовить, а я о культуре производства беспокоюсь. Как-нибудь справлюсь и без бочки. Надо будет — схожу лишний раз с вёдрами. Вот ведь, никак не привыкну к этому времени. Нету тут ничего, с чем я привык работать в прошлой жизни. Надо как-то изворачиваться и вспоминать уже, как люди строили без прогрессивных методов и повальной механизации. Ладно, разберёмся.

Пришлось пожертвовать брезентом, который в последнее время мне служил постелью. Я отмахнул от него довольно большой кусок. На нём я буду мешать сухую смесь из глины и песка, а уже в носилках буду смешивать её с водой. Так намного легче соблюдать пропорции.

Печь Кузнецова за своей простой скрывает очень тонкую и точную конструкцию. Ошибись немного и всё — весь эффект от двух котлов пропадёт. Поэтому я около часа потратил на устройство основания из кирпича и глиняного раствора под печь. Это не первый ряд — это то, на чём будет выложен первый ряд. Хорошо, что старый фундамент от русской печи был в отличном состоянии, иначе даже не знаю как бы я справился. Пришлось повозиться, конечно, нормального уровня-то у меня не было. Помогли древние дедовские методы. В какой-то момент, хотел всё бросить и ехать на стройку, чтобы у кладовщика выпросить на время ватерпас. Но выкрутился, слава богу. Вспомнил кое-что и применил.

Остановил работу, чтобы основание схватилось получше. Глина не цемент, она такая, чуть что не так, ломай и начинай сначала. Нафиг-нафиг, я лучше подожду немного. Тем более обедать пора. Что я зря что ли, в столовой всякой всячины вкусной по-накупил? Нет уж не дождётесь. Война войной, а обед по расписанию!

Стоило только закипеть чайнику, как ко мне пожаловали гости. Исипова и Сергачёв припёрлись со своими дурацкими идеями. Я не против их послушать, с одной стороны, а с другой пусть идут с терапевтом и хирургом разговаривают. Какая Москва, нафиг?! Если я, на этой неделе, не пройду врачей с положительным результатом, то быть мне инвалидом, на целый год! Вот это всё, я и пытался донести до наших комсомольских вожаков. Час целый пытался, а потом надоело. Послал их к Собкину. Пусть ему свои хотелки расскажут. Я очень надеюсь, что товарищ лейтенант найдёт нужные слова. А от меня наконец-то отстанут.

Как только агитаторы покинули моё скромное жилище, я показал что недаром в своё время имел пятый разряд каменщика. Хотя, отличия между каменщиком и печником, на профессиональном уровне, довольно большие. Но какая тут, на данный момент, разница? Главное это результат. Вот я и дал его(результат).

Не заметил, как на улице стемнело. Очень увлёкся. У любого человека такое бывает или было когда-то. Когда ты работаешь и не замечаешь ничего вокруг. А особенно, если всё идёт нормально. Маленькие проблемы, или даже проблемки, решаются на ходу. Не знаю как

называется это. Может то самое вдохновение? Выпал в реальность, когда не смог разглядеть шнурок отвеса. Попробовал класть при свете керосиновой лампы, но тут же отказался. Это какое-то извращение над своим зрением и благородной профессией печника. Лично мне таких ламп нужно штук пять, не меньше, чтобы работать по-нормальному. Так что остановился я. Завтра продолжу. Не к спеху, конечно, но хотелось бы побыстрее. Ещё и арматура эта чугунная подкачала, пришлось прямо на ходу менять и подстраиваться под её размеры. Но это ладно. Главное, что все получилось. А теперь можно и на речку сходить. Окупнусь и в столовую поеду. Эх, хорошо!

Мимо говорящих кустов проехал молча. Нечего с ними разговаривать. Страна должна знать своих героев в лицо! Вот и пусть молча на меня смотрят. А вот, на обратном пути, я обязательно поинтересуюсь новостями. Шёпотом. И пусть только не ответят. Я эти кусты спилю, на фиг! Или срублю. Топор у меня есть.

В столовой всё как обычно. Ужин и полный рюкзак всяких вкусняшек на завтрак. Мне питаться надо хорошо. Это даже хирург не отрицает, а терапевт прямо-таки настаивает на этом. Посидел, отдохнул, проникся будничной жизнью людей. Послушал разговоры всякие разные. Люди, во время приёма пищи, о многом разговаривают. Проблемы всякие обсуждают. А что? Нормально это! Телевизоров в этом времени нету, а новости охота знать. Вот и слушаю, впитываю информацию, так сказать, когда время есть.

Возвращался неспеша по Социалистической. Прохладно, но я подстраховался и надел тельняшку. Так что, для меня эта поездка проходит комфортно. Народу не так уж и много, но есть. В основном молодёжь, конечно, но и старшее поколение присутствует. По пути, прямо напротив клуба железнодорожников, встретил ту парочку, которая меня уже достала. Они сделали вид, что стоят и смотрят в другую сторону. Стоило наверное поинтересоваться, таким ихним вниманием ко мне. Но я, мысленно, уже спал на пружинном матрасе и поэтому проехал мимо. Потом как-нибудь спрошу. Есть кое-какие дела поважнее. Например, узнать всё о Рите. Разве это не важно?

У Марго всё было хорошо. Мне так и сказали: — "Всё под контролем!" — без подробностей. Как я не старался, больше ничего не удалось добиться. Ну и ладно, я потом всё припомню. Когда пряники будут раздавать у Собкина в кабинете. А пока я домой спешу. Меня там друг один ждёт, с пружинами который. Да и на печь надо взглянуть. Вдруг, пока меня не было, чего-нибудь случилось, а я тут с кустами разговариваю. Не хорошо это.

Завёл велосипед в сарай. Подоткнул дверь досочкой, на всякий случай и тут... чьи-то нежные ладошки закрыли мне глаза. Да не может быть?!

Глава 5

Чём хороши калужские пружинные матрасы, так это своей универсальностью и мобильностью. Можно прямо на пол кинуть и использовать по назначению — комфорт обеспечен! Можно, конечно, помудрить немного и сваять какое-нибудь подобие основания, а потом просто плюхнуть матрас сверху и всё равно комфорт останется прежним. У меня пока что нет времени, чтобы что-то сделать под основание — но я думаю над этим. Поэтому я обошёлся эрзац-вариантом: постелил на пол брезент, а уже на него аккуратно положил матрас. А что? Очень удобно и падать невысоко.

Я вернулся с разминки, позавтракал и сейчас просто валяюсь на матрасе. Балдею. Имею право, в конце концов. В больнице всё равно живая очередь, а приходиться туда пораньше, чтобы пройти специалиста первым, мне не очень хочется. Мысли такие хорошие в голове, как и воспоминания. Эх! Как же вчера всё замечательно сложилось...

Конечно же я сразу узнал глаза Марго, стоило только к ней повернуться. Слов, друг другу, мы не говорили. Зачем нам это было делать? Кто хоть раз любил меня поймёт, а другие пусть завидуют. Мы вдвоём и никого вокруг. Обнялись. Поцеловались. А дальше... Скорее всего мы сильно соскучились друг по другу, иначе как объяснить всё то безумство, что последовало после первых поцелуев. Хирург, со своими рекомендациями идёт лесом. В тот момент, мне никто не мог запретить нести на руках свою невесту в дом. Успокоились мы только посреди ночи. Я заснул счастливейшим человеком. Марго, я думаю, тоже.

Растолкали меня в шесть часов утра. Часы, как ни странно, работали нормально, а я ведь совершенно не помню — заводил я их вечером или нет? Темень, на улице, стояла полная, в отличие от комнаты. Это Рита, сама, нашла и запалила керосиновую лампу, пока я спал, потом начала накрывать на стол. Ха! Столом служил второй матрас, накрытый всё тем же брезентом. Наверное, чтобы далеко не ходить. Я вчера не обратил внимания, на то, что Марго что-то принесла с собой. А это, как оказалось, был восхитительный рыбный пирог: сочный, ароматный, с морковочкой и зеленушечкой. Что там была за рыба, я так и не разобрался. Но главное, что она была и она была вкусной! Жаль что завтракал я один. Устроив, что-то в виде дастархана, Рита отправила меня на утреннюю зарядку, а сама пошла домой. Попутно объяснила мне, что иначе повторится сказка о Золушке. Где вместо феи была тёща, как оказалось именно она направила Риту ко мне. А вместо кареты, если Марго не вернётся вовремя, приедет "воронок". И тогда, принцу не удастся примерить новые туфли на ножку Золушке, когда она вернётся с техникума. Где сегодня состоится торжественная линейка, по случаю первого сентября. Вот такая, блин, сказка получилась, на новый лад и в новой интерпретации.

Из блаженного состояния меня вывел стук. Какой-то несчастный человек ломился в мой забор. Почему несчастный? Потому что я сейчас его ударю, если он не прекратит ломать дверь в заборе. Это ж надо такое придумать — будить человека после плотного завтрака! Он что бессмертный? Под непрекращающийся стук я добрёл до забора. Ну куда мне спешить, чего силы тратить.

Открываю дверь, а там... сияющий Лев стоит. Довольный как не знаю кто. Рядом с ним трое вчерашних малолеток. Все трое, какие-то невыспавшиеся и помятые, стоят в землю смотрят. Ничего не поняв, в этом натюрморте, я спросил здоровяка:

— Лев, а что это за паноктикум?

— А я что? — тут же среагировал Лев и добавил, — ты их прислал вчера. Они честно отпахали у нас на огороде, до самой темноты. Вот возвращаю. Дальше сам с ними решай.

Не, ну так-то всё правильно. Только сейчас они мне тут нафиг не сдались. Мне вообще-то в больницу идти надо. Как я их оставлю одних? У меня оружие в подвале и печатный станок там же. Вдруг заметят, пока я буду отсутствовать. Молчать долго нельзя, поэтому я, как можно строже произнёс:

— Так! Душнилы остаются здесь, а ты Лев заходи. Поговорить надо.

Лев, конечно, начал отбрыкиваться всеми способами, говоря о недостатке времени и всякой другой фигни, но я настоял на своём. А вот уже дома мы поговорили. Что ж, всё не так уж и плохо вышло...

Эти трое, вчера, то ли действительно так сильно напугались, то ли они очень ответственные, а может ещё что. В общем, нашли они Лёву и всё ему рассказали. Сам бы он ни за что не придумал, как наказать этих малолетних балбесов. На их несчастье и на большую удачу для Лёвы, рядом крутилась Евдокия. Вот она-то, со всей детской непосредственностью, оторвалась по полной на этих залётчиках. Чего они только не делали! Прополка сорняков это так — мелочь. А вот принести речного песка, для организации детской площадки — это же адский труд! Тем более, что песок пришлось носить с соседней улицы. А Дуся за всем этим следила. И не просто так, а постоянно, чуть ли не каждую минуту, повторяла этим балбесам:

— Вилорчик, хороший. Его нельзя обижать. У него красивая невеста и у них скоро будут маленькие дети. Он их будет катать на велосипеде. А вы его хотели у него отобрать. Не хорошо это. Так только фашисты поступают. Вот и работайте как они. Вон их сколько пленных работает. Вы тоже теперь пленные.

Лёва рассказывал и ржал как конь. Там ещё про его отца было, но я не дослушал. Мне стало как-то нехорошо, и я переспросил:

— И чего? Они что, всю ночь что ли работали?

— Да, не, — улыбаясь ответил Лёва, — отпустили мы их. Как только фонари на улице загорелись, так и отпустили. Перед этим накормили, конечно. Это Евдокия так решила. Увидела где-то, что немцев пленных кормят, вот и настояла. Что ж мы не понимаем, что ли? А утром они опять пришли. Не знаю зачем. Я и решил их к тебе отвести. Дальше сам разбирайся. Мне на работу пора.

Вот ведь крендель здоровый. Он привёл, а мне разбираться! Ладно. Попрошались.

Я вышел на улицу. Три "бойца" трудового фронта имени Вилора Тихого стояли понуриив голову. Эх-ма! Если бы не посещение специалиста в больнице, я бы точно знал, чем их занять. А тут, ничего в голову не приходит что-то. Странно это, вроде навыки с прежней жизни остались. Осторожничаю наверное. Подвал полный оружия и непонятные шевеления вокруг семьи Марго, намекают на это. Начни делать резкие движения и неизвестно чем всё это может закончиться. Ладно, сейчас что-нибудь придумаю.

— Так, бывшие душнилы, слушай сюда! Сейчас весело и с улыбкой заходим во двор. А там разберёмся. Пошли!

Во дворе мне стало как-то полегче. Соображалка включилась, что ли? Да и неприятное чувство чужого присутствия пропало. Так что, пока я собираюсь в больницу, ребята сортируют и чистят от старого раствора кирпичи. Отбирают самые лучшие и носят их в дом. А что? В доме два этажа, между прочим. Что мне самому что ли этим заниматься, если

появились добровольцы? Вот и я про то. А мне сейчас любая, даже такая, помощь в радость. Заодно поставил кипятиться чайник. Напою ребят чаем, перед походом. У меня в рюкзаке куча всяких вкусностей из столовой, со вчерашнего дня осталось. Не думаю, что они откажутся. Сам такой. Готов кушать целый день. Организм ведь растёт. Шестнадцать лет — самый тот самый момент.

Чайник закипел. Пацаны почти всю кучу старого кирпича перебрали. Можно почаёвничать и расходиться. У меня сегодня посещение неизвестного мне специалиста — физиолога. Что это за врач такой — я не знаю. Наверное, что-то из специалистов по общей физической подготовке. Будет мне комплекс физических упражнений подбирать, скорее всего, или какую-нибудь гимнастику. А что? Ну не знаю я! Физиокабинет в больницах видел, там всякие процедуры проводят. А врачей с таким названием не встречал. Может, что путаю, конечно. Но это ненадолго. Приду в больницу там разберусь. Что сейчас-то голову загружать всякой ерундой. Лучше ребят накормлю и отпущу. Они чего-то вдруг, смотрят на меня с опаской. Я вроде не угрожал и не пугал никого из них. Надо бы расстаться по хорошему. Имена и адреса узнать. Случаи всякие бывают, вдруг пригодятся когда-нибудь. Уж накормить-то, за хорошую работу, я всегда смогу. А если надо, то и деньгами не обижу.

Я не Рита и знакомых соседей у меня нету. Так что чай пили по кругу из одной кружки. Других у меня нет. Кстати, надо этим заняться. А-то правда, гости в доме, а посуда отсутствует. Нехорошо получается. Прямо сегодня, после больницы займусь. Не забыть бы.

С ребятами попрощались прямо возле дома, на улице. Им мимо дома Риты идти, а мне в другую сторону. Я сегодня решил по набережной прокатиться. Надо на лодочную станцию посмотреть. Мне лодка скоро нужна будет. Вот и гляну мимоходом. Время есть, почему бы не посмотреть?

Касса на станции была закрыта. Но расписание и список услуг с ценником, висели рядом с окошком. Так что всё прошло хорошо. Не зря заехал. Блин! Да с такими ценами, я могу арендовать любую лодку на целый год и даже не замечу потери в финансах. Это просто замечательная новость.

Дальше у меня было два пути: один это к городскому парку, а второй дальше по набережной. Выбрал второй, там подъём в горку потом поменьше. Да и захотелось разогнаться побыстрее. Чтобы, аж дух захватило от скорости. Я же говорю, что стал каким-то любителям экстрима. Не могу без того, чтобы нервы не пощекотать. Эх!

Разогнался так, что чуть не сшиб мелких пацанов — лет по семь-восемь. Рыбаки малолетние. Сгрудились возле кустов на повороте. Наверное, рыбу после утренней рыбалки делили. А тут я, на всей скорости, вылетел. Еле успел затормозить. Хотел звездолей словесных, в запале и на нервах, навешать по ушам. Но пацанва бросив мешок, бросилась врассыпную. Пришлось остановиться и посмотреть, чего они там, такое ценное, не поделили.

Мешок лежит в луже воды, натекло с улова, и ожидаемо шевелится. Рыба бьётся, наверное и это хорошо — свежая значит. Только пищит как-то странно. Угри что ли? А что ещё может пищать? Они вроде такие звуки издают. Открываю и вижу. Бл...ть! Догнать что ли этих живодёров? Там три щенка маленьких ещё. Мокрые насквозь. Шёрстка вся слиплась. Глазки закрыты и... я потрогал аккуратно пальцем каждого... только один живой. Тянется своей маленькой головой вверх, носом шевелит, ротик открывает и пищит жалобно. Найду этих звездуков и они у меня одной крапивой по голой заднице не отделаются. Ремнём буду учить. Собачек нельзя обижать, потому что у них и так жизнь собачья, чего ещё-то

усугублять её. И чё делать?

В рюкзаке есть портянка, в неё деньги завёрнуты. Точно! Да и хрям на эти деньги, так полежат, без обёртки. Щенок важнее. Кстати, это кобель. Тёмная пипка, на розовом в бурые пятнышки животике, явно это показывала. Аккуратно промакиваю тушку пёсика. Он при этом постоянно кричит по своему, по щенячьи. Я понимаю, что ему жрать охота. Но где я ему суку кормящую найду, в десять часов утра? Мамку его искать это вообще гиблое дело. И мне уже пора в больницу идти. Ещё неизвестно, что это за врач такой — физиолог? Обидится на меня за опоздание и заставит меня художественной гимнастикой заниматься. А какой из меня гимнаст художественный, нафиг? На турнике ещё могу туда-сюда подтянуться, а с ленточкой или мячиком прыгать это не ко мне. Кирпич в руки и ведро раствора это моё, а ленточки нет. Ладно, это подождёт, а вот живое существо ждать не может.

Единственный выход быстро добраться до рынка. Там точно люди подскажут и расскажут, что в таких ситуациях делать. Народ там разный, может и ветеринар какой-нибудь есть, из бывших. Есть ещё вариант — в ветеринарное училище обратиться. Но это долго и щен ждать не будет.

А щенок-то согрелся, у меня в руках, и уже не так сильно орёт. Скулит, конечно, но не голосит во всю свою щенячью дурь. Спасу его! Ей богу спасу и себе оставлю. Будет дом охранять от всяких там нехороших людишек. Рита точно со мной согласится. Она добрая и поймёт мой поступок.

Щенка, прямо в портянке, спрятал за пазухой. А куда ещё? В рюкзаке у меня всякая всячина понапихана. Придавит ненароком, что я Рите скажу? Нет уж, за пазухой надёжнее и контроль какой-никакой будет. Поэтому нефиг стоять и думать. Мне ещё тренера в больнице надо посетить.

Десять минут и я на рынке. Хорошая нагрузка на мои мышцы. Проезжая мимо Сенной площади, увидел, как разбирают старое, сгоревшее здание Калужского драмтеатра. Значит в следующем году начнут планировать строительство нового. И я в этом, просто обязан поучаствовать. Это же история! Не прощу себе, если не получится. Такой шанс. Эх!

Почти все торгошники, на рынке, мне посоветовали утопить щенка и не мучить его. Типа я не смогу его выходить. Муфлоны и муфлонихи, что вы обо мне знаете?! Только один дед сжалился и продемонстрировал как кормить этого малыша, с помощью куска марли вставленного в бутылку. Слава богу, что молоко продавали несколько человек. Опробовали не сходя с места. Щенок сосал с завидным упорством. Всё-таки марля это не мамкина сиська, тут надо потрудиться, чтобы добыть нужное количество. Наконец мелкий насытился и, напрудив мне на колени, заснул. Дед посмеялся и помог мне кое-как всё обтереть. Пришлось потратить несколько драгоценных минут, чтобы купить бутылку пива этому хорошему человеку. Зато щен сытый, а я еду изучать новые упражнения в больницу.

На фиг мне такой тренер не нужен! Я крутил педали и желал побыстрее оказаться дома. Это не врач, это изверг какой-то! Во-первых: физиолог никакого отношения к физкультуре не имеет(ну если только самую малость). Во-вторых: физиолог это по нашему гастроэнтеролог. А в-третьих: попаданцы всех мастей бегите от физиологов сороковых годов прошлого века — это садисты чистой воды! Здесь нету МРТ и УЗИ! Здесь даже кишки с телекамерой нету! Про капсулы с мини камерами я вообще молчу! Здесь вообще ничего нет! Пользуются всякой фигнёй, которую изобрели инквизиторы в подвалах Ватикана, хрям знает в каком году. С этого дня, у меня появился личный счёт к папе Римскому. Потому что без его

личного участия такое не могли бы протолкнуть в жизнь. Подробностей про все процедуры, что со мной проводили — не будет! Не хочу вспоминать.

Домой не въехал, а влетел. Щенка на матрас, а сам бегу на берег Оки. Надо окупнуться по быстрому. Потому что я весь потный и на нервах. А вода, как известно, вместе с грязью смывает все проблемы. Мало их у меня, так ещё этот физиолог добавил. На фиг всё!

Вернулся спокойный и полноценно воспринимающий эту нелёгкую жизнь. А чтобы окончательно прийти в себя, решил довести начатое дело до конца. То есть покушать. А что? После купания надо подкрепиться. И тогда весь организм заработает так как надо. Мне сегодня надо печку хотя бы до потолка доложить. А это значит, придётся леса городить или ещё чего-нибудь выдумывать. Я ведь не дядя Стёпа, вместо подъёмного крана работать не могу. И прыгать с кирпичами не получится. Так что прочь все сомнения буду обедать.

Пока кипятил чайник, проснулся мелкий. Этот обжора меня ещё в больнице подставил со своим аппетитом. Сижу в очереди, а он начал скулить. Все на меня смотрят, как на не знаю кого. Потому что создаётся ощущение, что это мой живот издаёт такие звуки. Щенок-то за пазухой. Достаю этого оглоуда и прямо тут начинаю его кормить из бутылочки. Очередь начала возмущаться. Типа — антисанитария и издевательство над бедным животным. Хорошо, что уборщица взяла псинку, на время, к себе(заодно сама покормила). Мог кого-нибудь ударить невзначай. Особенно тётка толстая, одна, надоела. Всё боялась, что щенок ей, на платье нагадит и она домой пойдёт в грязном. Еле успокоили.

Уже как должное и что-то привычное, достаю бутылку с молоком и начинаю кормить мелкого. Если смотреть по ёмкости, то ест, этот проглот, за раз граммов сто. Но это не точно. Тут рисок или делений на бутылке нету и точно не определишь. Так что литра молока мне хватит надолго. Я так думаю. Хотя, стоп! Оно же прокиснет до завтра. Холодильника здесь у меня нет. Блин! Ладно, придётся завтра с утра ехать за свежим молоком. Это ничего. Это нормально. Это привычно. А то молоко, что останется после мелкого, я сам допью. Мне и кислуха пойдёт нормально. Даже полезно её пить для организма, как говорят некоторые.

Щенок заснул сытый и довольный. Вон как пузо раздулось, как мячик теннисный. Правда, портянку пришлось заменить. Опять всю намочил, зараза мелкая. Откуда, в нем, столько жидкости берётся, интересно мне?

Я тоже перекусил немножко. Много не получилось. Не рассчитал, а точнее подзабыл об утренних событиях. Столовские вкусняшки мы почти все съели, с тремя малолетними недограбителями. Эх! А я так на этот перекус рассчитывал! Ладно, сначала печь, а потом можно и в столовую съездить. А может и Рита чего-нибудь принесёт? Чем чёрт не шутит?! Обещала после того как стемнеет опять прийти и рассказать как прошла линейка в техникуме.

Леса пришлось ставить уже через два часа работы. Это недолго, если знать как. Труднее всего оказалось выпрямлять гнутые гвозди. Мне кладовщик дал целую рукавицу гвоздей, ещё до моих приключений. Правда они все были гнутые, но я справился и все выпрямил. А доски вообще не проблема. Сколько перегородок разобрали в своё время. Вот и пригодился этот материал.

Тяжело пришлось одному. Надо было и глиняный раствор приготовить и кирпич накидать на леса. Попутно воду носил. Но, поработал я ударно. Мой дед может мной гордиться(хотя, кто я для него в этом времени?). Ни одной ошибки в расчётах не допустил. Если бы не щенок, то точно бы до потолка сегодня довел. Два раза его кормил и портянку перестилал. Ничего. Мне не трудно. А печь может и подождать. И так хорошо получилось.

Завтра закончу работы на первом этаже, а потом перемещусь на второй. Там полегче будет — никакой чугунной арматуры, никаких топок и вьюшек. Гони и гони себе прямые каналы. А вот на чердаке придётся повозиться. Сводить все в один канал, подгоняя под существующую трубу это очень тонкая работа. Но я справлюсь. Не в первый раз такое делать. Правда это было в той жизни, но не думаю, что это станет проблемой. Хочу попробовать обойтись без "борова". Можно, конечно, и новую трубу вывести. Но это лишняя работа, по переустройству крыши и кровли соответственно. Зачем мне новый выход для трубы, делать, а старый закрывать, когда всё уже есть? Вот и я думаю, что это лишняя трата времени.

Закончил опять когда смеркалось. Первое сентября, на улице темнеет в восемь часов вечера. Я бы ещё поработал, конечно, но тут — желудок потребовал срочного удовлетворения. Иначе грозился не давать спать не только мне, но и соседям. Видимо он не в курсе, что как таковых соседей у меня нет. Живут несколько семей в ожидании переезда на новое место жительства. Но их можно пересчитать по пальцам одной ноги. Да и не очень они пугливые. Ладно, фиг с ними, придётся удовлетворить свой организм и доехать до столовой.

Щенка решил взять с собой. Вдруг проснётся, а меня нету? Испугается и будет опять плакать. Нет, на такое я не могу пойти. Мне Марго не простит, если узнает, конечно.

Специально проехал мимо дома Марго. Может хоть в окно выглянет? Я бы сигнал какой-нибудь подал, что жду её. Но небеса сегодня не на моей стороне. Это стало понятно, потому что, даже единственный фонарь на улице сейчас не горит. Эх! Зато окно, что на кухне у Конкордии Прохоровны, сияло ровным светом. Чай наверное пьют. А на столе керосиновая лампа стоит. Интересно о чём они там болтают? Или работают не покладая рук, выполняя заказ. Как бы посмотреть, хоть одним глазком!

Только я начал выискивать, какую-нибудь возвышенность, чтобы превратить в дело свои мысли, меня остановило тихое покашливание и несколько слов, сказанных на грани слышимости:

— Гм... Шёл бы ты, куда ты там шёл.

— Понял, — только и смог я ответить, — меня уже нет.

Сел на велик и стартанул. Ну их, эти говорящие кусты. Потом обвинят, в том что по моей вине, ничего не получилось. Я лучше в столовую смотаюсь. Там хоть нормальные люди работают, не чета этим. Фу-ты ну-ты! Посмотреть нельзя на окошко, чтобы какой-то крендель не влез со своими советами.

В столовой всё как всегда. Приятная компания, хорошее обслуживание, калорийная пища и, даже, тихая музыка из чёрного репродуктора. Чего бы не расслабиться-то, после тяжёлого дня. Ух! Аж вздрогнул. Вспомнил физиолога, блин! И пёсель проснулся — заскулил маленький. Ща я тебя покормлю.

Достал, сначала, бутылку с молоком, а уже потом самого щенка. Невольно привлёк внимание окружающих. Тут же подскочили советчики и советчицы. Что б вас этим самым и не по одному разу! Бедный пёс из-за вас растерялся. Водит своим маленьким носиком, из стороны в сторону, рот открывает. Пищит. Зовёт мамку.

Как я выдержал эти полчаса кормления? Даже не знаю. Столько дурацких идей и советов, я не слышал с первого моего дня рождения. Всё настроение испортили. Но, как ни странно, щенок заснул сытый. Ему помимо молока досталось много положительных эмоций от окружающих людей. Не даром говорят, что собаки чувствуют эмоции людей. Щеночек получил этих эмоций с избытком. Теперь, вон, сопит у меня за пазухой и, в свои маленькие

усы не дует. Дует он в портянку. Опять обмочил всю. Эх!

Заведя велосипед во двор, я заметил что дверь в дом закрыта не плотно. Хотя, когда уходил я её прикрыл основательно. Даже, попинал ногой немного, чтобы встала на место получше. Замок на входной двери, я не закрываю. Незачем. Брать у меня кроме посуды, которой и так мало, нечего. Инструмент если только, но он достаточно специфический и подходит только для определённых работ. Хотя, кто их этих вороваяк разберёт, что им в голову стукнет. Могут и последнюю ложку с кружкой украсть. С них станется. Ладно, сейчас посмотрим, кто там такой смелый!

Вот я тупень! Это Рита пришла. А я тут целую операцию по противодействию бандитам разработал. Эх! Ночь будет волшебная. Но сначала, я познакомлю мою женщину с моим найдёнышем! Мне кажется, что будет весело...

Глава 6

Время до конца недели пролетело, как один день. Сегодня уже воскресенье и мы с Марго готовимся к первой, пробной растопке новой печи. Точнее я готовлюсь, а Марго помогает, как может. Волнуюсь как девственник перед первым сексом. А что? Вполне себе сравнение. Я же, в этом времени, ни разу печь не собирал и уж тем более не перекладывал. Вдруг чего-то напугал? Может у меня проблемы с памятью и я не всё правильно рассчитал и вспомнил? А может печь не успела устояться и сейчас, при поджиге, дым повалит из всех щелей? Знаю, что положено неделю дать на просушку, но есть маленькая хитрость. И я её знаю! Вот и буду применять, на практике — так сказать. С другой стороны всё может быть. Никто ведь не застрахован от неожиданностей. Время ещё есть, чтобы ещё раз всё проверить.

Мы решили это действие провести в праздничной обстановке. Сделать из этого маленький праздник со столом и всякими вкусностями. Чтобы запомнить надолго. Жаль фотоаппарата нету, чтобы заснять этот момент. Но ничего и так хорошо будет. Рита с Конкордией Прохоровной готовят, что-то вкусное, у себя дома. У меня дома это делать пока неудобно. Вот Марго и убежала, как только рассвело, обещав что мама обязательно придёт посмотреть и поучаствовать — короче, жди и мы придём. Хожу вокруг печки, осматриваю, ищу какие-то недостатки и не нахожу. Волнуюсь и жду женщин.

Стол я сколотил из отходов. Что там сколачивать-то? Нас будет трое человек всего. Лишь бы он стоял ровно и вес определённый выдержал. Накрыл его газетами и вроде нормально получилось. Вместо стульев лавочки — тоже сам сделал. Фигли там!

Раз уж такое дело, то я решил совместить: испытание печки и её принудительную просушку. Есть такой метод. Специально, сегодня с утра, вместо тренировки съездил в общагу. Где со склада набрал хороших и сухих полешек. Брал с расчётом на пару-тройку растопок. Всегда ведь можно ещё раз приехать. Всё равно в общаге никто не готовит на "буржуйке". Чего дровам пропадать без дела. А мне кушать не на чем готовить. Германский велосипед отлично подошёл для перевозки дров. Да и вообще, я очень рад, что послушал Ерасыла и купил это средство передвижения. В который раз убеждаюсь, что без него, как без рук.

У меня всё готово. Да я, даже, хлеб с салом уже нарезал! Три бутылки с ситро достал из реки — вон стоят, потеют. Надо бы наверное было вина какого-нибудь купить, но я не стал. Боюсь за язык свой. Не дай бог, чего-то не того скажу после вина? Я же весь на нервах.

Где же они пропали? Договорились же в десять часов начать! Чтобы хоть немного успокоиться, подошёл к корзине. Рита из неё сделала спальное место для Витаса. Да! Вот так! Это я приколотся и так обозвал щенка. А что? Он только и делает, что скулит и попискивает. Вот и брякнул неподумавши. А Марго сразу же подхватила. Понравилось ей. Даже не спросила, что это за имя такое и откуда я его взял. Теперь ему всю жизнь бегать под кличкой Витас. Глазки у него ещё не открылись. И не откроются ещё дней десять. Не помню я через сколько дней у собак это происходит. Но где-то так. Чешу пузико у мелкого, а сам вспоминаю что произошло в эти сумасшедшие дни...

А они пролетели, как-то суматошно. Одно, другое, третье и всё надо сделать, везде надо успеть. С печкой было больше всего мороки. Мне бы помощника где-нибудь раздобыть. Но я

не хотел впускать чужих на свою территорию. Много секретов в подвале, которые не надо никому видеть. Да и вообще, просто — нефиг! В общем, сам справлюсь. Но, как бы я не старался, всё равно не успел пройти всех специалистов, что были в списке терапевта, до пятницы. Вчера только закончил. Суббота — рабочий день и у медиков тоже. А что? Чем они лучше? Вся страна пашет по субботам, так что и они не исключение. Вот вчера и заявился, прямо с утра, в больницу, чтобы сделать рентген. Последний шаг перед консилиумом. Дождался снимков и без очереди вломился в кабинет терапевта. Применил способ из будущего. Ну это... когда, ни на кого не обращаешь внимание и прёшь вперёд со словами: — "Я только спросить". Получилось. Терапевт удивился, но виду не подал. Попрощался с предыдущим посетителем и стал заниматься мной. Почитал внимательно все справки. Подумал минуты три. Потом обрадовал, что решение о моём здоровье, будет выносить сборная комиссия из всех специалистов больницы. Произойдёт это, скорее всего, во вторник, шестого сентября. Да мне как-то пофиг. Лишь бы побыстрее на работу.

Что ещё? Засада, что была возле Ритино дома куда-то исчезла. Или всех этих левых инспекторов уже взяли, или началась какая-то другая операция БХСС. К Собкину бежать, чтобы узнать что происходит, мне не очень хочется. Опять начнёт на мозги капать, чтобы я не лез не в своё дело. Ну его, потом как-нибудь узнаю, у Катерины например. Она мне не откажет, точно. Но режим конспирации мы продолжаем соблюдать. Официально же нам никто ничего не говорил и не отменял. Поэтому я рядом с домом Риты не появляюсь и не собираюсь этого делать. Марго и Конкордия Прохоровна тоже придерживаются моей стороны, и в основном сидят дома. А вот ночью... ночью Рита у меня, и не скажу, что мне это не нравится. Завтрак зато, теперь делаем вдвоём. Я, даже, прикупил примус, на рынке. С ним всё-таки удобнее, чем на костре. А вот посуду покупали вдвоём в магазине. Мне делать нечего, вот и встречаю Риту возле техникума. В этот день опять встретил, а по дороге к нам домой, зашли в первый встречный магазин. Там и затарились посудой. Пять кружек, пять ложек, пять тарелок и ещё какой-то мелочи. Рита показывала пальцем, а я умножал на пять и покупал. Так и пролетели эти дни — в домашних хлопотах и хождениях по больнице. Вот, печь закончил. Хочу испытать, а свидетелей нет. Чем они там столько времени занимаются? О?! Кто-то идёт.

Я выглянул в окошко. Из него прекрасно видно вход во двор. Первая в калитку вошла... Катерина?! Следом протиснулся дед Николай. Он нес в руках два больших тряпичных узла, поэтому ему пришлось заходить боком. Чего это они? Никак решили ко мне переехать. Мне собственно, как-то фиолетово, но как мы тут вчетвером будем жить? А впрочем, что это я? Гости пришли — надо встречать! Я бросился во двор. Чуть не споткнулся, блин! Надо что-то делать, с этими порогами, на крыльце. Обнялись с Катей и поручкались с Николаем. Потом гости пошли одни за другими: Собкин, Фёдор и ещё пара ребят с линейного отдела. Все они пришли с девушками и нагруженные сумками и свёртками. Лев с друзьями и конечно же маленькой Евдокией. Там вообще пришли все, кто помогал раньше. Ой, блин! Что делать-то? У меня даже стола нормального нет. Куда мне их всех рассаживать? Но, как оказалось, этот праздник организовал очень предусмотрительный человек(знаю кто... налью лишнюю рюмку сидра). В общем, меня, как главного виновника торжества, отстранили от подготовительных мероприятий. Просто попросили — не мешать и свалить куда-нибудь. А я что? Да ничего! Ходил, смотрел, что-то кому-то объяснял, что-то кому-то показывал и рассказывал. Единственное, что прошло под моим полным контролем это переноска матрасов на второй этаж. Но — это время не было потрачено даром. Мне удалось распутать

весь клубок нынешней интриги и, всей той суматохи, что творилось вокруг. Я был очень удивлён, но оказывается мы сегодня отмечаем сразу два события. Это во-первых — запуск новой печки (Вилорчик ты правда придумал сам? Красава и молодец!) и во-вторых это наша, официальная помолвка — меня и Марго (Что-то вы долго думали. Слава партии наконец-то решились! Это здорово!) — вот так! Совершенно неожиданно для меня. Катерина потом ввела меня в курс дела. Правда сделала она это с большой неохотой, но я смог настоять. А началось, всё это, как оказалось, со случайной встречи двух подруг...

Рита по-прежнему сторонилась своих сокурсников. И поэтому обедала не в столовой строительного техникума вместе с группой, а предпочитала перекусить парой пирожков, на рынке в одиночестве. Так уж получилось, что Катерина тоже стала посещать рынок. Она ведь, как истинная женщина, вкусив семейной жизни старалась укрепить их отношения, создавая для этого уют в доме и готовя разнообразные блюда для будущего мужа. А где взять хорошие и свежие продукты, для достижения самого лучшего результата? Конечно же на рынке! Вот и всё собственно. Встретились они, разговорились, обменялись новостями, порадовались друг за друга и всё бы на этом закончилось, но... Это "но", оно всегда решает всё! Так и тут произошло. Рита, как бы вскользь, упомянула, что Вилор сам мастерит новую печь. И какая она получается красивая и очень удобная. Как на ней будет удобно готовить. Не то, что на примусе, который, в этом доме, даже поставить негде. А Катерина, как истинная женщина, тут же уцепилась за этот момент, с примусом:

— Это ты, что? Уже готовишь ему? У него дома? А как же...

Ну и понеслось — то, сё и всякие подробности. Оказывается Катерина знала только о сватовстве. А тут, оказывается они уже живут вместе. И даже — спят! Ёпрст... Неугомонная комсомольская душа Кати, тут же начала искать решение. И конечно же нашла. Вердикт — надо это срочно закреплять и, раз уж расписывать их никто не будет, то помолвку, хотя бы, надо провести! Ибо общество не поймёт и не примет, такого сожителства. А потом, после достижения восемнадцатилетия, можно и расписаться. А может и раньше. Всякое может случиться и беременность в том числе. На этом и разошлись, предварительно договорились встретиться завтра — тут же. И окончательно всё решить.

Женщины — этим всё сказано. Катя помчалась на работу и там поделилась новостью с Собкиным. Тот позвал Фёдора, как гаранта стабильности. Решили, что надо помочь и подарить что-то очень нужное. Дальше новость разлетелась по всему линейному отделу милиции. Скинуться деньгами, на подарок и продукты, согласились все без исключения. Домой Катя пришла возбужденная до невозможности и приготовив ужин дождалась своего любимого. Накормила и огорошила предстоящим праздником. А дед Николай ничего не имел против, даже наоборот полностью поддержал. В общем тут всё нормально получилось.

У Марго всё получилось по другому. Подруг у неё не было, кроме тех, с кем познакомилась на пляже, благодаря Вилору. Вот она и пошла к одной из них. Прямо на следующей перемене. А что время-то терять? К тому же она работала рядышком. В аптеке. Тут и надо, всего лишь дорогу перейти. Как раз времени хватит, чтобы успеть к началу следующей пары. Прибежала, рассказала и попросила передать всё Льву с друзьями. А той — это только в радость. Как же — такая новость!

На следующий день, Рита и Катерина опять встретились и план был утверждён окончательно, без существенных изменений. Что интересно, никто этот план не знал. Или просто мне ничего не хотели говорить. Все действовали по собственному наитию. Одно было одинаковым — встречаемся у Вилора в десять часов.

Женщин не остановить и нет им преград, в желании кого-нибудь с кем-нибудь оженить, пусть и не по настоящему! И главное, что всё это делалось в тайне от меня. Не, я понимаю всё. Я был занят своими делами. Наверное, если бы на меня свалилось ещё и это, то неизвестно удалось ли мне закончить печь и пройти всех докторов. Может так и надо было. Не знаю. В конце концов имеем то, что имеем.

В этот момент и произошёл эпический диалог, который превратил весь бардак, что творился вокруг — в более-менее нормальный, для меня, праздник. Ко мне подошёл Собкин и ухватив за плечи немного встряхнул. А когда, я на него посмотрел, он спокойно спросил, одновременно успокаивая:

— Ты чего мечешься и места себе не находишь? Успокойся, всё идёт как надо!

— Товарищ лейтенант, — я выложил всё что наболело, сумбурно и без какой-то логики, — как тут быть спокойным? Договорились печь запускать, а все заняты какой-то фигнёй. Помолвка какая-то ещё! И спросить не у кого. Рита испарилась куда-то! А я ей обещал, что будем вместе печь запускать. Вон, даже, сало приготовил и ситро. А тут ещё эта помолвка, а мне печку надо испытать.

Собкин улыбнулся и несколькими словами, произнесенными всё также спокойно, заставил меня задуматься:

— Ну и разжигай свою печь. Чего кого-то ждать! А Рита специально прячется. Это бабские шутки и лучше не спрашивай зачем. Всё равно никто внятно тебе ничего не объяснит.

— А как же обещание? — спросил я.

— А что обещание? — удивился Собкин и тут же добавил, — а вдруг ничего не получится? Ты об этом подумал? Как это будет выглядеть перед всеми гостями и Ритой в том числе? Вот и попробуй сначала, а потом, если всё получится, отметим это все вместе.

Я постоял, обдумывая эти предложения. А что? Вполне себе приемлемый вариант. И правда, чего это я торможу? Мне сказали не мешать? Но никто не запретил заниматься своим делом. Вот и пошли все — в сад!

Зашёл на кухню, уже полностью подготовленный и морально, и эмоционально. А на кухне творилось чёрт-те что! Откуда-то взялось три примуса и это не считая моего. Все эти аппараты гудели, работая на полную мощность. Женщины бегали вокруг, сустились и что-то жарили, варили, томили и... разговаривали! Разговаривали, разговаривали без перерыва и не обращая внимание на то, что им отвечают или нет. Кто-то умудрился сделать какое-то подобие столов. На этих столах резали, шинковали, разделявали и тут же смешивали. Короче — полный пинпец в самом худшем его проявлении. И ещё... женщин было много. Сколько? Не знаю, не считал и не собираюсь этого делать. Много! Как в женском общежитии. Даже не так. Скорее, как на кухне в женском общежитии, накануне восьмого марта или в преддверии Нового Года — вот!

И как мне в такой обстановке работать? Ведь первый раз печь запустить это дело тонкое. К тому же мне надо это сделать аккуратно, не перегревая, но, с другой стороны, нужно дать ей хорошо прогреться. Мне потрескавшиеся швы не нужны. Это не очень сложно, но требует знания определённых моментов: как и на сколько открыть поддувало, какие вьюшки и на сколько выдвинуть и ещё много таких мелочей. Те же дрова, например, какие нужны? Какого размера? В общем и подводя итоги — надо знать как это делается! Я, например, знаю и умею это делать! Но мне, для этого, нужна спокойная обстановка. А тут куча озабоченных своей задачей женщин, которые постоянно перемещаются с места на

место и шумят вдобавок. Тишина очень важна в процессе принудительной сушки. Надо слушать звуки, что издаёт печь. И соглядатаи мне не нужны. Начни я сейчас работу и получу в итоге — не прогрев печки, а процесс дефлорации на кухне в женском общежитии. Причём при этом действе, совершенно случайно, присутствуют все жители общаги. Да-с... Как-то Собкин не подумал, когда мне советовал заняться этим. Да и я, надо признаться, не рассчитывал на присутствие такого количества женщин, на одном квадратном метре кухни. Может гранату из подвала достать? И ничего больше не надо делать. Сами убегут, как только увидят. Нет уж, это не наш метод. Нафиг такие мысли!

Я бродил по первому этажу, мысленно разрабатывая всякие кровожадные планы и совершенно случайно наткнулся на Катерину. Она радостно стала, мне что-то там рассказывать, а я стоял офигевший. Вот кого здесь не ожидал увидеть, так это Исипову Татьяну Николаевну — секретаря комитета нашей комсомольской организации. Я её, вроде как, не приглашал? Или всё-таки было? Не помню. С другой стороны, я здесь вообще никого не приглашал. Сами пришли. Почему бы и Татьяна Николаевна не могла вместе со всеми за компанию, так сказать, зайти? И тут же в голове возникло решение моей насущной проблемы. А пускай наш комсомольский лидер сама повоюет с этим женским десантом на моей кухне. Ей это не впервой. Может хоть у ней получится сделать это, как-нибудь корректно и культурно. Я же ведь, могу не сдержаться и наговорить всякого разного. Попробую, чем Иоганн Себастьян Бах не шутит, вдруг Исипова всё разрулит.

Через десять минут напряжённого разговора, я понял, что сегодня, у меня ничего не получится. Наша секретарь мне всё объяснила. Разложила по полочкам и загнула все пальцы, так сказать. Оказывается всё, что сейчас творится на кухне, невозможно остановить. Даже на полчаса. Даже на десять минут. Никак. Вообще. Иначе будет катастрофа. Всё что тушится, тут же превратится в неаппетитную кашу. Всё что жарится, сгорит нафиг. Всё что варится, переварится и будет выглядеть очень непрезентабельно. И вдобавок посоветовала заняться чем-нибудь хорошим — носки, например, погладить или сапоги начистить. Короче, иди-ка ты Вилор на хрям и не мешайся под ногами. Вот ведь женщина... и не поспоришь. Что ж за день-то такой?! Всё не слава богу. Куда не кинь, всюду затык с неременной диареей. И куда мне деваться?

Ещё пять минут я побегал по первому этажу, в поиске приемлемого решения. И неожиданно для себя успокоился. А следом пришло понимание, что всё это, что сейчас творится кругом, мне подходит. И очень даже органично вписывается в мой график, который я мысленно давно составил. А что? Сегодня гуляем — празднуем помолвку. Два дня тут никто не празднует. Нету здесь такой привычки. Может где в деревнях так и делают, но тут всё люди рабочие и политику партии поддерживают. Сказали воскресенье выходной день, значит так и есть. А завтра, у меня, будет целый день до медицинской комиссии. Вот и займусь просушкой печки. Фигли нам! Эх! Аж полегчало. Пойти, что ли, посмотреть чем там мужики занимаются? Схожу. А то, как-то странно — трусь тут, среди женского коллектива, как не знаю кто.

Вышел во двор. А ничего так ребята развернулись. Всё по-серьёзному и основательно. Что сразу привлекло внимание — это какое-то подобие шатра из брезента. Его соорудили недалеко от обрыва. То есть прямо на огороде. Ну как на огороде. Так-то, как такового, у меня нет огорода. Есть место под него, которое всё заросло травой. Зря они это сделали. Не войдёт вся толпа гостей в шатёр — маленький он получился. Хотя, может это для продуктов? Не знаю. Потом увижу.

Перед шатром стояли столы в форме буквы "П". Ну столы это понятно. Это праздник праздновать. Это я поддерживаю и одобряю. На столах, правда, ещё ничего не было. Даже скатертей. Интересно мне, чего это они тормозят? Могли бы как я газетами застелить. А что? Очень органично и в духе времени получится. Ладно, не лезу. Тут все люди опытные и знают что и как делать.

Пошёл к ребятам. Хоть постою рядом. Мешать не буду, потому что все заняты. Кто-то лавки сбивает, кто-то, в большом казане, что-то варит, а кто-то валки из ткани скручивает (поверх скамеек класть, для удобства и мягкости). Остальные дружно помогают и, видя их счастливые лица, незаметно прикладываются к чему-то горячительному. Как ещё песни не запели, не знаю? В общем у мужской части всё пучком и не хватает только музыки.

Нашёл Льва. С этим хоть поговорить можно. К тому же, он занят разделкой немаленького такого поросёнка, а я в этом деле немного соображаю. Беру ножик и присоединяюсь к здоровяку. Но тут же получаю подзатыльник от Евдокии. Как это она смогла дотянуться, коза мелкая — не знаю? Да ещё и выговаривает мне:

— Вилор, иди отсюда! Тебе сегодня ничего нельзя делать. А ты руки кровью хочешь замарать! Негоже это!

Лёва ржёт как сумасшедший и кивает соглашаясь с сестрой. Потом, чуть переведя дух, весело заявляет:

— Отдохни в шатре. Специально для тебя с невестой сгородили. Там всё готово. Иди осмотришь.

Вот тоже друг называется. Иду, чего тут делать. Но отойдя на пару шагов спрашиваю у мелкой и всезнающей егозы:

— Дусь, а пойдём со мной посмотрим?

— Вилор! — тут же возмущённо откликается девочка, — я же просила меня так не называть! И никуда я с тобой не пойду. Это место для жениха и невесты. Мне туда рано.

"Ага! — думаю я, — попалась мелкая. Вот он источник информации! Сейчас ты мне всё расскажешь и объяснишь, а особенно про жениха и невесту. У меня много вопросов — всяких и разных". Вслух же произношу:

— Это да! Тебе туда рано. А может тогда, хоть, проводишь. Я же не знаю с какого бока туда залезать надо. Подскажешь?

Евдокия минуту подумала и милостиво согласилась. Взяла меня за руку и потащила за собой в сторону шатра. Только я не бычок, чтобы меня волочить куда покажут. Я, между прочим, своё мнение имею. Слегка притормаживаю мелкую и направляю к непонятным брёвнам(есть у меня такие на участке — откуда взялись и зачем тут лежат не знаю, потом порубаю на дрова) посидеть, поговорить. Девчонка сама рада. Видать уже притомилась участвовать в этом бедламе. Садимся на брёвна и разговариваем о всяком.

Невинная детская душа! Она не знала с кем сейчас разговаривает. Уж что-что, а ребёнка разговорить, для меня труда не составит. Двух дочек в той жизни вырастил. Не эксперт, конечно, но тоже кое-что могу.

А тут ещё, возле бревён, куст крыжовника растёт. Прямо подарок с небес. С тёмно-красными, а местами вообще бордовыми ягодами. Что за сорт такой — не знаю. Но вкусный и сладкий до невозможности! Вот и кушаем мы это лакомство, а попутно ведём беседу про всё сразу и ни о чём одновременно. Но это на первый взгляд. На самом деле, я, маленькими, ничего незначущими вопросиками выпрашиваю у Евдокии, что тут твориться и что с этим делать, в конце концов? А Евдокия мне, со всей детской непосредственностью, отвечает.

В общем, если не вдаваться в подробности, то нас будут женить гражданским браком. Нелогично? Но это я так назвал. Как это называется правильно я не в курсе. Евдокия тем более. Для неё это просто свадьба. А суть этого действия — проста до невозможности. Собирается толпа, чем больше тем лучше, и пара молодых перед всем честным народом заявляет, что с этого дня они будут жить вместе. Вот собственно и все. С этого дня никто не скажет, что невеста шалава, а жених ходок. Свидетелей много — все всё видели и слышали. Можно, конечно, потом расстаться и не доводить дело до нормальной свадьбы. Но тут придётся уезжать куда-то очень далеко. Не поймут люди такого поступка. Особенно в этом времени. Ладно с этим, но не понятно только одно — зачем надо было всё скрывать от меня?! Что я не понял бы, что ли? Нафига было этот огород городить?! Я бы и денег дал сколько надо. Мне не трудно. И почему мне нельзя участвовать в подготовке? Зачем отдыхать? Куда делась Рита? Опять одни вопросы и ни одного ответа. Честное слово лучше бы и не разговаривал с Евдокией. Ща посмотрим, что там в шатре и надо Витаса навестить. Пора бы его покормить. А Дуся мне поможет.

В шатре всё скромненько — небольшой стол и два стула. Всё! Даже скатерти нету. Ну нафиг! Что мне тут делать? Если бы Рита была рядом, то ещё куда ни шло. А так — ну его этот шатёр, что я не найду чем заняться?

Глава 7

Да! У меня всё получилось. Ура! Дрова в топке горят ровно. Никаких посторонних звуков, кроме лёгкого потрескивания. Ну это понятно — идеально сухих поленьев не бывает. Пришлось мне побегать между этажами, чтобы добиться такого эффекта. Но это того стоило. Вся сложность состояла в том, чтобы подобрать правильное положение задвижек-вьюшек и зазор дверцы поддувала. У печки этой системы предусмотрены два хода: летний и зимний. Поэтому вьюшек много. Вот и носился вверх-вниз регулируя и настраивая. Зато, глядя на результат, можно сказать, что я справился. И это радует. Сутки, максимум двое и всё — пользуйся новая семья новой печкой. Аж на душе легче стало. Надоели мне эти примусы. Нафиг с ними возиться. Я живу на берегу реки и поэтому у меня дрова каждый день мимо проплывают. Не ленись и с отоплением проблем не будет.

Наверное, в первый раз, в этом времени, я не хотел есть. Вместе с Марго, мы уничтожили почти всё, что осталось после вчерашнего праздника. Вернее, что осталось у нас дома. Там ещё тёща вчера унесла к себе на ледник много чего. Ей все гости, кто мог стоять на ногах, помогали. У нас, на кухне, осталось только то, что не портится быстро. На завтрак хватило и на перекусить, в обед, немного осталось, а там и Рита с техникума придёт. Придумаем что-нибудь посущественнее. Вспомнил, какой был голодный вчера, во время всеобщего праздника обжорства, ну или свадьбы — кому что ближе...

Сидели с Марго в шатре, жали чего-то. Не знаю как она, а я кушать хотел уже давно. Очень. Зато гости отрывались по полной программе. Ели, пили, закусывали, веселились и пели песни. Мы же сидели в закрытом шатре и смотрели на глубокую тарелку с овсяной кашей. Она была вкусная — с топлёным маслом, изюмом и мёдом. Специально для нас приготовленная. Но блин! Хотелось чего-нибудь жареного или тушёного, с общего стола. Мяса хотелось! Запахи стояли такие, что слюнями можно было подавиться, даже в шатёр проникали. Ан нет! Фиг вам! Только кашу и морс сливовый. Больше ни-ни. Низз-зя! Обычай.

Вот и представьте что, пока не стемнело, мы провели всё время в шатре вдвоём голодные! Ничего не делали, даже не целовались. Разговаривали, в основном, о том, как всё это получилось и зачем оно надо. Иногда побыстрому проглатывали по паре ложек каши и делали по плотку морса. И всё! Ждали сигнал. Какой? А я откуда знаю! Меня в такие тонкости не посвящали. Я у Марго сто раз спросил, а она только улыбалась в ответ. Дождались, когда на моих часах перевалило за восемь часов вечера.

Гости неожиданно возбудились и стали, сначала по-одному, а потом и все вместе требовать, чтобы Рита вышла из шатра. При этом её звали обязательно упоминая фамилию. Так и кричали:

— Рита Тепляева, выходи!

— Выходи, Тепляева Рита, тебя гости ждут!

— Тебя подруги ждут, выходи Рита Тепляева!

Ну и всё тоже самое, только в разных вариациях. И так минут десять, пока не прозвучало:

— Ой! Что же делается?! Выходи Рита Тепляева, к тебе милиция пришла! Тебя милиция ждёт!

С этого момента всё и понеслось...

Рита подбежала к шторкам, что закрывали вход в шатёр и, не открывая их, начала пронзительно, на распев голосить:

— Не пойду! Не пойду к вам! Вы другую девушку зовёте! Я теперь не Тепляева! Пока не позовёте правильно, я не выйду! И милиция пришла не ко мне, а к другой! Не выйду, пока милиция не позовёт меня правильно! Я теперь Тихая! Зовите меня так!

Мне это показалось, каким-то детским театром на выезде в дурдом. Всё как-то наигранно, неправдоподобно, искусственно и совершенно не в тему. А вот народ воспринял это, как должное! Все начали требовать у милиции, чтобы они позвали девушку правильно. Тут уж Собкин и Фёдор, и ещё пара ребят из линейного отдела, начали возмущаться, что это не по закону. Нельзя фамилию самой менять! В паспорте написано Тепляева, значит другой фамилии не может быть! Вот если она женится, тогда может взять фамилию мужа. А раз нету мужа, то и разговаривать не о чем!

Гости сразу же с этим согласились! Да и ещё как! С таким жаром начали, теперь требовать у Риты показать мужа, то есть меня, что наверное на Луне было слышно. Или согласиться с милицией и отозваться на фамилию Тепляева. Но при этом, ни имени, ни фамилии моей не называли.

А Марго опять удивила. В этот раз особенно громко и очень радостно закричала:

— Есть у меня муж! Есть мужчина которого я считаю своим мужем! Это Вилор Тихий! Вы все его знаете! Поэтому зовите меня правильно — Маргарита Тихая! Тогда выйду к вам! Зовите правильно, тогда выйду! Пока не позовёте правильно не выйду! Я теперь Тихая, зовите меня так!

В общем, дурдом растянулся ещё минут на пятнадцать. Гости разделились на две половины: одна орала, что Риту теперь надо называть Тихая, а другая, что этого нельзя делать пока милиция не даст своего согласия. В общем полный идиотизм, по моему. Тут, в этот хаос народного творчества, совершенно неожиданно подключились две, очень мне дорогие девушки — Катерина Воронцова и Маша Бартолье. Моя наставница и моя почти сестра. С Катей виделись перед застольем, а откуда Маша взялась? Куда интересно она дела своих трёх детей? Впрочем тут места много, наверное где-то бегают и играют. А и фиг с ним... Тут не это главное. Главное то, что они обе начали ручаться за меня перед всем народом, расхваливать и всячески убеждать в моей скромности. Типа, я не выйду пока милиция, нас с Марго, не признает мужем и женой. Милиция упёрлась рогом и ни в какую не соглашалась — ссылаясь, что мы несовершеннолетние и вообще ещё дети. Да, блин-то! Этим-то чего не хватает? Я полностью потерял смысл этого представления. Но не выступал, а ждал чем всё закончится...

А закончилось всё, согласно советской действительности, простым голосованием. Собкин переложил проголосовать за то, чтобы признать или не признать нас мужем и женой. А он, как представитель власти, выступит главным арбитром в этом деле. Правда были ещё дебаты, но это тоже всё из заранее спланированного. Кто-то пытался предложить свою кандидатуру в мужья Рите, а некоторые девушки себя в качестве жены мне. В общем утренник в детсаде продолжался. Не, так-то было весело и даже познавательно. Но я, как-то привык к другому. Хотя и так пойдёт. Чего уж там.

Проголосовали. Решили разрешить(пardon за каламбур). Только после этого Рита обернулась ко мне и радостно сообщила:

— Пошли! Теперь можно!

А я что? Взял Марго за руку и распахнул шторы шатра.

Народ встретил наше появление улюлюканьем и вогласами одобрения. Я так, из скромности, помахал ладошкой всем. Типа — фигли нам, мы и не так можем! Но Рита меня дёрнула за рукав, призывая к спокойствию и тихонечко, на ухо, сказала:

— Подожди ещё не всё. Самое главное осталось.

Подожду, чего бы не подождать-то? Пять часов ждал, а смысла не понял. Может сейчас всё станет ясно?! Я всё ещё считал, что это действие является каким-то фарсом. Но мои ожидания не оправдались.

Откуда-то сбоку выскочила Конкордия Прохоровна и начала, играя перед публикой, вопить во весь голос:

— Это что же такое получается?! Мою дочь, мою кровиночку, мою единственную уводит какой-то проходимец! Как ему можно верить! Не отдам!

Я честное слово, выпал в осадок от таких заявлений! Это чего это вообще? С какого бодуна и после какого стакана водяры, надо было придумать такую фигню? Тёща с ума сошла или "белочку" словила на радостях? Ну или от горя. Тут ещё надо разобраться что и отчего. В общем, стою я, весь такой офонаревший, а Конкордия Прохоровна заявляет во весь голос(я бы даже сказал, что она заорала):

— Клянись, ирод неугомонный, перед всем честным народом, что распишитесь в ЗАГСе, как только в положенный возраст войдёте!

Народ тут же дружно подхватил и тоже очень громко потребовал:

— Клянись!

Пинпец! Да вроде всё уже решили. Чего ещё-то? Я посмотрел на Риту. Мне почему-то захотелось увидеть её лицо. Потому что всё происходящее мне не казалось важным. А вот её взгляд меня убедил, что всё вокруг — не игра, а что-то настоящее. Она ждала моего решения! Ждала всей душой. Я это видел. Видел как начинают скапливается влага в уголках глаз. И только от моего решения зависит, что это будет: слёзы горя или радости! Это другое время! Тут люди живут по другому. Другие правила, другие отношения и вообще — всё не так как в будущем. Честнее что ли. Не знаю.

Я люблю эту девушку. Поэтому я ответил просто:

— Клянусь. Честное комсомольское.

А что ещё-то? Я не знаю, как в этом времени, можно по другому поклясться. Вот и сказал, что первое в голову пришло.

Народ притих. Все ждали ещё чего-то? Не думаю. Просто сценарий, наверное, вспоминали. Столько сразу всего случилось, вот и подзабыли маленько. Чего только не бывает. Случается и такое. Но нет — это Конкордия Прохоровна решила выдержать паузу. Потому что, через пять долгих секунд, она произнесла:

— Иди сюда сынок! Дай обниму и поцелую МУЖА моей дочери!

Обнимашки, целовашки и радостный писк Риты. Несколько секунд приятия и понятия всего происходящего. А потом, как гром среди ясного неба, голос Собкина:

— Нечего детям делать среди взрослых. Идите прочь от хмельного стола! У вас есть чем заняться.

Я в который раз посмотрел на, теперь уже, жену. Глаза её смеялись. Не знаю как это возможно, но так и было. Женщина, что ещё скажешь. Она кивала, как бы говоря, что надо соглашаться. Ну и ладно. Марго лучше разбирается в этом спектакле. Соглашаюсь, чего уж там. Предлагаю ей руку и гордо веду в дом, мимо всей этой компании.

Народ опять начал кричать что-то такое похабно-бравурное. Типа советы давать, как и

что делать чтобы не скучать. Только нам этого не надо было. Мы степенно шли ни на кого не обращая внимание. Зашли в дом, а там, перед лестницей на второй этаж, нас ждали Лёва и Катерина. Они передали нам большую корзину, с чем-то вкусно пахнущем и отправили наверх. Стоило переступить пару ступеней, как они повязали между перилами, какую-то разноцветную тряпку. Отсекая путь назад или наоборот, не давая пройти, какому-нибудь непрошенному гостю, наверх. Пофиг. Всё! Мы вдвоём.

На втором этаже нас ждала шикарная кровать из двух матрасов положенных друг на друга и накрытым сверху бельём. Три полосатые подушки и одеяло в цветочек. Прямо сексодром в стиле соцреализма какой-то. Но это я знаю такое слово и что оно значит. Что там в голове у Риты, даже представить не могу. Да и зачем? Что нам заняться нечем? Вот и занимались, пока не заснули...

Эх! Ладно, вернёмся к насущному. Будет ещё время свободное, тогда и буду вспоминать, что там, на этой эрзац-свадьбе было. Завтра медкомиссия и после неё, у меня времени свободного не будет. Надо пользоваться свободой, пока есть возможность. Не пора ли мне заняться подвалом? Попробовать, в конце концов, открыть потайную дверь. Инструмент какой-никакой есть, да и идеи, кое-какие по этому поводу, возникли. Точно! Займусь.

Как и всегда, решил сначала все дела с безопасностью. Возле калитки поставил пустое ведро. Если кто войдёт эта жестянка упадёт и загремит, а у меня будет время, чтобы что-то придумать. Заодно покормил Витаса. А что? Он, когда сытый, спит так, что фиг разбудишь. Зачем мне писклявая сигнализация? Отвлекать будет. А мне сосредоточенным надо быть.

Перевернул весь сарай в поисках наличного инструмента. Кое-что пришлось искать по всему дому. Да-с... Эта подготовка к празднику не прошла даром. Ребята, сколачивая столы и лавки, а также мастера шатёр, раскидали всё что у меня было по всем углам, где и оставили. Но это мелочи. Даже немного посидел, отдохнул, на памятных брёвнах. Похихикал чутка, вспоминая начало "свадьбы", которое произошло, для меня, именно здесь. Дело было так...

Сидим мы, значит, вчера с Евдокией на брёвнах и болтаем о всякой ерунде. А тут, мимо нас, с радостными криками и визгами, проносятся все женщины, девушки и девочки приглашённые на этот праздник. Я в недоумении посмотрел на Дусю. А эта пигалица, тоже, готова была сорваться с места и бежать вместе со всеми. Еле успел перехватить её. Очень уж мне было интересно, что это за забег по пересечённой местности такой? Как оказалось это один из старых обычаев. Чисто женский и ведущий своё происхождение с незапамятных времён. Вообще-то это я так думаю, а Евдокия просто сказала, что все приглашённые девушки, перед свадьбой, так делают. В чём смысл, этого обряда или обычая, я не знаю. Да и никто наверное не знает. Мне, как мужику, это не очень интересно. У нас своих, мужских обычаев хватает, а про обряды вообще молчу. Но от Дуси, я всё-таки добился хоть какого-то вразумительного пояснения этим гонкам. Оказывается, все представительницы прекрасного пола, то бишь женщины, девушки, девочки и иже с ними, приглашённые на свадьбу, должны, перед тем как садиться за стол, постирать любую вещь и одеть новую. А мокрую спрятать в сумочку или ещё куда, хрям его знает, что у них будет с собой. Зачем всё это делается — я не знаю! Дуся тоже не знает. Обычай такой. И всё.

На мой вопрос:

— А что в основном девушки стирают?

Евдокия подумала немного, посмотрела с хитрецей на меня и ответила:

— Когда как. Я, вот, буду бантик стирать. У меня в кармашке запасной лежит. А вот

Ленка, ну эта, Лёвина девушка, будет блузку в которой готовила угощение стирать. Она с собой чистую принесла. Я видела.

Насколько я понял, то стирать можно всё что угодно. Хоть трусы с панталонами. Лишь бы была замена. Да-с... Чудны твои дела, Господи! Это ж кто такую хренотень придумал? Удивительно, как народ в этом времени развлекается. Чего только не выдумают, лишь бы повеселиться. Пойду и я, только не стирать шмотку какую-либо, а к шатру. Может, хоть посижу спокойно. Пора привыкать к мысли о женитьбе. Дочапал потихонечку, а там Рита стоит. Ждёт.

Я не удивился ни грамма. Подспудно ждал чего-то такого. Подбежал, обнял и хотел уже подхватить на руки. Но был остановлен. Мне показали на вход в шатёр. А я что? Я понятливый. Приоткрыл одну шторку, впустил девушку и сразу же, следом за ней, зашёл сам. Тут можно никого не стесняться. И опять меня остановили: — " Причёску испортишь, платье помнёшь и вообще — наберись терпения!" и никаких гвоздей.

Что делать дальше? Прямо загадка века. Отдал всё в руки Марго. Она лучше знает что тут и как. Зато решился и начал рассказывать всяческие анекдоты. Ну — это для настроения, всегда полезно. В процессе, я решил расспросить, о обычае стирать всякую фигню перед свадьбой. На что Рита ещё больше расхохоталась. Сквозь всхлипы от смеха я услышал:

— Да брось ты, Вилор, о такой ерунде думать. Это наше девичье. Тебе это не надо.

Не надо — значит не надо. А ведь правда, чего это я? Пока я отвлёкся, Рита успела куда-то сбегать и принести здоровенную миску с кашей и кувшин с каким-то питьём. Всё это она водрузила на стол, со словами:

— Это для нас! Обычай. Теперь только ждать...

Ладно, по-вспоминал, похихикал и хватит. Не дай бог, кто-то увидит — за идиота примут, а это прямая дорога в клинику к товарищу Лившицу. А оно мне надо? Нет! Поэтому надо в подвал потихонечку идти. Вместо меня никто эту дверь ломать не будет. Только придётся собрать все керосиновые лампы в одну кучу, чтобы было посветлее. Иначе ничего не найду и действительно придётся ломать. А мне этого очень не хочется. Вдруг когда-нибудь и зачем-то пригодится такая массивная и крепкая дверь? А что? Всё может быть.

Всё что сумел найти перетаскал на кухню или, если быть точнее, в единственную комнату на первом этаже. Перегородки мы сообща убрали и теперь только печь выступает виртуальной границей кухни и зала. А я ничего менять не буду. Мне нравится так. Потом, когда приобрету или сделаю сам кухонную мебель, можно будет более явно обозначить границу, а пока и так сойдёт.

Подковырнул бронзовое кольцо. Теперь оно легче вышло из специального паза. Вот и хорошо — это отличный знак! Прежде чем спуститься в подвал, я подбросил дровишек в топку. Немного. Температуру надо держать. Я же хочу — чтобы всё побыстрее закончилось? Вот и стараюсь. Всё, можно идти на встречу с тайной.

Какой же вонючий этот керосин! Пока заправил все лампы, несколько капель этой жидкости попало на мой рабочий комбинезон. Теперь буду благоухать, как старый примус. Блин...

Так! И что мы имеем? Всё по старому. Ничего за это время не изменилось. Пыль и хлам на месте. Типографский станок тоже. И пулемёт никто не забрал, пока меня не было! Ну и ладно, мне же проще. Кое-какие мысли у меня есть по этому поводу. Вот и займусь их претворением в жизнь.

Лампы ставим полукругом, чтобы видеть даже самый укромный кусочек двери. Вот так

примерно. Можно действовать. Для начала пройдусь внимательно взглядом. Потом надо пощупать каждый гвоздь и каждую заклёпку — вдруг что-то шевелится, качается или поворачивается? Хм. Странно. Прямо монолит какой-то, а не деревянная дверь. Ладно, тогда берём молоточек и начинаем обстукивать всё что попало под руку. Может звук какой появится странный. А это уже кое-что и хоть какой-то результат будет.

Час, в бесплодных попытках, пролетел незаметно. Надо подниматься наверх, чтобы чаю попить и передохнуть маленько. Заодно дровишек подкинуть в печь. Лампы потом заправлю. А сейчас мне нужен свежий воздух, чтобы подумать и всё-таки принять решение.

Умели раньше мастера загадки загадывать! Против этого не поспоришь. Вроде бы ничего сложного — ан нет. Фиг там! Ни одной щёлки, ни одного мизерного зазора. Я даже не смог определить какая толщина у этой долбанной двери. Всё подогнано вплотную и зачищено заподлицо. Не подлезть никак. Надо инструмент раздобыть более подходящий. Ну... или ломать всё на фиг, тем инструментом, что есть в наличии.

Разобрался с печкой — подкинул дров. Напился чая. Успокоился. Подумал чутка и решил съездить на рынок. Может там что подходящее найду. А что? У меня сегодня выходной, что хочу то и делаю. Зато рынок это такой вариант антидепрессанта в этом времени. В разглядывании товаров и последующей торговле, есть что-то такое — успокаивающее и способствующее правильным размышлениям, если громко не торговаться, конечно. Вот и проверю заодно.

Эх, мой велик! Застоялся бродяга железнобокий? Ща, мы с тобой по горкам, да колдобинам калужским и по булыжнику дорожному прокатимся, с удовольствием и прямо до центра. А потом, можно и в общагу, за дровами, заехать. Всё равно по пути. Мне много не надо. Хочу что-нибудь пожарить на угольках, к приходу Марго. Что? Пока не решил. Но обязательно придумаю. Рынок — это такое дело. Навевает.

Понедельник — совсем не рыночный день. Народ отдыхает от единственного выходного дня. Поэтому я не удивился отсутствию толпы, которая обычно шляется по торговым рядам. Но меня это не смутило. Целенаправленно иду в будку к сапожнику, к деду Василию. Хоть и расстались мы, в крайний раз, не очень хорошо. Но такова жизнь, а я надеюсь, что от лишней копейки этот менеджер не откажется. Да собственно так и получилось.

Опять сижу в будке сапожника, а товар мне подтаскивают всякие сомнительные личности. Чего только не перебрал сам своими руками. Выбрал много чего и всякого. Зачётно получилось с плотницко-столярным инструментом. Понабрал всего: от мелкозубой ножовки, до совершенной экзотики — церазика и клюкарзы. А что? Мне всё пригодится. И не только, чтобы дверь взломать, а ещё, например, для изготовления кухонной мебели. Вот! Про коловорот можно не говорить — это приобрёл в первую очередь. А к нему свёрла разные: от перьевых и до тех, что по металлу. В общем затарился так, что еле до дома доехал. Звиздец тебе дверь, что не просверлю, то выдолблю клюкарзой — на фиг! А потом топором до ума доведу! Думал колёса у велосипеда, от перегруза отвалятся. Но нет, справилась фашистская техника. Довезла и не рассыпалась на отдельные винтики и болтики.

Через два часа идти Марго встречать. А я ничего из съедобного не купил и за дровами, в общагу, не заехал. Просто некуда было это всё разместить. А в руках тащить чего-либо и велосипедом управлять одновременно, я не умею. Это надо в цирковое училище идти, учиться и время тратить. А мне надо прямо сейчас. По дороге, потом, чего-нибудь купим вдвоём. Чего уж там. Нам ли быть в печали по не совершённым покупкам? Не голодаем вроде.

Дверь сдалась после часа упорной работы. Даже, наверное, не так — не сдалась, а сначала, приоткрыла свою тайну и уже потом сдала все тайны старых мастеров (снимаю шляпу перед ними). Коловорот и клюкарза помогли — вовремя я их купил. Сразу скажу, что дверь скрывала подземный ход. Пройдя по нему около ста метров я упёрся в завал. Так что неожиданностей с той стороны можно не ждать. Там бригаду метростроевцев надо, чтобы всё привести в порядок. А ведёт он скорее всего в церковь. Я это вычислил исходя из направления. Специально наверх вылез, чтобы сориентироваться. И, как мне кажется, завал образовался во время взятия Калуги нашими войсками. Тогда здесь чего только не взрывалось. Могло и что-то такое очень тяжёлое взорваться, чтобы ход обвалился. А там фиг его знает. Я не специалист.

Теперь, у меня есть место, куда можно весь хлам из подвала спрятать. Замучаюсь таскать правда, но это уж, как-нибудь перетерплю. Мне соленья и варенья негде хранить, а тут печатный станок мешается и статья расстрельная маячит. Так что всё будет нормально. Заодно можно из мелкашки пострелять. Мне на двадцать пять метров её надо пристрелять. А тут столько места пропадает зря. Ух! Одной проблемой меньше. Аж полегчало. Теперь можно и насущными делами заняться. Витаса покормить, Риту вст ретить и многое другое. Что мы не молодожёны что ли? Найдём что делать.

Глава 8

— Что? И на велосипеде ездить нельзя? — я с возмущением обвёл взглядом всех членов медкомиссии.

— Да, нельзя! — ответил местный хирург(самый большой козёл, по-моему из всех).

— Я бы ещё добавил, что категорически нельзя! — с серьёзной рожей, внёс свою лепту в мой приговор, местный "доктор Менгеле", физиолог то есть.

— Да, вы совсем что ли... — начал говорить я, но был прерван главгадом-хирургом.

— Выйдите из кабинета! Завтра зайдёте за личной карточкой! Справку о нетрудоспособности, выписку, рекомендации и направление на лечение заберите, прямо сейчас, в регистратуре. До ЗАВТРА!

Я, не прощаясь, вышел из помещения. Добрёл до куда было сказано. Взял кучу уже подписанных бумажек и полностью морально убитый вышел во двор больницы.

"Вашу же мать! За что мне это! Я не доктор и ничего в этом не понимаю, но блин! Я здоров! Здоров как бык, бл. ь!" — именно такие мысли были у меня, когда я садился на велосипед. "Эта фигова комиссия отправляет меня лечиться в санаторий. На три недели! Я только что женился! Какие нахрен три недели? У меня, в подвале, оружия на целую роту и печатный станок. Если я это куда-нибудь не спрячу, то мне кирдык и даже лоб зелёной мазать не будут, так обойдутся" — продолжил я размышлять.

Одно я вывел из всех этих мыслей. Мне не везёт! Мне перестало вести, как только я согласился поучаствовать в этом задании Собкина. Значит надо ехать к нему, а там пусть он решает — что делать и как всё это исправить? Вот!

В линейный отдел, я зашёл пыхтя, как паровоз "ФД". Гнал на велосипеде выжимая из себя всё. Хотел успокоиться, а получилось что получилось. Удачно или нет, но никто по дороге, к кабинету Собкина, мне не встретился.

Собкин, сначала, меня внимательно выслушал, сбегал за чайником, достал баранки, а потом начал давать советы и успокаивать, одновременно:

— Ну и что такого? Подумаешь санаторий! Съездишь, подлечишься, отдохнёшь и вернёшься назад. А про Ритку не переживай. Люди на фронт уходили сразу после свадьбы и ничего. Присмотрим тут, чтобы к ней никто не подходил. Катька, вон, тоже замуж собралась. Будет с ней по вечерам разговаривать. Конкордия Прохоровна, тоже, женщина не промах. Найдёт занятие твоей супружнице, на три недели. Ехай и даже не думай. Нашёл проблему. Мне бы кто предложил, я бы ни минуты не раздумывал. Хоть отоспался бы и отвлёкся от этих дел железнодорожных.

Я сидел, пил чай и представлял — Рита спускается в подвал, а там...

— Нет! Ну как так-то?! — я аж подпрыгнул со стула, — Как они могут меня куда-то посылать? Порекомендовать могут, я согласен. Но посылать, сразу, вот так... Не понимаю.

Собкин внимательно на меня посмотрел. Подумал. Зачем-то подошёл к сейфу. Открыл этот железный ящик. Достал оттуда стопку листов. Ухмыльнулся и, уже с бумагами, вернулся за стол. Всё также улыбаясь, начал перебирать листки с текстом и говорить:

— Вот смотри. В апреле вышел указ о санаторном и профилактическом лечении. Правительство беспокоится о народе — путёвки оплачивает, теперь, вместе с организацией, где ты работаешь. Люди воевали и никто не хочет, чтобы в мирное время гибли люди от

перенапряжения. Надо вовремя отдыхать и лечиться от профессиональных заболеваний. Читай газеты, что ни день, то новый санаторий открывают.

— Это хорошо, — согласился я с лейтенантом, — но мне-то зачем это нужно? Пусть ветеранов посылают или действительно больных людей. Я же здоров! Вон, сегодня, опять, с брёвнышком начал заниматься. Ничего не болит и никакого дискомфорта не испытываю. Лучше вам, действительно, по этой путёвке съездить, в таком случае, чем мне.

Уговоры продолжались ещё минут десять. Потом я сдался. Но с условием, что Собкин, сам всё будет объяснять Рите и Конкордии Прохоровне. Мне такого не надо. Я спокойно пожить хочу. И желательнее ближайшие лет пятьдесят. Товарищ лейтенант обещал всё уладить. На этом мы с ним попрощались.

Мимо кабинета Катерины, я не смог пройти. Зашёл. Посидели, обсудили новости. Катя, также как и Собкин, настаивала на моём лечении в санатории. Мотивируя свои мысли тем, что врачам виднее и их нужно слушать. Я через силу вынужден был признать её правоту. Хотя, в душе, у меня всё было против этого. Катя отобрала документы, которые я убирал в нагрудный карман, немного пошуршала листами. Потом заинтересовалась и неожиданно обрадовалась, сообщив, что путёвка не имеет временной привязки. То есть я могу ехать лечиться в любое время. Но есть и ограничения. Больничный лист у меня продолжен до тринадцатого сентября — до следующего вторника. Первый раз я такое вижу. Обычно закрывают в пятницу или в понедельник. Но это ладно, мне же лучше. По словам Катерины, в следующий раз мне его должны продолжить, или закрыть, уже в санатории, когда туда доберусь и зарегистрируюсь. Ну хоть что-то в жизни хорошее появилось. Весь под впечатлениями, я высказал всё, что думаю о медицинских работниках — в общем и тех, кто был в медкомиссии — в частности. Почему они мне сразу не сказали, что ехать лечиться надо когда удобно, а не прямо завтра?! Сидели между собой разговаривали, а на меня никакого внимания не обращали. Могли бы хоть одним словом намекнуть. Я что, сам должен, в этой ихней бумажной кухне, разбираться? Интеллигенция — мать иху! Шарикова на на них нету. Этот быстро бы их, на место поставил.

Час за разговорами пролетел незаметно. Мне пора уже Риту ехать встречать. Катя также заметно волнуется. Не знаю почему, но наверное что-то важное. Поэтому я не стал заморачиваться и просто попрощался. И уже выходя в дверь, чуть не стукнулся лбом об товарища Собкина. Он как раз наоборот заходил в кабинет. Минутная заминка и я слышу от него:

— О! Вилор, а я тебя искал! Как знал, что ты будешь у Катерины сидеть. Небось чаи гоняли, пока начальство трудится не покладая рук?

— Вот ведь! — вырвалось у меня, когда понял, что ничего хорошего от этой встречи мне не будет и подумал: — «Надо же, чуть-чуть не успел, а ведь мог смыться потихому».

Лейтенант не стал рассусоливать и сразу попёр в атаку:

— Вилор, а ты ничего не хочешь сказать?

— Это не я! — на всякий случай решил откреститься от любого обвинения. Фик его знает, что этому ушибленному лейтенанту в голову взбрёт, — и вообще он первый начал. Вот!

— Кто?! — в один голос спросили Катя с Собкиным и уставились на меня. Катя, как самая нетерпеливая, переспросила, — Куда ты опять влез?!

— А вы вообще про что? — я продолжил играть непонимание, а заодно начал хлопать ладонями себя по одежде, делая вид, что что-то потерял в своих карманах.

— Нет уж, — лейтенант всё же решил продолжить разборки, — это ты нам скажи! Почему все, когда ищут тебя, звонят мне? Я вообще-то в секретари к тебе не нанимался.

— А! Так это не я, — обрадовался я, — это у них надо спросить, откуда они знают ваш номер телефона. Я тут не причём, потому что не помню, хоть и знаю. А кто звонил?

— Это как? — опять в унисон спросили Катерина и лейтенант.

Пришлось объяснять, что память это штука такая — непонятная и можно много всякого помнить, что не нужно, а можно сразу забыть что-то важное. Минут пять потратил, пока дошло до этих учителей. Сам не понимаю, что я там наговорил. Но вроде отстали. Только Собкин не тот человек, который хоть что-то забывает. Начал меня грузить, по полной программе. Всё вспомнил... даже, про засаду возле тёщиного дома. Хотя я, к этому, вообще никаким боком не причастен. Там ситуация очень необычная — с двойным или даже тройным дном, по словам лейтенанта. Всё хитро переплелось так, что управление МГБ самс не знает — радоваться или наоборот печалиться. Перемешались в кучу — уголовники, БХСС и министерство обороны. Мне-то пофиг, но желательно, чтобы от тёщи отстали все!

Я уже собрался уходить, когда Собкин меня опять придержал — вспомнил зачем он сюда пришёл. Вот, блин! А я думал, что он забыл. Зря я надеялся — помнит он всё. В общем отправил он меня к Исиповой. Она, оказывается, всех на ноги подняла, меня разыскивая. Какое-то срочное дело у неё. Лейтенант строго предупредил, что если я не появлюсь у секретаря сегодня, то меня туда доставит Фёдор, на машине и под арестом. Сдаст с рук на руки. Вот уж чего мне не нужно, так это Фёдора в качестве сопровождения. Я лучше сам как-нибудь доберусь. Без этого любителя поговорить о женщинах и новых фильмах. Брр! Как представлю, так сразу куда-то в тихое место хочется, типа пустыни Сахара.

Весь в сомнениях о том, чем мне грозит визит к комсоргу, я не торопился закрывать дверь в кабинет Катерины. Собкин это принял на свой счёт и как бы извиняясь произнёс:

— Вилор, я рапорт на имя Ивана Ивановича Горгонова по спецпочте отправил. Мы с ним немного знакомы. Он должен разобраться в твоём деле. Я тебе обещаю, что награду ты получишь обязательно!

— Спасибо, товарищ Собкин, — задумчиво ответил я и вышел из кабинета.

И это ещё на мою голову! Пока шёл по коридору, вроде всё ничего, а стоило выйти на улицу, как началось. Эмоции навалились, как будто бы молотком меня огрели. Честное слово, чуть ли не истерика началась. Столько всего и сразу обрушилось. Мысли в голове пугались, хотелось куда-то бежать, что-то делать, кого-то догонять, кому-то что-то доказывать, а может и морду лица набить. В общем — пинпек полный! А-а-а! Задание от деда, расстрел за то что находится в подвале, лечение в санатории, квалификационный экзамен и теперь ещё Исипова со своими хотелками! Награда? Да на хрям она мне нужна! Мне бы пару дней спокойных, вместо неё. Разорваться я не могу, а делать всё, всё равно надо. Ещё и эта фамилия, что упомянул Собкин. Мне она почему-то кажется знакомой. Не могу вспомнить, но точно уверен, что что-то слышал о этом человеке. Очнулся только после пятого пирожка. Оказывается я пришёл на привокзальный рынок. Где меня узнали, а я по привычке начал набивать желудок. И ведь даже не заметил! Во дела...

Час потратил на то, чтобы найти Татьяну Николаевну. Она такая же неугомонная как Катерина, вечно где-то пропадает. Но нашёл и очень удивился новостям, что она мне сообщила. Дело в том, что слухи, о моём героическом поведении в момент задержания опасного преступника, дошли до кого-то из руководства ВЛКСМ. Те решили это дело обыграть по своему, для поднятия престижа комсомольской организации и соответственно

наградить чем-то почётным от СЕБЯ. Но сделали это как-то коряво и, к тому же, ни с кем не посоветовались. Я не большой специалист в таких делах. Поэтому не могу сказать, что и где пошло неправильно. Но результат получился занимательный. Состоялось экстренное совещание ЦК ВЛКСМ, где определились с наградой. Это была "Почётная грамота от ЦК ВЛКСМ", которая тут же была напечатана и запротоколирована в скрижалях комсомольской летописи. А вот дальше всё пошло не так. В МГБ тоже свой хлеб ели не зря. Узнали про это дело и резко настучали по рукам комсомольским вожакам. В общем — грамота есть, а освещать в прессе и по радио это дело нельзя. Короче — делайте что хотите: награждайте, поощряйте, хоть в лобик поцелуйте, но — пока идёт следствие, это не должно стать достоянием общественности — до определённого момента. Когда этот момент наступит — никто не знает. Поэтому мне надо просто съездить в Москву и получить грамоту. Ну и желательно помалкивать по этому поводу. Я же говорю — дурдом полный, хоть и занятый. Ладно, чего уж там, прокачусь до столицы, как только время появится. Может даже послезавтра. Посмотрим, чего сейчас загадывать-то. Кстати, Татьяна посоветовала думать быстрее, потому что неизвестно, что там в ЦК ВЛКСМ творится. А вот комсомолец награждённый ТАКОЙ почётной грамотой это уже ого-го какой уровень. Всё-таки высшая награда, как-никак, которую может дать эта организация. И ещё Исипова взяла с меня обещание, что как только я соберусь в Москву, сразу же ей сообщить. Будет небольшое поручение. Да и ладно. Времени у меня не осталось совсем. Рита наверное уже ждёт.

Успел почти вовремя. Рита уже была в той стадии, когда "надо куда-то бежать, а вдруг что-то случилось", но я в последний момент появился.

Домой шли через общежитие. Я опять запасся дровами. Как бы мне от коменданта не прилетело, за не целевое использование. Надо как-то решать эту проблему. В "Гортоп" что ли сходить, заявку подать, на парочку кубов осины? А впрочем у меня и так есть чем заняться. На фиг ещё и это себе на шею вешать. Решу чуть позже. В конце концов, можно день на берегу просидеть, прямо возле дома. Там, по реке, часто всякая всячина деревянная плавает. Можно наловить. Подумаю над этим.

Всю дорогу до дома я рассказывал мои сегодняшние приключения. Рита серьёзно все воспринимала, особенно про лечение в санатории. А когда я завёл разговор о поездке в Москву, то долго молчала. Видно было, что ей очень трудно принять решение. Но сейчас другое время и комсомольский секретарь это большая фигура. Решение было однозначным — надо ехать, сначала в столицу, а потом лечиться. Да, прямо так и сказала! А я что? Да ничего. Согласен я, давно уже, после пирожков вокзальных успокоился и решил. Так что всё решилось — еду!

Не знаю почему, но как-то так получилось, что чисто интуитивно, решили пройтись мимо пристани. Случайно вышло, честно. Шли-шли и вышли к ней. А теперь — только мимо неё или в горку, через городской парк. Решили идти по набережной. Погода хорошая, чего бы не пройтись? Нам спешить некуда и уж один-то час, мы имеем право погулять? Вот и гуляем проходя мимо реки. Нам можно. Да и природа здесь замечательная, особенно в это время года. Листья, на кустах и деревьях ещё сильная и свой цвет пока не собираются менять. Хорошо! Правый берег особенно красив. Мы пару раз останавливались чтобы полюбоваться на эту красоту.

На стихийном мини-рынке, что возле лодочной станции, мы купили огромного сазана. Никогда не думал, что у нас такие водятся. Ниже по течению, может быть, а у нас тут не видел ни разу. Но вот он! Прямо передо мной лежит и жабрами шевелит. Поросёнок речной

— килограмм на десять весом. Но тут я могу ошибаться. Потому что не было у нас весов. Ни у кого не было. Здесь вообще не было принято, с весами торговать. Нравиться рыбка — торгуйся или покупай за ту цену, что тебе говорят, а если нет, то и иди — сам лови. Река вот она! Глаза разуй и звиздуй, пока по шее не получил. Впрочем цены были умеренные и их никто не задирает. Да торговаться никто не запрещал, только надо это делать правильно. Рита не умела, но я рядом был. В общем, нормально всё получилось — будет у нас рыбный ужин. Ещё и тещу позовём, для решения некоторых вопросов. А что? Я таких огромных рыбин не знаю как готовить. Пусть подсказывает. Всю жизнь возле реки прожила, должна уметь. Не, я, как и любой нормальный мужик, могу просто порубить на кусочки, пожарить и мне будет нормально. Но ведь охота что-то такого — необычного... Вот и озадачу Конкордию Прохоровну пусть поработает на благо молодой семьи. А у меня своих дел много. Мне вон печку надо до конца доводить. Рита постоянно жалуется на примусы. То ли керосин плохой, то ли сами они хреновые — надо смотреть. А будет печь и все проблемы решаться сами собой.

Рита убежала за своей мамой, а я занялся печкой. Буду топить полный цикл. Заодно проверю на мелкие недоделки. Я уверен в качестве своей работы, но проверить необходимо. Фик его знает это тело. Может у него пальцы кривые и глаза под другим углом смотрят? На первый взгляд всё нормально, а начнёшь зимним ходом топить и пойдёт дым из всех щелей, что сразу не заметил. Вот и занимаюсь.

Работа привычная — глиняный раствор развести пожиже, вьюшки какие надо открыть полностью, в топку дрова посуше, поддувало настезь, запалить огонь и наблюдать. С одной стороны — нудно и суетно, а с другой — никто за меня это не сделает. К тому же зима не за горами и уже сейчас надо о этом помнить.

Пока занимался этим важным делом, пришли Рита и теща. Первым делом меня попросили отвлечься от печки и почистить рыбину. А я что! Мне это не трудно. Речка рядом, там этим и занялся. Почистил и выпотрошил как учили. Надеюсь, что моим понравится и никаких вопросов к качеству не будет. С берега понаблюдал за дымом, что поднимался из трубы. Нормальная, безветренная погода, поэтому хорошо видно работу печной тяги. Блин! С такой тягой никаких дров не хватит. Надо бежать и с поддувалом немного поработать. Но и хорошая тяга это сигнал, что печь нагрелась и скорее всего просохла полностью. В общем, на хрям эту рыбину — отдам девчонкам, пусть дальше сами, её только приготовить осталось. А мне надо с печкой работать и не отвлекаться на всякие мелочи.

Ужин прошёл весело. К нам на огонёк заглянули Катерина с женихом. Были разговоры и смешные истории. Но это всё потом, а сначала мы с Николаем(дедом Колей, его, как-то язык не поворачивается называть) осмотрели мою печь со всех сторон. Я, перед этим, успел замазать несколько небольших "свищей" и осмотр закончился с положительным результатом. С меня взяли обещание сделать такую же. Согласился, куда мне деваться. А вот потом был ужин! Рыбный супчик — на первое и кусочки сазана тушёные в сметане с картошкой — на второе. Обалдеть, не встать! Всё было вкусно. Тёща подтвердила гордое звание калужанки и это замечательно! Не, там и Рита участвовала, а на заключительной этапе ещё и Катерина присоединилась. Но всё это готовилось под чутким руководством Конкордии Прохоровны, за что ей отдельное спасибо. Нормально посидели, короче.

Провожали домой тещу все вместе. Тут идти-то всего ничего, но — надо же ей отдать должное, за такой прекрасный ужин. По дороге шли двумя группами: мы с Николаем и все

наши женщины, отдельно. И я теперь знаю, что первоначально визит Катерины был предназначен для разговора о моей поездке в санаторий. Катя хотела поговорить с Марго, чтобы она слишком не расстраивалась. Но та и сама была подготовлена мной. Так что всё разрешилось быстро и переросло в шикарный ужин. Потом немного проводили Катерину с Николаем. До перекрёстка улицы Кутузова и Беляева проводили. Там где первый фонарь уличный попался. Ну и всё вроде с гостями. Вернулись домой и занялись тем, чем и должны заниматься молодожёны. В общем нормально день прошёл, да и ночь тоже...

Утром проводил Риту в техникум, а сам отправился в больницу. Надо оставшиеся документы забрать. Иначе потом времени не будет. Я решил, что два дня буду заниматься очисткой подвала. Надо его в порядок приводить. Скоро заготовки на зиму пойдут, а хранить негде. Да и всякой картошкой с морковкой запастись надо. Про капусту промолчу, ещё не время. У меня тут столько места пропадает, что даже обидно. Это ещё Рита с тётцей не в курсе, а то было бы мне совсем грустно. Вот спрячу всё лишнее в подземном ходу, тогда и расскажу про подвал. А пока, молчу и занимаюсь своим делом.

В больнице сегодня всё получилось на удивление удачно. За это большое спасибо старшей медсестре. Она, в отличии от всяких сильно умных товарищей, действительно занималась делом. Стоило только назвать фамилию, как на столе тут же появились все необходимые бумаги. Одного не пойму — почему она мной вчера не занималась? Почему документы вчера выдавала регистратура? Хотя, что я знаю о местных порядках, может так и надо было. Дополнительно я выслушал получасовую лекцию, на тему "Как правильно и без проблем заселиться в санаторий, а так же кому и какие документы показывать". А мне только этого и не хватало. Я же просто не представляю, как тут, в этом времени, такие вопросы решаются. Слава богу, нашлась одна хорошая женщина, которая всё объяснила. Теперь можно спокойно ехать в Сочи.

Окрылённый, таким хорошим началом дня, я вернулся домой и наконец-то занялся подвалом. В первую очередь, с матерком и всяческими прибаутками, я затащил печатный станок в подземный ход. Это было самое сложное. Два часа на это потратил. Но допёр его, до самого земляного завала. А вот потом, после небольшого перерыва, занялся всем остальным. Умотался страшно, но большую часть удалось убрать. В основном это конечно оружие — пулемёт и револьверы. Винтовки оставил на потом, они в ящиках и ими хорошо можно будет перекрыть подземный ход, прямо перед дверью. С гранатами и патронами буду завтра разбираться. Там, кстати, можно кое-что оставить и не убирать. Попалось тут, среди опасного груза, несколько вполне приличных вещей. Например тиски — это же не оружие? Вот и оставлю себе. Надо будет только поднять наверх и в сарае расположить. Или вот — медогонка, она разве является чем-то запрещённым? Про слесарный инструмент промолчу и так всё ясно. А если кто, вдруг спросит, то так и скажу, что нашёл в подвале. Пусть попробуют доказать обратное!

Перед тем, как идти встречать Риту, решил окупнуться в речке. Вода в Оке уже холодная, но мне же не заплывы устраивать. Так, чутка пот смыть, да от пыли в волосах избавиться. Не охота чистую одежду на грязное тело одевать. Да и Марго, наверное, будет приятнее с чистым мужем идти, чем с потным чучелом. Вот и поплёлся на свой заливной луг. Имею право.

А не такая уж и холодная вода в реке оказалась. Или это я такой терпеливый? Нормально ополоснулся, а заодно и с ребятами местной поговорил. Они тут раков ловят. А что? Время такое — всё кушать хотят. А тут идеальное место для раковой охоты. Берег

глинистый, но дно каменистое и спокойное течение. Они ведро натаскали руками. Правда все синие сидели — замёрзли, как не знаю кто. Но наверное это того стоило. Мне предложили за небольшую плату купить всех сразу. А я даже не стал думать. Сбегал домой, за деньгами и пустым ведром, и конечно же купил. Будет чем Риту побаловать после учёбы. А для меня это не так уж и большие траты. Надо — каждый день могу покупать.

Пока возился в сарае, пытаюсь поаккуратнее выкатить велосипед, прибежала тёща. Она пирожков со всякой всячиной напекла. Вот и решила меня покормить. А мне уже ехать надо. Времени в обрез, только-только до техникума доехать. Но я поддался уговорам и парочку тёпленьких, с гречкой, жареным луком и морковкой, проглотил. А-а-а, как же это вкусно! На радостях отдал ведро с раками Конкордии Прохоровне, пусть занимается. Сама покушает, когда приготовит, и нам с Ритой чего-нибудь останется, на поужинать. Хотя, еды в доме и так хватает. Но раки это отдельная история.

Крутил педали и надеялся что не опоздал. Решил немного сократить дорогу и проехать мимо рынка. Там хоть и короче, но дорога из бульжника. Что не очень, для велосипеда. А тут такая непонятная суета творится. Решил посмотреть — всё равно мимо еду...

В Калугу приехал цирк. Шапито. Они только-только начали обустраиваться. К воскресенью, наверное, поставят шатёр и начнут представления. А я, блин, уезжаю в Москву. Опять всё самое интересное мимо меня проходит. В толпе, добровольных подсказчиков, которые больше мешали чем помогали, я опять увидел знакомую парочку пенсионеров. Они делали вид, что наблюдают за установкой шатра. Вот ведь, не было печали.

Возле техникума происходило что-то непонятное. Толпа народа собралась напротив входа, что-то кричала, хлопала в ладоши и просто обсуждала. И где мне тут Марго искать? Здесь человек пятьсот собралось. Прямо, даже, как-то растерялся...

Глава 9

Не все тайны моего дома мне открылись сразу. Это я не про подземный ход. Тут немного другое. Я-то думал, что меня уже ничем не удивить. Зря, собственно говоря, надеялся. В подвале, помимо всего прочего, обнаружился ледник. Но это я так думаю, а для чего, эту оборудованную яму использовали прежние хозяева, не знаю. Люк нашёлся после того, как я уволок ящики с винтовками Мосина. Чуть руки не оторвались. Сел отдохнуть и увидел, теперь уже знакомое, бронзовое кольцо. Чуть поковырялся, чтобы поддеть и дёрнув посильнее, открыл люк. Там была небольшая комнатка, если можно так сказать. Света от одной керосиновой лампы, мне хватило чтобы всё внимательно осмотреть. Размер три на полтора метра и в высоту около двух метров. Насыпной, сухой, песчаный пол. Приставная лестница — крепкая и основательная. Стены обшиты и укреплены досками — по виду, что-то из хвойных пород, а как там на самом деле неизвестно. Ещё была полка, в торце комнатки, прямо напротив люка, если смотреть оттуда. Размером около метра и на всю ширину комнатки, на высоте примерно метр от пола. Зачем и для чего она тут? Я не знаю. Но думаю, что моё предположение о леднике, всё-таки правильно. Там и так-то было прохладно, а если занести льда и положить на полку, то температура будет не хуже, чем в нормальном холодильнике. Вот и место, где мясо и рыбу можно хранить, появилось. Хорошо? Конечно же хорошо, даже замечательно! Одно меня смущает это отсутствие соломы или опилок на полке. Я точно помню, что у деда в деревне, ледник был весь засыпан опилками вперемешку с соломой. И солома та была не простая, а ржаная. Длинная, связанная в пучки, толщиной в руку нормального человека и уложенная на пол в несколько слоёв. Лёд лежал на этих пучках и сверху был засыпан опилками. Полок, в дедовском леднике, не было. Были ящики. Там и лежали: мясо, сало и рыба. Все продукты были заботливо завернуты в пергамент. Тут даже намёка, на что-то подобное не было. Вот и думаю, что это за комнату я нашёл.

Сегодня пятница и завтра я уезжаю, сначала в Москву по поручению Исиповой, а потом в Сочи. Именно там находится новый, только недавно построенный санаторий. Который мне подходит и куда, у меня, есть направление от нашей больницы. Насчёт билетов, на поезд, Собкин обещал помочь, а Катерина обещала проводить. Как не уговаривал её, говоря что сам справлюсь, не отступала ни в какую. Да и ладно, зато с вокзала они вместе с Ритой домой вернутся. Хоть одной проблемой меньше будет. Я очень по этому поводу переживал. Рита узнав, что я уезжаю в субботу, сразу отказалась от поездки в колхоз, на уборку картошки. Кстати, именно для этого их всех собрали в среду возле техникума. Я когда увидел такую толпу, думал опять чего-то случилось неординарное. А тут, такая фигня, студентам предлагают поработать за часть урожая в субботу и воскресенье. Блин, если бы не санаторий, я бы тоже не отказался от возможности заработать пару мешков картофеля, но не свезло. А вот Рита в воскресенье обещала съездить. Суббота занята моими проводами, а в воскресенье можно поработать. Семейную кладовку надо же чем-то затаривать. Почему бы не начать это дело с картошки? Ей решать, в конце концов, меня рядом не будет. Вроде Конкордия хочет с ней проехаться. Точно не знаю. А там пусть сами думают. У меня дел и так много.

Мне, за сегодня, предстоит сделать много мелких телодвижений. Дурацкая ситуация —

но у меня заканчиваются мелкие купюры. Придётся в тот тупик съездить, забрать остатки. Перепрячу всё что там осталось, к себе на чердак. Мне будет спокойнее. Возьму с собой, на всякие непредвиденные расходы, немного, а остальное пусть тут полежит. В дорогу мне кое-что надо прикупить. А это на рынок надо. Но тут, я думаю, мне Марго поможет. Встречу после техникума и вдвоём пройдемся по торговым рядам. И ещё есть одно дело — это встреча с Исиповой. Она чего-то там должна передать, для Ерасыла. Если опять ларь какой-то, то я сразу откажусь. До сих пор вспоминаю нехорошими словами эту плетёную конструкцию. Ладно, чего уж там, увидим. Тогда и решать будем.

Утром, после того как проводил Риту, решил закончить с подвалом. Дверь, в подземный ход, замуровать так, чтобы её невозможно было открыть. Я бы её ещё кирпичами заложил, но у меня их мало осталось. Так что только гвозди и доски. Потом щит на место поставлю. Должно сойти. Столько времени никто ничего не замечал, так и за пару недель, пока буду отсутствовать, я думаю, не обратят внимание. Сделаю так, что если конкретно не знать что искать, то фиг найдёшь.

Сделал, а попутно, совершенно случайно разгадал секрет, как открывалась и закрывалась дверь в подземный ход. Ничего сложного, как оказалось. Тонкая бронзовая цепь, протянутая через несколько блоков, держала кованый запор из трёх штырей. Чтобы открыть дверь, надо на первом этаже, дёрнуть за кольцо. Оно находится под подоконником, в маленькой нише. Если не знать, то фиг увидишь. Я не знал этого. Просто взял и поднял вручную эти штыри вверх. Ещё и клин забил, чтобы не опускались. Потом, когда зачем-то поднялся наверх, случайно обратил внимание, на кольцо с цепочкой на полу. Подёргал туда-сюда, а оно вдруг вырвалось из рук и влетело в стенку. Ничего не понял и опять дёрнул, несколько раз. Потом в мозгах что-то щёлкнуло и я побежал в подвал. В общем, всё встало на свои места. Минут десять я радовался, что разгадал эту загадку, а потом пожалел, что сломал дверь. Эх! Кто же знал, что это так работает? Попробую восстановить, когда время свободное образуется. А пока и так сойдёт.

Ну вроде все. Моя совесть чиста. Если, не дай бог, ко мне придёт милиция с обыском и обнаружат подземный ход с кучей оружия и печатным станком, то я легко от всего отбрешусь. Но это когда ещё будет. Надеюсь конечно, что такого не случится совсем, но всякое бывает. А так — я ничего не знаю и вообще вижу в первый раз. Можно сегодня Риту обрадовать, что у нас появился хороший и сухой подвал с встроенным ледником. Надеюсь что ей понравится.

От нечего делать, по другому не могу сказать, я решил испытать мини-пресс и попробовать изготовить пробную партию кирпичей. А что? Давно надо было это сделать. Чем ещё заняться-то? Пять часов до того, как придёт время и надо будет идти встречать Риту. Я все работы по подвалу закончил. А тут ничего сложного. Главное в пропорциях не ошибиться и всё получится.

Прямо в сарае, где лежит сено, никого не стесняясь я разложил на полу брезент. Буду на него готовые кирпичи выкладывать. А мешать и прессовать решил рядышком во дворе. Прямо у входа. Хорошо, что у меня всё основано на ручной тяге. А то бы запутался в проводах и шлангах, как это было в девяностые на калымах. Вечно под ногами мешались. Это здесь я один и хожу не спеша. А тогда все бегали, спешили, спотыкались, смеялись, старались сделать побольше. А тут никто меня не гонит — сколько сделаю, столько и хватит. Потом буду штамповать, когда технологию отработаю.

Вёдра, из тех что были у меня, ни фи́га не подходят под мерную ёмкость. Слишком

большие — двенадцать литров, как-никак. А мне нужна точность! Как я буду делить эти вёдра на половинки и четверти? На глазок? Ага, и что получится? Вот и я про то. Пришлось побегать и поискать приемлемый вариант. Нашёл, чего уж там. Кастрюлю трёхлитровую. Для первого раза пойдёт. А там, потом, чего-нибудь придумаю получше. Для более мелких величин, решил использовать солдатскую кружку. Она поллитровая, изготовлена из алюминия, надеюсь с ней ничего не случится, в процессе измерений. Шесть полных кружек это одна кастрюля. Это уже что-то. С этим можно начинать работать.

Идиотизм, конечно, но ни листка бумаги, ни огрызка карандаша у меня нету. Есть чернильница, с чернилами и перьевая ручка. Но это какой-то мазохизм получается — писать перьевой ручкой на газете. Другой бумаги тут не присутствует. А ведь всё надо фиксировать. Не, можно и запомнить, но это не наш метод. Что-то я как-то не подумал в этом направлении. Плюнул на всё эти сложности и решил не заморачиваться. Есть угли в костровище, а стена сарая вполне может заменить бумагу. Да и расчёты будут всегда перед глазами. Начал с простого — с расчёта сухой смеси в литрах. Там всё очень легко, в технике водоцементные соотношения проходят на первом курсе по материаловедению. Отдельной темой идут те самые соотношения для полусухого прессования. В общем всё давно известно, хоть это, для этого времени, не является актуальным. Тут про эту технологию пока никому не известно. Но я-то всё помню! Так что расчёт не занял долгое время. Занятно было считать объём кружками и кастрюлями, но справился. Даже немного возгордился — как же, что-то ещё могём! Не всё забыл, что проходил фиг знает сколько лет назад.

Семнадцать кирпичей получилось с двух замесов. Вот такая интересная арифметика вышла. Сам обалдел. Но это не беда. Поэтому пересчитывать ничего не буду. Главное, что процесс пошёл, а эти мелочи, действительно мелочь. Зато, совесть моя спокойна. Уже через десять дней, можно будет оценить результат. Но я, в это время, буду в санатории. Так что оценивать буду через месяц, что не принципиально и даже, с одной стороны, лучше. Придётся выбрать время и как-то с Ритой переговорить, насчёт доступа в лабораторию строительного техникума. Надо испытать и выяснить, какие параметры получились у кирпичей. Самому интересно. Ладно, что сейчас об этом. Будет время, тогда и поработаем в лаборатории. И то, если Рита сможет договориться. А сейчас я просто доволен, что сразу выразилось в неуёмном желании чего-нибудь съесть.

Долго думать здесь не получится. Надо или ехать в столовую и попутно забрать остаток денег, или что-то прямо тут готовить. Есть, конечно, ещё вариант — сходить к тёще, но я пока обойдусь своими силами. Не хочется мне мелькать, в том районе. Вдруг, операция БХСС всё ещё продолжается и я чего-то там сделаю неправильно. Нет уж! Мы сами можем себя обеспечить. Будет официальное разрешение, тогда и Конкордию Прохоровну можно будет эксплуатировать, на тему пообедать. А пока только сам, ну или сами — кому что ближе.

Мини-пресс и растворомешалку в сарай, предварительно протерев их тряпкой, и постараться сделать это аккуратно, чтобы кирпичи не повредить. Кусок брезента довольно большой. Поэтому я его перед использованием подвернул с одного края. Теперь, можно, используя две доски как опору, накрыть свеженькие, только что отпрессованные кирпичи сверху. Ну это я на всякий случай так сделал. Мини-защита от всякого мусора, что иногда падает с потолка. Усё вроде?! Велосипед наружу, рюкзак на спину и вперёд! В любимую столовую хлебозавода. Только по пути на речку надо заехать. Руки и физиономию умыть

немного. Не очень хочется грязным в общественном месте появляться.

Обед в столовой напрочь выбил из головы плохие мысли. Оставив только светлые и морально удовлетворённые. Захотелось чего-нибудь такого, особенного, чтобы запомнить этот день надолго. Как-никак первые кирпичи, в этом времени, сделал сам по никому неизвестной здесь технологии. Это ли не повод, посетить кинотеатр, например? А перед этим можно зайти в кафе, чего-нибудь вкусненькое отведать. А что? И Риту прогуляю, и сам отвлекусь от скучных будней. Давно ведь обещал, так почему бы и не сегодня? Решено, так и сделаю.

В "Центральном" сегодня шёл трофейный фильм "По городу идёт человек-невидимка". На афише было написано, что в фильме нас ждут приключения и драма. Посмотрим. Что-то, а приключения я люблю. Кстати, фильм мне совершенно незнакомый. Я даже названия такого не помню. Наверное это немецкая версия "Человека-невидимки" Герберта Уэллса. Не знаю. Надеюсь, что Рита тоже не смотрела и мы вдвоём посмотрим этот фильм с удовольствием, и в первый раз.

Билеты, как ни странно, присутствовали. Даже был, какой-никакой выбор. То ли фильм такой плохой, то ли я пришёл слишком рано и народ ещё не успел выкупить все билеты. Удивительно но факт. Нам с Ритой, последний ряд не нужен. Что мы с ней, другое место не найдём где можно целоваться? Нам кино бы спокойно посмотреть. Поэтому я взял билеты на места в центре кинозала. Теперь можно и к товарищу Исиповой наведаться.

Безо всяких проблем я заехал в знакомый дворик, где забрал остаток денег. Теперь бы, так же спокойно, добраться бы до дома. Постараюсь это устроить.

Сегодня день какой-то неправильный или звезды на небосклоне расположились в не том порядке. Но Исипова, что большая редкость, оказалась на своём рабочем месте. Не пришлось её выискивать по всей Калуге. Бегая по разным местам, где она обычно бывает. А мне так даже лучше. Врачи сказали не напрягаться, вот и отдохну пока с этой женщиной буду разговаривать. Срочных дел у меня почти не осталось. Всё остальное предстоит делать вместе с Ритой. Так что послушаю, что там наша активистка понавыдумывала.

Мне опять предстоит выполнить роль почтальона. Хотя есть и хорошие новости. Везти придётся только одно письмо, без всяких там посылок и ларей дурацких. Что меня особенно порадовало. Но и без подвоха не обошлось. Письмо оказалось не очень стандартного размера. Очень нестандартное — я бы так выразился. Такой, блин, альбом для фотографий упакованный в коричневую бумагу и перевязанный шпагатом. С кучей сургучных печатей. В общем, он в мой рюкзак не вошёл. Как бы я не старался его туда запихнуть. Тут ещё сыграли свою роль деньги, которые мешали проделать эту операцию. Не буду же я их выкладывать на стол перед секретарём? Тут никакое знакомство не поможет. Сразу расстрел и понижение в правах всех родственников. Ничего, на первое время, понесу в руках. А там отдам Рите. Пусть помогает своему мужу. Отрабатывает билет в кино. А! И ещё, мне нужен парадный прикид. Хоть и не будет торжественного награждения, но внешний вид должен соответствовать церемонии. Как-то так... Ладно, чего-нибудь придумаю. У меня тёща швея-надомница, как-никак. А уж вдвоём, со своей дочерью это почти кустарное ателье получается. Выкрутимся. Посидим, подумаем и сообразим чего-нибудь. Мой костюм выпускной, из детдома который, вполне можно привести в нормальный вид. Ладно есть дела поважнее.

Пока добрался до техникума проклял всё. Особенно досталось калужским дорогам и тем кто следит за их состоянием. Невозможно ездить по ним держась за руль одной рукой. Яма

на яме — потому-что и кривыми бульжниками всё вокруг выложено. Не дороги, а карьер по добыче камней. Вторая рука занята тем, что держит долбанное письмо. Хотя, какое это письмо? Это уже полноценная бандероль получается. Куда только я не пробовал пристроить этот груз. Начиная с гранатного ящика и заканчивая багажником. Ничего не вышло. Пришлось зажать подмышкой и ехать, управляя одной рукой. А окончательно, настроение мне испортил, мелкий пацан. Он бежал за мной метров пятьсот и дёргая за рукав комбеза орал:

— Дядь, дай прокатиться! Ну пожалуйста, дай покататься!

Я и так-то еле еду, а тут такой раздражитель рядом мешается. Чуть в столб фонарный не въехал из-за него. Хотел слезть и все уши оборвать. Но этот мелкий, видать что-то понял по моему виду и пока я останавливался, сквозанул куда-то в неизвестном направлении. Правильно сделал. Иначе, я, за себя, не ручался бы. И ещё — я разве похож на дядю? Не в смысле, что я похож на тетю, а в смысле что взрослый? Задолбали все эти мелкие. Чего им в школе не учится? Бегают под колёсами, мешают велосипедистам ценные бандероли перемещать туда и обратно. Эх!

Когда отдавал драгоценную ношу Рите, испытал прямо неземное блаженство. Так мне стало хорошо, что казалось ещё чуть-чуть и взлечу вместе с велосипедом. Легко и радостно было. Да и Марго видя, что я улыбаюсь, тоже изобразила что-то такое радостное. Так и пошли на рынок — улыбаясь вместе. А что? Имеем право.

Что сказать про рынок в пятницу? Да много чего можно сказать. Шумно и суетно, и это наверно самое правильное определение. Мы ходили по рядам, покупали всякую мелочь, что может пригодиться в поездке, пока я не сказал о билетах на сеанс в кино. Честное слово, лучше бы помолчал, пока домой бы не пришли. Не знаю, вырвалось само неожиданно. А потом и сделать уже ничего нельзя было...

Сначала была радость и всякие там визги, вскрики и прыжки. А вот потом... понеслось. Тут же была забыта моя поездка и на первый план вышел этот поход в кино. Пока я выслушивал, вал всяческих упрёков, мы незаметно оказались возле дома. Прямо фантастика какая-то и новый метод перемещения в пространстве. Я ещё балбес, сказал что не стоит уделять внимание какому-то там банальному просмотру фильма. Ага! Рита, со скоростью болида формулы один, стала носиться по этажам. А попутно успевала мне объяснить, что поход в кино это не просто так — пошёл и вышел, а достаточно серьёзный момент в жизни. Тут, оказывается, надо заранее к этому готовиться. Как минимум за три дня, а лучше за неделю и совсем хорошо если за месяц. Что к чему и куда каким концом, я так и не понял. Зато успел насладиться прекрасными видами полураздетой супруги. А что? Я ей не мешаю, а она бегает и ищет, чего бы такого надеть на себя. Откуда у нас образовалось столько её одежды, я не знаю. Да у нас, её просто негде было хранить. Это я так думал. Но, как оказалось, она была и её было достаточно много. Прямо мистика какая-то.

Ничего. Когда-то всё закончится. Закончилась и эта суета с переодеваниями. Марго выбрала то, что гордо понесёт на себе в кино, а я вроде как это одобрил. Хотя, по моему, этого от меня и не требовалось. Тут, к моему мнению, вроде как прислушиваются, но поступают, всё равно, по своему. Так что не фиг — это она сама и ей с этим быть дальше.

Потом был долгий час моего ожидания. Надо же с мамой посоветоваться! Как же без неё? Вот и сижу, жду когда Рита придёт от тёщи. Мне-то что? Я в любом виде себя прекрасно чувствую. Но зря я так думал.

Приёмная комиссия, в лице Конкордии Прохоровны и моей жены, решила, что моя

одежда не подходит к сегодняшней повестке дня. В связи с этим было решено меня срочно переодеть и хоть немного навести порядок в причёске. Я был на всё согласен, лишь бы успеть, перед просмотром фильма, посетить кафе и чего-нибудь там перекусить. Целый день ничего не ел всё-таки! Не тут-то было. Стоило мне только заикнуться про голод, как тут же тёща побежала за чем-нибудь съедобным к себе, а Рита стала в спешке приводить мой общий вид в порядок сама. В общем — дурдом как всегда. И это ещё не всё... Я, по глупости, напомнил супруге о награждении и о том, что надо бы какой-то пиджак с собой в Москву взять, и желательно со штанами вместе. Дальше не буду рассказывать. Смешно и грустно одновременно было.

Попали мы и в кафе, и в кино, и даже успели со знакомыми пообщаться перед сеансом. Рита в шикарном платье, с наспех сделанной, но всё равно, обалденной причёской и я, в том, что успели найти. А что? Все ребята так ходят в этом времени. Сапоги, галифе и гимнастёрка на тельняшку. Тут главное — это кепка! И она у меня есть! А остальное не суть важно. Немного жаль Конкордию Прохоровну. Мы тут фильм будем смотреть, а она с моим костюмом и рубахой осталась разбираться. Обещала, что к утру, всё будет как у английского принца. Мне, если честно, на внешний вид ангельского принца глубоко пофигу, а вот здоровье уставшей тёщи очень волнует. Мне с ней, я надеюсь, ещё долго жить придётся. Это Рита ничего не понимает, а я-то вижу, что в последнее время у них отношения наладились. Нет уже того, что было совсем недавно. Бегают друг к другу, советуются и меня обсуждают. В общем надо и тёщу, как-то в кино пригласить. Чего ей дома сидеть? Может кавалера какого-нибудь найдёт. Да-с...

Фильм особого восторга не вызвал. Но это моё, сугубо личное, мнение. Зал же наоборот, был в восторге. Я понял одно, что режиссёр сделал всё, чтобы быть непохожим на Герберта Уэллса. Если вкратце, то таксист нашёл на заднем сиденье некое устройство похожее на скафандр, которое забыл пассажир. Попробовал вернуть, но тот уже куда-то скрылся. Попробовал надеть эту хрень и стал невидимым. Дальше банальщина: грабит банк, выигрывает на скачках помогая самой слабой лошади и покупает замок. Наконец понимает, что нет в жизни счастья без любви. Знакомится с красавицей и вроде какое-то время у них всё нормально. Потом застаёт её с любовником. Расставание и всякая такая фигня. Дальше прежний владелец скафандра начинает следить за богатым таксистом. Погоня, катастрофа, вроде все живы. Аппарат куда-то пропал. Разорение и бедная девушка которая влюбилась в бедного таксиста. В самом конце, бывший владелец, на радостях, что аппарат по прежнему работает, грабит банк и отдаёт деньги влюблённым. Всё! Ни грамма не Герберт Уэллс. У него жизнь изгоя, а здесь маразм супермена. Да и ладно — главное, что Рите понравилось. А я как-нибудь переживу.

Домой возвращались целой толпой. Неожиданно образовалась куча знакомых с работы и не только. И вот, пока со всеми не обменялись новостями, шли вместе. Ребята почти все были пьяненькие, девчата слегка хорошенькие, так что было весело. В какой-то момент даже исполнили пару песен "а-ля капелла" из местного репертуара. Постепенно толпа стала редеть и к тёщинному дому мы подошли вдвоём.

Заходить мы не собирались. Договорились же утром встретиться и примерить костюм, а значит чего женщину отвлекать? Но Рита мне показала на окна рукой. Они были все тёмные, а такого просто быть не могло. Решили зайти проверить.

Глава 10

И что мне с ними делать? Сидим втроём возле дома Конкордии Прохоровны и смотрим на два тела. Луна в небе светит. Кузнечики стрекочут. Комары, гады летают. Керосиновая лампа, тоже даёт свет. По крайней мере, круг, метров пять в диаметре, нормально освещён. Не до подробностей, но всё что нужно видно. Так вот эти двое, одеты по последней местной моде: пиджачки, брючки, сапоги и кепки во рту. Ну это я так немного похулиганил. А что? Они свои головные уборы разбросали, где ни попадя, а тёща не любит когда всякий хлам под ногами валяется. Вот и пришлось использовать не по назначению.

С минуты на минуту должна приехать милиция. Мне пришлось переступить через себя, чтобы её вызвать. Ну не хотел я всех этих протоколов и других официальных бумаг. Там обязательно будут указаны мои фамилия и адрес, а это лишние вопросы. Знаю, что все бумаги у меня в порядке. Но вдруг попадётся какой-нибудь дотошный следователь и начнёт всё проверять. А это приведёт к тому, что появятся вопросы по поводу денег. Сначала, конечно, я позвонил в линейный отдел. Думал Собкина там застать и спросить совета. Этот человек не стал бы задавать лишних вопросов. Но он уже закончил дежурство. Пришлось действовать как всем нормальным гражданам. Это хорошо, что я вспомнил о телефоне на пристани. А так пришлось бы бежать фиг знает куда. Правда там дед смотритель упирался минут пять. А я был не в том состоянии чтобы спокойно торговаться. Короче, уболтал я его на один звонок. Потом извинился, потому что пришлось звонить три раза. Но это мелочь.

А вообще дурацкая ситуация получилась. Мы с Ритой, после долгих споров, решили проверить, что случилось у тёщи. А именно — почему у неё не горит свет? Я бы не пошёл, но Марго настояла. Да и я, если честно, не помню такого, чтобы Конкордия Прохоровна ложилась спать раньше полуночи. А тут вдруг тёмные окна?! Может заболела или плохо ей стало? Пошли, короче.

Рита шла сзади. Я не балбес(хоть иногда и сомневаюсь в этом), чтобы её пускать вперёд. И вообще я был против, чтобы она шла со мной. Но, женщины есть женщины, и фиг ты чего, с ними сделаешь, если они упёрлись, как не знаю кто! Фильм ещё этот дурацкий и темень вокруг. Не совсем темно, конечно, звезды на небе светят и Луна им помогает. Что-то можно было разглядеть. Но и ясного виденья не было. Да и вообще обстановка была какая-то напряжная. Поэтому ничего удивительного, что я шёл впереди и весь на нервах. И уж совсем меня добила дверь, которая неожиданно открылась и чуть было не съездила мне по лбу. Вовремя я отпрянул назад. И только вроде встал поровнее, как меня уже душит какой-то козёл. Без всяких хитростей, просто схватил меня за горло обеими руками и сжал со всей силы и, что ещё важно, всё это было проделано — молча! На какой-то мизерный момент я растерялся, а потом эта вся растерянность куда-то испарилась. Буквально миг и мой организм начал действовать: чисто автоматически и совсем не по правилам. К тому же никто меня не учил, как противодействовать такому захвату шеи. Вот и долбанул ногой куда смог. Руки мои, в этот момент, были заняты — пытался отцепить этого клеща от моего горла. Удачно попал, прямо туда куда надо. Этот сумасшедший сразу скрючился и упал на землю, предварительно отпустив мою многострадальную шею. Я аккуратно добавил с ноги в голову, чтобы ему полегчало. Потому что, когда человек теряет сознание, то ему не больно. Вроде получилось. Лежит молча и не шевелится. Вот и славно.

Наверное, на улице, всё-таки не было слишком темно. Или где-то в доме всё-таки было освещение, только очень слабое. Иначе, просто не могу описать, откуда я смог рассмотреть силуэт невиданного чуда что вывалилось из двери. Это было что-то невероятное! Огромная голова, на вполне человеческом теле. Причём голова еле протиснулась в дверной проём. Рук у этого существа не было. На ноги мне смотреть было некогда, но вроде как чего-то похожее было. Всё, вот это, медленно надвигалось на меня и издавало сипяще-свистящие хрипы. Сказать, что я испугался это ничего не сказать. Я чуть не обделался по полной — это будет правильной! Я не знаю что это такое! Но и отступить не собираюсь. Позади меня находилась Рита.

Стоял я удобно, как раз для работы руками. Вот и воспользовался этим. Двинул прямым правым, как наиболее подходящим. Но никакого эффекта не добился. Это как долбануть по подушке. Удар пришёлся во что-то мягкое. А потом и вовсе произошло что-то непонятное. Большая голова свалилась на землю, а вместо неё появилась нормальная и заговорила со мной:

— Ты кто такой? Что здесь делаешь? Где Кирпич?

Я облегчённо вздохнул, человек всё-таки, и от всей души прописал этому любопытному в печень. А что? Вдруг опять ничего не получится. С другой стороны — нафига мне ему челюсть ломать? Мне поговорить надо. Узнать! Что это за соседи такие завелись в доме тёщи? Я таких не помню. Может Рита кого опознает? Пришлось у этого головастика вытянуть брючный ремень, чтобы его же и связать.

Потом-то я разобрался, кто и что. А до того, мне пришлось сбегать к Конкордии, чтобы проверить её. Тёща лежала в своей комнате связанная. Я ещё минут десять потратил на то, чтобы зажечь керосиновую лампу. Потом только развязал тёщу. Такие дела...

Милиция приехала и понеслось. Допросы, вопросы, осмотры, протоколы и всякие другие мероприятия. Только к двум часам ночи более-менее успокоились все. Следователя я не знал. Ребят из его группы тоже видел в первый раз. Короче, тяжело мне было. Всё время ожидал, что поднимется вопрос о превышении мер самообороны. В той жизни, именно за это, я получил свой условный срок. Но тут, как-то, этот момент прошёл мимо. Да я, даже, таких слов ни от кого не услышал. Наоборот, парни подходили и пожимали мне руку и хвалили за смелость и находчивость. Следователь вообще развил бурную деятельность. Как оказалось, эти два налётчика давно разыскиваются милицией. Братья Ларины — известными домушниками оказались.

Удивил меня список похищенного. Ведь из вещей почти ничего не взяли. В основном забрали деньги и кое-какие женские украшения. Всё остальное это скатерть ручной вышивки и гордость тёщи гобелен "Рассвет на берегу Оки", ну и ещё по мелочи — иголки от швейной машинки, фурнитура, подстаканники и поднос хохломской. Всё это было свалено в одну кучу и связано в тук, который я принял за огромную голову, когда увидел одного из братьев, на выходе из дома. Он его тащил на спине, а мне в полумраке показалось что это голова. Смех да и только. А вот денег неожиданно оказалось много — почти три тысячи рублей (с тёщей наконец-то рассчитались за большой заказ). И вот теперь возникает вопрос — а откуда про эти деньги узнали грабители? Неспроста же они именно сегодня наведались по этому адресу. Я напрямую спросил следователя, когда он меня опрашивал:

— А откуда эти ухаи могли узнать про деньги? Если даже мы с женой об этом не знали.

— А они здесь ничего не скажут, — со злостью произнёс следователь, — ничего,

приедем в управление, там быстренько разговорятся. Есть у нас методы, против таких молчаливых.

— Ну да, — только и смог я сказать в ответ, — вам виднее.

А вообще мне понравился этот капитан. Он, ещё когда представлялся, сделал это так тактично, что ничего кроме уважения в ответ не вызывал. Спокойный и рассудительный, а с другой стороны постоянно сосредоточен. Видимо не первый год в этой профессии и опыт имеется. Надо будет у Собкина поинтересоваться насчёт капитана Вольского Сергея Сергеевича — может что слышал? Всё-таки я надолго уезжаю. Очень мне не хочется, чтобы это следствие отразилось на моей, уже моей, семье. И, что ещё очень порадовало, в отличие от других новостей — то что нам никуда не надо идти. Все бумаги мы подписали на месте. Будут, конечно, вызовы для уточнения деталей, но это уже по повесткам, с заранее уточнённым временем. А я, вдобавок, поговорил с капитаном и рассказал что уезжаю на лечение в санаторий, поэтому буду отсутствовать в течении месяца. Но меня заверили, чтобы я не переживал по этому поводу и спокойно лечился — вряд ли мне удастся что-либо добавить к тому что уже озвучил. Энтузиазм следователя сподвиг мой мозг на случайно забредшую мысль, которую я сразу же озвучил:

— Товарищ капитан, а может такое быть, что они перепутали дома?

— Да нет, не должно такого быть, — внимательно смотря на меня, ответил Вольский, — обычно такие опытные не ошибаются. А что, есть какие-то идеи?

— Ну я, тут, как бы в Москву еду, — начал излагать я, возможную версию происшествия, которая, как мне кажется, позволит развязать языки преступникам, — с поручением от комсомольской организации. Везу важный пакет, с секретной информацией. Не могло такого быть, что эти люди охотились за ним?

Капитан задумался. Осмотрелся по сторонам. Закурил. Потом, что-то про себя решив, спросил у меня:

— То есть, ты хочешь сказать...

— Да, товарищ капитан! — радостно ответил я, — пропал пакет с очень секретной документацией. А это другая статья и скорее всего, в итоге, расстрел. Мне кажется, что эти ханурики с радостью согласятся выдать того, кто их сюда отправил, лишь бы остаться в живых.

— Надо подумать, — нейтрально ответил Вольский.

— Да, чего тут думать?! — тихо, но эмоционально спросил я, — надо панику поднимать. Прямо сейчас. Чтобы эти долбоклую прониклись ситуацией.

Дальше всё было разыграно, как по нотам. Я метался по дому, шумя и переворачивая мебель. Капитан с суровым видом предъявлял новое обвинение одному из грабителей. Сотрудники милиции подыгрывали нам как могли. Рита и тёща рыдали, при этом голосили о погубленной молодости из-за потери документов. В конце концов я подскочил к одному из преступников и схватил его за грудки. Начал трясти, крича прямо ему в лицо:

— Отвечай сука! Где письмо, падло? Если не скажешь, прямо тут урою!

Со всех сторон, на меня кинулись ребята в милицейской форме. Начали оттаскивать в сторону. Чего-то там говорить, успокаивать и обещать разобраться. Я делал вид, что вырываюсь, что прямо сейчас готов закопать домушников, если они не вернут мне пакет документов. В общем вёл себя как отчаявшийся человек. Экспресси добавил капитан. Он специально провёл мимо меня одного из налётчиков. Я, к тому времени, вроде как успокоился. Но тут не упустил момент. Сделав всего три шага я, почти без замаха, прямым

правой зарядил в носопырку преступнику. А потом ещё и парочку оплеух добавил по бестолковке, для профилактики. И опять-таки меня стали оттаскивать и успокаивать. Как мне кажется, спектакль прошёл успешно. Посмотрим, что из этого получится. Правда случится это не скоро. Надо ещё из санатория вернуться, для начала. Да и ладно — главное, что милиции помог. Теперь у них есть отличный повод, чтобы вытрясти всю подноготную из этих двух грабителей.

Всё разъехались и мы тоже разошлись по домам. Не сразу. Успели чаю попить и чуток поделиться своими переживаниями и мыслями. Чтобы отвлечь тещу от грустных мыслей, мы рассказали вкратце сюжет фильма, что посмотрели. Рита пробовала меня уговорить остаться и переночевать в её комнате, рядом с тещей. Чтобы не оставлять её одну, хотя бы на сегодняшнюю ночь. Но я не согласился. И так осталось спать всего-лишь три часа. Надо провести их с пользой. А теща потерпит. Да и она, если честно, не горела желанием общаться с нами. Видно было, что Конкордия Прохоровна желает остаться одна. Не знаю, чем уж она будет заниматься, но точно не спать. Может работать будет или чего-нибудь ещё? Откуда я знаю? Ей бы рюмку водочки и на боковую, чтобы от стресса защититься. Но это я так думаю и наверное, сделал бы сам так, если бы со мной такое произошло. А что у ней на уме — неизвестно. Хочет остаться одна — зачем мешать? Я так думаю, что успеют они ещё поплакать друг другу в жилетку. Месяц меня не будет дома. Найдут время, для такого дела, где всё и обсудят. А сейчас, у нас есть дело поважнее. Надо, весь остаток ночи, посвятить интенсивному прощанию, чтобы было о чём вспоминать пока доктора меня будут лечить.

Утро началось со стука во входную дверь. А я, ведь, только вот-вот закрыл глаза. Рита вообще даже не пошевелилась. Устала бедняжка. Да-с... Прощались мы активно и успокоились совсем недавно. И мне, прямо-таки очень интересно, кто это ломает нашу красивую дверь. После того, как над её дизайном поработала Евдокия, считаю её шедевром наскальной живописи. И вот эту красоту сейчас кто-то усиленно пытается сломать. Придётся вставать, чего уж там.

Откинув дверной запор и открыв дверь, я, увидел Конкордию Прохоровну, с небольшой корзинкой и моим костюмом на плечиках, в руках. Но не это было главным. Поразило её выражение лица. Это была смесь сильнейшей усталости и торжества одновременно. Вот ведь! А я и забыл про костюм-то. Тёща опять меня удивила. Мало того, что она, скорее всего, не спала всю ночь, так и успела костюм приготовить, к моей поездке. Блин! Я всё больше и больше уважаю эту женщину. А когда из корзины раздался писк, то я почувствовал гордость от знакомства с ней. Витас проснулся и просил кушать. Мы же вчера, когда уходили в кино, оставили пёселя Конкордии, чтобы она за ним приглядела, а в связи с вечерне-ночным происшествием вообще про него забыли. А она помнила! И наверное даже ночью его покормила, пока мы тут прощались. Настоящая женщина! Я конечно же сразу пригласил тещу, пройти к нам в дом. Чего ей на улице стоять — не лето вроде. Вон какой туман стелется в предрассветных сумерках. Самому аж стало зябко.

Наше вошествие на кухню не осталось незаметным. Рита босиком, в одной ночной рубашке, сбежала со второго этажа и тут же стала суетиться возле печки. Ну и правильно — пора бы и позавтракать. Чего ждать-то?

Меня отстранили от всякого участия в готовке пищи. Зато, чуть ли не в приказном порядке, отправили на второй этаж переодеваться. Надо же посмотреть как костюм будет смотреться. Только я на это не пошёл. У меня свой режим. А согласно расписанию, у меня

утренняя зарядка. Так что готовы пожрать, а я на берег — буду бревно крутить. Костюм немного подождёт. К тому же, согласно словам какого-то классика, имени к сожалению не помню — "Одежду надо мерить после обеда, в противном случае она может оказаться велика", ну или что-то в этом роде. Вот и не будем противоречить мастерам. Они лучше знают — как и что надо делать.

Жаль что брёвнышко нельзя будет забрать с собой в санаторий. Очень мне неохота оставаться без него. За те несколько раз, что мне удалось размяться с его помощью, я понял, что в моём случае, это идеальный спортивный инвентарь. Но ничего, побегаю по окрестностям Сочи и, может быть, найду какую-нибудь замену. Ну а что? Что там в Сочи деревья не валят, что ли? Вот и посмотрим заодно.

Завтрак в исполнении дуэта тёщи и жены был обалденный. Яишня с салом и кусочками колбасы вкупе с осенним салатиком из огурцов и помидоров на сметане — это что-то! И всё это с калужским черным, подовым хлебом. Ух! Наелся на весь день. По моему до самой Москвы хватит. А там, уже с Ерасылом, будем думать о разносолах. Он уже почти москвич и знает где кормят вкусно и недорого. Ну и Крапивин поможет, я надеюсь — не даст помереть с голода.

Час ушёл на примерку. Тёща несколько раз, что-то распарывала и тут же сшивала, пока не добилась нормального результата, который удовлетворил всю комиссию по приёмке. Вот и славно. Можно наконец-то заняться сборами. Но и эту важную часть женщины у меня отобрали. Заявив, что сами всё соберут и упакуют, а я могу пойти куда-нибудь погулять. Но тут мне пришлось пойти на небольшой компромисс — они готовят вещи, а я их сам распахиваю в рюкзак и чего-то там ещё. Ну а как ещё? У меня же в рюкзаке деньги лежат. Что будет если они их увидят? Мне будет очень трудно объяснить откуда они взялись. Вот и я про что. Так что только сам и без вариантов.

Пешком до вокзала идти долго, поэтому мы решили воспользоваться городским транспортом — автобусом. А что? От городского парка уже несколько лет ходят два автобуса. Даже в местной газете была статья о несознательных гражданах, которые используют это средство передвижения в своих корыстных целях — перевозят собранный урожай для торговли на рынке, чем мешают сознательным товарищам успевать на поезда. Мне, слава богу, мешки с картошкой не везти, всего-лишь один рюкзак и маленький чемоданчик, что нашёлся у тёщи. Думаю, что пассажиры, из-за такого маленького багажа, возмущаться не будут. А будут, то я смогу ответить и не обязательно высокохудожественно. В русском языке есть много слов, подходящих для такого случая. А мой опыт работы на стройке, позволит расположить эти слова в правильном порядке.

Конкордия Прохоровна с нами не пошла. Простояла возле своего дома, помахал рукой напоследок и всё. Дальше мы вдвоём. Да и правильно. Что мы маленькие что ли? На вокзал к нам присоединятся Собкин и Фёдор. Так что всё будет нормально. Но всё равно, мама есть мама, и тёща не исключение. Успела сунуть мне и Рите, перед расставанием, по рублю на билеты. Хотя я её об этом не просил. Взял, куда тут деваться, зачем обижать хорошую женщину.

Врали газеты или мы в такое время попали. Но народа на остановке почти не было. Человек пятнадцать, не больше. Так что погрузились в автобус без проблем. Заняли самое лучшее, по моему, место — прямо за водителем. Тут и качает поменьше, и выход рядом, и кондуктор всегда под рукой — не надо передавать деньги через соседей. В общем устроились с небольшим, но всё-таки комфортом.

Этот новый автобус ЗИС-154(фото в приложении) с непривычным отсутствием выдвинутого вперед капота, был действительно удобный. Я как-то не обратил внимание и не стал считать количество мест. Но так думаю, что человек сорок могли сидеть свободно. Мне даже понравилось ехать. Сиди и смотри себе по сторонам, наслаждайся тем, как выглядит город. Рита тоже смотрела во все глаза. Как она мне призналась, что эта поездка была у неё третья за всю жизнь. Просто не было случая для таких поездок. Да и куда ей было ездить? В школу что ли? Там идти-то всего двести метров. Так что понять её можно.

На конечной, прямо возле вокзала, нас уже ждали Собкин и Фёдор. Они стояли возле "Победы". Хотя, если быть точнее, то это лейтенант стоял, а вот Фёдор ходил вокруг машины и что-то там бормотал себе под нос. Мы сошли с автобуса и пошли к ним.

Рита хоть и была расстроена предстоящей разлукой, но всё равно не смогла не улыбнуться, когда Фёдор начал мне выговаривать о опоздании:

— Что-то ты, Вилор, совсем не уважаешь работников линейной милиции. Опаздываешь постоянно, вещи за тебя приходится носить, билеты на самые лучшие места для тебя брать. А они между прочим денег больших стоят. Машину вот из-за тебя пришлось у ребят отобрать. А им сегодня надо было в Сухиничи ехать, за вещевым довольствием, для всего нашего отдела.

— Ага, запомню, — ответил я, протягивая руку этому недовольному, — я потом перед ними извинюсь, когда вернусь из санатория. Целый бурдюк вина какого-нибудь местного привезу, в качестве извинения. А тебя не позову, ты у нас товарищ вечнозанятый, где я тебя буду искать?

— Ты это, Вилор, даже не думай им всё отдать, — забеспокоился лучший водитель линейного отдела, — лучше мне передай, а я сам разберусь перед кем надо извиниться, а кто может и подождать.

А Собкин стоял и улыбался. И вскоре я понял почему. Появилась ещё одна наша вынужденная спутница — Катерина. Она тащила(по другому просто нельзя сказать) здоровенную корзину в одной руке, а в другой букет цветов. С довольным видом она поставила корзинку передо мной, а цветы отдала Рите. И началось:

— Вилорчик, это тебе тут в дорогу. Мы всем отделом скинулись! Я там чуть сама напекла. А курочку взяла на рынке. Я знаю ты любишь. Там твои любимые пирожки с капустой. Они ещё тёплые. Покушаешь прямо в поезде. Товарищ лейтенант тебе взял самое лучшее место. Будешь смотреть в окно и курочку с пирожками кушать. Правда здорово!

— Спасибо Кать, — я в растерянности, сразу не нашёлся что ответить, — но только я не на Северный полюс еду. Зачем мне столько всего. Тут ехать-то всего ничего.

— Ничего, — махнув рукой и не слушая мои возражения, продолжила Катерина, — в Москве поешь. Нечего там по ресторанам и кафе всяким ходить, деньги тратить. Тебе ещё до санатория сколько ехать? Вот и не возражай. Правильно Рита? Вечно эти мужчины про всё забывают.

Хорошо, что Собкин её начальник. Иначе этот фонтан было не остановить. Короткая команда и мы уже в машине. Там конечно опять всё началось, но мы хотя бы уже ехали. А это совсем другое. В общем всю дорогу я выслушивал, как правильно себя вести в дороге, чем питаться и сколько стаканов чая пить в день. И ведь специально села между нами с Ритой. Я то ладно. Я уже привык к такому и отношусь спокойно. А вот Рите досталось. Мне кажется, даже, что она быстро пожалела о такой компании. Но, слава богу или всё-таки Фёдору, до Тихоновой Пустыни мы добрались быстро. А там было уже, не до разговоров.

Глава 11

Да что б, я ещё раз... Дежавю прямо какое-то. В прошлый раз это был ларь, изрядно попортивший мне нервы, а сейчас это корзина с чемоданом. Да ни в жизнь, я больше не соглашусь, на такое! Чемодан, корзина и рюкзак это вроде немного, да? Удобно нести, да? Ну да — рюкзак на плечи, чемодан в одну руку, а корзину в другую. Но это только так кажется — по началу, а вот потом начинаются проблемы. Может быть по прямой дороге и в спокойной обстановке будет удобно и легко. Но! Я же в Москве, а не где-то в поле или на стадионе. Тут так просто не пройдёшь, потому что народу на тебя начхать. Все куда-то спешат, чего-то ищут, кого-то догоняют и вообще, по моему, отвыкли спокойно ходить. Идёшь по тротуару, никого не трогаешь, мечтаешь о стакане чая или любого другого напитка, а эти проносятся мимо и считают, что они должны обязательно тебя толкнуть или пихнуть в плетёнку. Да-с... Корзина хороша в лесу, а не в толпе народа посреди Москвы. Конструкция у неё такая... широкая она, вот! И тяжёлая, потому что я почти ничего не съел из того, что мне купила Катерина. Меня жена с тещей утром накормили так, что я в поезде заснул и спал до Москвы. Куда тут кушать ещё?

Минут десять я мысленно возмущался, на безалаберность москвичей. А потом, на меня снизошло откровение и я стал отвечать на грубость. В выражениях я не стеснялся. А что? На меня выражаются, как хотят — так и я не буду сдерживаться. Слава всем моим годам проведённым на стройках, культурно послать — далеко и надолго, мне не составляет труда. Да и запас, разнообразных фраз и редких слов, у меня побогаче будет, чем у любого "коренного" москвича. Один тут решил меня обогнать и, конечно же, невольно оттолкнул в сторону корзину, которая пребольно стукнула меня по коленке. Я тут же среагировал и, в полный голос, высказался:

— Разуй глаза деревня! Куда прёшь, дебил! Понаехали тут лимитчики. А Москва между прочим не резиновая!

— Это кто деревня? — спросил меня мужик, с внешностью вечноголодного суслика и, если судить по одежде, находящегося в очень стеснённых обстоятельствах, — да я коренной москвич. Тютя ты приезжая.

— Москвич, это я! — ответил ему, смотря сверху вниз, благо, что расту, мой собеседник, был невысокого, — а ты фигня непонятная из Мухосранска какого-нибудь. Да и к тому же слепой.

— Сам ты, слепой! — заорал мужик, — я по работе спешу! Дярёвня!

— В том-то и дело, — надвигаясь на этого суслика, произнёс я и добавил, — что ты работаешь, а я здесь живу! Понял, обструкт московский?!

Заинтересовавшись темой, к нашей эмоциональной беседе, подключились несколько человек. Мнения разошлись кардинально. Кто-то начал орать, чтобы мы оба предъявили паспорта, дабы проверить прописку и махом выяснить кто из нас москвич, а кто приезжий. Только они не на того напали. Я нагло заявил, что москвичу паспорт в родном городе не нужен, поэтому все страждущие могут идти на погулять, а особо нетерпеливые могут посетить "Мосгорсправку" и поинтересоваться, на какой улице расположен мавзолей Ленина, а мне некогда тут разговоры разговаривать, ибо домой пора. Растолкал толпу и потихоньку пошёл. Один настырный пацанчик, шёл за мной до конца Бородинского моста и

интересовался:

— А разве мавзолей не на Красной площади находится? Ну правда ведь?! Нету там улицы, да?

Я шёл и посмеивался, про себя. Потом меня это достало и я остановился. Посмотрел на паренька внимательно и спросил:

— Тебя как зовут?

— Мишка, — произнёс мальчишка и вопросительно уставился на меня.

— Вот смотри, Мишка, — начал я разъяснительную речь, — ты с рождения живёшь в Москве, правильно?

— Ну да, — согласился парень.

— То есть живёшь всю жизнь в столице, знаешь правильный ответ, и вдруг начинаешь сомневаться, а какой действительно адрес у мавзолея? — продолжил я, — а теперь представь, что будет думать приезжий? Ну тот, кто только читал о Москве.

Парень постоял, подумал, почесал затылок под кепкой и смотря на меня, ответил:

— Я понял! Москвич сообразит и просто плюнет на это дело, а приезжий побежит спрашивать. Правильно?!

— Ну, как-то так, — согласился я и протянул руку, чтобы попрощаться, — ладно, бывай, мне пора.

Не буду же я объяснять пионеру, что иногда самый простой вопрос, даже знающего человека, на несколько секунд ставит в тупик и заставляет задуматься — а правильно ли он думает?

Перейдя через проспект, уткнулся в автобусную остановку и тут же понял, что большего балбеса чем я не существует. Блин! У меня денег куча, а я иду пешком. Фиг с этим автобусом, не о том речь. Такси! Какого фига, я не взял машину, прямо возле Киевского вокзала? Вот оно — влияние окружающих на неокрепший мозг попаданца. Все не пользуются такси и я не буду! Типа — буржуйский вид транспорта. Но в такой-то ситуации можно пренебречь таким мнением. Меня тут никто не знает и никому ничего не расскажет. Чего это я стесняюсь? Мне наверное пешком, в раскоряку, с чемоданом и корзиной идти нравится? Фиг там! Мне в машине удобнее.

Стал, прямо на остановке и начал голосовать с помощью большого пальца. А что? Надеюсь, что этот жест приемлем для этого времени. Не хотелось бы выделяться, конечно. Но идти пешком ещё больше не хочется. Это в Калуге от вокзала до горкома комсомола, только дорогу перейти, а тут Москва — тут расстояния километрами измеряются, ну или, для особо продвинутых, в остановках метро. Не успел полюбоваться на архитектуру послевоенной Москвы, как возле меня остановилось серое, зеленоглазое чудо. А если точнее, то это была "Победа", у которой: верх серый, низ — сине-лиловый, а посередине борта между ними — полоса «шашечек». Ну и маленький зелёный фонарик, на лобовом стекле. Я даже тормознул немного. Прямо волшебство какое-то? Я же только что смотрел вокруг и никаких такси рядом не наблюдалось. А тут — вот! Пользуйтесь. Да-с...

Где московский горком комсомола таксист знал. Я уточнил, что тоже знаю, где обитает главный комсомолец Москвы, на всякий случай. Фик знает этих таксистов, вдруг начнёт меня возить кругами и выручку себе делать за мой счёт. Но нет, добрались относительно быстро. Я даже не стал брать сдачу, за такое хорошее отношение. Пусть пивка шофёр, после работы, попьёт — мне не жалко.

Здание горкома и его внутренности ни грамма не изменились, за эти несколько недель.

Вахтёр другой, но это мелочи. Про того ершистого противника джаза, я вспоминать не хочу. А этот вроде нормальный и легко разрешил мне позвонить Крапивину, по внутреннему телефону.

Сергей Вадимович прибежал уже через две минуты. Я давно не видел такой искренней радости в проявлении чувств. Чуть последние кости не доломал, здоровяк чёртов. Про синяки на плечах, которые скорее всего появятся завтра, умолчу. Радуетя человек, чего там эти синяки. Главное, что с кишками всё было нормально, а синяки быстро сойдут. Ладно, нормально всё.

По коридорам и лестнице мы сквозанули, как два метеора. При этом, товарищ Крапивин, почему-то забыл совершенно, взять у меня хотя бы часть груза. И я, забыв про усталость, скакал по горкому галопом, стараясь не отстать от секретаря. Наконец допрыгали до знакомого кабинета. Только тут и смог перевести дух, пока чайник и всяческие заедушки начали появляться на столе.

— Ну ты дал, Вилор! — начал Сергей Вадимович, — Ты знаешь, что тут творилось когда узнали про твои геройства? Ерасыл, чуть войну уголовникам не объявил. Еле успокоили, но в Калугу всё равно не отпустили. Он тут нам нужнее. А потом этот скандал в ЦК Комсомола. Я же тоже там был, на том самом заседании, где решали чем и как тебя наградить. Всё решили, всё подписали и вдруг звонок... и тишина. И так неделю. Пока я сам не поехал разбираться. Там-то и объяснили всё — и про секретность, и про всё остальное. Особенно, про "всё остальное"!

Я слушал эту речь и ничего не отвечал. Зачем? Пусть человек выговорится. А я спокойно чай попью и послушаю. Мне самому стало интересно, что и как тут происходило, пока я в больнице валялся, да по всяким комиссиям ходил. Прервал наше чаепитие, как это не странно Ерасыл-Азик Кормертаев. Мой калужский товарищ по несчастью. А что? Глаз ему подбили, когда велосипед покупали? Вот и получается, что "по несчастью". А так-то это надёжный и верный человек. Жаль на моей свадьбе его не было. Я бы его свидетелем взял. Глядишь и услышал бы от него казахский хит — "Шудын бойында", в нормальной обстановке. Но и тут, прямо в присутствии ответственного секретаря, мне досталось, от него, по полной программе. Этот казах мне чуть руку не оторвал, так он её тряс. Потом я ему отдал пакет, который тут же спрятали в сейф. И уже опять садясь за стол, я вдруг вспомнил, что у меня есть корзина. А в ней, есть что пожевать. И это не баранки горкомовские, а питательный набор продуктов от Катерины, который не требует приготовления. В общем, бросили мы эти баранки и накиннулись на курочку и на пирог, и на пирожки. Всё не осилили. Мне интересно, а как я должен был всё это съесть один? Или Катерина заранее всё рассчитала? Она же знает, что я всегда делюсь. Надо будет поинтересоваться когда вернусь из санатория.

Полчаса я рассказывал, без лишних подробностей, о участии в операции по задержании опасной банды. Причём делал акцент, на случайности всего произошедшего. Мне же надо было только увидеть и опознать при случае, а получилось что увидел и задержал. Народ в кабинете начал собираться со всех райкомов, подходило время подведения итогов и составления новых планов на следующую неделю. Подходили как знакомые, так и новые ребята с девушками. В общем всё было как и в прошлый раз. Единственное отличие это то, что Крапивин созвонился с ЦК ВЛКСМ и узнал когда мне лучше туда появиться. Что ему ответили я не в курсе. Но он стал часто поглядывать на часы. Ждал наверное кого-то? Откуда мне знать.

Ерасыл начал меня напрягать по поводу новых казахских песен. А я что? Я и знал-то всего одну, потому что меня заставили её выучить, в своё время. Не знаю я больше песен на казахском языке. Да! Знаю много других, но исполнить не могу. Не дано мне это. Зато кирпичи умею ложить и горжусь этим. Отделался от Ерасыла только с помощью куплетов про жирафа и всяких ему подобных, которых надо учить танцевать с помощью чайника. Вроде как понравилось. По крайней мере народ оценил. И уже через пятнадцать минут все комсомольцы распевали про эти метаморфозы воспитания. Ну а что? Все тут собравшиеся люди молодые и любят отдохнуть с весёлой песней. Короче, наше заседание превратилось, на некоторое время, в обычные молодёжные посиделки, с песнями и шутками. Всё резко прекратилось после неожиданного звонка. Снял трубку Сергей Вадимович:

— Крапивин у аппарата!

— ...

— Я вас понял, товарищ Михайлов, — стоя, чуть ли не по стойке "смирно", ответил Крапивин, — будем через двадцать минут!

Мне было заметно, как стальной мужик, секретарь Московского горкома комсомола, фронтовик, нервничает. Он вытер несуществующий пот со лба и произнёс, обращаясь ко всем сразу:

— Михайлов звонил, Николай Александрович. Нас с Вилором ждут на Маросейке.

Мне не имя, ни фамилия, ни название ни о чём не говорило. Я, можно сказать, вообще не представляю что это такое и кто это, зато всем остальным всё показалось очень важным. Что моментально превратило организованных комсомольцев в подобие птичьего базара. Ну это когда всё машут крыльями и орут дело не по делу. И это секретари московских райкомов?! Прямо даже не верится как-то. Я, по простоте своей души, думал что такие ответственные люди, должны уметь держать себя в руках, а не превращаться в подобие детей на утреннике. Эх, молодёжь! Да и ладно, пусть развлекаются, а мне надо что-то делать со своими вещами. Не попрусь же я, куда там нас приглашают, с чемоданом и рюкзаком? Да и причёска моя, наверное, требует хоть какого-то изменения? Костюм в порядке, но немного почистить от пыли не мешало бы. Тут в Москве особенно прилипчивая пыль. Если сразу не почистил, то считай потом фиг отмоешь. В общем, я занялся своими делами, а все остальные занялись тем, что стали мне помогать. Дурдом, я же говорил, хоть и горком комсомола. Еле успел немного денег незаметно во внутренний карман пиджака положить. А что? Всякое бывает и деньги не самый худший вариант, для преодоления трудностей.

Дальше всё превратилось в калейдоскоп мелких событий. Мы вылетели на улицу с Сергеем Вадимовичем и сели в машину. Потом резкий старт, потом короткая поездка по центру Москвы, на пределе скорости. А за окнами автомобиля, между прочим, вечер. Но ещё не стемнело и всё прекрасно видно. Хорошо, что автотранспорта на улицах немного. Не врезалась ни в кого. Я так засмотрелся по сторонам, что не понял когда мы приехали на конечную точку маршрута. Тут уже всё стало напоминать бег с препятствиями.

Крапивин не дал мне нормально прочитать табличку у входа. Там было столько названий организаций, что быстро это сделать невозможно, поэтому сразу и не поймёшь куда мы попали. Одно было понятно точно, что здесь точно находится ЦК ВЛКСМ, а все остальные это тоже самое, но вид с боку. Ну то есть Оргкомитет, Исполком, Секретариат и всё в том же духе. Даже боязно стало, на какое-то время. А вдруг меня сейчас раскроют и выведут на чистую воду? Я же попаданец какой-никакой и много чего знаю. Эх! Занесла же меня нелёгкая в это время и в это место. Ладно, прорвёмся — не впервой.

По уверенным движениям Крапивина, я понял что он в этом здании бывал много раз. Нас только на вахте остановили и то на минуту — записали данные с комсомольских билетов и пропустили внутрь. По дороге Сергей Вадимович меня просвещал, не слушая мои вопросы и вообще не обращая ни на что внимания:

— После моего звонка, было собрано бюро ЦК Комсомола. Мы сейчас идём как раз туда, на заседание. Чего там будет, я конечно догадываюсь, но ты сам смотри, не подведи. Михайлов свой парень. Мы с ним много через чего прошли и не один раз. Он всегда поддерживает своих, а уж тебя-то, после твоих подвигов, будет защищать точно. Ты главное не волнуйся и если будут чего спрашивать отвечай коротко и по существу.

Тут я уже не выдержал. Резко затормозил Вадимовича, развернул его ко мне лицом и уточнил:

— А о чём меня там будут спрашивать? Я, между прочим, подписки о неразглашении подписывал всякие разные. Как я могу чего-то рассказывать?

— Значит соображай быстрее, — продолжил меня учить Крапивин, — что можно сказать, а что нельзя. И вообще постарайся поменьше говорить. Покороче фразы и всё получится. По идее, всё и так всё знают. Но и спросить должны, тут без этого не обойдётся. Думай и говори.

Наконец наша гонка закончилась. Мы остановились перед двустворчатой, полированной дверью. На одной из створок была прикреплена табличка — "Актовый зал". Ну вот, хоть что-то становится понятным. Название знакомое и что там находится мне известно. И от осознания предстоящего меня начало потряхивать. Это волнение — я так понимаю. Организм Вилора пока ещё не привык спокойно воспринимать такие ситуации. Он же комсомолец до глубины души и для него ЦК ВЛКСМ это что-то несбыточное и где-то даже заоблачное. Большие эмоции он наверное мог бы испытать только в мавзолее Ленина. Ну или при личной встрече со Сталиным. Мне легче, но ненамного. Фиг его знает этот организм. Слава всему моему опыту, нескольких минут хватило чтобы привести себя в нормальный режим.

Крапивин покрутил меня из стороны в сторону, осмотрел со всех сторон. Поправил, чего-то там на лацкане пиджака, похмыкал и дёрнул за ручку одну створку двери.

Ну чё сказать? Креативненько и в духе времени. Не Екатерининский зал в Кремле, но подойдёт, для комсомольцев. Зал небольшой, на сотню мест где-то. Посчитать точнее мне никто не дал. Сразу же пригласили на невысокую сцену, где стояли несколько составленных вместе столов, накрытых бордовой тканью. Слева, если смотреть из зала, на сцене стояла одинокая трибуна красного цвета, а за ней, в специальной стойке, стояло знамя. Одиннадцать человек сидели за столами и внимательно смотрели на меня. Я никого из них не знаю. Можно даже выразиться точнее — я их вообще видел в первый раз!

Сергей Вадимович прошёл и сел на стул, став двенадцатым в этой тусовке, а я занял место за трибуной. А куда мне ещё идти? Больше свободных мест не было, если только в зрительном зале сесть. Там мест много. Но это уже совсем не по нашему. Лучше сразу в бой, а там посмотрим.

Стоило только мне утвердиться за этим сооружением, как тут же подбежала девушка, которая представившись, сразу потребовала:

— Секретарь сегодняшнего бюро Ершова Тамара Ивановна, сдайте ваш комсомольский билет, пожалуйста.

Молча отдал. А что, мне с ней спорить, что ли? Я на таких заседаниях никогда не

присутствовал и как, и что тут происходит я не знаю. В общем, я в полной растерянности, а Крапивин, единственный человек которого я здесь знаю, сидит и ухмыляется. Ничего, я с ним потом поговорю — по нашему, по простому без всяких там экивоков и прогибов. Фигли он меня бросил тут? Мог бы хоть подсказать чего-нибудь и как-нибудь. Небольшая задержка завершилась и началось, собственно, само награждение...

Не понравилась мне эта церемония. А по другому и назвать-то нельзя. Сначала, какой-то мужик, прямо из-за стола, зачитал по бумажке преамбулу события начав с моей фамилии и имени и, при продолжении чтения, полностью завуалировал смысл всего героического поступка. Обозвав всё просто — "Не растерялся и действовал, как настоящий строитель коммунизма, смело глядя в глаза опасности, получив смертельное ранение продолжил...", ну и так далее. В общем, сгладил все секретные углы набором героических выражений. Там не очень много говорено было, скорее всего, человек спешил на настоящую работу и поэтому словесами не разбрасывался. Потом, он же, уже своими словами, хотя, так же поканцелярски проговорил статут награды и положенные к ней регалии. Собственно, почти все. Подошла секретарь отдала комсомольский билет и предложила выйти из-за трибуны. А что мне? Вышел, стою, жду и надеюсь, что это почти наверняка закончилось. Не тут-то было. Тот самый говорливый мужик, степенно обошёл столы, подошёл ко мне и передал красную, тоненькую папку. Поздравил крепким рукопожатием, а затем приколот специальный значок, который идёт в довесок к почётной грамоте(смотреть в иллюстрациях), на левый лацкан. Народ за столами поддержал дружными хлопками в ладошки. Неужели всё? Опять нет! Теперь, этот товарищ поздравил меня по настоящему, словами и, в завершении, предложил высказаться по этому поводу с трибуны. Пришлось возвращаться туда откуда я только что вышел. Президиум поддержал порыв, опять изобразив бурные аплодисменты.

Никакой речи я не готовил. Но у меня уже был почти такой же случай, в той жизни. В двухтысячных меня, по каким-то мне непонятным мотивам, признали одним из лучших прорабов города Калуги. Тогда я тоже не был готов к тому, что придётся толкать речь. Пришлось импровизировать. Выкрутился тогда, значит и сейчас выкручусь. Прокрутил в голове ту речь и понял, что, по идее, ничего менять не нужно. Там обещал улучшить и ускорить, а заодно повисить, так и тут можно, в таком же ключе, высказаться. Придётся только слова про панельное строительство заменить, на что-нибудь героическое и патриотическое. Ну и наверное сойдёт. А что? Тот же Сергей Вадимович мог бы предупредить про то, что придётся речь толкать? Вот и пусть терпит. Что вышло то и получилось. И я в этом не виноват!

Специально засёк время по часам. Для чего-то они здесь висят, прямо над входом, а значит у меня перед глазами. Я говорил семь минут. И если начало получилось немного скомканным, то под конец я разошёлся, добавил бодрого настроения и закончил спич в мажорном тоне. Мне опять дружно похлопали и на этом заседание бюро, посвящённое моему награждению, закончилось.

Никакого положенного застолья со всевозможными деликатесами и шампанским, после проведённого мероприятия, не было. Да не очень-то и хотелось. Зато был чай и вездесущие московские баранки. Угощались прямо в актовом зале на сцене. Поговорили, познакомились, попереживали и чуть-чуть посмеялись. Вот именно, в этот момент, я и понял, о чём меня предупреждал Крапивин. Слава великому Чаплину, я ничего не успел ненужного наговорить. Отдельвался дежурными фразами. Фиг их знает этих комсомольцев,

к тому же Сергей Вадимович просто так ничего говорить не будет. Почаёвничали полчаса и можно расходиться. Уже выходя из актового зала, я был остановлен Михайловым Николаем Александровичем, который, на данный момент, являлся председателем ЦК ВЛКСМ. Мы отошли в сторонку и уже без свидетелей, не считая недалеко стоявшего Крапивина, поговорили:

— Я искренне рад за тебя товарищ Тихий! Жаль, что не удалось подольше пообщаться! Хочу сразу сказать, что впечатлён твоим спокойствием. Так держаться, не показывая никаких эмоций, не каждый может. Меня, когда награждали орденом Ленина, трясло так, что трибуна шаталась. Теперь верю, что ты смог справиться с этими преступниками в одиночку. Не думай ничего, я и так был в этом уверен, но сейчас убедился окончательно.

Ага, блин! Всё не так-то и просто. Знал бы ты, главный комсомолец страны советов, кто находится в теле Вилора, то тогда бы не удивлялся. Стрессоустойчивый прораб и не на такое способен. Но это я произнёс мысленно, а словами просто поблагодарил:

— Спасибо за высокую награду, товарищ Михайлов! Обещаю и впредь соответствовать гордому званию комсомольца Советского Союза, которым руководит великий товарищ Сталин!

Тут я, конечно, по моему, немного переборщил с пафосом. Но что поделать, время сейчас такое и без этого никак нельзя. Зато, Михайлов ничуть не удивился моим речам и даже, пошутил по своему:

— Вот это правильно! Соответствуй и дальше, — он наклонился ко мне поближе и, на ухо, негромко добавил, — у меня, например, такой награды нет. Так что смотри, не загордись.

Пришлось опять импровизировать. Но прежде, я немного отклонился в сторону, чтобы видеть собеседника. Не знаю я, что на такие слова отвечать, вот и выдал:

— А у меня, в отличие от вас, ордена Ленина нету. Но я надеюсь, что скоро появится.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся Михайлов, потом, когда продышался, уже нормальным голосом, чтобы все вокруг слышали продолжил, — не забывай сегодняшний день! Теперь всё комсомольцы Советского Союза будут равняться на тебя!

Я слегка опешил от таких слов. Это что? Теперь все комсомольцы-бригадмилловцы будут, как и я, с голыми руками на бандитов бросаться, что ли? Или все возьмут на себя обязательства заработать орден Ленина? Не, ну нафиг! Надо как-то это прекращать. Не дай бог, кто-нибудь погибнет в порыве жажды славы. Это же я буду виноват в этом!

— Товарищ, Михайлов! А может...

Тут меня прервали. Это Сергей Вадимович, дёрнул меня за рукав и тем отвлек от беседы. Он широко улыбнулся председателю ЦК и сказал:

— Пошли Вилор, нас там машина давно ждёт. Пора в горком возвращаться. Ребята, наверное, уже все дела порешали и надо бы это проверить.

Мне ничего не оставалось делать, как только попрощаться с товарищем Михайловым и немедленно последовать за Крапивинным. Идём на выход, а я смотрю по сторонам. Никогда в этом здании не был и наверное больше уже не буду. Надо хоть посмотреть, как главные комсомольцы живут. Не знаю, что в этом здании было до того, как его отдали под офис ЦК Комсомола. Но, по моему, не соответствует оно тем задачам, что на него возлагались. Коридоры узкие и кабинеты, кабинеты, кабинеты. Безлично и безвкусно. А и ладно — не моя забота.

На улице порядком стемнело. До горкома, в этот раз, ехали по другому маршруту. Я

попросил куда-нибудь заехать, чтобы прикупить продуктов и какой-нибудь выпивки. Надо же моё награждение отметить. Но это больше для коллектива. Потому что я, вообще, не собираюсь пить. Так, может быть, пару глотков сухого и всё. Заехали в неприметный магазинчик коопторга. Крапивин посоветовал. Сказал что сам там иногда отоваривается. И очень хорошо отзывался о большом выборе хорошего грузинского вина. Когда спустились в полуподвальное помещение, я понял что Сергей Вадимович прав. Столичный коопторг порадовал широким ассортиментом. Чего тут только не было. Чтобы не раскрывать происхождение денег, я сказал, что мне собрали ребята из бригады и другие хорошие люди, для посещения Москвы последующего лечения в санатории. Крапивин махнул рукой и сказал, что так и должно быть. Закупили всего, аж два раза пришлось ходить туда-сюда к машине. А если бы не водитель, то пришлось бы раз пять ходить. Хорошее время — никаких предупреждений. Ещё я обратил внимание, на повышенный интерес к моему значку на лацкане. Продавцы, а особенно продавщицы, при взгляде на него, сразу начинали улыбаться и обслуживали, не в пример, гораздо быстрее и качественнее — что ли? Чего они в нём нашли? Обычный комсомольский значок. Единственное отличие это лавровая ветвь сбоку золотого цвета, а так всё тоже самое.

В горкоме стояла тишь и благодать... пока мы там не появились. Меня Крапивин оставил возле вахты, а сам, со словами "Сейчас помощников позову", быстро умотал наверх по лестнице. А я что? Да ничего. Стою, жду. Только нарастающий шум, мне чего-то не очень нравится.

Глава 12

"А поезд "чух, чух, чух", огни мерцали. Огни мерцали, когда поезд уходил", — бубнил я, с претензий на пение, себе под нос эту нехитрую песенку. А фигли ещё-то тут делать? Мой сосед по купе испарился в неизвестном направлении — может в ресторан пошёл, а может у кого в соседнем вагоне бухает, не знаю. Я с ним пить отказался, вот он и ушёл обидевшись. А что? Кто ж в семь часов утра пьёт коньяк? Он что, вообще не видит, кто перед ним находится? Мне шестнадцать лет, а он, вот так просто, похмелиться предлагает. И чем? Коньяком! Бр-р-р... Ну его, этого алкаша, лучше перекушу чем-нибудь. Правда, на сухую без молока или компота, эти все пирожки и баранки, плохо пойдут. А и ладно, пойду к проводнику, попрошу чаю стаканчик. Хотя, это не кружка молока, к которому я уже привык с утра, но и не коньяк — тьфу, тьфу...

Хороший завтрак получился. Можно теперь поваляться на диване. А что? С лёгкой руки Крапивина, мне, благодаря каким-то там льготам и специальной брони для комсомольских вожakov, выделили одно место в вагоне СВПС до Сочи. Билет, правда, пришлось покупать за свой счёт. Но это мелочи, по сравнению с комфортом, который обеспечивает проезд в этом купе. Это не плацкартный вагон и даже не мягкий. Это гораздо круче. Всего два места в купе и никаких верхних и багажных полок. Крутотень — одно слово. И предупреждаю сразу, я этого не просил и имел в кармане мандат от товарища Собкина, по которому мог приобрести билет на любой поезд в сторону Сочи! А вот Крапивин, сам, мне, предложил такой вариант. Там ведь, вечером в субботу, как получилось-то...

Я стоял на первом этаже Московского горкома комсомола, возле вахты, а Сергей Вадимович побежал наверх, за помощниками. Но только, по моему, он не успел добежать до своего кабинета. Слишком быстро всё произошло. Толпа секретарей райкомов и их помощников, и ещё много кого, то есть все, кто оставались ждать нашего возвращения и были в курсе моего награждения, быстро спускалась по лестничным маршам. При этом они восторженно оглашали воздух различными радостными криками. Шум стоял такой, что напоминал галдёж фанатов после концерта рок-звезды, когда они ждут его выхода с чёрного хода. Ещё, наверное, так себя ведут индейцы из какого-нибудь дикого племени, при добычи кучи скальпов с чужого. Я бросил взгляд на вахтёра — он привстал и, по моему, собрался выйти из своей комнатки. А вот выражение лица, у него, не предвещало ничего хорошего. С таким, в окопах смотрят на приближающегося врага. Но это длилось не долго. Вахтёр, наконец-то рассмотрел источник шума, а увидев знакомые лица, прямо на глазах, расцвёл улыбкой и опять уселся на своё место. После этого всё и началось. Я честно не знал, что мне делать. Народ бурно выражал свои чувства, а мне стало как-то неуютно. То ли бежать, то ли спрятаться или всё-таки принять, как действительность и поддаться общему настроению? Короче, плюнул я на все этикетки и нормы, и стал просто радоваться вместе со всеми. Толпа меня подхватила и сопровождала до места празднования.

Сидели в Ленинской комнате. Я старался ничего крепче "Ситро" не пить — хотя мог, но что-то меня удерживало от этого шага. Тосты сменялись застольными песнями и я, наконец-то, услышал песню "Шудын бойында" в исполнении Ерасыла, правда под гитару, а не в сопровождении ВИА. Не совсем так же, как в моём времени, но очень энергично и вполне зажигательно. Так же прозвучало множество куплетов о правильном воспитании всяких там

личностей с помощью чайника и других подручных средств, в исполнении секретарей райкомов Москвы. Ещё были танцы под патефон. Потом все куда-то испарились и я опять улёгся спать на неудобном диванчике. Спал пока не пришёл Сергей Вадимович. В шесть часов утра!!! Он, кстати, Ерасыла тоже разбудил и не совсем щадящими методами. Я сбегал на разминку. Один. Ерасыл, в этот раз, был с больной головой и отказался меня поддержать. Ну и ладно, мне же было легче. Не надо его учить различным упражнениями. После небольшого завтрака понеслась работа. Хоть и воскресенье сегодня, а горком не прекращал работать. Уже к девяти часам утра здание напоминало среднюю школу во время перемены. Все бегали, громко переговаривались, о чём-то спорили разделившись на небольшие группки и изредка забегали к нам в Ленинскую комнату. Эх, молодёжь!

Крапивин, горя энтузиазмом, развил очень бурную деятельность. Буквально несколько его звонков и, через полчаса, в Ленинскую комнату прибежали самые активные комсомольцы Москвы. Ну и понеслось... У меня взяли интервью, потом сфотографировали, для местной стенгазеты. И тут же, не отходя далеко от меня, как главного виновника, стали её оформлять. Вот что-что, а стенгазеты в горкоме делать умели — всего-навсего три часа(проявить плёнку, напечатать фотографии) и лист нулевого формата украсился моими фотографиями, где я стою в фойе и держу почетную грамоту или, где мне пожимает руку Крапивин. Там много чего ещё было, но, если быть честным, то в основном, газета была посвящена моему награждению. Интересно было читать про себя и, с другой стороны, как-то необычно. Я же, получается, участвую в оформлении стенгазеты, полностью посвящённой мне! Какие тут могут быть другие эмоции? Но атмосфера, что царила вокруг, позволила забыть все мои переживания. И я полностью отдался этому интересному занятию. Ну, что сказать — комсомольцы оторвались по полной программе. При этом, ни в одной заметке не было ни одного слова про то, что действительно происходило в поезде. Только общие фразы, как собственно и в самой почетной грамоте. Там вообще всё было расплывчато: "ЦК ВЛКСМ НАГРАЖДАЕТ НАСТОЯЩЕЙ ГРАМОТОЙ... За проявленное мужество и личную отвагу в поддержании общественного порядка..." — в общем ничего конкретного. Но ребятам и этого было достаточно. Все с большим трепетом рассматривали алую атласную папку и находившуюся в ней грамоту. Про удостоверения никто не спрашивал и слава богу, что это было так! Даже не знаю, что было бы, если бы меня попросили показать ещё и их. Конечно же, всех интересовал памятный значок. Я, не долго думая, специально снял пиджак, чтобы люди могли подойти и посмотреть поближе, на награду. Так он и провисел на спинке стула, пока вся эта суета с подготовкой не закончилась. Потом был торжественный обед в столовой горкома. А дальше мои проводы на вокзал. Вот тут-то, Сергей Вадимович и начал звонить по всем, только ему известным, телефонным номерам, чтобы выбить мне место в поезде получше. Уже на вокзале я понял, что такое — эта, моя награда. В общем, почти Герой Советского Союза, только с маленькой буквы. Даже, в какой-то момент, пришла мысль снять значок и убрать подальше, чтобы не привлекать внимание. И я, даже, начал откручивать его с лацкана пиджака, но мне Крапивин, строго-настрога запретил это делать: — "Нельзя! Потому что грамота в сейфе лежит, пусть люди, хоть, по значку будут видеть настоящего героя!" — а мне и возразить было нечего. (Общим решением, я оставил папку с почётной грамотой Ерасылу, а он убрал её в сейф к Крапивину). Только усевшись в вагоне, на своё место, я смог расслабиться. Как оказалось, получать награду — это очень нервное дело! За окном был солнечный, хоть и осенний день, как раз погода для проводов. Тепло и, что для сентября необычно, солнечно. Очень солнечно. А уже зайдя в купе, мне стало как-то

душно. Реакция организма, на суету? Что-то умотали меня, эти проводы и награждения. Да и вообще, вся эта московская беготня надоела. Не умеют москвичи всё делать спокойно. Постоянно куда-то спешат. Ладно, мне двое суток ехать — отдохну ещё. В два часа дня с минутами, поезд отправился от Курского вокзала, а я, под мерный перестук колёс и лёгкое покачивание вагона, задремал. Сытый желудок дал команду мозгу не сопротивляться желаниям и я потихоньку заснул. Спал до того момента, пока ко мне не подсел мой сосед алкоголик. Это было, где-то посреди отрезка пути между Рязанью и Воронежем — наш паровоз там водой заправлялся. Разбудил меня этот гад. Начал коньяк предлагать. Ну а я его послал подальше спросонья...

Теперь вот лежу на диване и смотрю в окно, пытаюсь петь и улыбаюсь. Хороший всё-таки человек Крапивин. Такие проводы мне устроил...и о билетах позаботился. Да и вообще он молодец — такую команду возле себя собрал. Эх, мне бы к нему попасть... Но нет! Я в Москве не смогу. В командировку съездить это одно, а на постоянку не выдержу. Ладно, ехать ещё примерно сутки, чуть больше, а мне уже ничего не хочется. Настроение так себе и выспался на месяц вперёд. Ещё и в голове одни только дурацкие мысли. Например — как побыстрее пройти этот долбанный курс лечения? Или — узнает меня Витас когда я вернусь? Или, вот ещё — о чём думает ночью Марго? Я же говорю, что дурость одна, в голове. Пойти, что ли прогуляться по вагону? Может проводник чем обрадует. Кстати, он единственный кто видел меня в пиджаке со значком. Поэтому относится ко мне с большим уважением. Хотя, я его об этом не просил и ничего не делал для этого. Очень острые глаза, оказались, у этого товарища, заметил как-то. Вот и понеслось... Чай, сухарики, сушки... Еле отбился от его назойливого поведения. А мне тогда, в момент отправления, только спать было охота... Ладно. Пойду прогуляюсь — скучно.

Как мне сказал проводник, следующая большая остановка это Ростов-на-Дону. Эх! Давненько я здесь не был. А если по правде, то в этом теле вообще никогда. В той жизни бывал и не один раз. Интересно будет посмотреть на старое здание ростовского вокзала. Я-то здесь был, когда строили новое, потом, второй раз, когда уже построили. Посмотрим — интересно ведь!

Время в поезде идёт по каким-то своим правилам. То стекает тонкой струйкой, как мёд с ложки, а то скачет лихим скакуном — галопом по ипподрому. Загадка блин. Так и тут, задумался о вечном со стаканом чая в руке и не заметил как приехали в Ростов-на-Дону. Я вообще удивляюсь своему организму. Как утром позавтракал, так больше ничего в меня не лезло. Только чай и всё — как отрезало! Не пойму, что происходит? Вроде всё есть. В моём распоряжении вагон-ресторан или, на крайний случай, на любой остановке есть буфеты на вокзалах и люди, что торгуют разной снедью — покупай что хочешь и кушай в своё удовольствие. А мне ничего не охота! Проводник весь на нервы изошёл, каждые полчаса интересуется о моём здоровье. И очень удивляется, когда я отвечаю, что всё нормально и мне просто не хочется кушать. Может сейчас, в Ростове-на-Дону, наконец-то, всё заработает нормально? Посмотрим.

Жаль, что у меня нету фотоаппарата. Я бы тогда запечатлел на память это красивое здание. Один из старейших, между прочим, вокзалов России. Ну и соответственно СССР. Это же надо было додуматься, чтобы такую красоту разобрать и перестроить(смотреть в доп. материалах). Даже сейчас, в послевоенные годы, когда его только-только более-менее восстановили после фашистской оккупации, он смотрится изумительно.

Минут десять я, как профессиональный строитель, оценивающим взглядом осматривал

это украшение города. Жаль, что почти стемнело. Многие детали здания были не видны. Но и того что я увидел было достаточно. Потом, подчиняясь выразительному жесту проводника, я всё-таки рискнул сходить на привокзальный рынок. Мне почему-то стало интересно, а как тут обстоят дела с рыбными начинками в пирогах и пирожках? Есть ли отличия от таких же, но в Калуге? Прямо вот невольно стало... Ну и пошёл проверять.

Я же уже вроде говорил, что я балбес? Повторюсь и скажу ещё раз: — "Я самый большой балбес в Советском Союзе!" — и это правда. По причине вечернего времени и близости великой реки Дон, было немножко прохладненько. Дневная жара спала и я решил надеть пиджак. А там на лацкане памятный значок — очень редкий в это время. И чего это я про него забыл? Зато народ на рынке сразу мне, про него, напомнил. Лучше бы я тельняшку надел — честное слово. Я бывший прораб, а не супер-пупер звезда эстрады какая-то и поэтому не привык к большому вниманию окружающих. А уж Вилор вообще настоящий комсомолец, которому уставом прописано быть скромным. В общем: зря я пошёл в этом пиджаке.

Первая же женщина, которая торговала пирожками и расстегаями, посмотрела на левый лацкан моего пиджака и сразу же стала интересоваться: что это такое и за что его дают? А чтобы я думал быстрее протянула мне маленький пирожок, на пробу. Я конечно попробовал, обалдел от вкуса и вкратце рассказал, что можно было. За это мне дали среднего размера расстегай и пожелали хорошо отдохнуть в санатории. Причём денег с меня не взяли, совсем. Как бы я не пытался всунуть рубль в руки этой женщины, она не взяла! Но этим дело не закончилось. Люди стали подтягиваться со всех сторон, чтобы посмотреть на такую диковинку. Блин! Тут слухи расходятся ещё быстрее чем в Калуге. А мне было неловко такое внимание. Была бы возможность, я бы сказал, что — "кругом много более достойных людей, чем я. Те же ветераны войны, например. Вот кто действительно герои! А не я" — но кто меня будет слушать? Народу охота на героя-комсомольца посмотреть. И пофиг на то, что он там думает. Еле отбил.

В вагон вернулся в смешанных чувствах. Ростов-на-Дону обалденный город и жители в нём офигительные — просто у меня других слов нету, кроме таких. Гостеприимные и отзывчивые. Вон, подавали целую кучу подарков. А мне деваться было некуда. Пришлось брать, чтобы не обидеть. Это я ещё не у всех брал. Просто у меня столько рук нет, чтобы всё попытаться удержать. Некоторые провожали до поезда. Там проводник, чуть за милицией не побежал, когда увидел моих сопровождающих. Но вроде всё в порядке. Зато, теперь моё купе похоже, на маленький склад образцов товаров с рынка Ростова-на-Дону. Чего тут только нет. Всё-таки зря я надел этот пиджак...

Настроение и так было не ахти, а тут ещё и сосед мой нарисовался. Только-только тронулся поезд и я ждал, когда мы будем проезжать через мост, как появился этот алкаш. Не, ну ладно там — пришёл и спать лег, так нет — начал вести себя как обсос какой-то. Взял и начал всё, что лежало на столике, пробовать. Хоть бы разрешение спросил, что ли? Мне не жалко, но добились его комментарии к каждому угощению: — "Это хрень! Это гадость! Как это можно есть? В Европе такое свиньями дают!" — надоел короче.

Первая мысль, что пришла мне в голову это дать ему в морду — по простому. И всё на этом закончилось бы. Но, как-то недостойно комсомольцу так поступать, надо хоть попытаться словами успокоить этого удода. Что я и сделал. Только пьяный мозг этого индивида не воспринимал простые слова. Его комментарии стали громче и стали перемежаться матерными словами. Я по-началу сдерживался и отвечал культурно, без

заковыристых слов и ярко выраженных эмоций. Но всему, когда-то наступает предел. Так и тут, пришлось применить кое-что из арсенала строителей и, при этом, немного повысить голос. На эти высказывания прибежал проводник. Он и так был под впечатлениями, от моего возвращения с рынка, а тут ещё этот алконавт, со своими претензиями. Да и я тоже выражаюсь не совсем, как положено молодому парню. Короче, он вывел эту пьянь в коридор, мне просто махнул рукой призывая остаться на месте, и уволок его в своё купе. Чем уж там дело закончилось, я не знаю. Но остаток времени, до того как заснул, я ехал в одиночестве. Одного было жалко — это то, что я не увидел знаменитый мост через Дон. А ведь так надеялся, что буду внимательно наблюдать, как мимо пробегают арочные пролёты. Эх! Успокаивало только то, что за едой никуда ходить не надо было. И вообще я больше из купе не выйду. Ну их эти приключения. Надоело всё! Дайте мне спокойно пройти курс лечения в санатории. А там я наконец-то пойду на работу и заживу спокойной семейной жизнью.

Вроде выспался на месяц вперёд, а всё равно меня сморило довольно быстро. То ли темень за окном — тому причина, то ли мерный перестук колёс — не знаю. А может и все вместе. Но заснул неожиданно. Что снилось не запомнил. Значит ничего важного. Зато проснулся и понял, что так больше продолжаться не может. Тело было совершенно чужое. Я как будто бы набрал много лишнего веса. Мне было лень вставать и вообще делать какие-либо движения. Полное безразличие к окружающему миру. Ничего не радовало и ничего не хотелось. Взглянув на часы я сначала ничего не понял. Первая мысль это то, что я забыл их завести. Но такого просто не могло быть. Я точно помнил, что заводил их перед тем, как пойти на рынок в Ростове-на-Дону. Вывод один — я проспал пятнадцать часов! Или около этого. Потому что сейчас было три часа дня! Мы уже более двух суток в пути. Я как-то не интересовался сколько времени, нам предстоит добираться до Сочи. Но думаю, что не меньше двух дней. Это же не скоростные электропоезда будущего. Тут паровоз, если это конечно не магистральный ФД, требует к себе скурпулёзного отношения. Его надо вовремя заправлять кипятком и углём, иначе он далеко не уедет. В среднем это делают каждые сто километров. А это лишнее время в пути. Так что, фиг его знает, сколько мне ещё ехать, но что-то делать с организмом надо. Что-то я расслабился совершенно. Совсем забросил тренировки. Понимаю, что в вагоне это сделать непросто. Но есть же альтернативные варианты. Элементарные отжимания и бег на месте — чем не разминка? Вот и не фиг!

Подскочил как ужаленный в одно, всем известное, место. Первым делом метнулся к проводнику. Договорился о чае, минут через двадцать, потому что решил основательно размяться. А двадцать минут это оптимальный вариант по времени. Отжимания и подтягивания, а в перерывах между подходами постоянные бег на месте. Думаю, что это пойдёт мне на пользу. Вытряхнет лишние мысли из головы и взбудоражит заскучавший организм. Блин! Ведь было всё нормально, так нет — награждение нарисовалось. Весь распорядок дня, коту под хвост. Фиг вам — стройбат не отстывает!

Ну вот! Совсем другое дело, стоило только начать и всё пошло, как надо. Занимался пока не вспотел. Тут главное знать как правильно делать упражнения. Я знаю, и подтверждение этому исчезновение сонливости. Теперь, после того как размялся, мой путь лежит в ватерклозет. Там точно есть кран с холодной водой. После непродолжительных водных процедур, я почувствовал зверский голод. Ха! Я знаю что мне поможет с ним справиться. У меня столько всяческих вкусностей, что можно весь вагон накормить и ещё останется.

Пока наслаждался поздним перекусом, зашёл проводник и предупредил, что остался всего час до Сочи. Что ж я готов к встрече. Посмотрим, что я смогу узнать, а может и не узнать в этом городе.

Дверь в купе открылась и появился мой сосед. Ффуу-у... Перегар сшибал с ног. Так захотелось вышвырнуть этого субъекта в коридор, а можно и вообще на улицу, что пришлось сжать кулаки. Я же не школьник, чтобы не уметь себя контролировать. Но если честно это мне далось с большим трудом. Единственное что я сделал — это предложил пьянице погулять в коридоре или подождать в тамбуре. Но он меня не услышал. Сел на свой диван и уставился в потолок. Блин! Да что ж такое-то? Не могу я дышать этой гадостью. Пришлось самому идти гулять по коридору. Ничего, час как-нибудь подожду...

Не пришлось гулять. Разговорился с ещё одним пассажиром. Тоже, как и я, едет в санаторий. Только он в учреждение от министерства тяжёлого машиностроения. Это где-то на окраинах города Сочи. Я что-то совсем не помню такого. Может потом переименовали? Скорее всего. За разговорами время пролетело незаметно. Мы так увлеклись беседой, что даже не обращали внимание на пейзажи, что мелькали за окнами. Проводник успел нас вовремя предупредить о прибытии. Хватило времени упаковать остатки вкусностей в рюкзак и, частично, в чемодан. Последние остатки я собрал, завернул в газету и отдал лучшему главному по вагону. Он найдёт куда это деть. Наконец-то поезд дёрнулся в последний раз. Это означает, что моё путешествие подошло к концу.

Ну что ж, Сочи, я приехал! Сейчас посмотрим, что тут ещё не успели построить.

Глава 13

Я стоял перед главным корпусом санатория имени Серго Орджоникидзе (смотреть в доп. материалах) и был на грани культурного шока. Это же надо, такую громадину построить! Как меня убеждал таксист, в выборе места участвовал сам товарищ Серго. Да и потом строительство находилось под его непосредственным контролем. У меня прямо руки зачесались, так мне захотелось поучаствовать в чём-нибудь таком же — величественном. Етить-колотить, я каменщик или где-то рядом лежал? Надо срочно выходить на работу. Уже не могу без кирпичей. Да и той атмосферы, что стоит на строительной площадке, мне не хватает. Там ребята и бригада. Там всегда есть к чему приложить свои руки. Скоро в Калуге начнётся строительство нового драмтеатра. Есть возможность показать себя с самой лучшей стороны, а заодно и поучаствовать в строительстве знакового здания.

Я, если честно, вообще, всю дорогу от вокзала до санатория, не мог отделаться от чувства, что я нахожусь в каком-то фильме. Война только недавно закончилась. Прошло-то всего-навсего четыре года! И пусть Сочи не пострадало, как другие города — но, всё равно, с первого взгляда было понятно, что ты в столице всех курортов. Чистенько, опрятненько и душевно очень.

Сделав несколько шагов, я оказался перед лестницей. Если по ней подняться то, можно оказаться рядом с большим фонтаном. Моя память неожиданно выдала информацию, когда-то прочитанную или просмотренную. Я, в последнее время, перестал удивляться этим кусочкам послезнания. Даже наоборот, мне становилось интересно, что-то вспомнить. В голове у бывшего прораба имелось много чего, включая информацию по самым разным темам. За всю жизнь накопилось. В одних командировках, сколько было книг и журналов прочитано, и не сосчитать. Про время проведённое возле телевизора, даже упоминать не надо. Вот и сейчас, я вспомнил, что именно на этом месте снимался коротенькая сцена из фильма "Старик Хоттабыч"(смотреть в доп. материалах). Фильм будут снимать ещё не скоро, в конце 50-х, а вот книга по которой снят фильм, наоборот, написана давно, ещё до войны. У меня была такая в детстве и именно довоенного издания(смотреть в доп. материалах). А впрочем, чего там вспоминать-то? Мне надо успеть заселиться, а вспомнить можно будет потом.

Заселение прошло буднично. Мне немного попеняли на позднее время прибытия, но дальше пары незначительных слов, дело не зашло, стоило только сказать, что билеты в Москве на южное направление, приобрести совершенно невозможно. А поезда ходят почти всегда с опозданием. Я мог бы, конечно, сказать, что задержался на награждении, но это опять породит ненужные вопросы. А мне лишнее внимание не нужно. Я хочу спокойно завершить курс лечения и вернуться домой к любимой жене.

Жить предстояло в четырёхместном номере. Я сразу же переспросил насчёт курса лечения. Меня успокоили, что всё решится завтра после завтрака, когда сдам необходимые анализы и пройду медосмотр. Сейчас некоторые специалисты уже закончили работу. Да и время, типа, сами видите, позднее. Ну и ладно. Сейчас пойду займу койку, а потом пройду до столовой. Ужин ведь никто не отменял. По крайней мере, я на это рассчитываю. Очень уж мне хочется попробовать еду из местной столовой. А заодно оценить сервис, так сказать. Всё-таки почти месяц я буду здесь, поэтому вопрос с питанием один из самых главных.

Ни на какой ужин я не пошёл. Три соседа, с которыми мне предстоит жить в одной комнате, наотрез отказались меня куда-либо отпускать и предложили поприсутствовать в качестве арбитра. Да я и сам, после увиденного, уже не очень-то и хотел куда-то идти. Всё очень просто. Меня увлекла игра. Я не очень большой знаток игры в шахматы. Умею играть и всё. Одно время увлёкся решением шахматных задач, но это продлилось недолго. Были дела поважнее, да и игры бывают разные, мне не зашло, как сейчас модно говорить. Но тут, я прямо-таки завис возле стола с шахматной доской. Так меня поразила эта разновидность шахмат и сам процесс. Вот — ей богу, ни в той жизни, и уж тем более в этой, я не видел ничего подобного. Да что там скрывать, я даже упоминания никакого не слышал и не читал о такой игре. Это был взрыв мозга со всеми вытекающими последствиями. Я даже момент знакомства пропустил мимо ушей и внимания. Пришлось воспользоваться одной из технологий будущего и просто-напросто дать соседям прозвища — короткие и легкозапоминающиеся: Румын, Кострома и Карась. Румын — потому что похож на Киркорова. Кострома — потому что единственное, что я запомнил про него, это город откуда он прибыл. Карась — потому что глаза печальные. Вот и всё. Но это ладно, а вот сама игра это нечто...

Играют в неё втроём. Доска и фигуры обыкновенные, как для игры вдвоём. Но ходят по кругу и по очереди. Например: Румын начинает белыми, следом Кострома делает ход чёрными, присоединяется Карась и ходит белыми. Теперь новый круг: Румын идёт чёрными, Кострома следовательно белыми, а Карась чёрными. В общем это как играть самому с собой, только двое человек тебе мешают. Сначала это выглядит как полный маразм и идиотизм какой-то. Как можно играть, думать, просчитывать ходы то белыми, то чёрными фигурами по очереди. Но в процессе, я начал понимать всю грандиозность идеи и увлёкся просмотром этой битвы шахматистов. Какой нафиг ужин? Какой нафиг режим, когда тут такое творится! Победителем является тот, кто поставил мат. Или ничья если случился пат. А вот ребята похоже не испытывали никаких трудностей и резались в эту игру не отрываясь ни на секунду. Закончилось это представление победой Карася. И вот пока они все отдыхали, перед следующим поединком, я поинтересовался:

— Мужики, а что это за шахматы такие? В первый раз вижу.

— А это, — ответил Румын, он, как самый деловой, на мой взгляд, в этом трио, улёгся на кровать и вещал оттуда, — командировочный вариант "шахматной карусели" или по другому "Сочинская карусель". Очень хорошая тренировка для мозгов.

— Тут не поспоришь, — согласился я, — сам наблюдал. Только причём тут карусель? Вроде ничего не крутится.

— Это здесь всего в достатке, — подал голос Кострома, — а в некоторых местах стульев не хватает. Приходится меняться местами, постоянно вставать, переходить с места на место — вот и получается, что смотрится как карусель.

— Если так, то да, похоже, — не стал возражать я, — только всё равно не понимаю, зачем так издеваться над нормальной игрой? Что, у нас, в Советском Союзе шахмат не хватает, что ли?

— Вот! — очнулся Карась и сразу же подключился к разговору, — сразу видно, что ты не разбираешься в шахматах...

Дальше мне была прочитана пятнадцатиминутная лекция о различных методах тренировок в спорте вообще и шахматах в частности. Откуда я узнал, что мозг тоже нуждается в постоянных занятиях и чем они разнообразнее тем лучше. А именно так, играть

и использовать как тренировку, придумал какой-то профессор и одновременно шахматный гроссмейстер во время отпуска. Теперь все пользуются.

Пока мне, нудным голосом, рассказывали историю "Сочинской шахматной карусели", я думал. Ну не помню я, ни одного упоминания про такую разновидность игры в шахматы. А это может означать только одно, что я в какой-то параллельной реальности. Очень и очень близкой к нашей, но всё-таки чем-то неуловимо отличающийся. В который раз я в этом убеждаюсь. Надо бы внимательно пройтись по учебникам истории, когда вернусь в Калугу. Поискать различия. Хотя, всё может быть и это просто я не знаю всего, что происходило в нашей стране в то послевоенное время. А что? Ну не может простой человек знать всё! И я этому подтверждение... Всё, решено, как только приеду в Калугу, сразу же, как только будет свободное время иду записываться в библиотеку.

Пока я предавался невесёлым мыслям, мои соседи начали разыгрывать следующую партию. А я что, лысый что ли? Стал сбоку и стал смотреть на это увлекательное зрелище. Всё равно делать нечего, а так хоть время побыстрее бежит. Когда, даже мне, стало понятно, что белый король скоро сдастся. Я решил перекусить. Поэтому, стараясь не привлекать и не отвлекать, аккуратно выпотрошил свой рюкзак. Там много чего осталось из съестного. Вот и употребим, после матча. Надеюсь, что ребята не откажутся. Пища не может быть только духовная. Надо и чего-нибудь посущественнее употреблять. Иначе мысли откажутся существовать в голодом организме и покинут мозг. Хе-хе...

После перекуса, я смог выдержать ещё три партии. Потом, мой мозг отказался воспринимать эту игру как реальность. Глаза стали сами собой закрываться. Рот почти не закрывался от постоянного зевания. А так, как я, каждый зевок сопровождал громким: — "Ы-ых", то народ потребовал, чтобы я лёг спать. Потому что, нечего, тут отвлекать нормальных людей от игры, своими дикими завываниями. Оказывается, они им напоминают, о завываниях немецких бомбардировщиков. Мысли начинают идти не в том направлении. А тело автоматически ищет укрытие получше. В общем вечер пошёл насмарку, потому что я просто-напросто отключился, стоило только голове опуститься на подушку.

Проснулся рано. За окном была темень, а на часах всего-навсего четыре тридцать. И вот чем заниматься простому советскому комсомольцу в такое время? Не, я знаю много и всякого разного, чем занять себя. Но, как мне кажется, это будет большим шоком, для обитателей санатория. Пришлось, чтобы хоть что-то начать делать, обратиться к дежурной по этажу. Ха, обратился?! Да мы с ней почти час на всякие разные интересные темы разговаривали. Зато и результат, какой получился — я теперь знал всё(ну или почти всё) о том куда и когда можно сходить, помимо всем известных мест. Блин, да я, если очень захочу, могу с товарищем Сталиным встретиться, на нейтральной территории. Медсестра мне словами и на пальцах объяснила, где он любит проводить время. Только вряд ли меня близко к нему подпустят. Да и сомневаюсь я, что он сейчас здесь находится. Хотя, всё может быть. Ладно — это всё хорошо, но есть дела поважнее. А встреча со Сталиным это отдельная тема и подумать о ней можно потом.

Раз уж я проснулся, то не будем забывать об утренних физических занятиях. Как говорится — зарядку никто не отменял! Вот и решил я сбегать к морю. А что? Маршрут, благодаря всезнающей медсестре, я знаю. Так что не заблужусь в зелёных насаждениях и дикоросах. До завтрака такая прорва времени, что, как кажется, можно не только до моря успеть сбегать, а и куда-нибудь подальше. А впрочем посмотрим.

Вернувшись в комнату, я первым делом распаковал свой чемодан. Вчера, как-то про

него и не вспомнил — офигивал от шахматного турнира. Зря наверное, ведь тут, у меня, есть всё для занятий спортом, а самое главное это обувь. Босиком можно бегать по песочку, а по тропинкам в санатории, лучше передвигаться обутым. Я конечно старался производить поменьше шума, но как открыть долбанный чемодан без звукового сопровождения? Металлический лязг специальных застёжек, по моему, разбудил весь санаторий. Но нет, мои соседи только что-то пробурчали в полусне и продолжили спать. И слава Морфею, а то прямо и не знаю, чтобы я им сказал оправдываясь.

Что удивительно, но никаких препятствий, к столь ранней прогулке, я не встретил. Спокойно вышел из здания и, немного покрутившись на месте, вспоминая маршрут подсказанный медсестрой, выбрал куда бежать. Десять минут неспешного бега, сначала по лестнице, потом пересек дорогу и вот оно — море! И это я ещё боялся споткнуться. Так как было довольно темно. Но тут спасибо тому, кто работал над дизайном парковых аллей и дорожек. Белые бордюры и тёмная подсыпка на дорожках прекрасно различались в сумраке. Нос не разбил и синяков не понаставил, а это самое главное.

А море? А что море? Нормально всё с ним. Что я моря не видел что ли? Вон оно — чутка волнуется и слегка шумит. Волны невысокие, а песок вдоль берега влажный и плотный. Бегать босиком самое то. Но есть и ещё более важные новости. Я совершенно случайно встретил такого же энтузиаста утренних занятий. Матвей Степанович, как он представился, преподаватель токарного дела ФЗУ, в маленьком городке Кириши. Сейчас догуливает последние дни своего отпуска. Он-то мне и показал расположение гимнастических снарядов — так называемый "Уголок гимнаста". Там было всё что душе угодно: стационарные брусья, турники, лестницы, бревно и даже три каната подвешенных на семиметровой высоте к перекладине. А ещё, прямо в шаговой доступности — площадка для волейбола. Зачем мне площадка? А где мне покувыркаться от души? Где бой с тенью устраивать? Можно между канатами попрыгать, конечно, но лучше там, на площадке этим заниматься. Всё равно народу нету, значит никому не помешаю, а места, для фантазии и отработки связок, навалом. В общем мне понравилось. Ещё бы парочку мешков, хотя бы с песком, что бы удары отработать, но пока и этого, для начала, достаточно. А с постановкой ударов потом разберусь. Мне физуху надо восстанавливать. Драк, вроде бы, в ближайшее время не должно быть, вот и не зачем про это думать.

Пока, я заставлял организм вспоминать всё, к чему привык раньше, Матвей Степанович бултыхался в море. А чё ему? Он мужик здоровый. Это я весь пораненный и мне нужно с осторожностью относиться к нагрузкам. А он и бегаёт, и прыгает так как хочется. Вон даже плавает куда и как получится. Везёт некоторым. Тут "планку" еле-еле минуты две выдержал, а ему хоть бы хны. Даже орёт, чего-то там радостно, не вылезая на берег. Видно сразу счастливого человека. Но, что именно, вызвало такую радость, что надо было ей срочно поделиться с окружающими, я не понял. Я даже внимательно осмотрел все ближайшие кусты с кучками деревьев, в поисках источника. Но так ничего и не обнаружил. Так бы и помер на берегу от неизвестности, пока пытался решить эту задачу. Но наставник токарей, пока я озирался по сторонам, всё-таки добрался до берега и уже смог мне все пояснить простыми словами:

— Наверх посмотри.

Я перевёл взгляд повыше. Да-с... Тут словами не описать. Это надо писать на картине или с хорошим фотоаппаратом всё запечатлевать. Солнышко вставало и золотило вершушки предгорье Кавказа. Это было... Очень залипатненько и эпичненько. Минут на десять я завис,

любуясь видом и пытаюсь навсегда запомнить это природное чудо. Степаныч несильно толкнул меня в плечо и сказал:

— Солнце встаёт, а это значит, что пора возвращаться. Скоро будет подъём. Народ пойдёт заниматься лечебной гимнастикой. Надо успеть вернуться.

— Жаль, — произнёс я в ответ, — так не хочется отсюда уходить. Так бы и стоял, кажется, всю жизнь и любовался этой красотой.

— А ты приходи сюда каждое утро и любуйся, — с улыбкой ответил Степаныч, — у тебя месяц есть. Насмотришься ещё. На всю жизнь запомнишь. Только одна беда — не всякий день такое чистое небо. Я почему так обрадовался-то, потому что впервые, за всё время что здесь отдыхаю, увидел эту красоту. Повезло наверное.

— Повезло, коли так, — согласился я.

Мы попрощались и разбежались по своим санаториям. Вот так вот — Степаныч отдыхал совсем в другом учреждении. И к тому же, ему осталось всего два дня здесь находится. Потом уедет в свои Кириши пацанов учить, с какой стороны к токарному станку подходить. А и ладно. Надеюсь, что завтра увидимся. Хороший он человек. Может ещё, что-то интересного расскажет про местные обычаи.

Вовремя я вернулся. Значит никаких вопросов от администрации не будет. Медсестра только пальчиком погрозила, когда я мимо неё проскочил. Ну с ней-то проблем точно не будет. Я ей сразу объяснил, что занимаюсь по своей методике. Вроде она ничего против не имела. Команда к подъёму уже прозвучала по всем отделениям санатория. Но, народ, в нашей комнате, только-только начал принимать вертикальное положение. А вот нечего шахматные турниры проводить до полуночи. Легли бы как все после отбоя, глядишь и подъём был бы легче.

На утреннюю гимнастику я, как ещё не до конца оформленный, не пошёл. Мне срочно нужно душ принять, а то на завтраке буду всех раздражать своим запахом. А гимнастикой буду заниматься потом. Может быть, с завтрашнего дня и начну. Посмотрим, что врачи, после прохождения осмотра, скажут. Глядишь и освободят от такого сомнительного удовольствия. Я ни грамма не умаляю значение утренней гимнастики, но предпочитаю делать её по своему.

Соседи ушли впитывать здоровый кислород и разминать мышцы после сна, а я воспользовался душем. Очень мне это помогло. Я, можно сказать, только после него, почувствовал себя нормальным человеком. Аппетит проснулся и появилась какая-никакая жажда к действиям. Горы могу, если вдруг понадобится, свернуть нафиг. Медсестра, даже, прибежала в нашу комнату и начала читать короткую нотацию о правильном поведении. А я-то что? Это все местный воздух виноват. Слишком большая концентрация кислорода. Пьянит с непривычки. Пришлось извиниться и пообещать, что петь в полный голос больше не буду. Я же говорил, что нет у меня не голоса ни слуха. А тут под влиянием побочных эффектов, чего-то захотелось но не получилось. Эх!

Народ после зарядки расслабился. Кто-то просто сидел и ждал завтрака, как я например, а кто-то, согласно личному графику, утренних таблеток. Ну это те, которые принимать перед едой нужно. У нас в комнате таких двое было: Карась и Румын. Они и питались по отдельной диете. А мне пока, только и остаётся, что смотреть на всех со стороны и привыкать к новому режиму.

В столовой всё было, как и в том времени. Столы с номерами, чистота и порядок. Разговоры велись только шёпотом. Да и вообще почти никто не разговаривал. Плакат, перед

входом в обеденный зал, призывал соблюдать тишину и не мешать своими разговорами, принимать пищу окружающим. С одной стороны это правильно, а с другой как-то непривычно. Ничего привыкну как-нибудь. Посмотрим, что будет когда я вернусь. Все в нашей столовой будут спорить о чем-то, а я буду молчать. Интересно, как это будет выглядеть со стороны.

После завтрака мне дали немного отдохнуть. Но вот потом, я испытал все прелести санаторного обследования. Никакому описанию это не поддается. Калужский физиолог, про которого я когда-то думал, что он великий мастер — шестилетний ребёнок против местных монстров от медицины. В мою выписку из истории болезни, никто ни разу не взглянул, как мне показалось. Местные специалисты решили сами разобраться в моём организме. Но, по моему, результаты у них всё равно получились одинаковые. Только с более заумной трактовкой. Я этот двойной лист нёс в кабинет администратора и пытался хоть что-то разобрать. Там вообще ни одного слова по русски не было, кроме моих имени и фамилии. Я честно пытался прочесть и понять, но всё без толку. Ну и фиг с ним. Приму любой вердикт, лишь бы побыстрее домой вернуться. У меня жена молодая одна осталась. Чего же мне ещё желать?

Вообще-то на двери кабинета была табличка "Терапевт — Екатерина Степановна Цикалина", а не какой-то там администратор. Я конечно потом поговорю с медсестрой, которая меня упорно направляла к администрации. Но чувствую, что это будет безрезультатно. Она, скорее всего, пользуется какими-то своими терминами и названиями должностей. Да и ни один ли мне чёрт, как называется врач который будет мне делать назначение. Лишь бы специалист был хороший, а там хоть главой инквизиции назови, мне по феншую. Стучу в дверь и сразу захожу. А что ещё остаётся делать? Кого ждать-то? Я тут один возле этой двери — то ли опоздал, а то ли совсем наоборот, пришёл самый первый. Сейчас и узнаю, заодно.

Разговор вышел трудный и долгий. Екатерина Степановна, как оказалось, не зря занимала свою должность. А вообще-то мне интересно было со стороны наблюдать, как она принимала решение, по назначению каждой необходимой процедуры. Она, как бы одновременно, вела разговор со мной и тут же советовалась сама с собой:

— Скажите, товарищ Тихий, а вот вы говорите, что с утра, у вас небольшие покалывания в левом боку и так, до той поры, пока не сделаете несколько упражнений. Верно?

— Бывает иногда, — не стал спорить с очевидным я.

— Хм! Интересно. А что я вижу в карточке? Надо же, как интересно! Что будем делать? Наверное попробуем массаж и получасовой сеанс грязевых ванн. Да, так будет правильной. Назначая.

Ну и так далее. В том же духе. Нет, я сам с раздвоением личности. Но от врача, тем более такого, просто не ожидал. А вообще она нормальная. И как специалист и как человек. Много всяких советов понадавала и по режиму, и по лечению. Кстати, я у неё выторговал, с небольшим отступлением, разрешение на занятия утренней гимнастикой, по своей схеме. Теперь, я могу, со спокойной совестью, бегать каждое утро на пляж и заниматься как мне вздумается. За это ей отдельное спасибо. А то, эти извращения возле фонтана, которые тут по незнанию называют утренней гимнастикой, мне как-то не очень нравятся. Да, блин! В детском саду и то лучше зарядку проводят, честное слово.

С этими назначениями, чуть не опоздал на обед. А в санатории это самый главный момент распорядка дня, надо сказать. Потому что после обеда и послеобеденного сна,

начинается другая жизнь. Кому-то может и не повезло, есть и такие, им предстояло пройти ещё несколько процедур, но в основном — все остальные везунчики отдыхали! Отдыхали так, как это возможно только в Сочи, на этом курорте и в этой санатории. Чего тут только не было. Даже для этого послевоенного времени, выбор культурно-развлекательных мероприятий был богатый. Да, блин! После полдника в санатории почти не оставалось людей. Все расплзались по огромной территории или уходили на пляж. А там уже отрывались, по полной программе, сообразно своим представлениям о хорошем отдыхе. Мне повезло — у меня не было никаких назначений на после обеда. И поэтому я, для начала, решил просто поваляться на пляже. Не загорать, нет! Нафиг это культурное обугливание. Просто воздухом морским буду дышать. К тому же мне о многом надо подумать. Вот и буду совмещать полезный морской воздух и мыслительный процесс, аж до ужина. Он у нас тут в семь часов вечера. С ума можно сойти за это время от мыслей. Когда решение принято, то и жизнь становится легче.

Обед прошёл без происшествий. У меня нет специальной диеты и я даже немного объелся. Что хорошо нивелировалось здоровым, послеобеденным сном. Полдник тоже зашёл как к себе домой. А потом я начал приводить свой план в действие. И только дурацкий случай, при пересечении проспекта Сталина, меня на несколько минут задержал от самоназначенного моциона.

Иду, никого не трогаю. Стараюсь перемещаться в тени, там гораздо прохладнее. Потому что хоть и осень, но солнышко всё ещё жаркое. Обгореть можно как нечего делать. А может и к дождю дело идёт, парит как в духовке. Организм сопротивляется такому насилию. Пот, чуть ли не рекой, с меня течёт. Иду, короче, утираюсь полотенцем, по сторонам не смотрю. Чего смотреть-то? Это не то, моё время, когда от машин не продохнуть и надо крутить головой в разные стороны, чтобы не вляпаться в аварию. Тут машины это большая редкость. Но нашёлся лихач, который чуть меня не сбил. Еле увернулся от чёрного автомобиля. И ещё неизвестно, кто из нас больше испугался: я или водитель.

Машина поехала ещё пару метров и остановилась. Оттуда вылез водитель. А мне разговоры разговаривать, ну прямо совсем не с руки. Я уже всеми своими мыслями, лежу в тенёчке и размышляю о вечном. Но водила повёл себя как нормальный человек. Поинтересовался моим самочувствием, предложил помощь, начал пихать мне в руку здоровенную бутылку с домашним вином. Короче, чувствовал, что он виноват и пытался как-то отдариться. А мне что делать? Я всеми доступными словами пытался отказаться, но куда там. Этого товарища было не остановить. Минут пятнадцать мы стояли и переливали из пустого в порожнее. Я уже давно всех простил и был согласен забыть о происшествии навсегда. Даже эту бутылку забрал, чтобы всё закончить. Но водитель от меня не отставал. Наконец появилось третье лицо в нашем споре. Пассажир кое-как вылез из машины и направился к нам.

Говорят, что все наши поступки давно прописаны где-то там наверху. Все наши действия predeterminedены и случайностей не бывает. Теперь, после того как я узнал пассажира, уже не знаю во что верить и на что опираться в жизненных вопросах. Пришлось сделать независимый вид и, как культурный человек, поздороваться с подошедшим:

— Здравствуйте, Никита Сергеевич!

Глава 14

Кручу бревно и одновременно, одним глазом, слежу за хмуриющимся небом. Вообще-то, на территории санатория, как мне объяснили, подают звуковой сигнал, в случае штормовой погоды. И это, лично я, полностью приветствую. Техника безопасности это святое! И пофиг в каком месте и в какой организации — главное чтобы соблюдалась. Это вам любой прораб подтвердит. В этом санатории всё должно быть отлично с оповещением отдыхающих. Но что-то я не слышу ничего похожего. А вот тёмное пятнышко, с южного направления, прямо намекает, что пора бы сваливать с этого пляжа. Эх! Жаль, что не доделал комплекс упражнений. Но это лучше, чем попасть под ливень и шквалистый ветер. Несколько минут трачу, чтобы окупнуться в море. Мне идти недалеко, так что всё успею. Сполоснусь пресной водой уже в санатории. Ладненько, пора бежать.

Бревнышко аккуратно прячу в кустах акации, рядом с центральным входом. Фиг кто сюда полезет — проверено. Я и сам постоянно ругаюсь сквозь зубы, потому что без царапин, в этих колючих зарослях, не обходится. Зато надёжно. С этим бревном, за прошедшие три недели, я уже сроднился и потерять его будет очень жаль. Можно сказать, что это эпическое бревно. Мне же Хрущёв, по личному распоряжению этот атрибут подарил. Забавно тогда, с этой аварией, получилось. Как сейчас помню...

— Здравствуйте, Никита Сергеевич! — поздоровался я и протянул руку.

Многое можно поставить в вину этому человеку. Но одного у него нельзя отнять. Это умение подстраиваться к любой ситуации. Прямо колобок фигов, да и внешность подходящая. Тот тоже умело всем зубы заговаривал и интриги плёл, пока не нарвался. Вот и сейчас, в этой странной ситуации с дурацкой аварией, Хрущёв проявил себя, как умелый политик. Я вообще не знаю, чего он завёлся-то? Чего прицепился? Никто не пострадал, машина целая, даже царапины маленькой нету, а про себя я вообще молчу. Единственное, что со мной произошло — это вспотел ещё больше, чем раньше. Хотя, куда ещё больше, я не знаю. И так весь мокрый от пота был. Короче, началось всё с взаимных извинений, а закончилось походом на пляж. Где я показал, большому любителю кукурузы "гимнастический уголок" с инвентарём и волейбольную площадку. А заодно, в процессе разговора, посетовал, на отсутствие привычного именно мне бревна, для личных занятий. Никита Сергеевич сразу же вцепился в эту возможность замять историю с аварией. Хотя, я ещё раз повторюсь, по моему, никакой аварии не было. Делать ему, наверное, нечего вот и развлекается как может. Минут десять ушло на уточнение размеров и материала, а потом я наконец-то остался один. Хрущёв с водителем удалились, о чём-то бодро переговариваясь. Ну и слава богу! Надоели оба, как пиндосы со своей демократией.

До обеда следующего дня ничего не приходило. А вот потом меня вызвали ко входу, через дежурную по этажу. Когда я вышел на проспект Сталина, через боковой выход, то увидел водителя Хрущёва. Он стоял в обнимку со светло-жёлтым бревном. Очень светло-жёлтым, почти белым. Что меня добило, так это его улыбка — дебильно-счастливая с демонстрацией всех тридцати двух зубов. Вот фигли он лыбится? Я ему что — Карандаш и Клякса в одном лице, что ли? Или кто тут сейчас главный комик? В общем он лыбу давит и бревно держит, а я пытаюсь вспомнить как его зовут. Вроде вчера мы не представлялись друг другу? И как мне к нему обращаться? А впрочем, мы в Советском Союзе и тут, по идее,

можно наплевать на все правила. Вот и я не стал долго думать, взял и поздоровался:

— Добрый день, товарищ водитель! Как дела у Никиты Сергеевича?

— У него всё отлично! — не прекращая улыбаться, водитель протянул мне брёвнышко, — вот просил передать.

— Благодарю.

Что тут ещё скажешь? Я покачал деревяшку из стороны в сторону, перекинул на запястья с поворотом. Сделал несколько разминочных махов вокруг пояса. Да-с... Чуток тяжеловато, а так вполне сойдёт. Материал — не липа и это однозначно. Что-то что гораздо плотнее и тяжелее. Даже не представляю, что за древесина пошла на изготовление и ещё порадовала отделка. Не полировка до блеска, а очень качественное ошкуривание. Это когда, даже, на ощупь всё ровно, гладко, без шероховатостей и, в том числе, пальцы не скользят.

— Это акация, — безо всяких экивоков, неожиданно произнёс водитель, — ты не смотри на цвет, скоро она потемнеет и будет почти коричневая.

— Хитрое дерево, — почесав затылок ответил я, — а я ещё слышал, что акация ядовита. Это правда?

— Врут! — сразу, резко откликнулся собеседник, — у меня кухонный стол из акации. Кстати, делал там же, где тебе это бревно шкурили. Так что не переживай, всё с этой древесиной в порядке.

— Ну пойдём тогда, — я вспомнил, что обещал показать упражнения и двинулся на пляж. Водитель не стал спорить и потихоньку пошёл за мной. А я, прямо на ходу, пытался приноровиться к непривычному весу брёвнышка. Тяжеловато, конечно, и баланс другой, но это не беда. Я думал переходить на новый вес, немного попозже. Но раз уж так получилось, то чего я могу сделать? Буду привыкать.

Мой показ чуть не закончился конфузом. Жарища стояла невероятная. Руки... да что там руки! Я весь вспотел, как конь скаковой после забега. Вот и выскользнуло моё бревно из ладоней. Хорошо, что народу рядом было мало. Но всё равно приятного было мало. Подумав, мы отошли на волейбольную площадку. Там уже водитель, сам попытался повторить упражнения, что я показал. Нормально мужик подготовлен! Базовый комплекс сделал без проблем. Но на этом мы закончили. Базовый — он конечно базовый, только, в такую погоду, будь ты хоть кем, а вспотеешь обязательно. А ему ещё Хрущёва возить, где ни попадя, будет сидеть, нюхать и возмущаться. Нафига это надо? Вот и я про то. Расстались прямо на пляже — я пошёл купаться, а водитель помчался к автомобилю. Так вот и появилось это бревно у меня. Потом я конечно жалел, что не взял автограф у Никиты Сергеевича. А что? Хоть какая-то память. Но не будем о грустном...

Воспоминания это конечно хорошо, но погода явно портится. Сколько времени всего прошло, а небо уже всё свинцово-фиолетовое. Но на удивление ветра нет. Вид с площадки, что возле фонтана, в лучших традициях тёмного фэнтези. Всё мрачно и контрастненько. Тёмное небо и почти чёрное море, белые росчерки тонких облаков, тёмная зелень деревьев и белые линии бордюров, белоснежные скульптуры вокруг фонтана и чёрная бронза чаши. Опять жалею, что не приобрёл фотоаппарат. Снимки могли бы быть впечатляющие. Ладно, поспешу в корпус, а то, у меня с плохой погодой, не очень хорошие отношения. Было уже. Только приехал, а буквально через три дня дождь зарядил. Какие тренировки в такую погоду? Брёвнышко двое суток в кустах мокло. Эх!

Вообще-то, все эти три недели погода вела себя нормально. Исключение составляли только те два дня, когда дождь шёл. Но это был просто дождь, а сейчас, на Сочинское

побережье, надвигается что-то более интересное. Слышал я, в своё время, что тут, по осени, даже смерчи бывают. И честное слово, совсем не охота это испытать на себе.

А народец-то тут вокруг отдыхает ушлый. Все уже попрятались кто куда. Откуда только узнали о перемене погоды? Я, как бы, не самый последний заскочил в свой корпус. Слава всем, кто наблюдает сверху, не намок и не устал ни грамма. Можно спокойненько дойти до комнаты и с, уже новыми, соседями понаблюдать за буйством погоды в комфортных условиях.

А соседей-то и нету! Да и фиг с ними. Мне же проще. После того, как уехали трое шахматистов, ко мне подселили каких-то социопатов. Вообще некоммуникабельные товарищи. На контакт идут только по необходимости и то, если очень надо. Ну там с разными вопросами: — "А где лучше купаться?" или "Главврач не будет против если я в город съезжу?" и мне приходится терпеть. А что делать? Не все такие общительные, как я или те же шахматисты — бывает исключения.

Подошёл к окну. Тут на подоконнике лежит календарь на 1949 год. Каждый, кто проживает в этой комнате, старается отметить свои дни нахождения в санатории, как-то по особенному. Я, например, указал стрелочками на 14 сентября и 7 октября, а между нами написал "Калуга". Кто-то проставил рядом с числами галочки и на полях пометил, что галочка — это мужик с Кирова. В общем кто как хочет, тот так и извернулся. Хорошо, что календарь большой, из разряда настенных — свободные поля широкие и пометок можно ставить много.

Сегодня у нас 4 октября и мне осталось всего-навсего три дня. Не сказать что время прошло даром. Я основательно поднабрал в весе. И это не "пивной животик" и не жир какой-нибудь, а вполне себе мускулы. А что? При таком-то питании и ежедневных занятиях до полного устатка сил. Мышцы растут не успеешь глазом моргнуть и это правильно — возраст такой. Рита офигеет когда меня увидит! Но это-то ладно, а вот врачи меня замучили окончательно. Каждый день, а иногда и по несколько раз, меня простукивают, мнут, прослушивают и берут анализы. Только с их стороны я не вижу никаких подвижек. Постоянно одно и то же. Терапевт Цикалина, эта которая главный физиолог, вообще меня хочет здесь оставить. Ей понравилось со мной, а точнее с моим организмом работать. Только я одного не могу понять, чего это она постоянно пишет, что — «Лечение не дало результата». Это как? Я же, себя чувствую хорошо. Непонятно мне это. А лечение это, процедуры разные и всеобщий распорядок дня, за эти три недели с небольшим, уже основательно приелись. Надоело, если по другому сказать. Охота уже домой, в родную обстановку, где всё известно и привычно — по Марго соскучился, по тёще, по всем нашим ребятам. Витаса хочу увидеть. Хочу в конце концов на работу. Там жизнь, а тут... Эх!

Мои душевные терзания и тоску по родным местам, прервала яркая вспышка и громкий "Ба-бах!" за окном. Ничего себе здесь гром и молния. Звездануло от души, так что аж стёкла задрожали. А вспоминая всякие там законы физики, мы понимаем что молния ударила где-то неподалёку. Вспышка сверкнула и гром прозвучал почти одновременно. "Началось" — тут же пронеслось в голове.

Дальше всё понеслось в стиле дискотеки 80-х. Молнии исполняли роль стробоскопов и цветомузыки, а гром шёл за грохот ударной установки. Шум дождя и завывание ветра добавляло новых звуков к этому концерту. Мне из окна хорошо было видно, как деревья шатало порывами ветра. Вообще-то я уже такое видел. Но это было в той жизни и совсем в другом месте. Но там такое буйство природы продолжалось от силы полчаса, а здесь,

похоже, вся эта история надолго. Ни одного просвета в небе. Темень такая же, как будто поздним вечером, когда солнце давно скрылось за горизонтом, но ночь ещё не вступила в свои права. Ужас и красота в одном месте. И я в качестве наблюдателя.

Корпуса санатория строили настоящие спецы. Да и место было выбрано с умом. При всей силе ливня, я не заметил чтобы где-то возникли заторы и вода что-то там сдвинула с места или образовалась огромная лужа. Картина конечно была завораживающая. От переизбытка эмоций, у меня, как всегда, проснулся дикий аппетит. А что? Так-то я, последнее время, стараюсь чтобы тренировки заканчивались перед приёмом пищи, а тут не получилось. Ливень помешал, но, как говорится, перекус никто не отменял. Пойду в столовую. Не фиг терпеть и слушать завывания пустого желудка. Бросил последний взгляд в окно... Мать-перемать!!! У меня просто больше других слов нет. В галерее соседнего корпуса стояла знакомая парочка. Те самые непонятные пенсионеры. Буквально, на несколько секунд они были видны, благодаря вспышке молнии. Потом, опять, сумрак скрыл их от взора Вилора. Показалось? Или нет? И что теперь делать?

Всякое в жизни встречается. Но это уже что-то за гранью понимания. Нет, может быть, они также как и я просто приехали отдохнуть. А что? Возраст подходящий и, в конце концов, конституцией Советского Союза гарантировано медицинское лечение. Почему бы и нет? Но почему в тот же самый санаторий? И почему в тот же самый промежуток времени? Возможно ли такое совпадение? Я не математик, но и так было понятно, что вероятность такого близка к нулю. Надо успокоиться и всё хорошенько обдумать.

В столовой было шумно. Столько народу одновременно я не видел уже давно. Нет, так-то удивляться нечему. Всё понятно и без объяснений. Тут же как — каждый подстраивается под свой график. Кто-то любит компанию во время приёма пищи, а кто-то предпочитает покушать в одиночестве. Поэтому все ходят тогда когда им удобно, но не выбиваясь из расписания столовой. И это с одной стороны правильно, а вот обратная сторона это вот такой случай. Когда погода испортилась и сидеть в своей комнате скучно. Народ идёт в столовую — где не так страшно и всяко в толпе веселее. Мне-то пофиг, есть сосед за столом или нету. На аппетит никогда не жаловался. Погода напрягает — это да, всё остальное ерунда. Было бы смешно если моими соседями по обеденному столу стала бы та парочка, но нет. За моим столом сидели те же люди, что были в обед. Да и ладно бы, но мысли...

Я себя чуть в катарсис не загнал, раскладывая всё по полочкам и пытаюсь найти хоть какое-то логическое объяснение, появлению этой парочки пенсионеров. Когда еда закончилась, а народ стал потихоньку расходиться, я отказался дальше думать. Как это вообще возможно, если нет ничего — никаких установочных данных. Нафиг напрягать мозг, если может оказаться так, что эта пара просто зашла на территорию санатория, чтобы укрыться от дождя. Но это, ведь, не убирает вопрос — чего они появляются там же где я? Всё. На хрям!

Злой на себя, на погоду, на калужских врачей и вообще просто злой, я быстро зашёл в свою комнату. Там присутствовали все мои невольные соседи. Разговоры с ними я разводить не собирался. Как они со мной, так и я буду поступать с ними. А что? За две недели, что они тут, мы ни разу нормально не поговорили. Поэтому я прошёл к кровати и плюхнулся на неё, с большим желанием заснуть и проснуться только утром. Но вот только мой организм думал по другому. Не могу заснуть и всё тут! Ещё и эти своими разговорами отвлекали. Постоянно: — "Бу-бу-бу с выработки. А его наградили! Да? Ага. А я слышал, что один председатель колхоза своему внуку сделал большую приписку по выработке! Все колхозники были против,

но ему удалось их как-то уговорить. Теперь наградили. Да ладно?! Вот и про что я говорю! Куда смотрит бюро комиссии партийного контроля? А я его знаю! Эти Горбачёвы всегда такие были!" и тому подобное. Эта знакомая фамилия меня окончательно выбесила. Спать расхотелось окончательно.

Раз уж такое дело, то попробую поговорить но на мои темы. А что тут ещё делать? На улице, черт знает что творится. Соседи, какие-то засланные казачки — прячутся постоянно по углам и затрагивают в своих разговорах расстрельные темы, когда их никто не видит. Эти долбанные пенсионеры путаются под ногами. Дурдом бл...! Но поговорить надо.

Поговорили... Заговорились так, что спать легли только под утро. Это погода виновата! Сто процентов. Что-то там в небесах случилось с давлением и мы все резко захотели спать. Наверное это распространенное явление, но со мной это случилось впервые. Дядьки оказались разговорчивыми но очень осторожными. По началу я вообще говорил один. Потом, после кучи баек про стройку и строителей, лёд недоверия был слегка растоплен. И мы, сначала, все вместе смеялись над, опять-таки, моими анекдотами, а вот после началась совместная беседа. И что интересно, про политику не было сказано ни одного слова.

Утро среды 5 октября 1949 года порадовало переменной очень плохой погоды, на просто плохую. Дождь всё ещё шёл, но уже как-то без фанатизма. Ветер тоже присутствовал и за рамки приличия не выходил. Иногда бывают порывы, что верхушки деревьев начинают раскачиваться, куда ж без этого, но это редко. Глядишь к вечеру всё успокоится, я по крайней мере, на это рассчитываю. Можно будет сходить на пляж и заняться тренировкой, а пока только медицинские процедуры.

До обеда время прошло по режиму. Меня мазали грязью и окунали в ванны с этой грязью, потом смывали эту же грязь из шланга. Ещё мяли малоизвестным способом массажа. Грели мой живот электрогрелкой(ну не знаю как эта хрень называется), а на спину клали не очень горячие булжники. Весело было.

На обед я шёл счастливый. А что? Больше, у меня, на сегодняшний день, никаких процедур не назначено. Сейчас наемся до умопомрачения и буду спать. Восполнить ночные бдения просто необходимо. Хоть вопросы о политике мы не поднимали ночью, но про Горбачёва я уточнил — невзначай и мимоходом. Похоже, что это и есть тот самый любитель пиццы и гамбургеров. Чудак на букву "М" и с пятном на голове. Вопрос-то действительно спорный: как семнадцатилетний пацан работающий помощником комбайнёра, мог намолотить столько зерна? Это ведь нереально. Мы, всё собравшиеся в комнате, не знали и даже не догадывались как там это было на самом деле. Но то, что никто не верил в такое — это точно. Я вообще не разбираюсь в комбайнах, если это, конечно, не кухонный. Но и то понимаю, что такого быть не может. Соседи больше меня знают про это и тоже сомневаются. Ладно потом подумаю на эту тему.

Послеобеденный сон это отличная идея. Надо узнать кто такое придумал и при случае пожать ему руку. Вроде всего-ничего два часа, а выспался как младенец. И похоже меня не будили специально, потому что соседей опять не было на месте. Вот, блин, Штирлицы недоделанные. Куда они могли пойти, в такую-то погоду? Если только, где-то рядом, в соседней комнате зависли. А что? Всё может быть.

Погода не изменилась, всё та же хмарь и морось. Море вообще угольно-чёрного цвета, на фоне серого неба. Но это понятно, оно и по названию "Чёрное море", так что тут ничего не поделаешь. Название оправдывает картину. А мне-то что делать? Мне тренироваться надо, между прочим. Да и пошло всё!

Сдвинул всё лишнее в угол и на освободившемся месте стал заниматься. По своему. Так как мне надо. Так как получается исходя из места пребывания. Я в этом времени уже научился не рассчитывать на кого-то и пользоваться тем что есть под рукой. Отжимания, планка, приседания, бег на месте и "бой с тенью" — чем не разминка? Вот и хорошо, кто понимает.

Когда пришли соседи, я уже взмок. Поэтому моя реакция была не столь бурная, будь это в спокойной обстановке. Все они были, как бы выразиться по-культурнее, немного побиты. У одного багровел синяк аж под двумя глазами. У другого ссадина на всю щёку и нос распух. Третий еле двигал разбитым напрочь губами. Про одежду скромно умолчу. Мало того, что грязная и мятая, так ещё и в некоторых местах порвана. Делать нечего, пришлось выслушать этих тихушников, чтобы иметь представление, о том, куда не надо ходить во время послеобеденного сна.

Балбесы — что ещё можно сказать. Банальная ситуация — три мужика не знали чем заняться и решили выпить. В санатории это под строгим запретом, между прочим. Но тут собрались люди воевавшие и знали, что запрет это дело такое, не для всех обязательное. Если незаметно и понемногу, то почему бы и нет? Кто заметит, если аккуратно и не выходя из комнаты? Вот и попёрлись под дождём в город за выпивкой. Сначала поймали такси. Там тоже водитель, видимо любитель выпить был. Он им и посоветовал сходить на рынок. Там, типа, вино лучше и дешевле, чем в магазине. Они и пошли. Балбесы, я это уже говорил. Денег у всех было нормально, для отдыха. Тут ещё перед друг другом, решили повыпендриваться. Начали банкнотами размахивать и пробовать вино, перед тем как купить. Дальше больше. Купили не одну бутылку, а три и решили это дело обмыть. Зашли за угол, а там беседка. Расположились поудобнее и принялись понемногу. А дождь не прекращался ни на минуту. Народу возле беседки почти нету. Если пройдёт какой-то одиночка то, и то редко. Приспичило кому-то по-маленькому, он и не стал стесняться и далеко отходить. Благо, что рядом кусты какие-то были. Там решил все свои проблемы. Кто-то из местных увидел и попенял словами, немного. Зацепились языками и понеслось... В общем отбуцкали этих любителей выпить, по полной программе. Хорошо что деньги не отобрали. А я всегда говорил и говорю, что выпивать надо дома в хорошей компании и под хорошую закуску. Будет им уроком. Хотя, в таком возрасте, это уже поздно.

Пока поговорили наступило время ужина. Мужики, по одному успели побывать в душе и привести себя в более-менее нормальный вид. Синяки и ссадины никуда не делись, но хоть так-то и то уже результат. Некстати напомнила о себе погода. Ливень усилился, а гром с молнией опять засверкали и загромыхали. Настроение идти в столовую убавилось. Двое вообще отказались, мотивируя всё стеснением и внешним видом. Я не спорил и не доказывал, что это необходимо. Люди взрослые — им виднее. Но, сам для себя решил пойти чуть попозже. Не охота сидеть с толпой народа. Может разойдутся за это время, а я пока погожу. Неожиданно дверь открылась и дежурная по этажу заглянув, произнесла:

— Вилор Тихий к телефону. Срочно!

Глава 15

Я не знал что мне делать. Мысли в голове не давали мне чувствовать себя спокойно. Да я просто сидеть спокойно не мог! Тело, подстёгнутое мозгом, требовало действия! А как тут действовать? Екатерина Степановна не хочет меня отпускать. Ей очень хочется довести лечение до конца. По её же словам, это первый случай в её богатой практике. И она просто не может остановиться на половине дороги. А меня ждут в Калуге. То есть меня ждут везде, но в Калуге в первую очередь. Так уж получилось...

Звонок из Москвы перевернул всю мою жизнь с ног на голову. Это товарищ Крапивин, гад такой, нашёл-таки способ донести важную весть до меня. Какие он использовал связи, чтобы этого добиться — я не в курсе. Но он дозвонился и этого не отнять. Первые же слова его, что я услышал, были:

— Привет Тихий! Бросай нах. р этот отдых и лети в Москву! Тебя будут награждать в Кремле! Информация верная, осталось только уточнить число и время!

Я честно сначала не понял, о чём идёт речь. Попытка, осмыслить сказанное, заставила организм зависнуть, на некоторое время. Потом, через долгие пару секунд, я очнулся и услышал уже серию беспокойных вопросов:

— Вилор?! Ты там, что? Это из-за твоего ранения, что ли? Чего молчишь? Ты смотри не помирай от радости! Чего молчишь-то? Ответь что-нибудь! Эй!

— Приветствую Сергей Вадимович! — кое-как выдавил я, хриплым от волнения голосом, — что-то я плохо тебя слышу. Повтори, что ты там сказал?!

— Ты давай там не изображай из себя девственницу с окраины Марьиной Рощи, — Крапивин орал в трубку, в полный голос, наверное думал, что я оглох, — я тебе дам, то не слышал, это не видел, а это не понял. МГБ во всём разобралось и наконец-то удовлетворило наградной лист Калужского отдела транспортной милиции. Так что тебя, в ближайшее время, будут награждать. Чем именно, я не в курсе. Но то, что будут это точно! Так что бросай нафиг эту Сочу и езжай в Москву. А тут уже конкретно поговорим.

И чё мне делать? Пришлось попросить у Крапивина минуту, на подумать. А вот потом, я разошёлся не на шутку и сам начал задавать вопросы, в общем — разговор пошёл так как надо. За пятнадцать минут успели всё обсудить. Больше нам не дали поговорить. Лимит, мать иху! Но вроде всё решили.

Пока шёл в комнату, думал об услышанном. Сергей Вадимович, как по моему, зря всё-таки поднял эту бучу. Ещё же ничего не известно! Слухи, пусть и полученные через знакомых в верхних эшелонах власти — это не факты и доверять им нужно с осторожностью. Вот получу официальное приглашение в Кремль на награждение, тогда можно будет беспокоиться. А пока это только слова. Но, с другой стороны, чего только не случается в Советском Союзе. Хорошо что удалось уговорить не настаивать на немедленном отъезде. Послезавтра последний день моего пребывания в санатории. Так что, с этой стороны всё нормально. Одно я понял точно — Крапивина не зря выбрали первым секретарём. Очень инициативный товарищ. Да уж!

Посидел в комнате. Немного переварил эту новость. Ну и пошёл к нашему терапевту. А она, вроде как не против меня отпустить, но с другой стороны очень хочет продолжить моё лечение. Короче, всё будет решаться завтра с утра...

Вышел из кабинета, стою и думаю возле двери Екатерины Степановны. А мне-то чего делать? Меня аж трясёт всего! Хотя, если быть точнее, то трясёт не меня, а Вилора. Это же для него награждение в Кремле, как несбыточная мечта. А для прораба, вроде как — так и надо. Да ну его, этого Крапивина. Довёл до нервного срыва. А ещё в друзья набивался. Ещё этот ливень на улице не прекращается. Сейчас бы пошёл на пляж, покрутил маленько брёвнышко и глядишь, успокоился бы. А тут ведь, как назло, из-за такой погоды, ничего не выйдет. Ещё можно морду кому-нибудь набить, тоже помогает успокоиться. Но это будет совсем уж, как-то не по нашему. Соседи хоть и неадекватные товарищи, но бить их, что-то рука не поднимается. А больше тут подраться не с кем. Чувствую что не могу совладать с эмоциями. Решение пришло неожиданно. А ведь действительно, я же в санатории, вот и пусть дежурная даст чего-нибудь успокаивающего. Да хоть валерьянки накапает и то дело будет.

Не накапала. Рассмеялась и послала в буфет при столовой. Типа, там есть чай с эвкалиптовыми листьями: — «им и успокаивайся!» — сказала. А я взял и не пошёл. Нафиг мне эвкалипт с чаем? Я тогда лучше книжку какую-нибудь почитаю, если смогу. Может повезёт и текст будет достаточно заумный, чтобы меня сон сморил. Вернулся в комнату, а там — как назло, все тихушники собрались вместе и опять затеяли спор ни о чём. Какие-то невнятные претензии к милиции, какой-то дебильный спор о урожайности конопли в различных регионах Советского Союза. Мне это было настолько далеко, что я молча плюхнулся на кровать и накрылся подушкой. Чтобы хоть чуток было потише и я не слышал эти выверты диванных агрономов.

Наверное, я всё-таки заснул и мне снилась такая полная хрень, с элементами авангарда, что не сразу всё удалось вспомнить. Натуральный сюр. Короче, как-то так...

Двор моего дома в Калуге, прямо то место, где стоял наш свадебный шатёр. Я стою возле брёвен и смотрю в сторону реки. На земле, поджав ноги сидит Брежнев(дряхлый, седой, именно такой, какой он был незадолго до смерти), и из большой кастрюли вилкой вытягивает связку сосисок. При этом он бормочет шепелявя:

— Сосиски ссраны, — молчит, думает и добавляет, — нушно идти нагавно.

Увидев меня он бросил сосиски обратно в кастрюлю. Приняв, более-менее бодрый вид, Леонид Ильич вытянул руку в моём направлении и обвиняюще-утверждающе спросил:

— Ты сиськи-масиськи кушаешь в столовой? Нравится?

Тут же, откуда-то сбоку, подошёл Хрущёв в телогрейке и резиновых сапогах с ведром варёной кукурузы. Посмотрел на Брежнева и сказал:

— Кукуруза лучше твоих сосисок, а самый лучший гамбургер это сало с чёрным хлебом, — посмотрел в мою сторону, поставил ведро на землю и не разгибаясь произнёс, — Кузькина мать нам поможет. Это вам не Куба, я видел где солнце встаёт.

Появилось третье лицо. Это был Горбачёв. Он шёл со стороны реки. В болотных сапогах и плащ-палатке, с удочкой в одной руке и чёрным, драным башмаком в другой. Посмотрев по сторонам он пожаловался Брежневу:

— Нету здесь рыбы. Всю выловили и сожрали. Надо талоны вводить на водку и рыбу! Только пьяный рыбак может выловить всю рыбу! А так будут пить и ловить сколько надо.

Тут же Брежнев и Хрущёв начали спорить с пятнистым, что талоны отменили после войны. Если сейчас их ввести то вся страна развалится. Горбачёв им возражал, что конвергенция избавит всех от волюнтаризма. Спорили яро, так что кастрюлю с сосисками опрокинули. Брежнев не смог увернуться и обжёгся. Повернулся ко мне и закричал:

— Помоги мне! Помогите хоть кто-нибудь! Сосиски сраны должны идти нагавно...

— Берите демократии столько сколько нужно. Боже храни Америку! — это откуда-то, со стороны соседей, вылез в хлам пьяный Ельцин.

Из-за угла дома вышла надоевшая мне пара пенсионеров. Они были вооружены ППШ с дисковыми магазинами. Ни слова не говоря, эта пара взяла на прицел четверых политиков.

— Расстрелять! — раздался голос откуда-то сверху.

Я посмотрел туда. Из окна выглядывал Лаврентий Павлович Берия. Увидев, что я его заметил, он грозно нахмурился и отдал приказ:

— Что улыбаешься? Бери лопату, будешь закапывать.

Я, ни с того — ни с сего, начал возражать:

— Товарищ, Берия! Ну ладно Хрущёва убрать, хрен с ним. Горбачёва к стенке поставить — заслужил. Алкашу Борису Николаевичу, лоб зелёной помазать — легко, а Брежнева за что?

— А ты не спорь! Ты выполняй! Тебе партия доверила, вот и соответствуй! А то быстренько рядом окажешься...

Неожиданно раздалась автоматные очереди. Мы с Лаврентием Павловичем недоумённо посмотрели друг на друга. Потом перевели взгляд на пенсионеров. А те лупили, длинными очередями из ППШ, не обращая внимание, что ни в кого не попадают.

— Эх! Не берут их пули! — с сожалением произнёс Берия, — А всё потому, что кто-то свёл неприкосновенность к членам ЦК КПСС. Надо сначала их из партии исключить. Тогда получится.

Я стоял в полном охрефонарении. Берия, Хрущёв, Брежнев, Ельцин и Горбачёв чего они тут делают? Зачем пришли ко мне домой? Где Марго? Почему сосиски в кастрюле в целлофановой оболочке?... Краем глаза, я заметил движение сверху. Посмотрел. Там Берия целился в меня из "Маузера".

— Догадался? — спросил Лаврентий Павлович и выстрелил... Вспышка. Зелёный фон и фиолетовые снежинки...

Вспомнил, блин. А оно мне надо?

Первое, что я сделал — это помотал головой, потом подошёл к окну. Надо посмотреть что там, на улице, за погода. Увиденное порадовало. Дождя нет, а вот небо ещё хмурится. Да и ладно. Мне не загорать. Мне размяться надо, чтобы выгнать из организма этот дурацкий сон и тягучую вялость, как последствие. Действительно, мне было очень желейно. Ну то есть, я чувствовал себя студнем. Медузой... Сон этот идиотский.

Взгляд на часы. Вот уж действительно... Конечно же всё на улице серым цветом. Потому что рассвет только-только наступает. А это значит, что не получается у меня с разминкой никак. Если только по быстрому и без бревна. Просто комплекс на гимнастических снарядах и основные силовые: отжимания, приседания и планка, куда без неё. Решено! Бегу.

На пляже холодно. По моим ощущениям не более пятнадцати градусов. Но я могу и ошибаться. Тут большую роль играет ветер. Устойчивый. Откуда-то со стороны предгорья. А что интересно, так это волны... Они все идут навстречу ветру. Невысокие и без белых барашков. Только приближаясь к берегу, сверху образуется какая-то муть. И на берег уже выплёскивается пенная субстанция. Да и сам пляж весь совсем неказистый. Водоросли разбросаны волосатыми колтунами. Какие-то обломки деревьев. Песок кажется серым и грязным с большим количеством камней, которые повылазили откуда-то. Бр-р... Как тут

бегать? На волейбольной площадке бардак. Сетки на столбах нету. В "гимнастическом уголке" не лучше. Но тут, по крайней мере, можно хоть как-то заниматься. Что я и начинаю делать. После небольшой пробежки вдоль берега, приступаю к своему комплексу. Он у меня, как-то сам получился. Пробовал по разному, а в процессе, получил набор тех упражнений, которые мне больше всего подходят. А что? Пока лежал в больнице, что только не перепробовал. Вот и подобрал.

Подтягиваюсь теперь только держа "уголок" и пусть любой член, любой медицинской комиссии хоть что-то скажет. Я не инвалид и хочу это доказать. И вообще я стал больше уделять внимания упражнениями на пресс. Каменщик без пресса это вообще нонсенс. А я хочу стать лучшим! По крайней мере сделаю всё возможное для этого.

Постепенно последствия сна сошли на нет. Появилась жажда жизни. Надо укрепить результат хорошим завтраком. А дальше будем думать в ванне с грязью. Процедуры мне никто не отменял и будущее награждение не спасёт от "душа Шарко" или чего там ещё мне положено. Потом можно будет решать что делать. Правда, сначала послушаю товарища Цикалину. Она же мне выписку будет оформлять. Должна чего-нибудь сказать, на прощание, или посоветовать чего-либо умного. К тому же, при последней встрече, она обещала составить рекомендации для калужских врачей, по поводу моей реабилитации. Посмотрим, время ещё есть, а пока у меня завтрак.

Завтрак нормальный, процедуры в тему. Есть только одна неприятность. Пока расслаблялся на массаже, ни с того ни с сего, вспомнил свой сон и всё понеслось по новой. Собственно из-за этого не смог заснуть после обеда. Ворочался с боку на бок, пытаюсь хотя бы вздремнуть и ясен пень думал. Этот дурацкий сон никак не хотел меня покинуть. Нафиг я его опять вспомнил? Что это было — напоминание или предостережение? Кто-то, там наверху, решил мне что-то этим сказать? Причём тут сосиски в целлофане? Дурдом какой-то! После часа таких мучений — так меня это всё достало, что убежал на улицу. Там уже хорошо распогодилось. Но всё ещё было прохладно. А как известно — свежий морской воздух прекрасно успокаивает нервы. Вот и посмотрим — поможет или нет. Надеюсь что ночью, после этой прогулки и ужина, буду спать как младенец. Чтобы добиться большего эффекта, решил прихватить с собой бревно. А что? Физические упражнения и свежий воздух должны хорошенько прочистить мои мозги. Выложусь по полной программе и чихать на всех врачей с их предупреждениями.

Как назвать субботник, если он проводится в четверг? Не знаю. Но вот такой вот четверговник я увидел собственными глазами. Весь персонал нашего санатория, а также, что скорее всего, всех соседних и близлежащих занимался уборкой территории. Пока отдыхающие два часа наслаждались послеобеденным сном, сотрудники лечебных учреждений приводили в порядок окрестности. Хотел заменить разминку, на помощь в уборке территории, но не нашёл понимания. Вилор просто рвался помочь и никого не хотел слушать. Только врачи оказались упёртее. Запретили вообще приближаться к носилкам и веникам с лопатами. Переживая, что не удалось поучаствовать в хорошем деле, я еле успел забрать своё брёвнышко. Две молоденькие медсестрички смогли его найти в кустах акации и почти-что погрузить в кузов специальной машины. Кое-как отбил. Документов на владение именно этим бревном у меня нету. Доказать что оно моё я не мог. Пришлось извернуться и кое-что пообещать, в качестве компенсации. Добрые девушки пригласили попить чая в соседнем корпусе. Но с моими пирожными. А я что? За то, что отдали бревно, я согласен пить чай литрами! И пирожными не подавлюсь. Только как это сделать незаметно? Ладно,

решу чуть позже. Всё бы ничего, но это не добавило мне положительных эмоций. Поэтому, на пляж я прибыл, в дополнение ко всему предыдущему, с хорошей мотивацией: если хочется набить кому-то лицо, то выложись на тренировке по полной программе — этим ты поможешь обществу!

"Ну привет, море! Ты давай тут, колыхайся потихоньку, а я мешать не буду. Чуть-чуть, самую малость позанимаюсь и пойду спать, наверное", — это я мысленно произнёс. Чтобы лишнее из головы убралось. Надоело уже. И главное: не могу понять, чьи это мысли — то ли мои, то ли Вилора? Мне этот сюрреалистичный сон был совершеннейшим образом по барабану. И не такое в той жизни видел. Но постоянное обращение к некоторым моментам сновидения, порядком бесит. Вот и пытаюсь, всеми доступными способами, избавиться от навязчивых мыслей.

Сразу начинать тренировку упражнениями с бревном, я не стал. У меня есть три часа до ужина. Куда спешить-то? Надо всё делать с толком и расстановкой. Поэтому начну с малого. Разгорелся, разогнал кровушку, привёл в тонус суставы и связки простой пробежкой с короткими остановками, во время которых бился с тенью — не на жизнь, а на смерть. Тень невозможно победить, зато она хороший спарринг-партнёр. Сама не получает, но и в ответ удары не наносит. Хитрый и гибкий противник. То что нужно, для разминки.

Брёвнышко немного потемнело, как меня и предупреждал водитель Хрущёва. Странная древесина — плотная, тяжёлая и с красивым рисунком. Я никогда не интересовался ей раньше. Ну не было подходящего случая. У нас всё больше берёза или осина — это из лиственных пород если. Редко на стройке что-либо другое используется. Теперь надо взять на заметку. Если вдруг буду, что-то мастерить дома, то скорее всего прибегну к этому материалу. Только где её взять у нас в Калуге? Подумаю... Вот так вот морально успокаиваюсь. Это тоже надо. Отвлекаюсь. Стараюсь думать о чём угодно, только не о "белой обезьяне" и одновременно приступаю к комплексу упражнений с бревном. Сегодня я буду использовать расширенную версию. Она максимально сложная, для моего возраста и физического состояния. Если смотреть со стороны, на человека который занимается с бревном, то это очень похоже на танец. Между упражнениями не делаются перерывы. Одно движение плавно переходит в другое. Я начал простым перекидыванием одного конца бревна с руки на руку и постепенно перейдя на вращения бревна вокруг тела. Интенсивность вращения была невысокая — это не шест, как в китайских практиках. Зато, благодаря весу, прорабатывались все мышцы, даже те про которые знают только хирурги. Тут ведь получается упражнение двойного действия. Помимо того что надо вращать снаряд, надо его ещё удержать и не уронить. Короче, бревно, при правильном применении и использовании, заменяет целый тренажёрный зал. Предпоследним упражнением была эффектная, для того кто смотрит со стороны, "свечка". Это когда ты замираешь с бревном, держа его вертикально над головой, на вытянутых руках. Очень сложное упражнение. Тут помимо работы всех мышц ещё надо удерживать равновесие. Мне удалось — брёвнышко застыло неподвижно, на некоторое время, вертикально и прямо над моей головой. Долго удержать снаряд, в таком положении, не получилось. Но и просто бросить на песок это неправильно. Поэтому и существует последнее упражнение "свая". Делаешь шаг назад и убираешь руки. Бревно падает вертикально вниз, а ты его подхватываешь в момент соприкосновения с землёй. Гулкое "бумс" подтвердило удачную стыковку бревна и грунта. Моё молчаливое ликование из-за удачного завершения, прервали бурные аплодисменты... Я оглянулся. Вот ведь...

Я так глубоко погрузился в занятие, что не видел ничего вокруг. Зря, наверное... Ой,

блин, я же ещё чего-то там выкрикивал во время выполнения упражнений. Вот стыдоба-то... И ладно это были бы ругательства какие-нибудь. Это вроде как ничего такого — с кем не бывает. Так нет, я в некоторых моментах представлял что бью Меченого по голове этим самым брёвнышком и вроде его фамилию называл. Сон всё-таки дал о себе знать. Хорошо, что не Хрущёва ругал, а то он прямо напротив меня стоит. Лыбится, хрен лысый, во все тридцать два зуба. Или сколько там их у него? Что сейчас будет?! Может сбежать потихонечку, пока все заняты аплодисментами? Сорваться и убежать. Крикнуть напоследок, что у меня, по графику пробежка и испариться в Сочинских дебрях. А там садами-огородами незаметно в санаторий пробраться? А бревно куда деть? Етить-колотить как неудобно! Там ещё и водитель Хрущёва свои ладони отбивает и тоже с улыбкой. Чё делать-то? Да и вообще — откуда они здесь взялись? Не поверю, что мимо проезжали и заглянули, на огонёк, так сказать. А про то, что приехали со мной попрощаться или посоветоваться, как печки ложить, и говорить нечего. Чего они тут забыли-то?

Всё разрешилось с первых слов Никиты Сергеевича:

— Представляешь?! Едем, смотрим, что шторм тут натворил, а люди пальцами куда-то показывают, руками машут, зовут всех присоединиться. Остановились, вышли поглядеть, а тут, ты занимаешься. Мы, с моим водителем, сразу узнали тебя. Только один человек так с простым бревном умеет обращаться.

Фух-х! Значит они ничего не слышали. Это хорошо. Это просто замечательно! Но надо что-то ответить:

— Ага! А я наоборот — смотрю погода вроде нормальная. Дай думаю разомнусь на свежем воздухе. Вот и разминаюсь.

— Видели мы, — радостно завопил Хрущёв, размахивая руками и показывая что-то вроде мельницы, — как ты разминаешься. Я такого даже в московском цирке не видел. Красиво у тебя получается. Только одно мне непонятно. Что ты там про какого-то Горбатого выкрикивал? Или это считалочка такая, для ритма, специальная?

— Потом расскажу Никита Сергеевич, — я сделал вид смертельно уставшего человека, — отдышаться надо.

Блин... Значит всё-таки слышали. А может всё же рассказать? Тем более, что там всё подстроено было, изначально. Вкалывала в поле куча народу, а записали результат, на нескольких избранных. А тут, если правильно всё подать, начнётся расследование и глядишь карьера Меченого по другому пути пойдёт? Или — ну его на фиг?! Дед предупреждал, чтобы я ни во что не вмешивался. Сомневаюсь я и в плане морали. Как-то не по человечески выходит и очень на донос похоже. Очень мне шкуру Павлика Морозова на себя примеривать не охота. А по другому — как?

— Вилор, — я опять задумался, а тут со мной пытается поговорить водитель Хрущёва, — Никита Сергеевич отошёл, поговорить с медперсоналом. Ну там — чем помочь, чего надо и всё в таком ключе. Сказал проводить тебя к машине, когда отдохнёшь.

— Уже нормально, — продолжая думать, что мне делать, ответил я, — пошли.

Хрущёв собрал народ возле "гимнастического уголка", там удобно вести разговоры. Слышались радостные возгласы и аплодисменты, а также смех. Ну да! Языком этот товарищ умел работать. Чего уж тут скрывать. А у меня опять внутренняя борьба — говорить или нет? Хорошо что водитель отвлекал, всякими вопросами. Было время подумать. Тут, кстати, ещё одна напасть появилась — я стал замерзать. Не то чтобы зубы стучали друг о друга, а потряхивать начинает. А что тут такого? Занимаясь с бревном я вспотел, а здесь возле моря

ветерок присутствует. Да и прохладненько всё ещё. А у меня ничего, чтобы накинуть сверху, нету. Вот я балбес! Надо было с собой хотя бы тельняшку взять. Все мы крепки задним умом и я не исключение. Бревно ещё это! Совсем не представляю: куда его деть? Если отнесу в комнату, меня, наверное, сочтут как минимум идиотом. Хотя... Я последний день в санатории. Кто и что мне может сказать?

Тут появился Никита Сергеевич. Говорить про Горбачёва, я ему ничего не буду. А то сорвётся в Москву поперёк ранее запланированного и вся моя миссия накроется медным тазом. Пусть идёт так как идёт — нефиг чего-то менять. Хрущёв увидел, что я весь покрылся мурашками и попенял водителю:

— Что ж ты его в машину не посадил. Смотри замёрз весь. Простудится ведь.

— Да нормально всё, Никита Сергеевич, — успокоил я его, — мне тут рядышком. Поговорим и я добегу, заодно и согреюсь.

Поговорили. О всём и ни о чём. Я увел разговор совсем в другую сторону, то есть сделал вид, что очень беспокоюсь о бревне. Как мне его в Калугу везти — ни один проводник в вагон с ним не пустит? Было весело наблюдать, как Хрущёв матерится, поминая железную дорогу и её начальство. Потом, прямо на капоте машины, написал записочку и поставил роспись.

— Покажешь проводнику, — буркнул он, отдавая бумагу, — ну, или начальнику поезда, если будут вопросы.

Читать содержание я не стал. Просто поблагодарил и мы наконец-то расстались. Ну его. Мне о ужине надо думать, а не о Хрущёве. А на душе-то полегчало! Наверное, я правильно сделал, что не стал топить Горбачёва. Эти сны — будь они прокляты! Не хочу зависеть от каких-то там видений. Нет чтобы Рита приснилась за накрытым столом с запеченной уткой и картофельным пюре. И ребята все меня встречают там же. И мы весело отмечаем это дело. И пирожки с мясом. Да ну нафиг! Я уже брежу на яву, потому что — жрать хочу! Бегом в столовую!

После хорошей тренировки и последующих водных процедур, я бежал в столовую. По другому не получалось. Я хотел, конечно, дойти степенно и спокойно, как и положено отдыхающему, но не вышло. Организм сам нашёл способ, как быстрее добраться до вожаемого ужина. И ещё мне повезло, что я один из первых тут оказался. Соседей по столу не было. И это только подстегнуло мой аппетит. Съел всё что положено и добавил кое-что из того, что продавалось в буфете. Наелся как Гаргантюа и Пантагрюэль одновременно. То есть до невозможности шевелиться. Но до комнаты всё же добрался и лёг отдыхать.

Разбудила меня дежурная. Надо было посетить терапевта. Мой курс лечения подходит к завершению и надо, чего-то там подписать и послушать наставления и рекомендации. Не уверен, что так выписывают каждого посетителя, но со мной получилось именно так. Цикалина встретила меня с доброй улыбкой и грустными глазами. Почему так, я понял из беседы.

Екатерина Степановна сожалела, что не смогла полностью убрать мою проблему связанную с ранением. Но, как она высказалась, в сопроводительном письме есть всё, что нужно для правильной реабилитации в домашних условиях или в условиях стационара. Плюсом шла разработанная ей самой специальная диета и щадящие, ежедневные физические упражнения. Опять же, мне напомнили, что завтра, прямо с утра, надо прийти сюда же, в кабинет, и пройти последние обследования, перед выпиской. Ну там: рост, вес, зрение, слух и ещё чего-то не столь важное. Ещё она предложила поспособствовать в приобретении

билетов на обратную дорогу. Но я уверил, что сам прекрасно справлюсь, даже если билетов в кассе не будет. Ха, линейный отдел милиции Калуги, а в частности её сотрудник лейтенант Собкин позаботился обо всём. Уж что-что, а билеты я куплю по любому. Да я, если надо, пешком до Калуги дойду. Надоело мне лечиться и страдать полной фигнёй. Люди работают, дома и школы строят, скверы и парки благоустраивают, а я отлыниваю, как последний муд. к безрукий. Нахрям это.

Забегал в соседний корпус. Правда, сначала опять в буфет сбегал, за пирожными. Но одним делом стало меньше. Делов-то на пол-часа, зато совесть спокойна. И девчонки остались довольные. Возвращался с чувством выполненного долга.

Спал спокойно и без сновидений. Проснулся как положено раньше всех. Решил сегодня, на утренней разминке, оторваться по полной программе. Мне вечером будет некогда, а потом два дня ещё в поезде бултыхаться. Так что держись организм — тебе предстоит максимальная нагрузка.

Выполнил и перевыполнил всё что задумал. Не знаю, чем и как мне это отзовется в будущем, но мышцы гудели после предельных нагрузок. Я возвращался в корпус, чувствуя каждый мускул, каждый свой нерв и поэтому не смог донести брёвнышко до места. Бросил его опять в кустах. Заберу когда буду покидать санаторий. Вот так, чувствуя себя медузой, я доплёлся до комнаты. Сил не было совсем, но пришлось заставить уставший организм, бодрой гусеницей ползти в душ. Там чуть-чуть ожил. Это всегда так. Скоро будет ещё лучше. Стоит только хорошенько подкрепиться.

Завтрак исчез с тарелок, как будто его там и не было. Пришлось разорить буфет, иначе, как я дойду до терапевта? Там этому были только рады и продавали бутербродики с понимающими улыбками. Да-с, что-то я привыкаю хорошо питаться, как бы это не вылезло боком, когда вернусь в Калугу. Хорошо, что деньги есть, а так бы настрадался с этой бездонной бочкой — желудком.

Собрался быстро. Соседи только-только открыли глазки. Они все трое игнорировали утреннюю зарядку и просыпались перед тем как идти на завтрак. Ну и ладно, хотят ходить как колобки, пускай накапливают жир лёжа на боку.

Екатерина Степановна Цикалина, главный человек в санатории и мой невольный надзиратель одновременно, встретила меня с распростёртыми объятиями. То есть обняла и тут же стала всего обмерять портновским метром. Ну там: обхват талии, бёдер и груди. Потом вес и рост. Все результаты записывались и подклеивались в мою карточку. Ещё минут десять мне читали очень подробные нотации. Из которых я узнал, что диагноз калужских врачей подтвердился. О чём говорит резкое увеличение моего веса (вот тут я ничего не понял — почему это плохо?). Оказывается, у меня что-то вырезали лишнее в кишечнике и из-за этого пища неправильно усваивается. Все вредные жиры моментально впитывается, а нужно чтобы постепенно. Отсюда результат: рост — 182 см и вес — 71 кг. Вот тут я опять ничего не понял. С каких это пор жиры стали вредными для ослабленного организма? Хотя итог меня порадовал. Пока я, переваривал эту новость, всё закончилось и мне предложили сходить за вещами. Я не понял подоплёку но пошёл. Но, не перестал думать о непонятной ситуации с моим кишечником.

Попрощался с соседями заранее, пока собирался. Фик его знает вернусь или нет. Хорошо, что они были на месте. Вот как люди умудряются так быстро завтракать? Я так не могу — это же завтрак! Самый главный приём пищи в сутках! От него зависит, как ты будешь себя чувствовать целый день. Не понимаю. Но это ладно это мои заморочки.

Попрошались, если короче.

Дальше всё прошло быстро. Опять конверт, с моими бумагами, который надо будет отдать калужским врачам. Опять нотации и просьбы соблюдать все предписания. Звонок куда-то там и я уже стою возле выхода с бревном. Дальше было хуже. Таксист отказался везти нас вместе. Меня пожалуйста, а вот брёвнышко — хрен там. Как бы я его не уговаривал. Даже за отдельную плату. Мотивируя тем, что у него нету прицепа. А больше оно никуда не втыкалось. Плюнул и пошёл пешком. Что тут идти-то — километров пять не более. Дойду и не поморщусь.

Почти дошёл. Запыхался немного, но вокзал вон он. Видно уже. Оно же как получается. Чемодан в одной руке, рюкзак на плечах, а вот бревно под мышкой. Менял руки в процессе, ну это и так понятно. Отдыхал когда чувствовал усталость. Слава богу, что не одел пиджак — было бы во сто крат хуже. Рубашка позволяла свободно двигаться. Как-то так, короче, было. Сочи это не только проспект Сталина, а также куча других улиц и переулков. Я и шёл сокращая путь и спрашивая встречных людей, как это сделать лучше. Мне показывали и рассказывали как. Вышел откуда-то сбоку и не доходя метров двести до вокзала, решил посидеть на лавочке. Удобное место. Две скамейки напротив друг друга и невысокие кустики. Отдыхай не хочу.

Эту троицу я заметил сразу. Выделялись они из толпы. Цыплячья походка, штаны пузырями, блестящие сапоги и пиджачки на цветастые рубахи. Физиономии с постоянным прищуром и непроизвольным оскалом. Они шли вдоль аллейки и постоянно осматривались по сторонам. Я за ними наблюдал, просто потому что делать было нечего. Отдыхаю я. Устал немного. Меня они не видели. Угрозы от них я не чувствовал. Сижу и сижу, чего такого-то? Но видать — не мой сегодня день, проходя мимо они вдруг резко развернулись. Посмотрев, друг на друга, шагнули ко мне.

Я сразу встал. Уже всё стало понятно. Чего тут рыпаться куда-то в сторону, тут надо действовать на опережение. Встал и опёрся на бревно. Жду чего мне скажут. А вдруг я ошибся и им нужно только дорогу правильную показать? Или прикурить, как вариант. Но напрягся конечно чуток, для общего стимула и чтобы быть ко всему готовым.

То что мне сказали, я повторять отказываюсь. Это во-первых неприлично, а во-вторых я комсомолец и такое не могу повторить по убеждениям. Пока между нами возникла небольшая пауза, я накапливал злость. Сам себя взводил, как курок на револьвере. Готовился резко начать и так же быстро закончить разборки. "Да мне пофиг, что вас трое. Я бревно тащу(тут много непечатных слов) и мечтаю его сломать, о чей-нибудь тупой лоб. Ну, а раз так, то получите и не жалуетесь потом!" и все в таком роде. Бросаю этот спортивный снаряд в самого наглого и, пока он занят попытка и уклониться, прямым правой в челюсть добиваю. "Полежи, отдохни малость, не твой сегодня день! Грабеж это дело такое — или повезёт или нет", — мысленно общаюсь сам с собой. С оставшимися вообще легко прошло, аж удивился. Я наверное поздоровел за время проведённое в санатории. Слишком легко всё получилось. По одному удару каждому хватило с запасом. Минуту стоял и смотрел на свои кулаки. Это что сейчас было? Неужели тело Вилора стало полностью контролироваться прорабом. Хорошо конечно, но... Не надо чтобы кто-то об этом узнал. По идее: вообще никто не должен об этом знать. Незачем это. Эх! Как некстати-то...

Преодолевая брезгливость, я побыстрому обыскал тушки. Невелика наука. А-то мне ещё сюрпризов в виде ножей или пистолетов не хватало. Результат разочаровал, потому что бедный какой-то грабитель пошёл. Сто тридцать семь рублей и какая-то мелочь, на всю

банду. Пара ножей и хороший, хромированный кастет — вот и всё оружие этих ушлёпков. Не, можно и с таким арсеналом делов натворить, я не спорю. Но им в этот раз не повезло. Не успели применить — понадеялись на гонор и большое количество. Это их и сгубило.

Дальше прошло всё просто. Затрещинами, я побоялся воздействовать — убью ненароком, а вот пинками поднял всю троицу. Замотивировал их по полной программе. Особенно они удивились, когда я достал из чемодана пиджак и одел его. А что? Мне не пиджак важен, а значок. Вдруг милиция по дороге встретиться. А тут трое с травмами и еле ноги переставляют. Могут остановить и спросить. Кому будет больше веры — просто человеку в пиджаке или ему же, но в пиджаке со значком? Пиджак, кстати, стал чутка маловат. А я ни грамма не удивился. Когда меня мерили напоследок и рост и вес хорошенько так увеличились. Так что будет работа тёще — опять подгонять одежду по моей фигуре. Увидев значок, двое неудачников ещё раз попытались убежать. Пришлось снова их немного попинать. Теперь это было сделать легче. Когда что-то болит, быстро не побегаешь! Особенно, если отбита голень и слегка повреждено колено. Я не специально, так уж получилось. Зато, теперь будут хромать веселее. Заставил одного тащить бревно, другого рюкзак, а третьему достался мой чемодан. Он так его хотел получить, вот и пускай тащит. Аж до самого отдела линейной милиции. Мне как раз туда надо. А там посмотрим.

Я шёл сзади и внимательно наблюдал за любителями чужих чемоданов и кошельков. Интересненько у меня дорога домой начинается. Аж чего-то назад, в санаторий, захотелось. Ладно, разберёмся постепенно.

Глава 16

Комфортно и ненапряжно — именно так проходило моё путешествие из Сочи в Тулу. Вагон СВПС 1-ой категории, как тут может быть по другому? Пришлось правду раскошелиться, но я не жалею. У меня другого выхода не было. Из-за троицы грабителей, я задержался в отделе милиции, на непозволительно долго. Поэтому, когда закончили все дела по оформлению, пришлось выбирать: или прямо сейчас и дорого, или через семь часов но за нормальную цену. Выбрал и не пожалел. Люблю путешествовать с удобствами.

Жалею, что не смог поблагодарить ребят из линейного отдела милиции города Сочи, вернусь в Калугу, обязательно всё расскажу лейтенанту Собкину. А он, я так думаю, найдёт способы как с ними связаться и наговорить им хороших слов. Они же вошли в моё положение и постарались оформить задержание преступников, как можно быстрее. Хотя, как я думаю, им и без моей благодарности скоро дождик из наград будет. Не каждый день, всё-таки, они задерживают матёрых уголовников. А тут такие, да и ещё прямо на месте преступления, и с неопровержимыми уликами, и как вишенка на торте, с признательными показаниями. В добавок весело всё прошло. Я не думал, что так получится, но уж чего уж там.

Всё началось после первичного опроса. Мне был задан прямой вопрос — "В чём я обвиняю этих граждан?" и все в кабинете замолкли, ожидая ответа. Чёрт меня дёрнул ляпнуть про бревно, или ещё кто надоумил — не знаю. Но это прозвучало примерно так:

— Давайте разберёмся, товарищи милиционеры! Я всё понимаю и, если бы эти люди попросили деньги, отдал бы не задумываясь. Ну не любитель я конфликтов. Я каменщик, а это самая мирная профессия! Но они покусились на святое! На личный подарок Первого секретаря ЦК КП(б) Украины и члена Политбюро ЦК ВКП(б) Никиты Сергеевича Хрущёва! Вот! У меня есть бумага подтверждающая это!

Тут я достал записку, что мне написал Хрущёв. Отдал самому старшему по званию. Он посмотрел и показал всем остальным. Народ почитал, посмотрел внимательно на бревно и покивал головами, соглашаясь с моими словами. Ну а я продолжил:

— Видите! Вот тут его роспись! И поэтому исходя из этого ещё надо разобраться, откуда они узнали про этот подарок?! Кто их послал? Нет ли тут политической подоплёки? И почему, конкретно, хотели отобрать именно бревно, а не тот же пиджак, например, или часы? Отсюда понятна моя реакция. Я не сдержался и, как мог, попытался воспрепятствовать действиям воришек!

Не знаю, разгадали ли сотрудники мою игру или они сходу включились в эту постановку — но результат превзошёл ожидания. Уже через сорок минут, благодаря новым вводным, на очной ставке, грабители чуть ли не на коленях умоляли меня подтвердить, что они хотели отобрать мои деньги, а не бревно. И вообще они честные бродяги, которых интересуют только деньги. А к политике они, ни с какой стороны и не имеют никакого отношения вообще. Попутно, они признались ещё в одиннадцати случаях нападения на советских граждан с целью присвоения их имущества. Это всё в качестве доказательства их криминального прошлого и настоящего. Вот еду сейчас в поезде и тихонечко хихикаю, а иногда откровенно ржу, вспоминая ту ситуацию. А что? Весело же всё получилось!

Если разобраться, то моя погрузка в вагон, тоже достойна упоминания и всё по той же

причине весёлости и житейской мудрости. Проводник ни в какую не хотел пускать меня, на моё законное место, вместе с брёвнышком. Его не смущало, что меня провожают пять представителей линейной милиции в форме и с шашками. Он спорил и доказывал, что, для таких габаритных вещей, есть багажное отделение и им, таких габаритов, не место в купе. Не помогла и записка от Хрущёва. Упёрся как баран в новые, крепкие, запертые ворота и ни в какую. Ребята из милиции тоже ничего не могли сделать. Пришлось звать начальника поезда. Этот оказался хитрее. Разрешил, но поставил условие: ничего не повредить пока будем заносить. Если не успеем, до отправления поезда, то извините — бревно придётся оставить. Я же говорю, что хитрый. Замучались впихивать! Да и невозможно это сделать обычными методами. Не предназначен этот вагон для такого эксклюзива. Если бы бревно было из резины и гнулось в любую сторону, тогда да, всё получилось бы. А так нет — никак! Потолки низкие, двери узкие, в проходах два человека не разойдутся, куда там бревно тащить. В общем, чудак — этот начальник или наоборот — очень умный. Не знаю! Но всё равно — нехороший человек. Только зря он это затеял. Я не зря прорабом двадцать лет, в той реальности, отработал. Это моя профессия — уметь впихивать невпихуемое и при этом делать это так, чтобы никто ни о чём не догадался. Начальник поезда, на всю жизнь запомнит, как пытался пошутить над прорабом с большими полномочиями и определённой задачей. А если забудет, то ему есть кому напомнить.

Если бы перрон был низкий, то возможно у нас ничего бы и не получилось. Но мне в этот раз повезло и окна вагона были в прямом доступе, благодаря высокому перрону. Начальник поезда ничего не мог сказать против, так как сам разрешил нам действовать. Подняв верхнюю часть окна напротив моего купе, мы получили доступ в вагон. Потом один из милиционеров открыл дверь в моё купе. А дальше всё очень просто. Двое пихают бревно в окно, другая пара принимает, а пятый протаскивает прямо в купе. Все, помимо основной задачи, ещё страхуют друг друга и отгоняют любопытных. Втащили и даже ничего не поцарапали. Да чего уж там, даже шторы не помяли. Вот! И только тогда я заметил, что вокруг нас собралась толпа людей. Фик его знает, чего им тут всем надо. Как бы чего не вышло? Что-то всё какие-то слишком напряжённые. Хотя, у большинства присутствуют вполне одобрительные улыбки. Чтобы как-то нивелировать ненужное внимание, я начал громко хлопать в ладоши и скандировать: — "Ура советской милиции! Ура рабочим железнодорожного транспорта! Ура артистам цирка!" и в этом меня всё дружно поддержали. Хлопали недолго но громко. Ребята из линейного отдела очень смущались, собственно как и начальник поезда. Зато никаких штрафных санкций ко мне применено не было. Эх! Да-с...

Похихикал, поржал и хватит. Пришёл мой сосед и поэтому, мне не очень хочется, выглядеть в его глазах идиотом, который тихо хихикает смотря в окно. А что? За окном темень! Над чем там можно смеяться? Я например не знаю. Вот и сосед может не знать. Так что лучше я буду сидеть тихо и читать газету. Страна-то у нас строится. Восстанавливается после войны ударными темпами. На каждой полосе различные регионы докладывают о успехах и новых планах. Это хорошо и это радует. А вот атмосфера в купе начинает портиться. Соседушка, скорее всего, усугубил коньячком за ужином и поэтому перегар, хоть и от благородного напитка, начал мне мешать. Вздохнув с сожалением, я решил прогуляться до вагон-ресторана. Сосед вроде как адекватный и я надеюсь, что пока буду отсутствовать, он спокойно заснет. А там чего-нибудь придумаю. Может окошко слегка приоткрою или входную дверь на ограничитель поставлю. Не люблю алкогольный выхлопом дышать.

Самоё лучшее место в вагон-ресторане — прямо возле стойки буфета. Это моё личное

мнение. Может, конечно, кому-то и нравится, что мимо него ходят туда-сюда, но это точно не я. А тут сиди возле окна, наблюдай за пейзажами и никто у тебя не мельтишит перед глазами. Буфетом, здесь в поезде, мало кто пользуется. Если только папирос или шоколадку срочно купить приспичило, да и то очень редко. Для этого есть официант или официантка — можно попросить и тебе принесут. Чего бегать самому, по качающемуся вагону, если есть специалисты этого дела?

Сижу, пережёвываю кебаб и слышу очень знакомые фразы и интонации. Чутка привстаю, чтобы получше окинуть взором весь вагон и вижу удивительную картину. Я даже глазам своим не поверил сначала. Пришлось их протереть слегка, чтобы удостовериться окончательно. Нет, картинка не поменялась и я действительно вижу и слышу своего бывшего соседа. Ну, того самого, который ехал вместе со мной в Сочи. Он ещё был из тех, кто предпочитает европейские ценности. Наглый и самовлюбленный тип. Мы с ним так и не познакомились в тот раз. Так что имени его, я не знаю. Да и не нужен он мне, с такими убеждениями. Другими словами — мне, на него, было очень глубоко по феншую. Видел я его далеко и в экзотической позе, короче. Но тут другое дело. Выглядел он эпичненько... Прямо по Библии "... и Аз воздам!" или что-то в этом роде. В общем привлекал он, невольно, своим видом внимание окружающих. Я наверное так же выглядел, когда меня из поезда выкинули — в момент моего попадания в эту реальность. Фингалы на обеих глазах, челюсть с одной стороны опухшая. Ан нет! У него уши были нормальные. В царапинах, но нормального размера — не опухшие. Повязка на лбу, вокруг и через всю голову. Одет он тоже был не в "европу", а во что-то такое, очень ношенное и что называют — "первое попавшееся". Такое, знаете ли, рабоче-крестьянское и повседневное. В общем, как обычный среднестатистический советский человек. В лиловой рубашке с непонятными разводами и чёрных брюках с белыми потёртостями. Размерчик немного был маловат, но, на это, моему бывшему соседу было, в данный момент, начхать, по причине полного опьянения.

Что интересно, я прекрасно слышал всё, о чём этот "европеец" рассказывал своим собутыльникам. Голос был такой зычный, что ли? Хорошо было слышно, короче. Не мешало ничего: ни стук колёс, ни шум посетителей ресторана. А он жаловался на несправедливость, как впрочем и во время нашей последней встречи. Только тогда ему пирожки не понравились, а сейчас люди. Смешно, но досталось ему, скорее всего, от той самой троицы, в задержании которой, я принял непосредственное участие. Ну ладно я — мне повезло просто. Реакция у меня хорошая и разряд по боксу имел когда-то, в той жизни. А этот балбес, когда его прижали, не нашёл ничего лучшего, как пообещать пожаловаться своему отцу. Очень важному человеку в Торгпредстве одной из европейских стран. Он думал, что три грабителя испугаются и убегут подальше, когда услышат его имя и должность. Ага! Всё получилось наоборот — они очень обрадовались, что им попался такой вкусный и жирный фраер. Сначала отобрали всё, вплоть до трусов из французского шёлка, а потом надавали по бестолковке, чтобы не поминал имя отца всеу! Теперь вот сидит и возмущаться, на поведение несознательных граждан. И смех, и грех — одно слово. Интересно, а когда его ограбили? За сколько дней, до того, как эти грабители попались, на моём пути? Что-то я не припомню, на урках, ни одной вещи, что перечисляет "европеец". Или они сразу избавились от таких заметных шмоток? Одни вопросы с этим пассажиром. В какой-то момент, мне наскучило любоваться видами из окна ресторана и я пошёл спать. Проходя мимо пострадавшего, я отвернулся, чтобы не дай бог, быть замеченным этим долбодятлом. А кто он ещё?

Вернувшись в купе, я сдвинул верхнюю часть окна по максимуму. Ну нафиг! Это сколько надо выпить, чтобы при нормальной температуре за окном, всё стёкла изнутри запотели? А запах... Я и дверь открыл пошире, для сквозняка. Сам же отстаивался в коридорчике. Думаю, что десять минут будет достаточно, чтобы хорошенько провентилировать купе. Ещё бы освежителем каким-нибудь побрызгать, вот только — где его взять-то? У меня с собой почему-то нет, ничего подходящего. А кстати, почему это? Что мне стоило прикупить одеколон какой-нибудь? Деньги ведь есть! Вот я балбес... Приеду в Тулу и, если магазины будут работать, обязательно куплю себе — одеколон, а Рите с тёщей — духи если такие будут в наличии.

Утро субботы я встретил, где-то в районе Ростова-на-Дону. Спал как младенец. Что не удивительно — ведь соседа, на его месте, опять не было. Значит некому было мне мешать спать, издавая разные, посторонние звуки. Открыл окно и попробовал изобразить, что-то типа утренней зарядки. Честное слово — получилось фигово. Другое слово я употреблять не буду из-за твёрдых политических убеждений Вилора.

Раз уж не получилось размяться, то завтрак должен компенсировать плохое настроение. Пора наведаться в ресторан. А где мне ещё можно нормально позавтракать? Но зря, я на что-то рассчитывал. С какого-то перепуга, двери между вагонами были заблокированы. Пришлось вернуться, чтобы посетить проводника и разобраться в ситуации. Весь идиотизм этого момента, я понял, когда дверь в купе проводника оказалась тоже закрытой. Кстати, возле неё стояло трое человек и тоже пытались достучаться до главного по вагону. И что самое странное, проход в другой вагон, с этой стороны, был открыт. То есть в ресторан нельзя, а в соседний вагон запросто. Интересно получается. Поняв, что ничего ни от кого не добьюсь, я вернулся в своё купе. Тут хоть можно на диване поваляться. А когда проводник нарисует, тогда и буду нервы тратить.

Мой желудок спасла небольшая остановка. Название не играет роли, да и не смотрел я никуда, кроме как на кучку местных жителей, что торговали всяческой снедью. Блин, точно Ростов рядом. Столько рыбы в разных кулинарных ипостасях, могут продавать только тут. Сушёная, копчёная, вяленая, солёная и наконец просто жареная и варёная. И к этому рыбному изобилию, в качестве гарнира несколько видов картошки: жареная, варёная и печёная. Деньги были — взял жареного сома и варёной картошки. Мне пока хватит.

Когда залез в вагон, обнаружился проводник в компании с маленьким мужичком, который тоже был в железнодорожной форме. Они стояли возле "титана" и ругались. Ничего не стал спрашивать — люди работают, чего им мешать-то. Потом всё узнаю. А сейчас у меня завтрак... Или, если внимательно посмотреть на часы, то уже скорее ранний обед.

То что я балбес, это я сто раз говорил. Повторюсь ещё раз — я балбес! Нафига я покупал еду на этом полустанке? Буквально через сорок минут мы остановились перед вокзалом Ростова-на-Дону. Мог бы потерпеть немного и, как нормальный человек, перекусить в ресторане. Ага, я тоже удивился, когда проводник назвал Ростовский вокзал Главным. Но как оказалось это просто название такое. Тьфу, блин! Ну... я уже говорил.

Впрочем переживал я недолго. Зуд в одном месте, заставил меня выскочить из вагона и броситься в здание вокзала. Мне до Тулы ехать долго, надо бы каким-нибудь чтивом запастись. На перроне я не задержался. Проскользнул, сквозь толпу встречающих и провожающих, а также отдыхающих и работающих, внутрь здания вокзала. Первое что увидел — это почтовое отделение. Ну и ясен пень, сразу же мысли заработали в другом направлении. И самое главное это то, что очередь желающих послать телеграмму или

позвонить, отсутствовала. Два человека — ерунда для такого города. Да и не заметил я, как моя очередь подошла. Сначала сунулся прямо в окошко и начал диктовать текст телеграммы. Но меня отправили за отдельный столик. Блин! Как так-то! Опять я всё забыл или не вспомнил вовремя. Надо же сначала написать текст на специальном бланке и только потом передавать. Вот я лось!

Написал быстро. Чего там... Сразу три штуки: Рите — потому что люблю, Катерине — что до сих пор жив и помню её и Собкину — что приеду в Тулу на таком-то поезде. И тут же закупились различными газетами и журналами. А вот потом, всё оставшееся время, выбирал подарки для всех моих калужских знакомых. Мелочи всякой прикупил. Кому-то открытку красивую с видом Ростова-на-Дону. А кому и духи с румянами. Мужской части знакомых приобрёл брелоки с разными надписями. В общем никого не забыл. Еле успел на поезд.

Вернувшись первым делом поговорил с проводником. Тот меня уверил, что все двери, кроме туалетов, открыты и можно перемещаться по всему составу без ограничений. Все поломки устранены и дальше будет только лучше. От таких известий, на душе стало очень легко и просто. Чего тут осталось ехать-то? Как написано в расписании остановок до Тулы каких-то двенадцать часов пути. Не успею устать и журналы полистать, как приедем. Эх! Вот почему с самого начала такого не было? Кто-то где-то недоглядел.

В здание вокзала, в Туле, я входил с отличным настроением: во-первых — выспался на год вперёд, а во-вторых — бревно, неведомым образом, ждало меня на перроне вместе с улыбающимся проводником. Как он это дело провернул, я от него не смог добиться. Очень неразговорчивый товарищ оказался. Да собственно и пофиг — я в Туле! И брёвнышко тоже здесь. Осталось девяносто километров и я приеду домой!

На площади перед вокзалом былолюдно и суетливо. Несколько автобусов ждали своих пассажиров и сияли, в лучах уличных фонарей, чистыми боками. Утро воскресенья, на часах семь тридцать, чего тут удивляться-то? Люди приезжают с ближайших пригородов, чтобы поторговать на рынке. Почему не поторговать, если урожай богатый? Отсюда и суета такая. Я, наверное, тоже буду так торговать. Если найду время и займусь своим садом и огородом. Хотя нет. Лучше по друзьям буду раздавать.

Интересно было наблюдать за лицом Фёдора, когда я наконец-то нашёл его, стоящего рядом с машиной. Сначала он обрадовался, честно! Даже обнял и постарался выразить чувства, сломав мне пару рёбер. Но тут я смог его удивить. Фиг у него чего получилось. Скорее это я, его, помял основательно. Но это не сыграло большой роли, он продолжал излучать радость. А вот когда его взор упал на бревно, тут-то всё и началось:

— Вилор?! Это что? Это твоё? Я это не повезу!

Причём всё было сказано, таким тоном, что сразу было понятно — он не повезёт ни в коем случае. А что мне делать? Пришлось воздействовать на этого индивидуума, убийным аргументом:

— Фёдор! Внимательно прочитай этот документ и прими решение. Между прочим, товарищ Собкин в курсе происходящего. Держи, — с этими словами, я протянул Фёдору записку Хрущёва.

Десять минут Фёдор внимательно вчитывался в текст записки. Потом вернул с таким видом, что мне захотелось идти в Калугу пешком. Вместе с бревном. Это было лицо страдальца. Мученика, принявшего свою судьбу и отринувшего все радости жизни. Весь вид Фёдора говорил: — "За что мне это?!" и только слёз осознания и откровения, для полной картины, не хватало. Мне нечего было сказать, но и тормозить, в нескольких часах пути от

дома, я не собирался. Пришлось изворачиваться и плести всякие-разные словесные конструкции, пытаюсь направить этого человека на путь истинный. Фёдор тяжело вздыхал, морщился, хмурился и ходил кругами вокруг машины. Потом, всё-таки решился и спросил у меня:

— А может мы потом его заберём? А, Вилор? Приедем на грузовой машине и заберём. Я даже согласен в выходной день съездить.

Пришлось брать всё в свои руки. Для начала, конечно, я напомнил, как мы когда-то давно уже встречались с неразрешимой проблемой, в виде велосипеда. И всеми трудностями с его перевозкой. О том, как я пожертвовал и дал разобрать своего металлического друга — лишь бы не повредить машине. Дальше я начал фонтанировать идеями...

Запихнули кое-как. Слава богу, что ГАИ в этом времени не такое строгое и милицейскую машину вообще не будут трогать. Я надеюсь на это. Иначе, до Калуги мы не доберёмся. Бревно засунули назад, между передними и задними сидениями. Стекло, на задней дверце, пришлось опустить (смотреть в доп. материалах). По другому никак не входило. И то получалось, что почти половина торчало наружу. Фёдор чуть не плакал, пытаюсь получше укрепить экзотический груз. Но получилось. Неказисто и культяписто — зато, не на руках тащить.

С такой фигнёй, торчащей из окна, большую скорость не разовьёшь. Так что ехали мы не быстро. Да и дорога была, не сказать, что хорошая. Федя половину пути молчал. Сердился. Потом, как-то незаметно, запал мрачности у него пропал и мы разговорились. А ближе к Калуге уже хохотали всюду над моими приключениями во время отпуска. Я рассказал, как ребята из линейного отдела в Сочи, благодаря брёвнышку, заставили признаться в серии грабежей троицу бандитов. Фёдор, хохоча в полный голос, не верил такой удаче. В общем весело было.

Если ехать из Тулы в Калугу, то есть вариант оказаться недалеко от моей улицы и соответственно моего дома. Появляется возможность, хоть, на минутку увидеть Риту. Сегодня же воскресенье и она точно будет дома. Но Фёдор почему-то решил использовать другой путь. Я конечно же возмутился такому произволу. Но мой водитель был неумолим. Отговариваясь тем, что у него приказ и вообще, меня ждёт САМ товарищ Собкин. И если бы не пресловутое бревно, то мы проехали бы мимо.

— Фёдор! — повернувшись к водителю, я громко начал объяснять, своё видение, нашего маршрута, — а ничего, что у тебя из машины торчит бревно? Как ты будешь ехать по центру Калуги? А вдруг кому-то по голове достанется? Давай заедем ко мне домой и выгрузим лишние вещи. Делов-то на пять минут, а польза невероятная!

— У меня приказ, — усиленно крутя руль, на узких, пригородных улицах, произнёс Фёдор, — приказ доставить тебя в транспортный отдел, в первую очередь. И это не обсуждается!

Наверное, опять, где-то там наверху, что-то включилось. Потому что, именно, в этот самый момент, на дорогу откуда-то выскочила коза. Простая коза: белая, рогатая и с обрывком верёвки на шее. А Фёдор, избегая с ней столкновения, чуток вывернул руль в сторону, что привело к стыковке двух родственных вещей — моего бревна и липы, что росла возле дороги. Такого отборного мата, я давно не слышал. Вообще-то — Фёдор очень спокойный человек, но тут с ним что-то произошло. Нет, руками он не махал и ногами не топал, а вот словами досталось всем: мне, дороге, козе, бревну, липе и, даже, товарищу Собкину. Я аж заслушался. Постепенно запас слов у водителя иссяк и он стал осматривать

повреждения. А я что? А я предупреждал, между прочим. О чём и высказался Фёдору. И чтобы добавить аргументов, в пользу посещения моего дома, напомнил — это здесь, в пригороде малоллюдно, а в центре будет столпотворение, по причине воскресенья! И уж там-то точно без крупной аварии не обойдётся!

Фёдор, чего-то там, подумал и согласился заехать. Тем более что, чтобы исправить форточку, на задней двери, по-любому от бревна нужно избавляться. В который раз, я убеждаюсь, что это бревно послано мне свыше. Не будь его, многого бы не произошло и многое бы не случилось. Так и тут. Благодаря бревну, я скорее всего, прямо сейчас, окажусь дома.

Коза куда-то умотала. Липа — это вообще дерево и своего мнения не имеет. Я уже всё сказал, что думал. Так что принимал решение, какими путями нам лучше и быстрее доехать, до моего дома Фёдор. А тут и думать нечего — садимся и поехали. Что и сделали.

В этот раз, мы перемещались по городским улицам с большей осторожностью. Фёдор учёл предыдущие ошибки и ехал очень аккуратно. Но, всё равно, нескольких маленьких столкновений нам не удалось избежать. Мужичу какому-то досталось по горбу и был сбит на землю стог сена. Мужик долго, чего-то кричал нам вслед, а стог остался лежать разворошенный — останавливаться мы не собирались. Когда цель перед глазами, то зачем останавливаться по пустякам? Можно потом всё порешать, если конечно будут претензии.

Подъезжаем к воротам моего дома, а я вдруг торможу. Стопор какой-то напал и, как болван, не могу сделать ни одного движения. Фёдор сердится и толкает меня, призывая к действию. А я сижу и улыбаюсь, потому что из калитки выходит она — Рита! Занавес.

Глава 17

Федя — лось! У меня больше слов других нету. Потому что я уже час сижу в Ленинской комнате. Ожидаю когда "его величество" товарищ Собкин вернётся с вызова. А ведь мог спокойно дома чай пить в обществе жены. Ну или заниматься тем, чем положено супружеской паре. Так нет — этот водитель оказался педантом и вырвал меня из объятий супруги, чтобы согласно приказа доставить мою тушку в отдел. Но ничего. Зато Марго знает, что я в Калуге. А это значит, что будет мне и стол, и всё остальное, что положено. Только это и успокаивает, и даёт примириться с действительностью.

Есть ещё один положительный момент — это куча калужских газет. Сижу, изучаю, чем тут местное население занималось, пока я лечился. Новостей хватает, как хороших, так и не очень. Но, одно из самых главных, для меня, это запуск кирпичного завода на полную мощность! Значит калужские стройки больше не будут простаивать и у меня, всё-таки, появляется возможность хорошенько потрудиться. А там и квалификацию, глядишь получу. Что ещё? Урожай пшеницы собрали больше, на пятнадцать процентов, чем в прошлом году. Да и вообще всё, что можно собрать с полей, в этом году, радуется своим изобилием. Вывод — с голоду не умрём!

— Вилор, — из-за спины, раздался отчётливо знакомый голос, — это, между прочим, настоящее свинство! Как ты мог пройти мимо и не зайти?

Оборачиваюсь... Катерина! Ой! Что сейчас буде-ет? Взгляд у неё такой, многообещающий. Как и в тот раз, когда я хотел её поцеловать. И, что самое главное, отсюда некуда бежать. Мне бы на минутку скрыться из её поля зрения. А там она успокоится и я всё ей объясню. Вроде бы в руках у неё ничего нет — это даёт надежду, что прямо сейчас мне ничего не грозит.

— Кать, я сейчас всё объясню, — встаю из-за стола вытягивая руки вперёд, в защитном жесте, и начинаю быстро говорить, — я хотел! Я честно хотел зайти, но мне сказали отсюда не выходить!

Сердитый взблеск глаз резко меняется, на изумлённый, тут же следует вопрос:

— Это ты, Вилор?!

— Да я это, — машу рукой и делаю шаг к Катерине, — чего спрашивать-то? Или не узнала?

— А ну стоять! — Катя подозрительно рассматривает меня и добавляет, — ты не он!

— А он это кто? — в полном смысле офигиваю я, — и причём тут, какой-то "он", когда здесь я?

Катя делает шаг назад. Приоткрывает дверь Ленинской комнаты и орёт, в полный голос: — Дежурный! Посторонний в расположении!

Шок — хорошее слово и очень подходит к моему состоянию. Потому что я не знаю, как себя вести в такой ситуации. Очень похоже на сон, только что-то, как-то слишком реально. В течении нескольких минут комната наполняется знакомыми и не очень сотрудикам. Все смотрят на меня с неприкрытой угрозой. Такое ощущение, что дай им команду и меня порубят шашками, на маленьких Вилорчиков в очень большом количестве. Я непроизвольно сдал назад и упёрся в стол, за которым только что читал газеты. Не фига себе встреча! Я думал чаю попьём с бубликами, а тут...

— Товарищи, посмотрите на этого гражданина, — указывая на меня пальцем, начала объяснять ситуацию Катерина, — этот бугай говорит, что он — Вилор!

Вся толпа милиционеров синхронно прищурилась, рассматривая меня. Пинпеч ощущение! Как будто на расстрел к стенке поставили и все целятся в тебя. А Катерина, как заведённая, продолжает меня добивать своими сравнениями:

— Вилор парень детдомовский, что сразу видно. Он худой, длинный и совсем не загоревший. Вечно с синяками и разбитыми кулаками. Но мы его за это и любим. Честный и открытый человек — настоящий комсомолец! А это кто? Посмотрите, — Катя опять ткнула в мою сторону пальцем, — рожа загоревшая и отожратая! По нему сразу видно, что про голод он никогда не слышал! Да и рост слишком высокий для шестнадцатилетнего пацана!

Это всё, сейчас, про меня — что ли?! Я вообще перестал что-либо понимать. Это я, что ли — морда зажратая?! Да я всегда вечноголодный! Меня только в санатории кормили нормально и то недолго. Жена моя любимая и тёща умная, единственные, кто кормили меня досыта! Эта вспышка возмущения, дала какой-то импульс в мозг и я заметил среди толпы физиономию Фёдора. Этот человек вёз меня с Тулы почти три часа, а теперь не узнает? Домой меня завозил, с Ритой спорил — а сейчас пытается сделать вид, что видит меня в первый раз? Теперь слова Катерины перестали, мной восприниматься. Я начал анализировать увиденное, ни к чему не прислушиваясь. Полный анализ не дал провести товарищ Собкин. Он вошёл в Ленинскую комнату, встал посередине и непонимающе обвёл взглядом этот паноктикум. А что? Я скромно облокотился задом на столешницу и думаю. Катерина застыла в позе "Девушка что-то увидела в дали", а остальной личный состав мрачно стоит неорганизованной толпой. Все чего-то ждут... Ага. Дождались!

Не, ну то, что товарищ Собкин умеет разговаривать, как настоящий прораб это не новость. Приходилось слышать от него и покруче выражения. А вот то, что коллектив отдела милиции испарился из Ленинской комнаты за каких-то три-четыре секунды это достойно упоминания. Единственная кто осталась это Катерина. Попробуй тут не остаться, когда начальственный рык: — "Воронцова, а ну стоять!" был слышен, наверное, на станции Тихонова Пустынь. Она и рассказала, что тут происходило, на самом деле...

Катерина, добрая душа и активный секретарь комсомольской группы, по своей инициативе решила разыграть целый спектакль с моим награждением. Да, вот такие дела! Меня, отдельным приказом по Калужскому МГБ, оказывается, наградили почётным подарком. Целый лёгкий мотоцикл германского производства, должны вручить перед строем и вдобавок ещё одну почётную грамоту. Ну а Катя просто хотела всё это обставить так, чтобы запомнилось на всю жизнь. А получилось так, как получилось. Но одно могу сказать точно, что я запомню ЭТО, на всю жизнь! Потом, я минут десять пытался понять, как это должно было выглядеть, если бы Катерине всё удалось, но так и ничего не придумал. Впрочем, женская логика не поддается мужскому осмыслению. Тем более логика счастливой женщины, которой охота сделать всех окружающих такими же счастливыми, как и она. Собкин меня молча поддержал, а Катерине предложил, раз уж она это дело заварила, побыстрому собрать личный состав на улице. Надо же закончить начатое и, наконец-то: — "Вручить этот мотоцикл товарищу Тихому и побыстрее", чем она и занялась.

Пока Катя носилась по отделению и изображала из себя систему оповещения, мы с Собкиным успели немного обсудить насущные дела. Вся чехарда, с этими наградами, началась со звонка из Москвы лично товарищу Собкину. Там предложили подумать и, своей властью, исходя из возможностей, наградить отличившегося члена бригады памятным

подарком и прекратить названивать в Москву, чтобы напоминать, о его героическом поступке. А, по прошествии неполных суток, Собкин был вызван в главное управление МГБ по Калужской области. Где его похвалили за прекрасно проведённую операцию по задержанию опасного преступника. Ну там ещё много чего наговорили и пообещали, а главное — очень строго попросили больше о этом деле не вспоминать. Но Собкин не был бы Собкиным и поэтому, он решил разобраться в этой ситуации кардинально. Пришёл в отделение и позвонил, какому-то своему знакомому в Москве. Мне он подробности не рассказал, да и не надо мне это. Но видимо этот знакомый был — "ого-го какой знакомый!" — раз сразу же выложил информацию о награждении в Кремле. А Собкин ошалев от новостей, не придумал ничего лучше, как позвонить в Сочи, чтобы ошалел уже я. Дальше проще — собрались всем отделением, где быстро решили, чем наградить Вилора, когда он вернётся из санатория. Все знали, о моём участии в задержании и полученном ранении, поэтому посчитали, что мотоцикл будет прекрасной наградой. Тем более что в калужском железнодорожном депо их было несколько. Всё равно — лежали на складе и ржавели. От немцев осталось много трофеев и не только мотоциклы, а вот запчастей почти не было. Выбрали самый, на вид, новый и заменили в нём, в течении одного вечера, всё что можно, используя в качестве доноров другие. Собрали, помыли, почистили, а где нужно ещё и покрасили. В итоге получили вполне годный мотоцикл. И теперь он будет мой. Даже не знаю — радоваться или горевать? Бензин нынче дорог, а уж про запчасти я вообще молчу. Катерина заглянула в кабинет и доложила, что все нас ждут. Собкин показал мне на дверь. А я что? Пошёл, что тут ещё сделаешь-то?

Как мне не хотелось домой, а эту процедуру пришлось выдержать до конца. Да собственно всё прошло, как-то буднично. Лейтенант зачитал распоряжение и вкратце освятил мои похождения в поезде. Потом поблагодарил за службу и вручил очередную почётную грамоту. Затем пошли неожиданности. Вместе с грамотой мне передали офицерский планшет. Грамота хорошо смотрелась внутри этого кожаного мини-портфеля с ремнями, чтобы носить через плечо. Ещё был значок сотрудника бригадила и лётчицкий зимний шлем с очками(смотреть в доп. материалах). Задарили меня выше крыши, аж немного неудобно стало. Но всем всё нравилось и каждый подарок строй милиционеров встречал аплодисментами. Жаль оркестра не было, а то бы выглядело совсем по праздничному. Но и так проходило прекрасно. Мне понравилось.

Так-то у меня был, в той жизни, мотоцикл. После армии купил "Яву 350/638" с рук. Но ни грамма не пожалел о приобретении. Отработала, пока была у меня, на все сто процентов. Так что обращаться с этой техникой я умею. Тут же был какой-то непонятный пепелац, под интригующим прозвищем "NSU-Quick"(смотреть в доп. материалах). Больше всего это чудс было похоже на велосипед с моторчиком. За каким фигом и как его использовали во время войны, я даже представить не могу. Хотя... может какие-то бесстрашные связисты на таком рассекали по дорогам Калужской области или ленивые и очень стройные курьеры. Не знаю! Знаю одно — это аппарат теперь мой, а те козлы — бывшие хозяева которые, где-то закопаны, а может в плену — восстанавливают всё что успели порушить. По крайней мере, я очень на это рассчитываю.

Полчаса ещё постояли, поговорили, пока не прибежала Катерина и, в присутствии всех, начала отпраивать меня до дома. Я сопротивлялся, как мог и говорил всем, что зову всех присутствующих в гости — надо же мотоцикл обмыть, иначе он ездить нормально не будет, но меня настойчиво выгоняли. Катя, на ушко мне, сказала, что обо всем позаботится, а я

должен ехать. Тогда, раз уж такое дело, действительно надо быстрее добраться до дома. Усаживаясь на мотик, я неожиданно вспомнил, на какую советскую модель похож этот аппарат. Это же "Рига — 7" в самом её архаичном виде! Я могу ошибаться в мелочах, но на внешний вид почти один-в-один. Завёлся мотик очень легко. Хотя, о чём это я! Над этим памятным подарком колдовало всё Калужское железнодорожное депо, под присмотром ребят из линейного отдела. Я просто уверен что, пока мотоцикл не стал заводиться с полпинка, от мастеров далеко не отходили. Так что чего тут удивляться?

Раз уж меня гонят домой, то не буду задерживаться. Шлем с очками одел, планшет как и положено повесил через плечо и стартанул. Хорошая машинка мне досталась. По ощущениям тот же велосипед, только педали не надо крутить. Так что теперь мне пофиг, на всё калужские горки и подъёмы. Это не ногами работать, тут моторчик трещит и тащит, только и успевай рулить.

Денег с собой нет, как нету и рюкзака. Поэтому никуда заезжать не буду. Была мысль занять у Катерины пару червонцев, на хлеба купить. Но не стал. Не думаю, что это будет правильно. Мне почему-то кажется, что Конкордия Прохоровна обо всем позаботилась. Одно мне даёт покоя — сегодня воскресенье и неужели все ребята, которые меня поздравляли, собрались только из-за меня, лишившись при этом положенного выходного? Или это была дежурная смена? Или... Я вообще ничего не понимаю.

Весь путь до дома мечтал о тарелке хорошего, наваристого борща. Время-то уже обеденное. Кушать охота, как-никак час дня, на моих иностранных. А я, в последний раз ел, если мне не изменяет память, в поезде ночью. Так что организм, избалованный санаторным режимом, напоминал о себе громкими руладами. Моторчик моего мотоцикла рычит, а желудок ему в унисон отвечает голодным рёвом. Я даже стал оглядываться, не дай бог, кто-то услышит такой дуэт. Вот будет разговоров в нашем маленьком городе. Да уж!

Не смог проехать мимо мастерской Лепесток. Так уж получилось, что на Социалистической образовался затор из телег и автомобилей. И мне ничего не оставалось, как свернуть на улицу Ленина. А тут, как раз и мастерская прямо по курсу. Заглянул и был поражён. Весь коллектив трудился не покладая рук. И это в воскресенье, между прочим! Загадка разрешилась быстро. Большие заказы, в преддверии осенних заготовок, исполнялись прямо на моих глазах. Куча баков из нержавеющей стали, трапециевидные жбаны с крышками и много других нужных изделий громоздились возле входа. Но и, как я успел заметить, про мой пресс для опилок, тут тоже не забывают. Несколько готовых к использованию ручных прессов стояли, сохли после покраски. Сам Михаил Михайлович лупил киянкой по куску жести. Причём грохот от этого действия, не мешал ему громко кричать, на какого-то работника, что что-то делал неправильно. Хотел уже повернуться и уйти, чтобы не отвлекать народ от работы, но был замечен мастером. Кто бы сомневался. У этого человека всё находится под неусыпным контролем. Киянка полетела на верстак, а лист жести был отодвинуть в сторону. Два шага и мастер стоит, улыбается прямо передо мной. Поручались и похлопали друг друга по плечам. Вышли на улицу, где я показал свой подарок.

— Ну и зачем, ты испортил хороший велосипед? — с интересом разглядывая мой мотик, спросил Михаил Михайлович.

— Это не я! — тут же откестился от такого дела я, — это фашисты так постарались. Они скрестили ужа и ежа, а мне на этом, теперь ездить.

Мастер Лепесток минуту смотрел на меня с серьёзным видом. Потом как грянул

смехом, аж вся его артель выбежала:

— А-ха-а! Ежу с ужой? А-а-а! Фашисты гады, гадов скрещивают! Ребята, слушайте сюда...

Когда Михаил Михайлович закончил коротенький пересказ нашего разговора хохотали все поголовно. Больше всего досталось почему-то Гитлеру. Я может чего-то не понимаю, и юмор этого времени до меня плохо доходит, но обвинять фюрера в модернизации велосипеда это по моему уже через чур. Хотя, чего я прицепился, пусть ребята повеселятся. Им, прошедшим войну, положительные эмоции необходимы. Если, хотя бы на минуту они, в этот момент, забыли всё, через что им пришлось пройти, то я согласен с ними. Я даже готов добавить что Гитлер самолично придумал, на этот мотик глушитель. Потому что более дурацкой конструкции я не видел никогда. Я представил, как фюрер сидит за столом и, с умным видом, чертит чертёж глушителя для мотоцикла, а Геринг и Борман ему дают советы. Это меня добило и я присоединился к всеобщему веселью.

Ладно, повеселились и хватит, а то это веселье может затянуться надолго. Я вообще-то зашёл, хоть и спонтанно, но и проконсультироваться мне никто не мешает. Поэтому я и спросил у всех сразу — что тут можно улучшить? Ответ долго ждать не пришлось. Блин, Гитлер и его камарилья удавились бы от зависти, сколько мне тут всего понасоветовали, если бы хоть чуть-чуть в этом разбирались. Из всего предложенного я решил только на улучшение багажника и замену рычагов сцепления и газа. И то, только когда решится вопрос с моей работой. А пока я и так поезжу. Хорошо бы, конечно, какие-нибудь амортизаторы придумать, на передней вилке, даже самые кондовые, пружинные. Но это не к спеху. Подожду. От меня не убудет. Расстались с хорошим настроением. А что? Хорошие люди, прекрасные специалисты и, у всех хорошее чувство юмора, что немаловажно!

Не знаю почему, но у меня было чувство — не спешить идти домой. Это не объяснишь. Одна часть меня готова была: плюнуть на всё, бросить мотоцикл и бегом, короткими тропами, через заборы и ограды мчаться к любимой женщине. А вот вторая, откуда-то из глубины души, советовала: подожди, не спеши, дай женщинам хорошенько подготовиться — и всё будет в сто раз лучше! Эта внутренняя борьба опытного прораба и пылкого комсомольца меня немного путала. Но я всё-таки постепенно, неспешно, какими-то немислимыми зигзагами и обходными путями приближался к дому.

Не доезжая, метров двести, до моего участка заливного луга, есть небольшой песчаный плес. Это очень известное место. Место мистическое и, в какой-то мере былинное. Описать словами трудно. Тут как бы происходит одновременно небольшое расширение русла с увеличением глубины и, в тоже время, плавный изгиб береговой линии. Вот и выходит, что вроде песчаный пляж, а купаться опасно из-за большой глубины и сильного, но спокойного течения. Редкое явление на реках и почему-то любимое всякими самоубийцами. А сколько местных легенд и слухов ходит среди местного населения, про то, кто тут топился в своё время, не сосчитать. Но есть и такая история, что тут потонул, кто-то из свиты Бату-хана со всей казной и запасом чернил. И вроде, именно из-за этого, вода в нескольких метрах от берега постоянно тёмного цвета, даже, в солнечный день. Что уж там были за чернила, что вода до сих пор чёрная, я не в курсе. Но это действительно выглядит так. Хотя, я сомневаюсь, что виноваты в этом именно чернила. Скорее это связано с цветом дна реки или ещё из-за чего. Не знаю — но выглядит красиво и опасно. Вот тут-то я и встретил одну известную в Калуге личность. Это был местный чудаки — сын сапожника, контуженный во время войны. Я попытался, но так и не смог вспомнить как его зовут: то ли Митька, то ли

Витька. Я и в той жизни, узнал о нём, только после его смерти — он погиб в огне, пытаюсь спасти собаку. Весь город его жалел. Тогда, знакомые ребята, и рассказали мне, про его жизнь. Не очень счастливую, но всё-таки жизнь. Оказывается, немецкая бомба попала в дом, где жила семья сапожника и изо всех, кто там находился в тот момент, выжил только один человек — вот этот парень. Когда хозяин дома вернулся с фронта после ранения, без ноги но, слава богу, живой, то после долгих поисков, обнаружил своего сына в госпитале. Он оказывается помогал санитаркам как мог и там же жил. Контузия повлияла на умственное развитие, но не на физическое состояние. Если коротко, то парень стал тугодумом. Долго соображал над любой задачей. Там ещё что-то было, насчёт возраста: вроде как он считал, что учится в первом классе. Медсестры в госпитале его кормили, обстирывали и давали мелкие поручения — так он и жил. Отец не стал сразу забирать пацана. Надо было сначала озаботиться жильём. Свой дом хоть и был разрушен, но при определённых усилиях и наличии материалов, его вполне можно было восстановить. За месяц подлатал крышу и привёл в порядок одну комнату, и только тогда забрал сына. А там уже вдвоём доделали всё остальное и более основательно. Потом отец поставил будку на рынке и стал зарабатывать ремонтом обуви. А сын его хоть и был контуженный, но чего-то всё-таки понимал и разумел. Целый день, по просьбе отца, ходил по городу и собирал всякую мелочь деревянную, на дрова. Все в округе его знали и помогали чем могли. К тому же он был тихий и безобидный. Постоянно о чём-то размышляющий. Мог стоять и смотреть на реку несколько часов. Его никто не трогал — зачем? Раньше он мне не попадался навстречу, хотя я о нем слышал. А тут — вот он!

Прохожу мимо и понимаю, что что-то не то? По слухам этот парень должен просто стоять и смотреть, а он — ловит рыбу! Как так? И ещё, что меня удивило — это его рост. Когда я подошёл поближе то, стало понятно, парень выше меня сантиметров на двадцать. То есть его рост был больше двух метров! Да и телосложение у него было довольно мощное. Не Геракл но, что-то из этого, довольно близкое.

Снасть, с помощью которой велась рыбалка, была самая простая. Я хорошо всё разглядел, потому что наблюдал за парнем минут десять. Удочка из лещины, а вместо лески что-то вроде дратвы и поплавков из пробки. Но, несмотря на простоту, рыбка ловилась. За то время, что я наблюдал, было поймано три рыбёшки: два пескаря и ёршик. Было слышно, как сын сапожника считает каждую штуку. Мне стало любопытно и я подошёл, чтобы расспросить парня. Но диалога не получилось. Меня попросили не мешать и отойти подальше. Без угрозы и как-то буднично — что ли. Так как просят неугомного ребёнка успокоиться, зная что он всё равно будет шалить. Интересненько?! Я не я буду, если не разберусь в этой фигне.

— Слышь, парень?! — я всё-таки решил попробовать ещё раз разговорить этого персонажа, — а как тебя зовут?

— Не мешай! — услышал я в ответ.

— А меня Вилор! Я тут рядом живу, а ты где?

— Не мешай!

Тут у парня опять клюнуло. Он вполголоса произнёс:

— Восемьдесят девять! — и добавил, снимая рыбку с крючка, — сто минус восемьдесят девять будет одиннадцать. Ещё одиннадцать штук и можно идти домой. Отец отпустит погулять.

Собственно, из этой небольшой речи, стало всё понятно. Батя дал задание своему сыну

— поймать сто рыбёшек и за это, он его отпустит погулять. Всём всё ясно и причин задерживаться больше нет! А с другой стороны, уходить просто так это не по нашему. Мне очень хотелось, чтобы парень видел во мне своего, если не друга, то хотя бы хорошего знакомого. Может удастся помочь чем-нибудь? Видно же, что он легко выполняет односложную работу. Почему бы не взять его в помощники? Те же кирпичи делать за вознаграждение. И мне хорошо и парню с отцом прибыток. Надо будет, наверное, с сапожником встретиться сначала и переговорить обо всем. Я не думаю, что его отец откажется от такой возможности.

Поняв, что прямо сейчас мне не удастся поговорить, я попрощался. В ответ ничего не услышал. Ну и ладно. Успеем ещё наговориться. Я был убеждён, что этот человек мне нужен, потому что такие встречи не бывают случайными. Ладно, пора двигаться, а-то свежий воздух и речные пейзажи разбудили, заснувший было аппетит. Последний рывок и я перед подъёмом. А там и дом рядом.

Мотоцикл не без труда, но всё-таки въехал в горку. А это гораздо лучше, чем тащить его на себе по довольно крутой тропинке. Это ж какие перспективы открываются? Буду с утра полностью выкладываться на разминке, а потом, по пути на работу, отдыхать. Ну а велосипед это для вечернего тренинга. Можно ещё для поездок на рынок или в магазин использовать. Это хорошо Собкин с ребятами придумали. Теперь, лишь бы врачи дали добро на работу и тогда посмотрим, кто есть — а кто просто так!

К дому подъезжал в отличном настроении. Пофиг, даже, если ничего не готово и я пришёл раньше времени, ничто мне его не испортит. Готовый поделиться со всеми кусочками моего счастья, я толкнул калитку и начал впахивать мотик во двор. Эх, маловата калиточка! Еле-еле удалось избежать царапин. Надо бы что-то придумать, чтобы избежать этого впоследствии. Хотя, что тут сделаешь? Это надо ворота полностью менять, а мне это, пока, не по силам. Да и времени свободного нет совершенно. Дня два, точно, придётся только по врачам бегать. И это я ещё взял по минимуму. Смотрю Рита за порядком следит. Возле ворот чистота и порядок. Надо в будущем весь двор плиткой выложить, тогда про лужи и грязь можно будет совсем забыть. Ладно, мотоцикл оставлю тут, возле калитки — чего ему будет? Дождя нету, а всё остальное ерунда. Пойду посмотрю, чего это меня никто не встречает?

Снимаю шлем, пусть на сиденье полежит. Смахнул пыль с туфель, всё-таки я дома, а не погулять вышел. К тому же перед женой с грязной обувью, появляться как-то не удобно. Пара шагов и вижу накрытые, прямо во дворе, столы. Лавки тоже присутствуют. Только почему-то никого не видно? Ещё и эта непонятная тишина... Краем глаза вижу движение со стороны крыльца. Да ладно?! Витас? Не верю!

Глава 18

Витас подросток. Вон как бегаёт между ног у гостей. По-щенячьи пискливый «тявк», а не грозный «гавк» взрослого пса, слышался то там, то тут. Я наслаждался хорошим вечером, но не выпускал щенка из виду. Он, ведь и укусить может. Я когда с ним играл, так он меня довольно прилично за палец прихватывал. До крови дело, конечно, не дошло, но ощущение «занозы в пальце» присутствовало. Зубки этого маленького охранника были острыми, как иголки. А ведь они скоро будут меняться и это время погрызанных вещей нам предстоит пережить. Ничего, я чего-нибудь придумаю. А пока путь определяется — кто есть кто в его стае.

— Охранник растёт, — с улыбкой произнёс Собкин, увидев куда направлен мой взгляд, — хороший пёс. Одного не пойму, что это за имя у него такое — «Витас»? Латышское что ли?

— Не знаю, может и латышское, — задумчиво ответил я, — само собой в голову пришло, а Рите понравилось вот и решили назвать.

Вообще, за моё отсутствие, пёс превратился в эдакого маленького медвежонка. Большая голова, мощное туловище и крупные лапы прямо говорили, что скоро этот щенок превратится в грозного пса. До кавказского волкодава или алабая может и не дорастет, а вот что-то вроде ньюфаундленда — всё может быть. Смотрю на него и как-то тепло на душе становится. Ведь он первый меня встретил, когда я вернулся. Весело всё вышло. Да и вообще у меня сегодня день розыгрышей какой-то. Катя не перестаёт фонтанировать идеями, как сделать этот мой день возвращения надолго-запоминающимся. В этот раз, она решила всех спрятать в доме, а когда я зайду, встретить меня овациями и радостными криками. Слава нашей прессе, что без конфетти с хлопучками и тортиком, как это принято у забугорных пиндосов. Ругаться не хочу, не всё получилось как было задумано. Но мне, даже немного понравилось. Было неожиданно и с юмором. Катерина не приняла во внимание мою жену и её желание увидеть меня немедленно, ну и тещу, тоже, недооценила. Сначала-то все пошло нормально: услышав тараканье моего мотика, всё скучковались на первом этаже нашего дома, как положено — за закрытой дверью и в ожидании моего появления, а вот потом... Сначала Витас, про которого совсем забыли, радостно обтяфкал меня и, на радостях, чего-то там, на крыльце, уронил и это что-то громко загромыхало. Потом Марго услышала визг собачки и выскочила с метлой наводить порядок. Она же, как мамка этому щенку и обязана защищать. А дальше... Дальше были только мы. Метла упала с крыльца. А мы... А что мы? Обнялись и стояли смотря друг на друга. И вот это Катя точно не предусмотрела — в дом мы не собирались заходить. А я почти ничего и не помню, про эти несколько минут. Думаю что и жена моя тоже. Отключились, выпали из реальности, на какое-то мгновение и только теща привела нас, с Ритой, в чувство — отодвинув подальше друг от друга. Все вокруг чего-то кричали, хлопали в ладоши и мешались под ногами. Все плечи мне отбили, потому что каждый считал обязательным хлопнуть меня по руке. Потом начали рассаживаться за столы, а неугомонная Катерина заставила надеть пиджак со значком. Федя прикатил мотоцикл и поставил его у крыльца, чтобы все видели награду. Первые тосты и здравницы, прошли как-то мимо сознания. Одно желание было — схватить Риту на руки и убежать куда-нибудь подальше. Но гости могут не понять. Так что сидим и празднуем. Первый голод утолён и

алкоголь в крови гостей присутствует, поэтому пришло время песен и танцев. Я не пил ничего алкогольного, да мне и не наливали — Катя и Рита за этим следили особенно. Зато, под внимательным взглядом жены, я поглощал всё что она мне накладывала в тарелку. Прерываясь только на то, чтобы отпить глоток компота, после озвучивания нового тоста. Песни я не пел, а танцевать как-то не хотелось. Сидел, жевал и иногда разговаривал с соседями. Отдыхал душой — я же дома!

В какой-то момент решили переместиться в дом. Осень на дворе и к вечеру ощутимо похолодало. Пока перетаскивали столы и стулья с досками вместо лавок, мне удалось переговорить с Исиповой. Может, конечно и неправильно, но я попытался воспользоваться своим положением. Насел на Татьяну Николаевну с небольшой просьбой — помочь с квалификационным испытанием. Но тут я увидел полное непонимание. Как бы не увещевал нашего секретаря, она наотрез отказалась мне помочь. Подумав я понял: Исипова решила, что я хочу сдать экзамен, как говорится — «по знакомству». Пришлось всё раскладывать по полочкам и напирать на то, что я всё умею сам и мне не нужны протекции. Вроде договорился, что, если врачи мне разрешат, то я буду держать экзамен в первый же день выхода на работу. Хорошо, что Маша Бартолье тоже здесь присутствовала и обещала со своей стороны поспособствовать и подтвердить мою готовность.

Часть гостей, во время перемещения в дом, ушли. Но, не по английски — тихо, никого не предупреждая, а как положено с обязательным рукопожатием и объяснение причины. У кого-то дети дома одни, а кому-то корову доить или козу какую-никакую. Или вот Рыжиков, вечно пьяный электрик который, ему надо успеть на поезд, иначе потом ждать до часа ночи следующий. А завтра, между прочим, на работу!

Всё бы ничего, но мне почему-то не удавалось хоть на минуточку остаться с Марго наедине. Всё время кто-то присутствовал рядом. Особенно Катя выбесила. Эта активистка, с атомным реактором в одном месте, вообще не выпускала мою жену из поля зрения. Стоило мне только сделать попытку, уединиться с Ритой, как эта особа тут же выходила из тени и обламывала все мои начинания. Стыдно признаться, но за весь вечер, так и не удалось ни разу поцеловать жену по-нормальному. В щёчку не считается. Это было и не один раз. Ничего, ночью наверстаю... и тоже не один раз. Посидели, попили чаю с обалденным рыбным пирогом. Спели несколько песен из общеизвестного репертуара. Исипова попросила исполнить казахскую народную «Шудын бойында» и я не стал отказываться. Ерасыл Кормертаев являясь приписанным к нашей комсомольской группе, не смог не поделиться с секретарём, кто, на самом деле, первый исполнил эту песню. Вот и приспичило, нашему секретарю, послушать песню из уст первоисточника. Надеюсь, что, после моего исполнения, все в ужасе разбегутся по домам. А мы с Ритой наконец-то займёмся тем, чем и положено. Я не умею петь и плясать, о чём постоянно говорю. Ну не дано мне это! Кирпичи правильно положить — это пожалуйста! Так что извините, если что — я не виноват. Но нет — все получилось совсем наоборот. После второго куплета, к исполнению припева присоединились несколько человек. Я вот только не пойму — они что тут все казахский язык знают? Или просто быстро слова запоминают? Да и, с одной стороны, по фиг. Лишь бы по голове не били. А так всё хорошо получилось. Второй и третий раз эту незатейливую песню, хоть и на казахском языке, пели всей толпой. И никто ничего против не имел.

Хорошо погуляли. Обошлось без порванных гармошек и положенной драки. Культурно всё прошло. Тут, конечно же, большую роль сыграло присутствие ребят из линейного отдела.

Были прецеденты — куда уж без них. Но всё быстренько гасилось в зародыше, не давая развиваться во что-то более опасное. Да и без этих инцидентов будет что вспомнить. Жаль что фотоаппарата ни у кого не было. Осталось бы память на всю жизнь. Вместе с последней группой гостей, ушла и тёща. Мы остались вдвоём... Все слова были лишними. Наши взгляды, обращённые друг на друга, говорили за нас:

— Я скучала...

— Я тоже...

Утром еле заставил себя встать и в лёгкую размяться прямо во дворе. Мне сегодня к врачам идти — незачем усугублять нагрузками. Вечером поработаю, как положено. Наши калужские врачи очень придирчивые. Зачем им давать лишний повод усомниться в моём прекрасном самочувствии. Мне нужно, как говорится, цвести и источать силу вместе с уверенностью. А не изображать выкинутую на берег медузу. Так что нечего напрягаться. И так ночь выдалась очень бурная. В подробности вдаваться не буду, для этого есть масса женских романов, где всё прописано досконально и в мелочах. Но одно могу с уверенностью сказать — всё было замечательно! О чём говорит мой зверский аппетит и слабость во всех мышцах. Завтрак, приготовленный любимой женщиной, был выше похвал. Как и положено, после такого ночного марафона, он, невзирая на простоту, был сытный и вкусный. А что ещё от него нужно? Ничего! Вот и я про что. Сил порядком прибавилось и настроение повысилось. Мысли в голове совсем не о предстоящем посещении врачей. Скорее о том, как бы затащить Марго в кровать, чтобы повторить ночное безумство. Но все, мои поползновения были жёстко разбиты в пух и прах. Рита, хотя и была не против, но, проявив твёрдый, комсомольский характер, напомнила мне, о строгой дисциплине в строительном техникуме. А чтобы сгладить впечатление, пообещала вечером незабываемый ужин. Ну и всё что к нему прилагается после. Посмотрим.

Дежавю какое-то. Опять я провожаю жену в техникум, а потом сверну в больницу. Скоро привыкну и когда, придёт время выходить на работу, буду по привычке заворачивать туда же, согласно выработанному алгоритму. Сегодня я на велосипеде. Мотик пусть отдохнёт. Так как задание от деда никто не отменял, есть у меня на него определённые планы. Но это позже, а пока пусть во дворе постоит. У меня предчувствие, что не сегодня будет решаться моя судьба. Эти мелочные и придирчивые калужские врачи не захотят выносить свой вердикт, без предварительного осмотра. Знаю это, а всё равно иду и чего-то жду. Потому что надо! Надо пройти эту комиссию, чтобы заканчивать комедию, в которой я играю главную роль. А то что это комедия, я ни капли не сомневаюсь. Ну не могут, нормальные люди не заметить того, что моё самочувствие, с каждым днем, становится всё лучше и лучше. Я вот наемни думал о «Деле Ленинградских врачей», а нету ли тут какой-то связи? Очень уж это подозрительно, что со мной делают эти врачи. Сомневаюсь только во временных рамках, потому что не помню в каком году это происходило. И вообще, есть ли способ повлиять на этих эскулапов, в случае отрицательного результата? Можно ли опротестовать заключения, если они мне не понравятся? Должна же быть, какая-нибудь соответствующая организация, которая осуществляет надзор за врачами? Надо у Катерины поинтересоваться. Уж она точно должна знать, к кому в таких случаях лучше всего обратиться.

Катя, чтобы не возникло лишних вопросов, настояла, чтобы я надел парадный костюм. Она почему-то уверена, что это может как-то повлиять на комиссию. Спорить с женщиной, находясь в хорошем настроении, мне не хотелось. Поэтому я последовал её совету.

Неудобно, конечно, на велосипеде в костюме разъезжать, но что не сделаешь ради любимой.

Так что в кабинет главврача я заходил при полном параде и без очереди. Очереди так и так не было. Ну какая, к чертям собачьим, очередь в девять часов утра у главного врача? А вот значок на лацкане пиджака доктор оценил. У него, по моему, даже стёкла очков немного запотели. Он минуты три их усиленно протирал носовым платком, при этом не сводя внимательного взгляда с левого лацкана моего пиджака. Чуть дырку не просверлил, лишнюю.

Всё оказалось зря: и пиджак, и значок, и раннее время. Как я и предполагал, заседание комиссии состоится в среду, двенадцатого октября в десять часов утра. Мне надлежит прибыть, в этот самый кабинет во время, голодным и выспавшимся. Ладно, фигли нам. Подожду. Но был ещё один момент, который меня напряг. При изучении моих документов, главврач многозначительно улыбался. Прямо-таки светился от счастья. Не сиял как лампочка, конечно, но было видно, что дай ему волю и он замурлыкает от удовольствия. Чтобы это значило, я не в курсе. Но думаю, что скоро узнаю.

Когда вышел на улицу, то понял — осень наступила! Если, с утра, было хоть и прохладно но всё же более-менее ясно, то сейчас небо затянули тучки и ощутимо посвежело. А стоило мне подъехать к северу Карпова, как начался дождь — мелкий и нудный. Всё намекало, на необходимость приобретения новой одежды. Это сейчас осень, а там зима с её снегом и морозами. Надо закупать, что-то осенне-зимнее не только одежду но и обувь. Блин, как-то не вовремя всё это. Надо бы посоветоваться с кем-то кто больше меня в этом разбирается. Единственный кто на данный момент больше всего подходил — это тёща. Вот к ней я и направился.

В костюме, по такой погоде, на велосипеде — это, как бы покультурнее выразиться, очень эпически. Вот! К Конкордии Прохоровне я стучался насквозь промокший и злой. Злой, в первую очередь, на самого себя. Расслабился, в санаториях и поездках, и совсем выпустил из внимания обычную жизнь. Но я ещё кое-что упустил из виду. Это то, кем является и чем занимается Конкордия Прохоровна? Всё оказалось не так печально, как мне показалось. И Марго, и Конкордия обо всём давно подумали и подготовились. На большой гонорар, за тот самый крупный заказ, были закуплены отрезы различных тканей. Ждали только меня чтобы снять мерки. И это, по моему, было правильно. Я же вырос. Изменился и рост и вес. Старые мерки, что снимала тёща до моей поездки санаторий, уже точно не подходили. Теперь настало время всё заново перемерить.

Не, ну это я отдыхал и лечился, а тут мои женщины пахали как пчёлки. Всё просто прошло мимо меня. Это я только что понял. Пока, мы пили чай с бутербродами, тёща рассказала чем они тут занимались. Я сделал вывод, что лось это мягко сказано про меня. Если свой небольшой огород не принёс большого урожая, то поездки, для помощи в уборке урожая, на ближайшие колхозные поля, позволили хорошенько набить погреб. Не под завязку, но очень неплохо. Так что картошкой, свеклой, капустой и морковкой мы были обеспечены. И это ещё не всё. На этой неделе, в воскресенье, опять ожидается поездка. Теперь мы поедем втроём. Надо помочь колхозу в уборке капусты. И есть возможность набрать в счёт оплаты, а часть прямо сразу, на месте купить, для последующей закваски. Да я двумя руками за! Квашеная капуста это вещь и её нужно много! Что там скрывать, я люблю квашеную капусту в любом виде. Будь это просто капуста с лучком и маслицем или тушеная, или щи — мне без разницы.

Женщины позаботились не только о пропитании, а так же выписали и уже получили

пять кубов пиленых чурок, листовенных пород. Осталось их только поколоть. Да и не стоит сбрасывать со счета мой мини-пресс. Насчёт опилок, я всегда могу договориться с близлежащей лесопилкой. Это тоже нормальное топливо. В общем: разговор с Конкордией Прохоровной, с одной стороны меня успокоил, а с другой заставил кое-какие планы пересмотреть.

Пришёл домой и в первую очередь задумался, о незаконченном чердачном перекрытии. Сама кровля была в сносном состоянии. Я как мог подлатал её, когда занимался устройством печки. А на заключительной этапе, при работе с трубой, основательно прошёлся по всем стыкам и сопряжениям. Эту зиму точно проблем с кровлей не будет, а на следующий год можно будет заняться более основательно.

Раз уж у меня выдался свободный день, то можно попробовать, чего-нибудь изобразить с утеплением чердака. Первое, что пришло в голову это сделать эрзац-вариант из соломы и пергамина, в стиле сэндвич-панелей. Только применительно к нынешнему времени. Солома, а мне обязательно нужна ржаная, продаётся на рынке. Пергамин я видел в хозяйственном магазине и тоже в достаточном количестве. Ещё нужны доски на основу перекрытия, но это проще. Артельная лесопилка мне в этом поможет. Это всё-таки не государственная, где заказы распределены на десятилетия вперёд. Тут всё гораздо проще. К тому же мне отборная и торцованная деловая доска не нужна, пойдёт и что-нибудь похуже. Не хрень обзольная, конечно, а выбраковка с сучками и запилами вполне сойдёт. И это будет первой задачей. Деньги есть, надо только забрать из сарая, и купить то, что мне нужно.

Пока переодевался в рабочую одежду, ругался не прекращая. Два месяца я потерял с этой травмой! За это время можно было сделать из моего дома конфетку. А я пропадал, всё это время, то в больнице, то в санатории. Нормальных слов не было, поэтому я в основном использовал русский матерный. Он хоть и ограничен некоторым количеством слов, зато словосочетания можно было комбинировать в любом сочетании и количестве. Ни один другой язык не может похвастаться такими возможностями. Забугорные лингвисты не догадываются, что русский мат это ещё и способ борьбы со стрессом. Поругался минут несколько и сразу на душе полегчало. Выплеснул негативчик разными словами и выражениями, и можно жить дальше.

Ругайся — не ругайся, а время не резиновое. На часах всего-навсего одиннадцать и, если пропустить обед с Ритой, то я всё успею. В помощь мне мой мотоцикл. Бак, со смесью бензина и масла, почти полон и нет ничего, что может мне помешать. В первую очередь надо найти Степан Степановича — водителя самой умной кобылы. Для перевозки соломы его транспорт подходит лучше всего. Не думаю, что он откажется от лишнего рубля в кармане. К тому же, как мне показалось, он из тех адекватных людей, что не прочь помочь если знает, что его услуги востребованы и в дальнейшем. План вчерне составлен, осталось только превратить его в жизнь.

Не мотоцикл, а сказка — завёлся от лёгкого нажатия на педаль. Можно сказать, что не успел подумать, а уже моторчик тархтит. Поехали!

Сенная площадь в понедельник это отдельная тема. Потому что сегодня осуществляется завоз товара. А некоторые торговцы вообще берут выходной день. Но мне повезло со знакомыми. И в первую очередь это касается Степан Степановича. Нашёл его курящим с кучей таких же отдыхающих работников извоза. Стоило только рассказать Степану Степановичу, о моих хотелках, как человек, буквально в течение нескольких минут преобразился и вот уже передо мной стоит готовый к действиям и злой до работы «водитель

кобылы». Отдав деньги, чтобы хватило на две телеги и объяснив, что мне нужно, я оставил Степаныча за главного, а сам помчался далее.

Мне нужен был Лепесток мастер слесарной артели. У них в цеху был токарный станок и мне это очень подходит. Сделать заказ, на изготовление двух десятков саморезов с монтажными петлями, не заняло много времени. Пятнадцать минут и всё — можно ехать дальше.

Далее я рванул в магазин хозяйственных товаров. Пергамин был в наличии и стоил не так уж и дорого. Для начала купил пять рулонов. Взял бы и больше, но на багажник (долбаные фашисты — не могли чего-нибудь повместительнее придумать!) такое количество, просто-напросто не получилось бы закрепить. Да и эти-то еле-еле разместил и кое-как закрепил. Ничего, главное ехать аккуратно, а в следующий раз буду умнее и захвачу нормальный кусок верёвки. Зато вязальная проволока, которой я купил два мотка по пятьдесят метров, сразу пригодилась. Ей, как раз и крепил пергамин. Теперь можно мчаться домой, чтобы побыстрому разгрузиться и далее по плану.

На лесопилке, как ни странно, пришлось задержаться. Пинпец, как бесит отсутствие телефонов и то, что приходится бегать туда-сюда вместо одного звонка. Я же сначала сунулся в контору, где всех заколебал своим незнанием местных реалий. Хотя, тут даже память Вилора, мне ничем не смогла помочь. Ну не ходил он по лесопилкам раньше, в детдоме было кому этим заниматься. Это получился какой-то квест из серии — «пойди туда, узнай сколько есть в наличии, подумай: — «а хватит ли тебе столько?» и отмерь сколько надо, поругайся с кладовщиком из-за качества, вернись назад в контору и оплати, потом сходи заberi и не вздумай оставить, потому что никто не нанимался охранять» и много других мелочей. Ещё и эти товарные чеки, которые выписывают вручную, а предварительно долго и вдумчиво считают и пересчитывают точное количество и сумму покупки, на деревянных счетах. Это отдельная история, которая достойна любителей фэнтезийных квестов. Но я справился! И я точно знаю, что этот опыт мне когда-нибудь пригодится.

Как же я радовался, что лесопилка находится рядом с моим домом. Десять минут на мотоцикле и я возле дома. Тут уже Степаныч стоит и бьёт копытом в ожидании продолжения. Хотя, неправильно — это кобыла била копытом, а её водитель нервно курил, сидя под импровизированным навесом из плащ-палатки. Нам, если мы поставили перед собой цель, никакой дождь не является помехой и Степаныч подтверждение этому. А дождь действительно уже надоел. Нет, бывают, конечно и небольшие перерывы, чем мы и пользуемся. Так и сейчас успели сгонять на телеге за досками и если промокли, то почти не обратили внимание.

Разгружали вдвоём. Да и кто нам, в этом, мог помочь? Не было никого поблизости. Все работают или учатся, в отличии от меня. Зато потом... Я растопил печь и поставил греться чайник. Лошадку распрягли и загнали в сарай. Нечего ей под дождём стоять. А телеге и так ничего не будет. Дальше пили горячий чай с вкуснейшим яблочным вареньем, которое обнаружилось на подоконнике. Там ещё фанерный ящик стоял с моими рыбацкими снастями. Интересно, помню как покупал, а вот как они оказались в этом ящике нет. Ещё одна загадка, но это не важно. Тут пока все мысли о другом. Хорошо поработали, а завтра будет ещё лучше. В процессе чаепития Степан Степанович отчитался по соломе. Как я его и просил он привёз ржаную, связанную пучками солому. Такую получают при полностью ручной обработке ржи. То есть режут колосья с помощью серпа или косят косой и обмолачивают цепями. Солома выходит целая, не поломанная. А рожь в наших краях

вырастает высокая — колосья достигают полутора метров. Только такая и идёт на устройство соломенной кровли или для всяких-разных поделок. Мне, на утепление, нужна только такая. Все другие варианты, я даже не рассматриваю. Приходилось уже работать, в своё время. Там заказчик был повёрнут на экологии, вот нам и приходилось вспоминать дедовские технологии и материалы. Сейчас, в этом времени, много такой соломы собранной вручную и это очень хорошо! Мне там, на рынке, думать некогда было, поэтому пришлось заказать количество, как говорится, на глаз. А что? Быстренько вспомнить расход и нормы не получилось. Так что прорабским методом «навскидку» прикинул необходимое количество и умножил на полтора, на всякий случай. Ещё никогда такой способ не подводил. А излишки, если останутся конечно, найду куда применить.

Распрощались со Степанычем, когда дождь ненадолго прекратился. Выдался такой момент. Тут и тёща, ни с того — ни с сего, прискакала. Разохалась и тут же умчалась назад. Я только краем глаза её заметил. Занят был — помогал Степанычу телегу со двора выгнать. Двор большой, а из-за досок и соломы места, для разворота почти не осталось. Вот мы и мучались. А тёща понятливая — не стала нам мешать и слушать что за выражения нами используются. Она вообще-то культурная женщина. Ладно, потом с ней всё обсудим. Мне Степаныча проводить надо, а по дороге договориться о завтрашнем дне. Работы много, а у меня всего один день остался.

Вернулся в дом. Сел на стул возле печки, открыл дверцу топки и стал смотреть на огонь. Очень успокаивает такое времяпровождение. Мысли разные в голове появляются. Планы начинают выстраиваться. Если хорошо подумать, то, по идее, я один смогу справиться с утеплением чердака. Там ничего сложного нет. Больше всего времени займёт переноска материалов. Но это ничего — вон какая морда здоровая после санатория образовалась. Справлюсь. Лишь бы под ногами никто не мешался. Часть, кстати, можно прямо сейчас перенести. А что время терять? Рита придёт, а я тут весь в работе — гнёздышко наше делаем уютнее. Это ли не то, что называют счастьем?

— Ой, Вилор, а я тебе покушать принесла, — голос Конкордии отвлек меня от размышлений, — садись, похлебай горяченького.

Что-то я задумался. Даже не заметил, как она вошла. Хотя, какая мне разница. Перекус сейчас не помешает и это точно! Я надеюсь, что успею встретить Марго, а то, с этими хозяйственными делами, совсем забыл об этом. Сейчас перекушу и потом узнаю у тёщи во сколько лучше подъехать за женой в техникум. Сам я как-то забыл спросить у Риты. Ничего — это дело не сложное. Конкордия Прохоровна даже не удивилась вопросу и всё в подробностях рассказала. Ну и прекрасно.

Еле-еле успел. Что ж со мной такое творится? Выпадаю моментами из обычного течения времени. Никак не могу войти в режим обычной жизни. Вот и сейчас, хоть и собрался заранее, встретил Марго почти у рынка. Но мне кажется, что она этого, даже не заметила. Идёт какая-то грустная и о чём-то своём думает. Надо нам, наверное, поговорить на эту тему. Мне не нужна грустная жена, я же её люблю. Пусть расскажет о своих проблемах мне. И мы разберёмся: кто и в чём виноват, а так же что с этим делать?

Глава 19

Что может отвлечь женщину от тяжких дум? Фиг его знает?! Вариантов много и ни одного верного нету. Угадать, что именно поможет в данный период времени невозможно. Я же выбрал, на свой страх и риск, простую и вроде как действенную методу. Я не специалист в психологии, но при работе прорабом, всякое случалось — иногда приходилось вправлять мозги всяким разным и не только мужского пола. К тому же повод для плохого настроения, по моему, не такой уж и важный. Всего-то двойка по лабораторной работе. Не, я всё понимаю и переживаю вместе с Ритой. Знаю, что она мечтает закончить техникум с красным дипломом. Знаю, что до сих пор, у неё не было оценки ниже хороших. Но, блин, нельзя же заикливаться из-за такой ерунды. Ошиблась — с кем не бывает? Я тоже ошибался и не раз. А уж в таком деле, как водоцементные отношения при расчёте марки и подвижности бетона это обыкновенное дело. Без определённой практики, всегда есть возможность ошибиться и особенно в этом времени. Когда нету ни калькуляторов и уж тем более всяких там компьютеров с базами данных. Всё приходится считать вручную и пользоваться кучей справочников и сводных таблиц. Знаю я, как помочь в решении таких заданий. Сам решал в своё время. Научу, в конце концов, по своему раз уж взялся. Да я, на этих ВЦО, если можно так сказать, собаку съел. И пуд селитры вдогонку сгрыз. Разберусь. Ну а пока, снимаем стресс физической работой — это хорошо отвлекает и настраивает на положительный лад. Потом по программе у нас ужин — это тоже борьба с ненужными мыслями, по себе знаю. А ночью продолжим борьбу с плохим настроением другим способом. Думаю, что утром Рита про эту двойку, если и будет вспоминать, то только как досадную помеху, а не личную катастрофу.

Я так думаю, что с соломой сегодня закончим. Рита вошла во вкус и вяжет валки в автоматическом режиме, почти как станок с ЧПУ. Только успевай новые пучки подносить с улицы. Ещё бы Витас не мешался бы со своими играми, всё было бы гораздо быстрее. А так жене, только и остаётся, что растрепать пучок, а потом собрать из одного несколько штук — одного размера, подровнять и перевязать с одной стороны. Тут вся хитрость в том, чтобы стягивать пучок соломы не в полную силу. Вязальная проволока служит только, как бы ограничителем. А форму, эти валки, примут когда их положат на доски. Слегка надавливая сверху, можно добиться выравнивания по высоте. В общем — молодец Рита, делает так, как я ей показал. Старается, потому что знает, от неё зависит тепло нашего дома. Я же таскаю доски. И мелкий пёс ко мне не лезет, уже научен — чуть лапку не придавил ему доской — теперь сторожится и не подходит близко. А доски — мне их только с улицы убрать. Завтра буду наверх закидывать и сразу же укладывать так, как и куда надо. Это не сложно — натренировался на своём брёвнышке. Так что — фигли мне эти доски? Легкотень лёгкая. На первом этаже места много, но я всё равно стараюсь складывать как можно компактнее. За ночь дерево хоть чуть-чуть подсохнет и станет полегче. Дождь ещё этот надоел уже. Вроде не сильный, а такое ощущение, что он везде. Стоит только выйти из дома, как, через пару минут, ты уже весь мокрый. Зато дома рай прямо-таки. Печка работает на полную мощность и это офигенно спасает от сырости. Постоишь парочку минут возле, согреешься, чуть обсохнешь и можно дальше работать. А вот Риту, я на улицу не отпускаю. Сам, всё что надо, принесу или притащу. Нечего ей мокнуть, хватит меня одного. Ну и конечно же, я стараюсь

разбавить труд короткими перерывами, во время которых я рассказываю, чего-нибудь про свой отдых в санатории или про поездку в поезде. Веселю девушку, как могу, чем спасаю её от депрессии. И это помогает. Я вижу, что иногда, в глазах Риты, проскакивают искорки веселья или беспокойства — в зависимости от момента.

Темнота, не вовремя наступившая на улице, нам не помеха. Все шесть керосиновых ламп горят и дают достаточно света, чтобы продолжать работать. Около восьми часов зашла Конкордия Прохоровна и попеняла нам, на несоблюдение режима питания. Я хлопаю себя по лбу и, потихонечку, про себя, сам над собой офигеваю — это что мы пропустили ужин?! Когда это было, со мной, в последний раз? Нафиг-нафиг эту работу. Она никуда не денется, а желудок не железный и он привык к санаторному распорядку. А так можно и язву какую-нибудь ни с того ни с сего заработать. Права тёща и не поспоришь!

Ужин прошёл в нормальной и дружественной атмосфере. Рита уже не хмурилась, переживая о плохой оценке, а напротив иногда даже улыбалась. Я, раз уж Конкордия ужинает с нами, рассказываю им о встрече с Хрущёвым в санатории. Всё стараюсь представить со смешной стороны и вроде как получается. Как-то незаметно разговор перешёл на домашнее хозяйство. Тёща предложила, пока осень и цены на рынке низкие, прикупить козу и курей. А что? Своё молоко и яйца это всегда хорошо. Я собственно не против, а вот Марго чего-то артачится. Не, я, если надо, сам буду доить. Уж это нехитрое действие я освоил, в своё время. Но жена упёрлась и ни в какую. Дурдом прям. Ничего, я с ней потом переговорю на эту тему. Да и Конкордию нельзя сбрасывать со счета. Она точно будет каждый раз при встрече напоминать об этом Марго. И в конце концов добьётся своего! Плавали — знаем.

Спать в доме, который пропах смоляным духом это всегда прекрасно. Солома тоже давала свой аромат, но не такой сильный. Это у сена запах одуряющий, а солома так, по остаточному принципу — как говорится. А тут ещё и печь сыграла свою, немаленькую роль, прогревая и подсушивая материалы после дождя. В общем проснулись мы с Ритой, а в доме... такие ароматы необыкновенные, что хоть с кровати не вставай. Только организм не обманешь запахами, ему чего посущественнее подавай. Пришлось прислушаться к внутреннему голосу и встать. Рита занялась завтраком, а я погнал на разминку. Брёвнышко под мышку и на площадку за сарай, потому что там, точно есть место без луж. Дождь вроде прекратился, а значит можно хорошенько поработать со снарядами. Даже есть какой-никакой выбор: или моё старое липовое взять, или новое из акации. Не заморачиваюсь и беру липу. Оно надёжнее, в смысле техники безопасности, не так будет скользить в руках из-за высокой влажности.

Заниматься в сумерках — это та ещё разновидность садомазохизма. Вот честное слово, если бы не мой внутренний голос, который прямо-таки заставляет меня заниматься физкультурой, выбросил бы это бревно на фиг! Надо будет заняться приведением этой площадки в более-менее нормальное состояние. Граблями пройтись и веником, а то всякий мусор, под ногами, лишает удовольствия от занятий. Это я в кидях занимался, а если бы босиком? Или бревно куда-нибудь улетело, или ноги переломал бы — в итоге. Ладно, разберусь и с этим. Дайте только время.

За завтраком стало понятно, что Рита намерена исправить оценку по лабораторной работе. И она уже всё придумала, как это сделать. А я-то что? Я только за! Чем мог тем помог. Вчера весь вечер отвлекал от мрачных мыслей, а ночью закреплял результат. И, между прочим, добился положительного эффекта. Марго готова к борьбе и полна

энтузиазма. Вон, прямо, на месте не может усидеть, так и рвётся в бой. Собственно как и положено настоящей комсомолке. А то сидела нюни распускала. Вот что значит правильный подход к ночному отдыху.

Марго проводил до техникума. А сам ринулся добирать всё, что вчера не добрал. В первую очередь это конечно к мастеру в артель. Михаил Михайлович с хитрой физиономией отдал мне саморезы. На мои вопросы отвечал, что уже вчера при изготовлении, сами работники артели понаделали себе таких же и хотят поставить это дело на поток. Очень уж удобная штука выходит в итоге. Многое можно, с помощью этих саморезов, сделать. Я был не против. Мне, для хорошего человека, ничего не жалко. А какие-то преференции поиметь с этого? Так ну их нафиг! Мне ещё этим голову себе забивать? И так времени ни на что не хватает. Самое главное это взаимопонимание, а деньги все не заработаешь!

В хозяйственном магазине прикупил десять рулонов пергамина. Я же подготовился и теперь, в лёгкую, могу такой груз на багажнике везти. Всего лишь два отрезка доски на багажнике и пожалуйста — грузи чего хочешь. Ещё, по случаю, прикупил хорошую ножовку по дереву. Честное слово, мог бы пройти мимо и не заметить, но продавец, как раз раскладывал на прилавке инструменты и этим привлёк моё внимание. Посмотрел и понял, что без такой красавицы мне не обойтись. Сразу же, в комплект, пришлось купить нормальную разводку и, чего уж теперь, три напильника разного сечения. Точить и разводить свой инструмент, я предпочитаю сам. Ну или, в очень редких случаях, доверяю это дело хорошо знакомым людям. Например мастеру Лепестоку я доверяю и не прочь, если он займётся моей ножовкой, но всё-таки лучше я сам.

Дома ждала Конкордия Прохоровна. Решила заменить Риту и помочь в вязке валков. А я и не против. У меня своя задача есть и я её должен выполнить. Ну, а если тёща доделает всё, что Марго не успела, то здорово меня выручит. Там и делать-то всего-ничего осталось, минут на сорок работы или если не очень спешить на час. Мне же опять доски таскать, только теперь на чердак. Нудная работа предстоит, зато потом... В доме, я надеюсь, станет намного теплее.

К обеду, я уже свободно перемещался по чердаку. Настил был почти готов. Мне же не надо укладывать доски вплотную. Так, лишь бы солома на голову не сыпалась и нога в щель не проскакивала. Всё равно буду переделывать по весне. Но там-то я уже буду делать основательно и, если можно так сказать, капитально и так, чтобы больше к этому вопросу не возвращаться. Некоторые доски легли внахлест и надо бы их подпилить по размеру, но это следующий этап. Буду ровнять и крепить одновременно. Осталось только разобраться с гвоздями и можно раскатывать пергамина, а следом раскладывать готовые соломенные валки. Конкордия Прохоровна убежала готовить обед. Она тоже всё закончила и вся солома лежала аккуратными кучками на втором этаже. Вот женщина — сама, без моей подсказки, перетаскала все валки наверх. Повезло наверное мне. Ладно об этом потом подумаю. Сейчас я мучаюсь с гвоздями. Мне, в своё время, Петрович со склада по-надавал всяких-разных и теперь я их сортирую и одновременно выпрямляю погнутые. Та ещё работа, стоит отвлечься, как можно по пальцам звездануть, что не особо приятно. А ведь мне Риту скоро ехать встречать. Как я ей буду объяснять разбитые пальцы? Вот и я — про это. Надо спешить но, с другой стороны, не повредить самому себе. Ещё и в мыслях полный сумбур и частичный раздрай. Хорошо, что работа отвлекает и это уже немало, но мысли всё равно никуда не деваются. Я уже всё варианты по сто раз туда-сюда повернул и рассмотрел. Толку-то всё равно нету. Остаётся только ждать. Если завтра, на комиссии, всё решится положительно, то

послезавтра я выхожу на работу. А это значит, что с чердаком надо заканчивать как можно быстрее. Если же последует отрицательный результат, то... А что то? Я вообще не представляю, чем буду заниматься если меня не допустят до работы. Да и просто-напросто я не хочу думать об этом! Я постараюсь сделать всё от меня зависящее, чтобы меня не признали инвалидом. Я им там, если больше ничего не придумаю, что-то в стиле рок-н-ролла станцую, лишь бы мне разрешили работать. Не могу я бездельничать. Тем более тело молодое, сильное и в какой-то мере тренированное. Живи, работай, люби, расти детей и радуйся каждой минуте своей жизни! Но, а если... Нет не могу даже представить.

Витас, своим холодным носом, тыкается в ладошку. Хочет чтобы я его погладил. Понимает животинка, что у хозяина не всё в порядке и пытается чем-то помочь и если не получится, то хотя бы отвлечь. Хороший пёс. Душевный. Как мне кажется, он для себя уже всё решил, кто в нашей маленькой стае вожак, а кто только пищу готовит. Мне бы его заботы — вовремя покушать, вовремя поспать и бегать, узнавать новый мир, с его запахами и опасностями, всё остальное время.

А чем это таким вкусненьким пахнет? Мы, с Витасом, оба синхронно принюхались и посмотрели друг на друга. Ипическая сила! Это же гороховый суп, с чем-то копчёным, так благоухает. Не сговариваясь, оба, с низкого старта рвём когти в сторону кухни. Я прибегаю первым. Хе-хе. Маловаты лапки у пёселя, отстал он от меня, но это ненадолго. Скоро я буду язык на плечо вешать в попытке догнать лопухого. Первая тарелка моя и она самая вкусная. Эх! Горчички бы намазать на чёрный хлебушек, для полного счастья и зелёного лука парочку перьев сверху не помешало бы. Но что есть и то отлично. А запах...

— Вилор, — интересуется тёща, — а может добавочки?

— Эх, Конкордия Прохоровна, — отвечаю я, — с удовольствием, но тогда я никуда не пойду и чердак не смогу доделать. Я лучше потом, вместе с Маргариткой, ещё порцию съем. А пока и этого достаточно.

Тёща сияет как начищенный самовар. Нравится ей, что мне супец понравился. Только Витас недоволен. Ему горячее нельзя и приходится терпеть до полного остывания похлёбки. Ходит вокруг стола и на меня с упрёком поглядывает. Наверное хочет сказать: — "Как же так хозяин? Это что за подстава? Ты уже сытый, а я только понюхать могу?" и сдерживается, чтобы не залаять от обиды. Но это мои мысли. Ладно, с кормёжкой собакена Конкордия разберётся, а я в город, за супругой. На сытый желудок, немного лень, куда-то спешить, но надо и это не обсуждается. А там глядишь, на обратной дороге, вдвоём зайдём в магазин коопторга. Чего-нибудь вкусненькое купим, на вечер. Как-никак чердачное перекрытие сделали, ну или почти сделали — тут уж как получится. Но, по идее, должны сегодня закончить. Ерунда одна осталась это же эрзац-вариант — чего там такого сложного? Всё основное я сделал. Так что праздник от нас никуда не денется.

Марго, ждала меня возле входа и была настроена очень решительно. Я знаю её и такое её состояние мне тоже знакомо. Не хотелось бы, чтобы на ровном месте возник скандал. Поэтому я очень аккуратно напросился сопроводить жену к преподавателю по строительным материалам.

Отдельной аудитории, по этому предмету не было. Все лекции, в основном, проводились в лаборатории. Это, с одной стороны, даже удобнее. Не надо таскать наглядные пособия туда-сюда. Если необходимо что-то объяснить, по текущей теме, всё находится под рукой. Ну а про лабораторные работы я вообще не буду говорить и так всё понятно. Когда мы с Ритой спустились в подвал, я ни грамма не удивился. А что? Где ещё может находиться

лаборатория строительного техникума — как не в подвале? Вот и я про то.

С пещерой Аладдина, я эту лабораторию сравнивать не буду. Но для понимающего человека это было где-то рядом. За что уважаю Советский Союз, так это за отношение к обучению. Трудно представить, на дворе только-только закончилась самая страшная война в истории человечества, а тут, в подвале какого-то техникума в небольшом городке, чего только не было. В общем, как сказал один герой фильма: — «Это я удачно зашёл!» и с ним не поспоришь. Честное слово не ожидал. Теперь бы договориться, чтобы разрешили попользоваться оборудованием, недолго. Деньги предлагать это не по комсомольски, а вот заинтересовать чем-нибудь это по нашему. Единственное, что я не увидел это любой из молотков для определения прочности материалов. Не было ни молотка Шмидта, ни молотка Кашкарова. Эти универсальные приспособления, позволяют определить прочность без лаборатории. Но, наверное, их ещё не придумали. Ну не помню я точно, в каком году они появились. Только так я могу объяснить их отсутствие.

Пока я ходил и рассматривал ассортимент лаборатории, Рита договорилась о передаче. К концу разговора, я и подключился. Преподаватель Сергей Анатольевич Кузнецов оказался увлекающимся человеком. И мы с ним довольно быстро нашли общий язык. Мне не хотелось бы раскрывать секреты изготовления и уж тем более нормы расхода материалов. Поэтому, я просто попросил, о возможности провести испытания нового образца строительного материала. И конечно же получил шокирующий ответ от преподавателя:

— Все строительные материалы давным-давно известны.

Смотреть, на сияющую физиономию Сергея Анатольевича, мне не понравилось. С другой стороны, раскрывать тайну когда-нибудь всё равно придётся. Но желательно это сделать после выполнения моего задания. Пришлось ответить:

— Так уж получилось, что я, на данный момент, пытаюсь получить что-то новое. Пока говорить о успехах преждевременно. Но, если вдруг, то можно обратиться?

— Что ж, — с долей превосходства и не прекращая улыбаться, произнёс Кузнецов, — хотелось бы сначала взглянуть на образцы, когда они появятся. И тогда уже можно поговорить о проведении испытаний.

Блин! Сколько раз, я себе говорил, не лезть вперёд не подготовившись. Теперь и назад не отступить и вперёд идти чревато. Хорошо хоть удалось отсрочить, а потом чего-нибудь придумаю. Уф! Да-с... Одно успокаивает, что предварительное разрешение получено. А там разберёмся. По идее, я могу приблизительно определить марку кирпича с помощью простого слесарного молотка определённой массы. Есть такой метод. Но мне-то нужны точные результаты. Так что этот вариант не подходит. Хотя, для начала и как первоначальный шаг в исследовании, можно попробовать. Просто чтобы понять — стоит или не стоит продолжить изготовление кирпичей. Ладно, дома разберусь с утеплением чердака и тогда попробую.

Домой шли, как я и загадывал, через коопторговский магазин. Рита ни о чём не спрашивала. У неё голова была забита предстоящей передачей, а я этим нагло пользовался. Понакупил всего, но понемногу. Холодильник мы до сих пор не приобрели, так что сроки хранения надо учитывать. А если взять, что в этом времени не применяются, всякие там консерванты, то пришлось брать вкусняшки, с учётом нашего аппетита. То есть, я взял столько, сколько можно съесть за сутки. На большее время рассчитывать опасно. Особенно это касается эклеров. Сколько раз слышал о отравлениях этими пирожными. Так что лучше не рисковать, ведь если нужно, то всегда можно купить ещё. Для этого я даже мотоцикл заводить не буду — хватит велосипеда. Тут ехать-то всего-ничего.

Как я и обещал теще, по приходу домой судовольствием съел ещё одну тарелку супа. Рита от меня не отставала и тоже кушала с огромным аппетитом. Потом попили чаю с вкусняшками. Отметили небольшой и неожиданный праздник. Немного отдохнули и я занялся чердаком, а Рита с Конкордией ушли. Там чего-то у тёщи надо было помочь. Да и ладно, мне же лучше. Никто не мешает и никому ничего на голову не упадёт.

Забить гвозди, по паре шпук на доску, да подравнять отпилив лишнее — это работы на час. Справился и даже не вспотел. Повезло с высотой чердака, можно ходить в полный рост. При другом раскладе было бы сложнее. И что-то я опять не рассчитал со временем и поэтому пергамин раскатывал почти в темноте. Осень, чего тут сделаешь, темнеет рано. Слава богу справился, хотя и не без неудобств. Теперь передо мной встал вопрос: продолжать или отложить это дело на завтра? Как-то мне прямо-таки претит укладывать солону при свете керосиновых ламп. Тут, вся моя прорабская сущность криком кричит запрещая это делать. Да и вообще — технику безопасности никто не отменял. Жаль, конечно, что не удастся закончить сегодня. Но и рисковать я не буду. Мне завтра на медкомиссию идти и об этом не надо забывать. Не хватало прийти, помимо того что раненый в пузо, так ещё и обгоревшим. Нафиг-нафиг я не балбес, хотя постоянно в этом сомневаюсь.

Раз уж такое дело, то можно заняться чем-то ещё. Например, облагородить и основательно перебрать ступени лестницы на чердак. А-то шатаются и грозятся развалиться при первой возможности и в этом деле керосиновые лампы только в помощь. Чем и занялся пока Марго не пришла. Пришлось заниматься с ней примерами расчёта водоцементных отношений в прямом смысле и без всякого подтекста. Я же обещал! Вот и выполняю, стараясь научить, на что, в первую очередь, обращать внимание. Самое смешное, что чуть не раскрылся из-за этого. Ну откуда шестнадцатилетний детдомовец может знать такие тонкости? Вовремя сообразил и отвлёк новыми заданиями. В общем — загрузил Марго по полной программе, чтобы даже не думала ни о чём кроме правильного результата.

А там и ужин подоспел. И опять нас кормила тёща. Только, в этот раз, она предварительно постучала в дверь. Наверное думала, что мы тут чем-то другим занимаемся. Но когда вошла, то ничем этого не выдала. Хоть и приглядывалась во все глаза, пытаюсь найти подтверждение своим мыслям. Да и пусть думает, что хочет, если ей так спокойнее. Главное, что пшеничная каша, на молоке и с мёдом, была объединенная. Я как-то забыл, что у нас медовый месяц, а тут принято, в этот момент, пихать мёд во все кушанья. Собственно отсюда и это название. Да я и не против, и обеими руками только за! Только, если я прочувствовал весь богатый вкус нашего ужина, то Рита проглотила кашу и, по моему, не обратила ни на что особого внимания. У ней, все мысли сейчас занимает кривая Беляева, по которой я ей объяснял суть водоцементных отношений. А что? Меня также учили. Зато никаких проблем больше не должно возникнуть при решении такого рода заданий.

Конкордия ушла и мне пришлось её проводить держа в руке керосиновую лампу. Иначе дорогу ни грамма не видно. Темень полная из-за пасмурного неба. Ну и отсутствие электрического освещения, на улице, тоже сыграло свою роль. Ничего, буквально через пару лет тут будет всё: освещение, водопровод и ливневая канализация. Заживём, как нормальные люди. А пока можно и потерпеть. Что я не смогу тёщу любимую до дома проводить, что ли?

Дома меня не ждали. Жена сидела за столом и что-то чертила пальчиком на столешнице, не обращая ни на что внимания. Витас вообще спал, объевшись каши и напившись молока. Пришлось применять крайние меры. Мне не трудно подхватить жену на

руки и оттащить в постель. Где популярно ей объяснить, в чём разница между графиком Малюги и кривой Беляева, если рассматривать их с позиции Камасутры. И так продолжать до тех пор пока материал не усвоится окончательно.

Утро среды было совсем отвратным. Дождь лил как Ниагарский водопад. Нос на улицу было страшно показать. А чтобы самому выйти это было сродни эпическому подвигу. Утонуть лучше в реке, чем в луже возле крыльца собственного дома. Но медкомиссию никто не отменял и тоже самое можно сказать про учёбу в техникуме. Так что пришлось метаться по дому изображая утреннюю зарядку, а попутно будить Марго. Что-то она сегодня разоспалась и ни в какую не хочет вылезать из кровати. Видимо, построение графика Малюги её вчера добил окончательно и лишил последних сил. Жалко будить честное слово. Но есть такое слово — надо! Разбудил и пошёл растапливать печь.

Как ни странно, но по ощущениям в доме было гораздо теплее, чем прошлым утром. Даже как-то порадовался своей смекалке. А что будет если ещё солома ляжет сверху на пергамин. Пока, я только защитился от сквозняков, если можно так сказать. Создал преграду между вторым этажом и чердаком. Тоненькую мембрану сделал, которая не спасёт от перепадов температур. А вот, когда ляжет солома, тогда уже можно будет сказать, что это очень похоже на теплоизоляцию. Фиговую и, как было сказано раньше, скорее эрзац-вариант, но всё же лучше чем было раньше.

Работающая печь добавила тепла. В свете керосиновых ламп Рита нарезающая бутерброды смотрелась очень импозантно. Я бы даже мысленно добавил, что футуристичная и, одновременно, необыкновенно манящая картина. Эротично, сексуально и, с какой-то стороны, опасно — что ли? Вслух такое, я не скажу никогда, мне ещё на медкомиссию идти. И тут-то, прямо в момент этих размышлений я вспомнил, что мне нужно прийти в больницу голодным. Так что вся эта готовка пролетает мимо меня. Мне ничего из того, что сейчас очень красиво нарезает и готовит Рита нельзя. Я должен прийти в больницу на голодный желудок. На минуточку я завис, осмысливая степень постигнутого мной горя. И мне вспомнилось ещё несколько условий, которые мне озвучил терапевт. Это всё — конец моей карьере! Я нарушил всё что мне говорили. Ну кроме голода, конечно, если это ещё может спасти моё положение. Я уставший и не выспался. И неизвестно, чем мне это может грозить, перед лицом кучи разнообразных врачей. Кто знает, для чего нужно быть именно отдохнувшим и, именно хорошо выспавшимся. Для работы в космосе? Так вроде это ещё не скоро будет или я опять чего-то не знаю? Глядя, на счастливую Риту, я сразу не смог ей рассказать о запрете терапевта. Она ведь старается для меня. Если бы я вчера об этом вспомнил и сказал — это одно, а сейчас, прямо вот, так в момент готовки — как-то это, даже слов нету. Мой наставник, в той жизни, как-то упомянул слово некузяво. По моему это именно оно, то что подходит как раз, для такой ситуации.

Марго только через пятнадцать минут обратила внимание, что я стою и не сажусь за стол. Всё, надо что-то сказать, а мыслей хороших нету. Придётся импровизировать, а то взгляд у моей жены что-то слишком многообещающий. Как бы чего не прилетело...

Глава 20

Риту сегодня проводил до самого техникума. А что? Времени, до посещения больницы, у меня море. Так что почему бы не сделать девушке приятное и не пройтись с ней по утренним улицам Калуги. Погода, конечно, не очень, для прогулок с красивой девушкой, но — почему бы и не пройтись? К тому же Рита сегодня в новом плаще. Надо его выгулять и показать сокурсникам. Вообще-то она молодец. Спокойно приняла мои объяснения, по поводу завтрака. Даже посоветовала, что и в каком случае говорить врачам из комиссии. Но предупредила, чтобы я воздержался от демонстрации своих возможностей, то есть не прыгать и не танцевать и уж тем более не крутить бревно в кабинете. Это что? Мне бревно с собой тащить в больницу? Но я не спорил и со всем соглашался. Красивая она у меня и характер мягкий. Другая бы целый концерт устроила из-за моего отказа позавтракать. Хотя, конечно, поначалу гневно сверкнула глазками и уже хотела чего-то высказать по этому поводу. Но, я прервал эти поползновения, бодрым речитативом объяснив, что от меня требуется, для прохождения медкомиссии. Настроение у жены тут же поменялось.

— Ну, что тут поделаешь, — спокойным голосом начала высказывать своё мнение Рита, — сходишь к врачам, а потом покушаешь. Я тогда, со стола ничего убирать не буду. Рушничком прикроют и порядок.

— Ага, — согласился я, — тогда, ты кушай одна, а я пойду холодной водой обольюсь и полотенцем разотрусь. Чтобы взбодриться немного перед комиссией. Может врачи и не заметят ничего.

Ну да, так и было. Сам удивился, что так легко отказался от завтрака. Впервые наверное с момента моего сюда попадания. Интересно, что по этому поводу говорит наука? А впрочем, мне пофиг. У меня, на сегодняшний день, другие планы. После водных процедур, я вернулся в дом. А там уже присутствовала Конкордия Прохоровна. Как оказалось, у нас в доме нет утюга (не купил я, потому что никто не напомнил), в отличие от тёщи. Так что моим гардеробом временно занимается мама жены. Она принесла то, в чём мне предстоит идти в больницу. А я и не против вроде как. У неё есть чувство стиля и это хорошо заметно по тому как одевается Рита. Мне это даже льстит, что такой специалист следит за моим гардеробом. Так что собрались быстро. Сейчас идём и, я делаю вид что мне всё равно, а Рита увлечённо рассуждает о будущем. Выходя из дома, мы решили, что мне нужно пройтись пешочком. Почему-то нам обоим это показалось очень хорошим решением. Велосипед и мотоцикл сегодня отдохнут. Да и погода не способствует к поездкам.

Идём-то мы идём и действительно прогулка успокаивает, но внутренне я готов взорваться. Только присутствие жены меня сдерживает и не даёт сделать чего-нибудь эдакое. И я, даже, знаю почему это со мной происходит и поэтому, у меня ещё больше претензий к врачам из комиссии. Всё просто — я с утра не смог выложиться на зарядке. Энергия из меня прямо-таки прёт! Организм уже привык к разминке и дозированной нагрузке с утра. А тут, утром, только ведро воды поднял и всё. Вот он и возмущается. Ломает его от недостатка гормонов счастья. А тут ещё и непонятная ситуация с медкомиссией. В общем всё как-то сложилось, что злой я, очень, но делаю вид что всё нормально. Тяжеловато в шестнадцать лет контролировать свои эмоции. Когда техникум возник в поле зрения Марго дёрнула меня за рукав гимнастёрки и спросила:

— Вилор, а может я всё-таки схожу с тобой?

Я в непонятке посмотрел на жену. Чего? Это, когда это мы о таком разговаривали? Или я чего-то пропустил опять, пока шли по улицам? Но пришлось отвечать, а то не хорошо заставлять девушку ждать:

— Да ладно, чего ты? Чего, я сам не справлюсь — что ли?

— Ну вот, — счастливо улыбнулась Рита, — опять ты "чевокаешь". Значит здоров и медкомиссию пройдешь!

Вот ведь! И не поспоришь с этим.

— Да нормально всё будет, — преувеличенно спокойно произнёс я, — ты же знаешь, что я здоров! Может диету какую пропишут и всё, чего там, у этих медиков, положено в таких случаях.

— Только, ты сразу сюда приходи, — смотря мне, прямо в глаза, попросила Рита, — я же спокойно учиться не смогу, пока не узнаю чем всё закончилось.

— Ну, так это само собой, — согласился я.

— Я знаю, что всё будет хорошо, — уверенно сказала Рита, разглаживая невидимые складочки, в районе груди, на левой стороне гимнастёрки. Там находились три значка: "К Почётной грамоте ЦК ВЛКСМ", "Член БРИГАДМИЛ"(смотреть в приложении) и собственно, сам Комсомольский значок. Так уж получилось, что, на утреннем, кухонном совете женская часть выбрала свободно-обыденный стиль в моей одежде. Тёща в этом вопросе спец и не мне с ней спорить. К тому же она, когда-то успела прикрепить все, мои значки, на гимнастёрку и спор сам собой отпал. Надеюсь, что сделала она это правильно. Я как-то не задумывался об этих мелочах. А то, что под гимнастёркой, у меня, зимняя, фланелевая тельняшка — это уже заслуга моей жены. Она настояла и тёща её поддержала. За что ей отдельное спасибо. В общем, не замёрзну в ближайшее время. Ну и, для завершения образа и так как кепка совершенно не смотрелась со всем остальным, я надел лётчицкий шлем. А что? Если планшет на боку, то и шлем, правда без очков, вполне себе пойдёт. Вид у меня, короче, был пинпек какой положительно-комсомольский согласно нынешним веяниям моды. Не знаю правда, как мы смотрелись вдвоём со стороны, но надеюсь, что не слишком по идиотски. Ещё и зонтик этот дурацкий. Всё вроде ничего, но Рита почему-то решила, что он мне нужнее. А зачем мне это зелёное чудо? Был бы чёрный — это ещё куда ни шло, а зелёный — ну совсем не мой цвет. Да и дикость какая-то получается: пацан в полувоенной одежде, с планшетом на боку и ремнём на поясе, в лётчицком шлеме и вдруг — с зелёным зонтиком?! Я что — маскируюсь в лесу что ли?

— Я не этот, который, а совсем даже нормальный и мне с зелёным зонтиком как-то не комфортно, — так я жене и сказал.

Смеялись все. Оказывается, пока мы стояли, возле нас собралась небольшая толпа студентов. А мне, из-за этого смеха, стало вдруг спокойно и хорошо. Настроение, прямо на глазах, стало хорошеет и вся внутренняя напряжённость куда-то потихоньку исчезла. Отсмеявшись, попрощались и я пошёл в больницу. А зонтик, всё равно не взял!

Путь до больницы проходил через центральный рынок. Но я, помня о предупреждении терапевта, даже не посмотрел на пирожковые ряды и прошёл мимо. Хотя это не помогло — мне хватило запахов, чтобы желудок вспомнил о своём предназначении. И подтверждая, что он принадлежит настоящему комсомольцу, славному потомку тех кто творил Октябрьскую революцию. Этот орган моего тела решил исполнить "Интернационал" а капелла. Ну, по крайней мере, мне так показалось. Очень было похоже. А что? Я голодный между прочим и

со вчерашнего вечера ничего не ел. И у меня молодая жена и я половину ночи ей доказывал что её люблю! Так что мне простительно. Вот только — нафиг я таким путём пошёл? Есть же другой. Пусть чуток подлиньше, но зато без всяких там соблазнов.

Пока шёл, пытался понять — зачем мне нужно быть голодным? Экспресс-анализы, в этом времени, ещё не умеют делать. Как врачи будут что-то определять? Я же не первый раз иду и что-то не припомню о таких вещах. Ну не получается у меня законченная картинка того, что будет происходить во время медкомиссии. Зачем голодать? Не пойму. Ладно, посмотрим и уже скоро.

Возле двери терапевта никого не было. "Хороший знак!" — сразу подумал я. На часах, сбоку от кабинета, было ровно десять часов. Так что, ни грамма не сомневаясь, я подошёл и постучал в дверь. А что? Надо сразу всё решить. А то знаю я этих докторов — будут меня мариновать в коридоре, вместо того чтобы осмотром заниматься. Не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь и заглянул в кабинет. Ну что сказать, как мне кажется вся толпа, что будет изображать комиссию, присутствует. И если я чего-то или кого-то не заметил, то в данном случае это не страшно. Зашёл без приглашения. Встал посреди помещения и смотря на терапевта стал ждать — что мне, наконец-то скажут.

— Вообще-то у нас здесь совещание, — грозно глядя на меня, произнёс какой-то врач(первый раз его вижу), — выйдите пожалуйста!

— А это, как раз Вилор Тихий, — улыбнулся краешком губ терапевт в сторону говорившего, а потом уже обратился ко мне, — подожди в коридоре, тебя вызовут.

Вот ведь! Вышел, чего уж там. Сел на широкую скамейку, что стояла в коридоре и стал ждать... А ведь так хорошо всё началось! Что тут сказать? Это были полчаса моей внутренней нервогрёпки. Тридцать минут сумасшедшего ожидания. Тысяча восьмьсот секунд за которые моё настроение постепенно, пошагово опять перестало быть нормальным. Да что там говорить, я заколебался смотреть на часы, ежесекундно ожидая вызова в кабинет терапевта. Я изучил все плакаты с наглядной агитацией, что висели в коридоре и не один раз. Это было очень не просто. И когда из-за двери раздалось:

— Тихий! Заходите!

Я подскочил, расправил все складки на одежде, снял ненужный шлем и убрал его в планшет, пригладил шевелюру, внутренне взбодрился и, чуть ли не строевым шагом, вошёл.

Семь чудаков(и ни одной женщины?) медицинской принадлежности, всё в белых халатах уставились на меня. Не в армии — так что рапортовать о прибытии не буду. Я лучше подожду, чего мне скажут. Сказали:

— Раздевайтесь, товарищ Тихий.

Собственно, как я и предполагал, всё было решено заранее. Сорок минут моего осмотра всеми, поочерёдно, вкуче с дурацкими вопросами, были спектаклем. Я даже стал догадываться из-за чего и зачем мне было рекомендовано прийти голодным. Я чуть не потерял сознание, когда меня попросили десять раз присесть с максимальной скоростью. Не упал, слава богу, но голова закружилась и я ощутимо покачнулся в сторону. Да, блин! Тут любой покачнётся, без подготовки. Потом были ещё несколько экспериментов, той же направленности. В результате которых меня признали инвалидом, с правом работы без тяжёлых физических нагрузок. Предпочтительнее всего любая сидячая работа в тёплых помещениях, с ежечасной десятиминутной разминкой. Ну и совсем, раз уж такое случилось, ненужная информация о годности к нестроевой службе в военное время.

Всё это, как-то странно, повлияло на меня. Я вроде как был тут: получал справку для

собеса, письменные рекомендации по диете, отвечал на вопросы, подписывал какие-то бумаги — а с другой стороны: я пытался вообразить — что сказать Марго и куча картин, что последует когда я скажу правду. Только на улице более-менее очнулся и то, после десятиминутного стояния возле входа. Голова была пустая как барабан. Чтобы хоть что-то сделать и не стоять как столб, я не спеша пошёл по улице. Неожиданная мысль пришедшая в голову, мне понравилась и я решил, что надо так и сделать. У меня образовался, какой-никакой но минимальный план. Первым делом я пошёл в институтскую столовую. Раз уж вся хрень случилась, то надо хотя бы пожрать — назло всем врачам. Ну и подумать над дальнейшими действиями. Но на полпути, каким-то неведомым образом, мои мысли поменяли направление. Я вдруг вспомнил, что дома есть нормальная еда и она меня ждёт. Пошёл домой... и опять, через небольшой промежуток времени, я вспомнил, что обещал Марго сначала зайти к ней. Пошёл в техникум. Пока шёл, зачем-то решил вернуться в больницу. Короче, меня мотало как известную субстанцию в проруби. Ничего не хотелось и, с другой стороны, было убеждение, что надо срочно что-то сделать. Идиотизм натуральный — в полном смысле этого слова. Потому что я не понимал, что я делаю и возникало такое ощущение, что мною управляют. Только кто и зачем — непонятно.

Более-менее пришёл в себя на лавочке позади техникума. Это там, на аллейке, за которой находится Монетный двор. Другого места, чтобы посидеть, не нашлось. Отсюда хорошо можно услышать звонок на перемену и пойти встречать Риту. Она, наверное, каждый перерыв выбегает на улицу, чтобы посмотреть здесь ли я. Волнуется и переживает, а я как балбес хожу кругами не знаю что говорить. Ей-то что, она всё давно для себя решила. Эх! Звонок! Надо идти ко входу. Увидел её, выходящую из дверей и почему-то вспомнилась старенькая песня группы "Секрет", там были такие строчки:

"Рита знает обо всем:

Что к чему, и что почему.

Рита мчится по делам,

Рита тут и Рита там..." — а вот и она, только не идёт, а бежит. Смотрит на меня с ожиданием во взгляде. Слова сами собой застряли в глотке. Но и молчание не выход! Вот только, как бы помягче до неё эту дурацкую новость, о инвалидности, донести? Ведь она думала, что выходила замуж за здорового человека, а на самом деле, получается так, что за инвалида.

Пятиминутный перерыв между лекциями окончился быстро. Только и успели, что незаметно, как нам казалось, поцеловаться и грустно помолчать остаток времени, после того как я всё рассказал. Утешения я вообще не приемлю. Они не помогают ни в одном случае. Всё уже произошло, чего утешать-то? Зачем? Надо искать решение, а не заниматься всякой ерундой. Рита наверное об этом догадалась и ничего мне не говорила. Только, прямо перед тем, как вернуться на занятия в техникум, посоветовала идти домой и хорошенько позавтракать. Потом обязательно отдохнуть и, к шести часам, приехать на мотоцикле за ней. Я ещё удивился, чего это ей захотелось на мотике покататься? Вроде, всегда была против. Да и сидеть там, на багажнике, по-нормальному не получится. Она же в плаще и с зелёным зонтиком. Ладно, раз жена попросила, то муж просто обязан выполнить. К тому же мне не трудно.

Появился хоть какой-то смысл в жизни. Чего-то там насвистывая, из раннего творчества группы "Ария", я поспешил домой. Надо доедать завтрак, не потому что очень хотелось "а токмо волею пославшей мя супруги!" и не поспоришь с классиками. Но если смысл

появился, то фиговое настроение никуда не делось. Посмотрю на это дело после завтрака. Мне-то ещё кучу дел надо переделать. Одно утепление сколько времени может занять и это не считая, что надо бы в собес появиться, насчёт пенсии. А что? Раз уж сделали инвалидом, то пусть пенсию платят, чтобы всё по закону было. Время, конечно не то, когда за тунеядство могли в тюрьму посадить, могу, даже, на эту тему не переживать, но если справка есть то и пенсия пусть будет. Всё честно.

Пока завтрака один, всё было ничего. А вот когда пришла Конкордия Прохоровна, всё как-то изменилось. И, между прочим, не в лучшую сторону. На душе и так было не очень хорошо, а тут прибавилось тещиных переживаний. Нет, я её прекрасно понимаю и то, что её дочери теперь предстоит жить с инвалидом — это понятно. Но зачем сидеть и озвучивать всё это в минорно-загробном стиле? Могла бы выйти на улицу и там потихоньку поскулить, где-нибудь за сараями. Мне бутерброд чуть поперёк горла не встал, когда я в третий раз услышал:

— Ой, Вилорчик! Что же теперь делать-то? Как же вы с Ритулей жить-то будете? Это ж, ахти какое горе-то!

Пришлось мне, со всей ответственностью, заявить, первое что пришло в голову (обыкновенно это и бывает самое правильное решение). Тут главное не переиграть и говорить с уверенностью, а не лекторским тоном. Вот я и выдал:

— Ну, что вы, Конкордия Прохоровна такое говорите? Всё не так уж и плохо. Зато я, со спокойной совестью, могу подготовить наш дом к зимнему сезону. Мы же все хотим жить в тепле, да? А попутно, в свободное время и как можно быстрее, оформить пенсию. И ещё хочу напомнить, что эта, моя инвалидность лишь на один год! Вот! Я ещё поборюсь с этой комиссией за своё здоровье, — видя что мои речи не приводят, пока, ни к какому положительному результату, я выдвинул ещё одну убойную версию, — да и в армию, теперь, мне путь заказан. Не возьмут меня на действительную срочную службу по причине моей инвалидности. Буду дома с женой детей воспитывать. Вот!

Тёща наконец-то обратила внимание на мои слова. Видимо она, где-то в глубине души, очень переживала о моей возможной службе и я заставил пересмотреть эти её переживания. Да и слова о детях, что-то там переключили в голове. Голосить она перестала, но грусть из глаз никуда не делась. Вот что с ней делать? Я даже не представляю. Надо поскорее Марго из техникума привезти. Пусть вдвоём сидят и переживают, а я делом займусь. Что у меня дел, что ли нету? Вон, чердак, до сих пор неутеплённый стоит. Надо продолжить и закончить в конце концов.

Конкордия Прохоровна продолжила что-то выговаривать сама себе под нос. Мне тут, на кухне, делать было нечего и я поднялся на второй этаж, чтобы проверить соломенные валки. По идее — всё готово к укладке. Нужно только обувь специальную найти. Это чтобы не продавить или не прорвать пергамин. Лучше всего, в таком случае, подойдут валенки и желательно на пару размеров больше. Только где из взять? Проблема. Блин! Надо опять на рынок ехать, а так не охота. Погода вроде наладилась и, даже, солнышко иногда показывается, но всё равно прохладненько и сыро. Надо и неохота одновременно. Дурдом прямо какой-то. И опять мысли о инвалидности навалились. Всё это опять понизило градус моего настроения. Теще хорошо. Она тут посидела, пострадала фигнёй и смылась к себе домой. А мне что делать? Знаю, что работа прекрасно справляется с любой проблемой, но что-то как-то не в этот раз. Не то, чтобы я отказался от дела. Но была уверенность, что могу просто всё испортить. Укладка валков соломы в ряды плотно и по всей поверхности чердака

это хоть и простая, но всё-таки требующая внимательности и аккуратности работа. Допусти небольшую ошибку и всё — вся работа насмарку. Не хотелось бы.

Вышел во двор. Тут можно спокойно посидеть и подумать на свежем воздухе. Особенно это хорошо получится за сараями, где куча брёвен лежит. У меня этот пяточок земли, теперь выступает эдаким местом силы. Где можно спокойно посидеть, подумать и привести мысли в порядок. А что? От городского шума защищают стены сарая, а с реки звуки не доносятся из-за крутого склона. Тишь и благодать одни. И это днём, а что будет если вот так звёздной ночью посидеть? Надо попробовать и обязательно вместе с Марго. Она у меня девушка впечатлительная, думаю ей понравится.

Всего-то десять минут прошло, а как-то легче стало. Мысли уже не о инвалидности, а о том что делать с этим. Как использовать то, что даёт это "звание" с полной отдачей? У меня же появилась куча свободного времени! Можно все свои задумки попытаться превратить в жизнь. Да чёрт возьми, можно что угодно сделать! А если кто-то и будет недоволен, что я что-то там нарушаю и делаю вещи которые нельзя делать инвалиду, то пусть меня лишают этого звания. Я не против! Только двумя руками за! Вот так! Хрен вам в печень и монтажный лом в зад, до кучи! Вилора этими условностями не остановишь и я ещё покажу всем, что значит злой до работы прораб!

С таким настроем, я вдруг вспомнил, как, в той жизни и каким способом, боролся с такими вот дурацкими проблемами. Ничего сложного. Был у меня там мотоцикл "Ява". И если возникали какие-то непонятки в жизни, которые невозможно решить простым способом, то я просто садился за руль мотоцикла и вперёд! Пофиг куда! Лишь бы быстро и ветер в лицо! По трассе и обгоняя всех и вся! Да-с... А дороги были, в середине восьмидесятых, очень, как бы сказать поточнее, советские — что ли? Уже через сорок километров адреналин аж из ушей хлестал. Какие тут нафиг проблемы в жизни, тут живым бы остаться прямо сейчас. Зато домой возвращался спокойный и рассудительный как Иисус Христос на последнем ужине со своими учениками.

Мотоцикл у меня есть. Не "Ява" конечно, но всё же. Попробовать что ли? Шлем, очки надеть обязательно и сапоги тоже. Тут, после дождя, грязи как гуталина на гуталиновой фабрике. Да и асфальт пока на межгородских трассах отсутствует. В основном грунтовые покрытия и то не всегда. А куда ехать, потом решу. Главное чтобы быстро. Ну и рванул, для начала, по набережной в Калужский бор.

Сам не заметил, как долетел до Росвы. Это на велосипеде долго, а на мотике, да во взвинченном состоянии, получаса не прошло как я уже там. Отдышался и решил проверить, тот самый немецкий склад с оружием, раз уж рядом оказался. И каким же было моё удивление, когда я увидел что там было. Склад оружия был... Но не было его содержимого, короче. Кто-то аккуратно разобрал завал из поваленных деревьев и рухнувшей земли. Не нарушая общей картины и не оставив явных следов было вынесено всё! Вплоть до кусков ржавой колючей проволоки. Может быть, если поковыряться в земле и можно будет чего-нибудь найти, но я не стал этого делать. Фиг знает кто тут поработал. Мне всяких ловушек на проникновение только не хватало. Рванет и собирай Вилора по кускам в зарослях прибрежных. Нафиг-нафиг. Не сапёр я, а строитель. Хоть и немного специфический. Я лучше домой поеду, а там уже буду думу думать, кто это такой хитрый нашёлся. Это ж надо знать где копать-то? Я никому не говорил и это точно. Да и зачем мне кому-то рассказывать о оружии? Чтобы лишний срок себе добавить. В той жизни этот склад нашли только в двухтысячных. А о чём это говорит? О том что я, всё-таки, наступил на бабушку Брэдбери

или на бабочку, не помню точно? Или за мной, каким-то неведомым образом, ведётся наблюдение? А кто и зачем этим занимается? Вопросы, вопросы, вопросы. Настроение, который уже раз, за этот день, упало ниже плинтуса. Что-то в последнее время мне патологически не везёт. И это не нормально. Даже лечение с помощью мотоцикла не помогает.

Обратно я возвращался соблюдая все правила дорожного движения. Если здесь есть такие. А то я, что-то не удосужился уточнить у знающих людей, об этом. Езжу как придётся и только гужевой транспорт объезжаю стороной, а на остальных внимание не обращаю. Да и где тут чего-то соблюдать? Машин катастрофически мало. Дай бог десять-пятнадцать машин за всю дорогу встретится и то не точно. Я специально не считаю. У меня других забот до фига. Мыслительный процесс идёт в авральном режиме и выводы неутешительные. И я сейчас выбираю что сделать в первую очередь.

Подъезжая к мостику через речку Яченку, наконец-то определился, чем заняться в первую очередь. Я решил проверить ещё один, свой схрон с оружием. Тот что на кладбище находится. Если и там не всё в порядке, то это сразу много объяснит. Вот сейчас и посмотрим: прав я или не прав. А вот выводы буду делать дома. Мне тут и ехать-то всего-ничего, зато польза будет ощутимая. И всё равно что дорога вверх идёт. Это ж мотоцикл, а не велосипед — ноги гудеть не будут. Десять минут и я на месте. Мотоцикл оставил возле церкви Петра и Павла, а сам пешочком отправился до известного места.

Мои опасения оказались обоснованы. Из ящика исчезли все бутылки с зажигательной смесью и почти все гранаты. Осталась только одна и то она была приведена в боевое положение. То есть выступала в роли ловушки. Я не балбес и на такие простые вещи не клюю. Ничего лишнего трогать не трогаю и вообще прошёл-ка я домой. Что-то мне в последнее время всё чаще и чаще всякие ловушки попадаются тут и там. Это точно неспроста и значит надо срочно домой. Есть у меня предчувствие, что и дома не всё в порядке. Надо бы проверить.

Предварительно я сделал круг по частному сектору. Попытался обнаружить слежку, но ничего не увидел. Или за мной следят профессионал, или слежки нет. Ну не разведчик я! Я простой советский прораб, в конце концов, и дилетант в этих шпионских играх. Зато на душе стало чуть-чуть поспокойнее. Даже, можно сказать, такой приличный камешек с груди упал. Дышать стало легче и мир приобрёл другие краски и расцветку. А вот приближаясь к своему дому, я узрел какое-то непонятное оживление, а так же знакомую машину "Победа". "Ого! — подумал я, — меня кажется уже встречают и по моему не с целью наградить!"

Глава 21

Завёл мотоцикл во двор в полной тишине. Людей было много, знакомые и не очень знакомые, все они смотрели на меня. Смотрели и молчали. Ждали наверное, чего-то. А я-то не в курсе, чего это они тут собрались, ну и, тоже, всё делаю молча. Хрям его знает, может они меня выселять собрались. Я же не законно этот дом приобрёл, вот и припёрлись толпой — восстанавливать социалистическую справедливость. Молчу, а в голове-то различные предположения сменяются одно на другое и это всё со скоростью пулемёта. И главное то, что Марго нигде не видно. Она бы точно не молчала бы, а очень даже наоборот. Да и Витаса что-то не видно и не слышно? Обычно этот неугомонный и заводной пёсель, как олень носится и лает, а тут примолк чего-то? Интересненько. Тут очень знакомый, но, в этот раз, не очень приятный голос с визгливыми интонациями возопил:

— Ты что опять учудил! Я тебя прямо сейчас прибью, гад такой!

Ну и сразу же мне по спине заколотили маленькие кулачки Катерины и посыпались обвинения, как пулемётная очередь:

— Ты где был? Мы тут! А он там! Да как ты мог?! Ты что удумал мальчишка?! Ты же комсомолец! Где ты был?!

Не люблю, когда мне по спине бьют. Поворачиваюсь и хватаю руки девушки. Ну и заодно пришлось как-то гасить этот фонтан красноречивых высказываний. Не придумал ничего лучше, как обвинить её в некомпетенции:

— Кать, ты повторяешься.

— Что? — с поднятыми руками Катя застыла и смотрела на меня, — Ты меня ещё учить будешь?

— А чего это всё собрались? — делаю вид, что мне пофиг на всё, произнёс я, — вроде праздников ни сегодня, ни в ближайшее время не ожидается?

— А мы... — начала говорить Катерина, но её резко прервали. Все, почему-то выбрали именно этот момент, чтобы поздороваться со мной. Ну и спросить о здоровье, тоже. Гурьбой, а по другому и не скажешь, навалились на меня и только успевай отвечать, да жать руки. Одно было непонятно — они так радуются или готовят меня к чему-то? В общем: досталось мне и моей тушке. Как я выжил в эти несколько минут, не знаю. Но невероятными усилиями и каким-то чудом я пробрался к крыльцу. Здесь был Собкин и он точно в курсе всего происходящего. Пока народ шумно обсуждал чего-то, мне удалось быстро переговорить с лейтенантом и вникнуть в проблему. Да уж... Если вкратце, то тёща у меня молодец, но иногда, всё принимает очень близко к сердцу. Не понравилось ей моё настроение, когда я из больницы вернулся. Вот и учудила со всем своим старанием. Ей почему-то показалось, что я самоубиться решил. С чего она это взяла я не знаю, но итог вот он — толпа народа во дворе и все ждут когда я всё объясню. Пришлось прибегнуть к функции "помощь друга" и обратиться к Собкину. Хотя, я со стыда хотел провалиться сквозь землю. Меня заподозрить в самоубийстве? Нонсенс! Чтобы отвлечься от грустных мыслей я попросил товарища лейтенанта поговорить с людьми и всё им объяснить. Собкин показал мне, что всё понял. Посмотрим.

Слава советской милиции, лейтенант оказался прекрасным оратором. Такую красивую речь с крыльца толкнул, что я сам невольно заслушался. Всё по полочкам разложил и

объяснил. А там и я, тоже, чуть-чуть высказался. А что? Люди ведь собрались, вот и пришлось несколько слов добавить. Ничего такого, но некоторые моменты, от себя, добавил. Особенно делал упор, на то, что мы с тещей не поняли друг друга. Ну и ещё, я её поблагодарил за такую отзывчивость, оперативность и скорость принятия решений.

Когда все более-менее успокоились, на крыльцо забралась Катерина и тоже внесла свои коррективы в происходящее. Ну а что? Ей можно и не такое, как-никак половину пришедших она позвала. Как только смогла? Ладно Лёва рыжий с друзьями эти там недалеко от вокзала обитают, а вот ребята с Монетного двора откуда взялись? Потом поинтересуюсь. А сейчас теща, чувствуя вину за собой, решила устроить массовое чаепитие. И для этого, всех кто хочет пригласила в дом. Ну и нормально вроде. Только один вопрос остался нерешённым — где Марго?

Мне это сразу не понравилось. А раз уж Катя занималась оповещением, то и спрос с неё. Эта убеждённая на всю голову комсомолка, ничего не смогла ответить и только твёрдо стояла на своём — она посылала кого-то в техникум за Ритой. Кого не помнит, тут много народу было, но точно отправляла. Я не выдержал и херакнул по столу кулаком:

— Так! Я по бырому смотаюсь в технарь, а вы тут плюшками балуйтесь и не скучайте!

Всё, что мне кричали, говорили и пытались донести, я не слушал. Просто делал то что должен. Мне даже переодеться не пришлось, всё давно было надето. Только и нужно, что мотоцикл опять выкатить на улицу. А уж там — держите меня пятеро! Догоню и перегоню!

Мчался по городу по самой короткой дороге. А и ничего, главное чтобы никто под колёса не попал, а там разберусь. Старая Калуга это куча маленьких улочек и переулочков, не считая всяких там проездов у которых даже официального названия нету. Вот я по таким и шпарил. Было бы лето, всё было бы хорошо. А так как осень на дворе и дождь идёт каждые полчаса, то лужи встречаются постоянно. В общем, пока доехал, стал похож на статую всадника, только очень грязную.

В сам техникум меня не пропустили. Вахтёр набросился как Цербер и остановил меня у вахты. Внешний вид ему, видите ли не понравился! Как я его не убеждал, что мне только спросить — ни в какую ничего не получилось. А мне бы только узнать у её сокурсниц, во сколько Рита ушла и всё. А с кем и куда — я потом разберусь. Зато удалось его немного разговорить, о внутренних порядках. Ну я же, в той реальности, сам чутка поработал на такой же работе. Так что знаю как и что спросить. Не без труда, но всё же выяснил, что группа в которой занимается Марго на сегодня закончила обучение. Но ключ от аудитории, в которой была их последняя лекция, пока ещё не сдали. Всё возможно, что студенты с преподавателем задерживаются. Такое бывает и уж тем более если это последняя пара. Вроде бы я должен успокоиться, но не тут-то было! Столько всяких предположений в голове возникло, что, о каком-то спокойствии, речи не идёт. Блин! Да я тут весь, как взведённая пружина и уже не знаю, что сейчас сделаю! Балбес я! Надо было потихоньку проскочить мимо, так нет попёрся в лоб. Вот и стой тут кукуй, как лось неприкаянный! Зла не хватает, честное слово!

Студенты по одному или небольшими группами проходили мимо вахты. Не все шли по домам, некоторые возвращались, видимо выходили курить или наоборот подышать свежим воздухом. Мне это очень быстро надоело. Я стал спрашивать у проходивших о Марго. Но, как назло, никого не было из её группы. Что, чёрт возьми, происходит? Какого фига? Честное слово, если бы не вахтёр... И даже не так — если бы не его награды на пиджаке, я бы силой прорвался в корпус техникума. Но ветеранов войны я уважаю и ни в коем разе не пойду с

ними на конфликт. Поэтому стою как балбес и жду. Хотя уже заколебался и мысли всякие нехорошие образуются. Время уже подходит к шести часам вечера. Скоро темнеть начнёт, а я до сих пор не знаю — здесь Рита или нет?

Нервы у меня не железные и я решился на небольшую авантюру. Выловил одного студентика, он как раз возвращался с перекура, и попросил пойти до нужной мне аудитории. Там глянуть на народ и, если удастся, вызвать к вахте Марго Тихую. Если она там, конечно. И обязательно, в любом случае и даже если её там нет — обязательно прибежать сюда и всё мне рассказать. Пришлось пообещать червонец, а иначе никак не соглашался этот курильщик фигов.

Мне кажется, что эти несколько минут ожидания тянулись целую вечность. Но, в конце концов, парень примчался и сразу напомнил о деньгах. Блин! У него случайно в родственниках, какой-нибудь представитель торговой мафии не затесался? Я вроде не давал повода, что могу обмануть. Фигли сначала не успокоить меня?! А уж потом, можно и про оплату поговорить! Но вести, после того как я отдал банкноту, успокоили меня. И пофиг на деньги. Рита там и скоро появится тут. Как же легко стало на душе! Это не поддаётся описанию. Прямо захотелось чего-нибудь из диких аборигенских плясок станцевать. Но я скромный и привлекать внимание всякими непотребствами не буду. Лучше выйду на улицу и приведу одежду в более-менее нормальный вид. Мне же с женой, через пол-города домой возвращаться. Вот и подготавлиюсь. Ага, вышел и обалдел. Видимо плотная облачность сыграла свою роль — на улице стемнело окончательно. И слава богу, что техникум расположен почти в центре города и поэтому уличные фонари присутствуют. Светят и освещают всё вокруг нормально. Но придётся идти до дома пешком, а это грозит всякими неожиданностями. Хотя, если сильно не газовать, то можно попытаться потихонечку и на мотоцикле доехать. Тут уж как Марго скажет, а мне и так, и так нормально будет. Пешком даже лучше — можно о многом по пути поговорить. Ещё бы погода не подвела. На данный момент дождя нету, а вот что будет через полчаса неизвестно. Надеюсь, что хотя бы ливень не ливанёт, а всё что меньше как-нибудь переживём. От "делать нечего" проверил мотоцикл, на предмет всяческих неполадок. Ничего страшного не обнаружил. Но, бензинчику надо бы приобрести. А ведь действительно! Горючее нужно и особенно мне, потому что, в связи с инвалидностью, теперь придётся много ездить по разного рода делам. Домой приду у тёщи поинтересуюсь — где, или у кого можно насчёт бензина спросить.

Войдя в вестибюль техникума, я посмотрел на вахтёра. Но тот отрицательно помотал головой. Агась, значит Марго пока не выходила. Печально, но ничего страшного. Подожду. Ну не могут они там до ночи сидеть?! Когда-то всё это закончится, надеюсь.

А народу-то в помещении прибавилось — это подошли студенты вечерних курсов. Некоторые ребята были знакомы. Не друзья или товарищи, а просто встречались, мимоходом, на стройке. Но и этого было достаточно чтобы подойти, поздороваться и минутку-другую поговорить между собой. Эх, блин! А ведь и я также мог ходить и учиться сюда. Да ладно, чего уж теперь переживать-то. Поступлю в следующем году. Мне, с моей болячкой, многое возможно — вот и буду пользоваться.

Наверное я зря отошёл в сторону. Но, с другой стороны, что мне под ногами мешаться у студентов — что ли? Да и не сложно мне. А вот то, что Марго не заметил первым — это промашка и удар по моему авторитету. Я же должен быть самым глазастым и внимательным, как тот сыщик из "Бременских музыкантов". Но — зато моя жена, пользуясь случаем, подкралась и хлопнула меня по плечу.

— Ты, на кого там устался?

Оборачиваюсь и вижу свою жену. Сердитую на вид, но с весёлыми искрами во взгляде. Ага, буду я тут, перед всеми со своей женой разборки устраивать. Нет уж, хватаю Марго в охапку и начинаю кружить, не обращая ни на кого внимания.

— Ритка! А я тебя жду, жду. А тебя всё нет и нет.

— Отпусти дурной! — весело отвечает моя жена, в шутку колотя, мне, по спине, зелёным зонтиком, — ну задержалась, чего там. Отпусти, кому говорю! Люди же смотрят.

Короче, выгнали нас на улицу. Люди здесь собрались, какие-то неправильные. Завидуют что ли? Главное, что вахтёр ни слова не сказал. А вот какой-то мужик мутный раскричался. Рита, мне потом на ушко сказала, что это препод по черчению. Строгий товарищ, собственно, как и предмет, который он преподаёт.

На улице пришлось разогнать толпу, что собралась возле мотоцикла. А что? Я им не нанимался, каждого катать, кто только попросит. Тем более в такую темень и фиговую погоду. Ладно бы день солнечный был, а тут если только вокруг фонарного столба кататься и то не факт, что всё благополучно закончится. Мне ещё обвинений в нарушении правил дорожного движения не хватало до полного счастья.

Мы сразу отстали от толпы и пошли другой дорогой. Ну их этих студентов — у них свои дела и, к тому же, они все холостые и неженатые. А нам, как и любой семье, есть о чём поговорить. Но это я так думал, пока Рита не стала рассказывать, о причине такой долгой задержки. Тут всё было серьёзно. Последняя пара была посвящена Самому важному для будущих прорабов предмету — геодезии. А если точнее, то это было практическое занятие по геодезии — "Проект трассы по топографическому плану" с помощью полевого трассирования. Япона мама! Это же самое лучшее и самое моё любимое занятие во время моей учёбы, в том времени. Как сейчас помню: май, солнышко, жара, девчата в коротеньких юбочках и маечках, нивелир на треноге и мы вокруг бегаем-суедемся. Это же можно фильм эротического содержания снять по мотивам такого занятия. А как девчонки наклонялись чтобы посмотреть в визир нивелира! И ведь специально треногу пониже ставили. Женщины, чего уж там. Всегда себя покажут с выгодной стороны. Жаль, что в то время не было телефонов со встроенными фотоаппаратами. Такие снимки пропали для истории! И ещё надо учесть, что таких станций, с которых брались отметки, было около двадцати штук — это целый многосерийный фильм получается. Да-с... Хорошее было время и погода была замечательная, и девушки весёлые. Но тут ребятам не повезло с погодой. У нас почему-то всегда такие выходы попадали на солнечные дни, а тут то ли преподаватель фиговый, то ли расписание неправильное. В общем: у меня только хорошие воспоминания о этих «выходах в поле», а вот Рите похоже не сильно понравилось. Но и это можно понять. Сама трассировка это полдела, а вот после — начинается кабинетная работа по заполнению журналов и построение предполагаемой трассы. Тут важна работа всей команды. Если кто-то что-то не записал или неправильно это сделал, то всё — пинпек полный. Считай день работы насмарку и начинай всё заново. Я всё это проходил и понимаю свою жену и её такое настроение. И понимаю — если препод дотошный, то с хорошей оценкой можно попрощаться. А то что пришлось подождать, так и ладно, зато с вахтёром познакомился.

Рита, конечно, молодец и всю дорогу, пока я толкал долбаный мотоцикл, развлекала меня рассказами о сегодняшнем дне. Мне не тяжело было, я только старался не отвечать, чтобы не сбить дыхание. А она пусть развлекается и хотя бы морально отдохнёт. Ей ещё дома с тётшей, о моем мнимом самоубийстве, разговор предстоит. Надо бы как-то её

подготовить к этому, но что-то как-то случай не представляется. И прерывать её неохота. Но судьба, наверное, у меня такая, что все вокруг решают всё за меня.

Эти три субъекта вышли из-за угла коммерческой пивной совершенно неожиданно. Вот только что никого не было, а вдруг — вот они! То что они мне сразу не понравились — это правда. А с другой стороны, я вроде как иду с девушкой и претензий ко мне быть не должно. Тут ещё Марго начала рассказывать и одновременно показывать, как они выводили кусок трассы на плане. Пришлось, на несколько секунд, остановиться возле фонаря и досмотреть этот показ до конца. Только не получилось. Один из тройки сразу схватил Риту сзади за обе руки, чтобы она не смогла пошевелиться и сделав шаг назад, отошёл в тень. А оставшиеся подошли ко мне с вопросом:

— Не кипишуй фраерок! С тебя чирик и с твоей марухи два, за спокойную прогулку под луной. И лучше это сделать молча.

А у меня, как назло, нету с собой ни копейки. И стою я неудобно. И мотоцикл этот мешается. А самый главный из этих "товарищей" ещё и усмехается мне прямо в лицо. Есть, правда, один вариант...

— Слышь, деловой, — начал я, — а ты Мартына с Монетного двора знаешь?

На лице у грабителей не дрогнул ни один мускул. Только главарь, после секундной заминки, выплюнул ответ:

— Мне это ни о чём. Хрусты гони! А то бабу твою порежем.

Ну что ж, если всё так серьёзно, то можно и рискнуть. Сдерживая ярость в себе, Вилор постарался ответить спокойно:

— Ладно. Будут тебе деньги. На, придержи аппарат, а то руки заняты.

И с этими словами я толкнул мотоцикл вперёд, прямо в ноги главаря. Удачно попал — главарь рухнул на землю вместе с мотоциклом. Ну а я, продолжая движение, с короткого замаха, с левой пробил его другу в печень. И правой добил в противоходе — в раскрывающийся рот. Уж очень он удобно стоял. Ну и упал свернувшись, тоже, красиво. Взгляд в сторону Риты... А там уже всё нормально. Третий налётчик свернулся клубочком и тихонечко поскуливает зажимая ладонями причинное место. Марго знает как и куда ударить. Я её так и учил — отвлекла улыбочкой и вмазала со всей силы между ног. Главарь наконец-то выпутался из мотоцикла, который падая слегка его придавил и встав на ноги пошёл прямо на меня, достав откуда-то нож. Ну это мы проходили. Наука замполита в который раз мне пригодится.

— За дружков, я тебя прямо сейчас порешу, — зашипел бандит, слегка припадая на одну ногу, — потом твоей подружкой займусь. Не хотел по-хорошему будет по-плохому.

А я стоял и ждал. Меня учили защищаться и контратаковать — с чего это я первым полезу, раз толком не умею? Да и хорошо, что он сам ко мне хромает. Главная задача выполнена — бандит отвлёкся и идёт ко мне, а Рита соответственно в относительной безопасности. Сейчас моё положение, гораздо лучше, чем некоторое время назад. Ну и посмотрим, заодно, как себя проявят армейские навыки. Хорошо бы, чтобы тот утырок, который валяется в ногах у Риты, не очнулся раньше времени, а со всем остальным я разберусь.

Сложновато было, конечно, но справился. Видимо удар мотоциклом, что-то хорошенько повредил этому утырку в нижних конечностях. Подвижности у моего противника не было никакой. Хромал, припадал на ногу, ругался — но ничего сделать не смог. От нескольких выпадов я просто уклонился. А когда понял, что никакой опасности для Марго, он больше не

представляет, решил всё заканчивать. Спровоцировал нападение и, захватив руку с ножом, просто сломал её. Нефиг тут режиком размахивать. Ножик сразу же выкинул куда подальше и собственно всё. Даже не устал ни грамма. А, ещё подзатыльник прописал этому неудачнику, чтобы отдых у него подольше продолжился и рука не сильно болела. В таком деле без наркоза никуда, а удар по голове вполне заменяет новокаин. Ещё египтяне до нашей эры пользовались и никто не жаловался.

Всю дорогу до дома, выслушивал поучения от жены: надо было неотложку вызвать, надо было милицию дожидаться, надо было оказать первую помощь и, что меня совсем добило — надо было поговорить, а не драться! Не, ну что у меня жена добрая я знал, но чтобы до такой степени это было неожиданно. А сама, что — просто так стояла и смотрела что ли? С другой стороны, главное что истерики нету, а то, как надо было себя вести, не такая уж и плохая тема для разговора.

Дома нас встречали с накрытым столом и кучей вопросов. Я специально задержался во дворе, чтобы не вмешиваться в процесс разборок. Мне эти охи и ахи ни к чему. Я лучше чуть попозже зайду, но зато сразу за стол. А там и поговорим, за чашкой чая с плюшками. Что-то меня эта нервотрёпка совсем вымотала. Кушать хотелось, как будто год не ел по нормальному.

Катерина с женихом, Эрлис, Шкато, Сергачёв с Исиповой и конечно же Конкордия Прохоровна это все кто остался и дождался нас. Остальные разошлись по домам, стоило им только узнать, что со мной всё в порядке. Я был конечно рад, что столько народу переживало за меня. Но и какое-то чувство вины, что не оправдал их ожидания, тоже присутствовало. Ну и наконец-то пришло время поговорить. Чем собственно и занялись.

Столько советов, чем мне теперь заняться, я не слышал никогда. Что мне только не предлагали — от кладки печек до работы на почте(раз уж велосипед есть). И это только самые вменяемые предложения. Сошлись все, на том, что без работы я не останусь и падать духом не надо. С работой на стройке, тоже обещали помочь... получить расчёт! Мать иху! Вот про это они зря! Я не полный инвалид и ещё поборюсь за получение разряда каменщика. Не из того я теста сделан, чтобы отступить из-за какой-то ерунды. Всё равно буду пробовать!

Но, в чём все сошлись во мнениях это в том, что мне надо некоторое время отдохнуть. Рыбку половить, свежим воздухом подышать, книжки и газеты умные почитать — это только то, что чаще всего повторялось. А так чего только не услышал вплоть до сбора грибов и орехов. Хотя, по моему, этим поздно уже заниматься. Подумаю намеренно может что и получится из этого. Но не факт! Мне, если уж на стройку путь заказан, есть чем заняться. Дом привести в надлежащий вид, например. Выпуск кирпича наладить и многое чего ещё есть.

С Эрлис разобрался по поводу места в общежитии. Пока всё останется за мной, но если что, то она мне сообщит. Шкато мне передал двадцать талонов на обед. Это то, что за мной числились и я не успел использовать. Нормально, хоть бесплатно обедать смогу. Тёща, конечно, повозмущалась и на первый взгляд даже обиделась. Но тут вступил в силу закон толпы и её быстренько успокоили и уговорили не принимать близко к сердцу. А талоны можно Рите отдать, чтобы деньги на столовую не тратить. В общем — с этим разобрались.

Всё когда-нибудь заканчивается. Вот и эта среда 12 октября 1949 года, наконец-то закончилась. Гости разошлись и в доме было тихо. Слышно было как мелкий дождик шелестит по кровле. Мы с Ритой лежали в постели. Жена уже уснула, а я всё ещё продолжал думать о том, чем мне заняться в дальнейшем. А хотя, чего там думать — утром решу! Марго

провожу в техникум и решу.

Глава 22

На улице, если не минус, то где-то приблизительно к этому. Ещё и дождик осенний, мелкий и тягучий накрапывает, а с меня пот потоками сходит. Работаю в сарае и не обращаю ни на что внимание. А что? Раз уж у меня образовалось свободное время, то и тратить его надо с умом. Тржусь в поте лица, вспоминаю утро и всё что там произошло...

Проснулся раньше жены и решил угостить её завтраком. Может зря, конечно, но в тот момент эта мысль мне показалась очень симпатичной. Растопил печь, отрегулировал тягу и оставил прогреваться. Выскочил во двор с Витасом и побыстрому сделал разминку. Ничего такого сложного — руками и ногами помахал, да отжался полсотни раз. Пёс с удовольствием присоединился к такому, по его мнению, веселью. Хорошо, что не лаял в полный голос. Нормально размялся. А вот с бревном, что-то не тянуло сегодня выступать. Погода мерзкая и дело есть — жену накормить, так что все большие нагрузки оставим на потом.

В доме, на кухне, всё было готово к приготовлению завтрака. Это Рита с вечера постаралась, подготовилась так сказать. На столе: яйца в миске и сало на тарелочке, в маленькой кастрюльке картошка в мундире, пара луковиц и хлеб. Да из этого, можно ТАКОЙ завтрак забабахать, всё шеф-повара обзавидуются, а английская королева умрёт от зависти.

Почистить и нарезать варёную картошку — дело двух минут. Сало пластануть небольшими кусочками, чтобы удобно было накалывать на вилку, и в сковородку, пусть потихоньку становится прозрачным. Лучок полукольцами и туда же в сковороду, к салу, чтобы ему не было скучно. Подождать чуток и добавить картошку. Тут главное не упустить момент — сало не должно начать зажариваться. Дождаться и как только оно стало прозрачным, сразу добавлять яйца. Тут кому как нравится: можно взболтать, чтобы получить что-то вроде омлета, а можно просто — типа глазуньи. Мне и так, и так нравится. Но сейчас я делаю глазунью — вроде Рита говорила, что она так больше любит. Ну и всё собственно. Осталось только подождать, когда белок схватится и можно подавать. Украсить сверху зелёным лучком и укропом, если есть, конечно. У нас, я что-то ничего не нашёл. Зато, после десяти минут метаний по кухне, отыскал кастрюлю с солёными огурцами. Тоже пойдёт. Всё. Хлеб порежу потом. А пока пойду будить жену.

Сначала всё пошло нормально: разбудил, поцеловал, чуток пообжимались. А вот потом... Марго принялась и, с подозрением посмотрела на меня:

— А чем это пахнет?

Ну, я-то не в курсе, что она имеет в виду и поэтому просто ответил:

— Вставай! Я там, для нас, завтрак приготовил!

Ну и всё собственно. Потом мне пришлось пять минут выслушивать, какой я неправильный человек и ещё пять, что нечего лезть не в свои дела. И главное это было произнесено с таким апломбом, с такой обидой, что невольно заставляло задуматься, о том, что или я чего-то не понимаю, или "жопа" — это французское слово и пишется через «ё»!

Дальше было десять-пятнадцать минут беготни с первого на второй этаж. Не моей. Я сидел за столом и потихоньку ковырялся в яичнице с картошкой. А вот Марго с энтузиазмом носилась по лестнице, при этом успевала читать мне нотации. Как оказывается я низко

опустился! Это обязанность жены кормить мужа, а не наоборот. Потом стало ещё хуже. Она вспомнила, что мне пришлось пропустить вчерашний завтрак. Тут женская фантазия заработала на полную — мне не нравится как она готовит, оказывается! Поэтому я постоянно ищу повод, чтобы не есть пищу приготовленную её руками. Короче, я могу брать эту сковородку и мотать в сарай, где ей самое место. А она голодная пойдёт в техникум. И пусть все видят, какой я неблагодарный товарищ. Ещё и чайником об стол брякнула со всего маха. Хорошо, что не обжёгся из нас никто. Но и этого было мало. Буря в стакане только набирала обороты. Ну, что ж — бывает. Надо женщинам иногда выговориться и лучше, в этот момент, им не мешать.

С другой стороны, хрям его знает, что тут, в такой ситуации, надо делать? Вроде хотел как лучше, а получилось что виноват во всех смертных грехах. Некстати, пока размышлял о вечном, разжевал перец горошком, который попался в солёных огурцах. Едкий зараза, аж слезы выступили.

— Ты чего? — голос Риты отвлек меня от жгучего недоразумения во рту, — плачешь что ли?

Ну а почему бы и нет? Надо же как-то разруливать эту ситуацию. Вот и воспользуюсь моментом. Шок — это по нашему! Подскочил со стула и начал тоже ходить по кухне и во весь голос причитать:

— У меня слёзы от того что ты говоришь. Как ты могла подумать такое? Ты, жена моя, мать моих будущих детей! О, Боже! Комсомолка и такое подумать. О, горе мне, горе!

Я старался говорить с теми же эмоциями, как и герой из фильма "Бриллиантовая рука". Надеюсь что получилось, потому что Рита смотрела на меня широко открыв глаза. Несколько секунд я молчал. Но всё-таки это не кино и жена не произнесла, той ключевой фразы "А что я должна была подумать?" и мне пришлось импровизировать.

— Наша партия уравнила в правах женщину и мужчину! Поэтому ответь мне на один вопрос — почему я не могу приготовить завтрак для любимой жены? Что это за долбаный "Домострой" в двадцатом веке, на пороге всеобщего равенства и коммунистической морали?!

— Но я сама хотела приготовить завтрак, — уже без былого огонька проговорила Рита.

— А вот поэтому, надо раньше вставать, — с улыбкой припечатал я, — кто первый встал, с того и завтрак!

— Дурак ты, Вилор, — улыбаясь в ответ, буркнула Марго, — меня мама так учила. Жена должна кормить своего мужа! Вот!

— Конкордия Прохоровна плохого не посоветует, — согласился я, — но в каждом правиле существуют исключения. По крайней мере иногда. Так мне кажется.

Ещё пара минут и всё встало на свои места. Мы нормально позавтракали и при этом, ни разу не вспомнили про маленький скандалчик. Только возле техникума Марго, придерживав меня за рукав, прошептала на ухо:

— Завтра завтрак готовлю я.

Да я и не спорю, поэтому просто поцеловал жену и со спокойной душой отправился в собес. Тем более, что погода прохладная и есть хорошая возможность согреться, накручивая изо всех сил педали велосипеда. Велосипед сегодня выбрал из-за его большей коммуникабельности. Да и легче он, чем мотоцикл. А это немаловажно в моей ситуации. Вдруг дождь начнётся, а с велосипедом легче спрятаться или добежать куда-то, где можно переждать. В общем хорошо, что у меня есть выбор, вот только проблема с бензином никуда

не делась.

Как оказалось я пришёл слишком рано. Собес начинал работу в десять часов. Непривычно для советской действительности. Но, вполне возможно, что это были часы приёма, а сотрудники приходили на работу гораздо раньше. Фик их знает. Одно я понял точно — сегодня, удачи мне здесь не будет. Толпа народа оккупировала все близлежащие лавочки и скамейки, а некоторые сгрудились и объединились в маленькие компании, которые предпочитали ждать стоя. Десять минут мне хватило, чтобы понять простую истину — чтобы попасть в собес надо готовиться заранее. Здесь ведь собрались не только инвалиды, как я, а и другие граждане с множеством других проблем. У кого-то кто-то умер и надо получить пособие. Кто-то оформлял опеку, а кто-то выбивал льготы на лечение. Короче, надо искать знающего человека. И уже с его помощью вникать в порядок получения пенсии. Разберусь со временем это не к спеху. Мне эта пенсия нужна, только как прикрытие. А так, могу и без неё обойтись.

Буквально через пару домов от здания собеса, обнаружился магазин канцелярских товаров. Делать было нечего и я решил зайти, для общего понимания — как и чем тут торгуют. Зашёл и задержался. Я не знаю как это объяснить. Это как озарение свыше что ли? Ассортимент был не очень богатый и не отличался разнообразием, но когда я, подошёл к витрине с различными тетрадами и grosбухами, тут меня и накрыло. Всё встало на свои места. Мне предстоит долгая работа с оформлением нового метода изготовления кирпичей, а это куча записей и море расчётов. Жаль что калькуляторов тут не было. Я бы прикупил парочку для удобства. Но чего нет того нету и в ближайшее время не будет. Так что и расстраиваться не буду. Посчитаю на счётах или с помощью логарифмической линейки. Они, кстати, есть в продаже. Я заметил, что не очень-то большой спрос, на эти аналоговые вычислители, в этом времени. Но я уж точно куплю и сделаю это прямо сейчас (даже просто в коллекцию), это маленькое чудо — механический карандаш Schauer с логарифмической линейкой(смотреть доп. материалах). У моего деда был такой и он меня научил им пользоваться. Не понимаю почему люди их не покупают? Согласен что дорого, но скорость вычисления, до одного знака после запятой это окупает. В общем — купил всё на что взгляд упал. Особенно рад двум журналам с листами в клеточку. Они были мной сразу прозваны grosбухами. Такие толстые, с плотными обложками и клеёнчатыми корешками. На ценнике было написано, что это — "Журнал движения грузов на складе". Мне всё равно, как они называются, главное что они подходят мне по всем параметрам. Теперь-то работа пойдёт.

Прежде чем вернуться домой, заехал к Конкордии Прохоровне. Она женщина со связями и должна знать, где можно приобрести, законно или не совсем, парочку литров бензина. А если и она не подскажет, то есть запасной вариант со сторожем на пристани. Там мужик бывалый, глядишь что подскажет. Я конечно рассматривал ещё одну возможность — это напрямую спросить у Собкина. Но пока мне почему-то этот вариант не нравился.

Вот ведь как знал у кого спрашивать. Тёща сразу же, даже не задумываясь, направила меня к своему соседу. По её уверениям он должен поделиться информацией насчёт бензина и вообще всего, что связано с машинами и мотоциклами. Так как является начальником транспортного цеха на местном деревообрабатывающем заводе. Кто бы сомневался.

Сосед Игорь Афанасьевич, по случаю, был дома и страдал от похмелья. Это сразу выдавал запах ядерного перегара и хмурый взгляд на фоне всеобщего помятого вида. Эта болезнь, в какой-то мере, мне помогла наладить контакт и теперь все мои терзания по поводу бензина, можно сказать, закончились. К себе домой я шёл с листком отрывного

календаря, на котором был записан телефон Игоря Афанасьевича. Короче, жизнь налаживается и насчёт бензина можно не беспокоиться.

Дома сразу развил бурную деятельность. Для начала прибрался в сарае. Сделал более-менее удобный стол, чтобы вести записи своих испытаний. С сеном помучался, конечно, но результат даже меня самого удивил. Готовые кирпичи прошлого замеса сложены в стопку и будут дожидаться свободного времени. Хочу попробовать испытать на прочность, в домашних условиях, но это теперь терпит. Надо сначала разобраться с количеством — меня остатки, пусть их мало, не устраивают. А это без оборудования, можно рассчитать только опытным путём. Буду подбирать вручную. А вот когда разберусь с количеством тогда и насчёт марки можно будет побеспокоиться. За сегодня, я надеюсь, что всё решу. В конце концов, кому как не мне этим заниматься? Ведь в этом времени про метод полусухого прессования никто не знает...

Вот и тружусь в поте лица. Первый грессбух обрёл собственное название "Журнал лабораторных работ" и теперь занимает почётное место на самодельном столе. Первая страница почти заполнена, потому что уже три часа постоянно дополняется новыми записями.

В прошлый, самый первый раз я получил неровный результат. Семнадцать кирпичей получилось с двух замесов. Но теперь я постепенно добился девяти штук с одного. Всего-то полтора часа работы. Зато теперь я имею конкретные цифры и они записаны в журнале. И вот тут-то открывается целое поле возможностей и неограниченное количество вариантов в исследованиях. Работая с пропорциями: что-то уменьшая, а что-то в этот момент прибавляя — можно, методом подбора, вывести три основных и самых распространённых марки кирпича. И это моя задача, на ближайшее будущее. Ну кроме задания деда, конечно, и про это я не забываю. И если с заданием деда — всё давно ясно и готово, то с кирпичами мне предстоит поработать основательно. Чём я, собственно, и буду заниматься в ближайшее время. Раз уж делать нечего и на стройке меня не ждут.

Про обед забыл. Так меня увлекла эта жажда исследования. Да и вообще сам процесс подбора сухой смеси был сродни какому-то волшебству. Но я не только с кирпичами работал. Чтобы иногда чуть отвлечься, я не забывал подниматься на чердак и наконец-то начать укладывать соломенные валки. Ну не могу я просто так сидеть на попе ровно. Кто-то когда-то сказал, что лучший отдых — это смена рода деятельности. Вот я и менял. Поработаю с кирпичами, а потом бегу на чердак, чтобы уложить ряд валков. Работа не сложная, вот и, если можно так сказать, отдыхал в процессе укладки. Зато дело, что одно — что другое, продвигалось ударными темпами. А мне так даже привычнее — что ли? Что в той жизни, что в этой мне просто необходимо чем-то заниматься. Не пойму я никогда людей, которые сидят сиднем дома и только, и делают, что смотрят телевизор или слушают радио. Как можно вот так бездарно терять время? Я его и не терял, до той поры, пока не пришла Конкордия Прохоровна. Раскрывать чем я здесь занимаюсь не стал. Сослался на испытание ручного пресса и похвастался почти законченным чердаком. Совершенно незаслуженно получил втык, за занятие тяжёлой работой и, в качестве извинений, был накормлен обедом. Про который совсем забыл.

Обедать в обществе женщины, ровесницы революции это что-то с чем-то. Одновременно познавательно и увлекательно. Ненавязчивый разговор, о приобретении десятка кур и козы сразу, резко переходящий в размышления о будущем. Как там будет в коммунизме? Неужели действительно отменят деньги и в космосе будут роддома. Я чуть не

подавился гречневым супом, когда это слушал. Да уж, тёща умеет удивлять.

Пообедали, поговорили и разошлись. Я опять отправился в сарай, а тёща пошла чего-то там доделывать и готовить к демонстрации. К ней сегодня должны прийти новые заказчики и ей просто необходимо к этой встрече подготовиться. Заказ обещает быть большим и надо произвести впечатление. Уже когда Конкордия сходила с крыльца, я вспомнил о собесе. Пришлось догонять и спрашивать о возможных знакомых в этой организации. Тёща обещала подумать и сообщить. Вроде как, кто-то из её бывших подруг работает в этой сфере. Ну и ладно. Подожду до вечера, а чтобы время прошло с пользой у меня есть чем заняться.

Не удержался и всё-таки испытал один из кирпичей с первой партии. Провёл самый простой тест с помощью молотка (смотреть в доп. материалах). Я прямо слышал голос своего наставника в той жизни, когда он меня учил, как правильно это делать:

— Смотри ученичок, если кирпич с одного удара разбился на средние куски — то его марка ниже 75, если от двух ударов и на мелкие, его ориентировочная марка 75–100, если у кирпича высекаются искры и от него отбиваются лишь мелкие осколки при скользящем ударе, то это марка от 125 и выше. (если кому интересно, то этот метод и ещё много чего интересного, подробно описан в книге А. Б. Марцинчик, П. Ф. Шубенкин "Определение свойств и качества строительных материалов в полевых условиях" — страницу не помню).

Вся эта короткая инструкция, сопровождалась практическим показом. При особо сильных ударах осколки разлетались в разные стороны. Один из таких кусочков попал мне в нижнюю губу. Боль была не очень сильная, но зато этот момент я запомнил надолго. Да и все слова запомнились сразу. Так что я прекрасно знаю, как должен разлетаться от удара кирпич той или иной марки.

Мои испытания позволили сделать вывод, что кирпичи из первой партии имеют марку выше сотни. Вот так! Теперь не стыдно идти в строительный техникум и конкретно заниматься исследованием. А что? Так просто, за приблизительный результат, мне никто авторские права не оформит. Я так думаю, что дней пять мне предстоит поработать с изменением пропорций. А уж потом, когда кирпичи схватятся в естественных условиях, можно будет провести исследования в лаборатории. А это не раньше двадцати восьми дней. Именно столько требуется цементу для окончательного схватывания.

Приблизительно час я потратил на самую нудную работу. Составлял график: что и в какой последовательности буду менять в сухой смеси. Нужно было охватить довольно большое количество вариантов в изменениях. Если вкратце, то можно изменить соотношения песка и глины, но ведь можно поработать и с количеством цемента. То есть имеем три изменяемых составляющих. А вот тут надо уже подходить с экономической стороны. Что нам сложнее достать в этом времени? Ясен пень, что это цемент. Вот и нужно искать такие пропорции при которых цемент будет использоваться по минимуму. Короче, дело предстоит долгое и окончательный вариант будет не скоро. Но я надеюсь, что мне хватит терпения всё сделать хорошо. Для этого есть все шансы. А уж потом... В СССР появится кирпич, нормальной марки и который можно изготовить в домашних условиях. При условии, что есть все составляющие: песок, сухая глина и цемент. Про ручной пресс, я скромно умолчу. По моему их уже в Калуге с десятков — а если начать их выпускать в промышленных масштабах?

Я не фантазёр, но тут нарисовался повод немного помечтать о будущем. Не нужно строить огромный завод, не нужно думать о топливе для печей обжига. Достаточно двух человек, ручного пресса и какого-нибудь сарая, где можно складывать продукцию. А если

автоматизировать этот процесс и придумать пресс не на одну форму, а на десять? Это же какой выход может быть? Сейчас Советский Союз восстанавливается после войны. Стройки кругом. Кирпича нужно много. А тут пожалуйста — дёшево и сердито. Как говорится — строй не хочу! Эх! Жаль что я не меркантильный человек. С такими мечтами и до Сталинской премии можно дойти.

Ладно, помечтали и хватит. Надо работу продолжать. Исследования никто кроме меня не сделает. Тяжело, конечно, всё делать одному. Но зато никто со мной не спорит и не навязывает своё мнение. А времени у меня теперь много. Могу в любой момент отдохнуть, а могу и не отдыхать. Я свободный человек. И есть ещё один момент — полностью развернуться, начать заниматься своим делом и вообще спокойно работать, я смогу только после выполнения задания деда. А сейчас это только подготовка к спокойной жизни. И об этом надо помнить.

Только приступил к работе с изменениями в пропорциях, как примчалась Конкордия Прохоровна. По ней сразу можно было понять, как выглядит, на самом деле, изображение такого стихийного бедствия как паника. Я её впервые видел в таком состоянии. Вот честное слово, на ней, как говорится, лица не было. Да и причина не самая мелкая. У нас тут оказывается, в субботу, свадьба намечается. Соседи рвут и мечут, потому что местный свинокол забухал по-чёрному и некому завтра, в пятницу, поросёнка зарезать. Вот откуда эта женщина знает, что я это умею делать? Я вроде никому не говорил. Или у меня это на физиономии написано? Хотя, всё может быть, что она просто от безысходности ко мне обратилась? Но, по началу-то я не разобрался и зачем-то подтвердил, что умею это делать. Не люблю но умею. Дед в своё время научил и всю жизнь, в той реальности, я колол и разделявал. Но только для очень хороших людей. Не моё это дело, но если просили, то не отказывал. Вот, до сих пор, не могу понять — зачем я сказал что умею? Опять кто-то свыше постарался и нажал невидимые кнопки в моей душе. А я пошёл на поводу и теперь ничего не остаётся, как только зарезать этого поросёнка.

Конечно же я посопротивлялся для приличия. Но тещу уже нельзя было остановить. Оказывается, кто-то из этой молодой пары, приходится теще и соответственно Рите, какими-то дальними родственниками. Поэтому отказаться от помощи не получится. Надо: или найти замену свиноколу, или всё сделать самим. Вот ведь, не было печали. К теще я отношусь нормально и помочь её родственникам это вполне нормально и соответствует моим понятиям. Но всё-таки я её предупредил, что делаю это только в качестве глубокого уважения к родным людям. Если кто другой будет просить, даже не пошевелюсь ибо не люблю этого делать. Я каменщик, а не убийца поросят. Можно иногда, но только для близких людей. И уж тем более, я не собираюсь превращать это дело в профессию. Да и устал я, что-то сегодня, даже спорить и приводить всякие доводы неохота. Одно радуется, что всё это действие будет происходить завтра с утра, сразу как только рассветлеет. Пришлось остановить все приготовления и брести на соседнюю улицу, чтобы посмотреть на свинёнка.

Дальше был разговор с дальними родственниками. Я всё ещё пытался отговориться от этой работы. И постоянно намекал, что может свинокол проспится до завтра и сам всё сделает. Но это было напрасно, мне в который раз объяснили, что если он забухал то это как минимум на неделю. И всё!

Я фик его знает, сколько в этом времени берут за эту услугу и тем более с родственников? Поэтому не стал заморачиваться и сделал как привык. Решил взять часть оплаты кровью и часть мясом. А что? У нас с Ритой, между прочим, молодая семья. И нам

нужно хорошо питаться. Так что я не думаю, что оплата мясом выходит за грань допустимого. Тёща осталась уточнять какие-то мелочи, а я отправился к знакомому мастеру в слесарную артель. Мне нужен нож для такой работы, даже два. А где их можно найти, кроме как у слесарей? Да и других знакомых, кто был бы связан с металлом, у меня нету.

На мотоцикле дорога заняла всего-то пятнадцать минут. И то я не спешил. Нафиг в такую погоду быстро ездить? Кроме неприятных ощущений, ничего хорошего в этом нету. Это не лето, в конце концов. Да и летом, я бы не стал гонять со всей доступной скоростью, потому что там уже другая история. Пыль глотать в жару это не пломбир и не лимонад употреблять. Так что перемещался аккуратно и неспешно, зато и правила не нарушил.

Михаил Михайлович был весь в работе. Но увидев меня смог прерваться и найти несколько минут на беседу. Парочку минут потратили на то, чтобы поздороваться и узнать последние новости. А вот дальше, я рассказал о предстоящей свадьбе и проблемах со свиноколом. Мастер Лепесток покивал головой соглашаясь, что есть такие необязательные люди, которым водка заменяет память. Какое-то время потратил и объяснил что мне нужно. Дальше стал ждать, оставив решение за мастером.

Михаил Михайлович удивился, что мне необходимо два ножа, вместо одного. Но тут, я смог его удивить. На листочке бумаги я набросал эскизы ножей, а потом рассказал для чего нужен каждый из них. Никакого секрета не было. По моему, если бы была возможность, то все кто зарабатывает таким образом, имели бы два ножа. Не обязательно таких которые я изобразил, но что-то из такого — точно. Это же удобно. Один тяжёлый, чтобы бить наверняка, а другой лёгкий но очень острый, для быстрой и качественной разделки.

Михалыч предложил выбрать из готового. Потому что, по его словам, сделать новые, по моему заказу и в соответствии с эскизами, займёт много времени. Там же не только лезвия специальной формы, а ещё и ручки должны быть удобные и именно под мою руку. Пришлось выбирать. А что? Тёща с меня живьём не слезет, если я этого хрюнделя не разделаю и свадьба не состоится. А мне это надо? Вот и я про то.

Выбрал. Чего уж тут. Не то что хотелось бы, но очень похожие. Я уверен, что смогу управиться этими ножами и сделать всё что нужно. Михаил Михайлович обновил заточку на обоих ножах и отдал их мне. Денег с меня он не взял. Сказал что это подарок. Но я-то знаю, что так просто это нельзя делать. Надо хоть копейку но дать взамен. Порылся по карманам и не нашёл никакой мелочи. Вот ведь идиотизм. Денег бумажных полный рюкзак, а грёбаного медного пятака нету. Метнулся в коопторговский магазин. Там купил мороженое, а со сдачи отдался Михалычу. Надо всё делать как положено, тогда и проблем не будет. А это давний обычай и не нам его менять.

Вернувшись домой, поменял мотоцикл на велосипед. Мне через полчаса идти Риту встречать. Сегодня она пораньше заканчивает учёбу. Пешком идти не очень хочется, а вот потихоньку на велосипеде это то что нужно — ноги разомнутся и аппетит нагуляется. Да и груз какой-нибудь всегда можно приспособить на багажник. Вдруг Марго чего-то захочет купить? А я тут как тут с велосипедом и багажником. А пока будем идти домой, я у неё поинтересуюсь, что она думает о свежем мясе? У меня вообще много вопросов к моей супруге. Ничего такого, просто действительно пришло время поговорить. Никаких тайн, о том что я попаданец, раскрывать не буду. А вот, о кое-каких планах, на будущее, надо побеседовать.

Глава 23

Утро пятницы удивило меня погодой. Чистейшее небо без единого облачка. На востоке уже чуть просветлело. Прямо совсем чуть-чуть. Слегка. До того как взойдёт солнце, ещё уйма времени. По идее должен успеть хорошенько размяться. Со временем у меня небольшая нехватка из-за обещания помочь с поросёнком. Ладно, разберусь — не впервой. А вот температура была ближе к минусовой. На траве лёгкий налёт инея. Но мне всё равно. Вчера я уже поддался минутной слабости и не стал заниматься с брёвнышком. Сегодня мне не могли бы помешать, даже внезапно начавшаяся буря с торнадо вместе взятые. Нагрузка для организма нужна каждый день и это аксиома, для тех кто понимает. А пока, у меня лёгкая разминка, можно, в процессе, вспомнить вчерашние дебаты...

Вчера мы с женой много говорили по дороге обо всём и о нашей быте в особенности. Этого оказалось недостаточно. Придя домой собрали малый семейный совет в составе — меня, Риты и тёщи. А вот Витас предпочёл прогулку во дворе. Ну и ладно, позже присоединится. Я, в первую очередь, показал подвал и задал дурацкий вопрос:

— Чем будем заполнять, новое неожиданно появившееся пространство?

Никакой явной радости от моей новости не было. Женщины, вообще, сначала с осторожностью отнеслись к такому известию. Полчаса лазали по подвалу и осматривали его. Мне даже пришлось запалить все керосиновые лампы, чтобы лучше было видно. С особым вниманием осмотрели и чуть ли не обнюхали каждый уголок ледника. Поохали, поахали, посмотрели друг на друга и ничего не сказали. Пошли шуровать по подвалу дальше. Как мне сначала показалось — что что-то моим женщинам не подошло. Не было удовлетворения на лицах, когда вернулись назад, на кухню. Но потом, в какой-то момент, женщины осознав, что упало им в руки, стали быстро накидывать идеи. Совмещая всё это с приготовлением ужина. Я не хочу вспоминать всё что там прозвучало. Это долго и нудно. Я запомнил только одно, квасить капусту мы будем в промышленном масштабе. В общем пока не ляжет снег и не замёрзнет река, у меня будет масса работы по заготовке продовольствия. Конкордия Прохоровна вообще первые два часа ратовала за то, чтобы ей переехать к нам. Ну пока не закончатся заготовительные работы. Только потом вспомнила, о намечающемся большом заказе и бросила это дело. Хотя обещала постоянный присмотр и помощь в приготовлении всяких разных заготовок. Ведь, по её словам, ещё не поздно понаделать много чего. То же самое повидло, из поздних сортов яблок, или кучу разных компотов из чернослива и тех же самых яблок и груш, а уж про солёные грибы я даже говорить не буду. Короче, поле деятельности большое и разнообразное. Я, под это дело, напомнил Конкордии Прохоровне о завтрашнем поросёнке. А что? Можно сало замариновать. Между прочим хорошая штука. Хранится всю зиму, а кушать можно в любом виде — хоть просто с хлебом, а можно и с картошкой пожарить. Я еще намекнул, пусть поговорит со своими родственниками, чтобы оплату взять салом. Она вроде как согласилась посодействовать. А пока мне предложили заняться, в свободное время, ловлей рыбы. Её тоже можно засолить или завялить. Есть, оказывается, у тёщи, в её сарайчике, небольшой бредешок который она даст любимому зятю попользоваться. Только я никак не мог представить — как пользоваться этой браконьерской снастью в одиночку? Я лучше по старинке, с помощью удочки или донок каких-нибудь. Но мысль эта мне понравилась. Хорошее алиби может получиться, когда буду выполнять

задание деда. Надо подумать в этом направлении. В общем спать, мы с Ритой, легли поздно и долго не могли заснуть...

Пора браться за бревно. Вспоминать жизненные ситуации, конечно нужно и, даже, как бы полезно, но мне сейчас не об этом надо беспокоиться. Я решаю какой из известных мне комплексов выполнить. Тут небольшой затык у меня получился. Нужно сделать так, чтобы, с одной стороны — успеть основательно размяться а, с другой стороны — не опоздать на завтрак. А то Рита меня окончательно запишет во враги народа. Ничего не решил и пустил всё на самотёк. Начну с малого, а там космос подскажет свой вариант.

Домой зашёл довольный и уставший одновременно. Переобулся и снова во двор. Осталось самая малость, для полного комфорта — это хорошенько облиться водичкой и растереться до покраснения. Эх! Хорошо!

Водные процедуры, после комплекса упражнений, взбодрили мою тушку и теперь, для полного счастья, осталось только покушать. Предвкушая, как набыю желудок вкусным завтраком, я зашёл на кухню. Что тут можно сказать? Рита постаралась и накормила меня от души. Я, если честно, чуть прямо за столом не уснул. Хорошо, что моя хозяйка начала греметь посудой, отмывая её в тазике и это внесло некое неудобство в моё состояние. Чтобы дальше не подвергать мой организм такому испытанию, я сытый и слегка осоловевший пошёл готовиться к выходу в город. До того как рассветлеет и надо будет идти к "родственникам", чтобы выполнить квест с поросёнком, ещё есть время. Так что успею проводить жену и вернуться назад.

Чтобы вернуться быстрее, я тащусь с мотоциклом. Если идти неспеша, то это вполне мне по силам. А собственно по другому и не получится. Рита не спешит и это меня устраивает. Так что толкаю вручную этот металлолом и внимаю жене. Дошли до техникума неожиданно быстро. Что тут сыграло, я не могу даже представить. Может тема нашего разговора? А может тот самый фактор "близости душ", когда просто не замечаешь это "самое время", в момент общения? Не знаю! По нормальному попрощаться нам не дали. Набежало однокурсников Марго и ещё каких-то, уже моих знакомых и отвлекли нас друг от друга. И ведь не возмутишься! Радуются они, что мы пришли. Блин! Я тоже рад...

К теще прилетел с огромным желанием порвать поросёнка голыми руками. Родственнички, которые уже собрались меня ожидаючи, начали возмущаться по поводу опоздания, но я нашёл нужные слова, чтобы их успокоить. Вроде удалось нормально поговорить и даже направить энтузиазм в нужное русло. Собрались и пошли. Шли молча, а это как-то сразу напрягло. Чего-то я не привык, к такому поведению. Всё-таки праздник намечается, а тут какие-то похоронные настроения. Хотя мне пофиг — у меня своих дел куча. Разберусь тут по быстрому и вперёд — исследовать метод полусухого прессования и чердак доделывать. А они что хотят, тем пусть и занимаются — лишь бы помощника нормального выделили. Пришли вроде. Меня сразу отправили в сарай к хрюнделю, а сами незаметно рассосались по территории. Ну что ж, раз обещал — значит надо делать...

Я в который раз зарекаюсь, что надо всё оговаривать сразу. В любом случае и при работе с любым человеком. Всё — даже малейшие нюансы. Всё! Так и тут надо было. Только кто ж знал, что эти самые "родственнички" окажутся такими муда. ми. Ладно, захотелось сэкономить — это понятно. Но почему такое полное пренебрежение к моим просьбам? Я блин, только помощника себе выбивал полчаса! И это при том, что они все знали про мою инвалидность. Они что думали, я Геракл — что ли? Пятнадцать пудов живого веса в этом свине! Как мне его одному ворочить? Да и это тоже фигня. Справился бы.

Бывало и не такое. Знаю как правильно и сильно не напрягаясь выполнить эту работу. Но элементарно подготовить место для работы могли бы? Фигу. Вон поросёнок, а вон кухня где его будут готовить и что между этими двумя пунктами будет происходить никого не еб. волнует. Хотелось плюнуть, на всё и всех, и уйти домой, подальше от этих ушлёпков. Но сдержался. Не стал ничего говорить. Даже никому в глаз не дал. Хотя хотелось. Конкордию Прохоровну стало жалко. И так, насколько я понял, у них отношения не очень хорошие, а тут такое. Да-с...

Десять минут посидел, подумал и начал действовать. Рыкнул на "родственников", постучал по столу кулаком и пригрозил что заколю поросю и уйду домой, а они сами его пускай разделяют. Вроде вяли. Дали пацана в помощь и кой-чего из необходимого. А дальше я сам начал крутиться...

Справился. Устал конечно и кучу нервов сжёг, но сделал. А то, что у меня в рюкзаке, на пяток килограммов больше сала, чем договаривались — так это не моя проблема. Скупой платит дважды, как говорится. Нечего было дома сидеть. Участвовать надо и смотреть как другие работают, а не самогон бухать прямо с утра. Хотя, фиг бы они чего заметили. Дед как знал, что мне пригодятся некоторые хитрости в таком деле, как разделка туши поросёнка. Учил крепко и показывал подробно. Но сам предпочитал этими хитростями не пользоваться. Как мне кажется, никто бы в ясном уме и здоровой памяти не стал бы хитрить с моим дедом, поэтому и не нужно ему это было. А мне не повезло — нарвался, на неадекватных людей, вот и пригодилась наука. Поделом им.

К теще зашёл почти спокойный. Немного отлегло и продолжение нервоотрёпки не хотелось. Рассказал ей только то, что всё сделал как надо. Попили чаю и я почапал до дома. Сегодня больше ничего делать не буду. За Марго схожу и будем отдыхать.

Наверное я нашёл причину, по которой мне нужно ежедневно чем-нибудь заниматься. И желательно с хорошей физической нагрузкой. Стоит только расслабиться и поддаться лени вместе с ничегонеделанием, как тут же в голове начинают возникать дурацкие мысли. Уже через полчаса отдыха, что я себе смог позволить, мне приспичило съездить в "Калужстрой" за расчётом и трудовой книжкой. Ещё мне очень захотелось увидеть ребят из нашей бригады каменщиков. И не просто увидеть, а обязательно поговорить о стройке — узнать как идёт работа, какой этаж начали или закончили? Как дела у Николая Петровича неизменного баталера "Калужстроя"? Взвыв от отчаяния и невозможности отдохнуть, я подскочил с кровати и помчался в сарай. Какая нафиг усталость? Мне двигаться нужно. Тут наверное ещё сыграло поведение "родственников". Я до сих пор жалел, что не попинал кого-нибудь из них. Ну а что? Глядишь легче бы стало и сейчас чувствовал бы себя спокойнее. Да-с...

Короче, я начал таскать всё необходимое на чердак. Там мне работы, на пару часов, не более, если всё подготовлено конечно. Осталось-то всего-лишь накрыть соломенные валки слоем пергамина и укрепить его вязальной проволокой. А вот с кирпичами сейчас ничего не выйдет. Времени нужно больше. Мне Марго вот-вот идти встречать. Поэтому только пергамина и всё! А потом посмотрим что и как.

Не всё успел сделать. Но и того хватило, чтобы нервишки пришли в порядок. Я, даже, под такой результат, вывел новую теорию о таких перепадах моего настроения. Всё дело, возможно в том, что мой внутренний прораб испытывает информационный голод. Привык, понимаешь, там в двадцать первом веке ко всяким компьютерам и ноутбукам со смартфонами. Если, что-то нужно узнать или просто посмотреть на что-то, достаточно поискать в интернете. А тут с этим делом очень всё печально. Газеты вот только

присутствуют в любом количестве. Ну а если нужна какая-нибудь справочная литература, то это только идти в библиотеку или читальный зал — кому что ближе. Редко у кого есть своя домашняя библиотека. Но к этим товарищам так просто не подойти. Вот и выходит, что хочется чего-то узнать, а для этого надо целое путешествие совершить. И ещё неизвестно: найдёшь ли то, что тебе нужно или нет. Может действительно записаться в читальный зал? Или в библиотеку? Надо это дело обдумать и с женой посоветоваться. Она-то точно знает и скорее всего посещает что-то такое. А что? Будем вдвоём ходить, а это значит книг или журналов можно брать в два раза больше.

Сегодня иду встречать Марго опять с велосипедом. Надо соли прикупить по пути и лаврового листа — это то, что из обязательного, для меня, а что там в голову супруги взбредёт по дороге — одному богу известно и то, я сомневаюсь в этом. Я собираюсь вечером заняться приготовлением маринованного сала — вот и буду закупаться.

Пришёл в техникум раньше времени. Вахтёр внутрь не пропустил, но разрешил позаимствовать стул в гардеробе и подождать в фойе. А мне и это нормально. Появилось время подумать и порешать свои проблемы. Что-то их развелось слишком много. Блин, я точно знаю, что если бы я продолжил работать на стройке, ничего такого не было бы. А тут прям какая-то непрекращающаяся череда нерешённых задач одна за другой и нет им конца. Ещё и насчёт этой свадьбы у "родственников" надо, как-то поговорить. Объяснять подробно ничего не буду, всё-таки родня какая-никакая. А вот то, что я туда не пойду, надо как-то обосновать. Да я там есть ничего не буду, если это будет мясное блюдо. Сразу вспомню, всё мои мучения с этим хрюнделем. Нафига людям портить праздник? Без меня обойдутся. Надеюсь, что Рита меня поддержит и тоже не пойдёт туда. А Конкордия Прохоровна пусть решает сама.

Марго вышла с занятий чем-то сильно озабоченная. Все мои попытки прояснить ситуацию, не увенчались успехом. Как-то отстранённо выслушала мои предложения по необходимым покупкам и молча шла рядом. Что там, в космосе, такого случилось, раз у нас двоих сегодня всё идёт наперекосяк? Ретроградный Меркурий не совпал с положением пятого кольца Сатурна — что ли? Или тень от Урана упала на Нептун? Дурдом какой-то?

Но всё-таки мне удалось расшевелить жену. Когда я, в кассу продовольственного магазина, оплатил десять пакетов лаврового листа и двадцать килограмм соли, то сначала увидел удивлённое лицо, а потом услышал полный возмущения вопрос:

— А чего это ты занялся закупками? Мы с мамой не планировали покупать столько соли!

— Ну да, — согласился я, радуясь хоть такой реакции, — вы не планировали, а я сегодня поросёнка добыл. Пришёл домой, а соли и лаврухи нету. Что мне остаётся делать?

— Надо было у мамы попросить, — ни секунды не задумываясь, фыркнула Рита, — у ней всегда запас присутствует.

— Ага, — не стал отрицать очевидное я, — только ты составь список, что можно спросить у твоей мамы, а что мы купим сами. А я, в следующий раз, посмотрю и решу как поступить.

— Пф-ф...

Ну и ладно. Раз у супруги включился режим "хозяйки семейного склада" то, можно вдохнуть и начать разбираться в причинах плохого настроения. Уверен, что пока дойдём до нашего дома, я всё буду знать. Это не так легко, как кажется, но всё решаемо. Главное знать как. А вот тут мне поможет мой опыт отца двух девочек из той жизни. У Вилора такого нет,

но он жил в детдоме и тоже знает некоторые хитрости, в общении с девушками. Так что Рите очень сложно будет скрыть, что там действительно произошло в техникуме. Но как мне кажется, это что-то опять из серии местечковых обид на кого-то или чего-то. Ладно, пакуюсь и начинаю работу психолога.

Как я и думал, всё эти заморочки у моей жены, были надуманы и, в основном, были связаны с учёбой. Есть такая дисциплина в техникуме — Теоретическая механика в строительстве. Вот она-то и являлась причиной задумчивого и тормозного поведения Марго. Им, как оказалось, задали в качестве домашнего задания 30 задач. Это много. Но я знаю для чего это нужно. Нас так же гоняли в своё время. Ведь прораб это не инженер, ему не нужно вести бесконечные расчёты и вычислять чего-то там. Его дело — это руководить строительным процессом. Делать всё в соответствии с представленными чертежами и техническими картами. Но и иметь представление, как себя ведёт та или иная конструкция, тоже должен. Поэтому и такое безумное количество задач на реакцию опор и определение центра тяжести. Без этого никак. Пока в мозгах, хотя бы мысленно, не будешь представлять возможные последствия от той или иной нагрузки, считай что твоя работа идёт впустую и ты просто передатчик. А вот когда ты, с первого взгляда, мысленно сможешь представить эпюру моментов и распределение нагрузок, на любом конструкте. Вот тогда считай что ты стал прорабом на 35 % и то приблизительно.

Ввалились домой и сразу занялись делом. Марго готовит ужин, а я мариную сало. Рецепт от моего деда. Древний как и он сам. Привезённый с берегов Яика и наверное самый вкусный из всех мне известных. В той жизни, я этот рецепт кому только не давал и все оставались довольны. При своей простоте, он всё-таки требует соблюдения некоторых условий. Во-первых это конечно сало — оно должно быть свежим. Никаких заморозок и разморозок — завалил поросёнка и в течении суток надо мариновать. Во-вторых это конечно маринад — он должен быть тёплый. Не горячий, не кипящий и уж тем более не холодный — только тёплый. Примерно температура тела, может чуть выше, но не намного. Ну и правильная укладка кусочков сала, тоже играет роль. Я обычно мариновал в кастрюле. Ряд положил и залил маринадом, ещё ряд и опять маринад. Между рядами: кусочки резанного на пополам чеснока и это обязательно! Иначе всё не то. Рецепт маринада простой: вода, соль, перец и лавровый лист. Всё закидывается в подходящую посуду и доводится до кипения. Процеживается, остужается и заливается — всё! Количество соли зависит от количества сала. Обычно на третьи сутки можно пробовать. Но я, как и мой дед, предпочитал первую пробу снимать через неделю. Так вкуснее.

Пока ужинали прибежала тёща. Я её сразу пригласил за стол, но она наотрез отказалась от еды, зато озаботила Риту предстоящей работой. Всё-таки договорилась на новый большой заказ. Блин! Это что я опять свою жену буду видеть только ночью? Прямо беда с этими заказами. Хорошо, что воскресенье остаётся в моей власти. Иначе прям не знаю, что бы я делал. Раз уж так пошло, то решил добавить перчику в это пресный вечер. Сообщаю моим женщинам, что на свадьбу я не пойду. Но на удивление, реакция была спокойной. Рита высказалась, что она тоже не сможет пойти. У неё завтра трудный день в техникуме. А вечером вообще завал с этими задачами по теоретической механике. Всего неделю дали на решение всех задач. Я тут же поспешил её успокоить и пообещал помочь с этим делом. Но самое удивительное, это были слова Конкордии Прохоровны:

— Я тоже на свадьбе долго не задержусь. Выпью за здоровье молодых, закушу немного и распрощаюсь.

Мы тут же с Ритой начали уговаривать тещу, чтобы она на нас не смотрела и хорошенько повеселилась на свадьбе. Только эту женщину невозможно было переспорить. Я не знаю, что повлияло на её решение, но наверное причина была важной. Расспрашивать не буду. Если захочет то сама расскажет, а нет, так и ладно. Не очень-то и хотелось.

Пока ужинали, маринад остыл до приемлемой температуры и теперь осталось только залить его. Это недолго, когда умеешь. Рита и Конкордия остались за столом, а я занялся салом. Я конечно не взвешивал, но теща очень удивилась тому количеству сала, что я замариновал. Навскидку около семи-восьми килограмм и это не точно. Я так думаю, что этого нам надолго хватит.

Теща ушла и, раз уж делать было нечего, я решил помочь Рите с решением задач. Не, я не собирался решать за неё. Наоборот, я стал смотреть, как она это делает. В этом деле главное правильно показать и поправить, а не подсказать. В итоге: уже после двух заданий, я разобрался в проблеме. Плавала моя супруга в построении эпюр, а вот с аналитикой у неё всё было хорошо. Пришлось объяснять и показывать. Разобрались, чего уж там. И мне несказанно повезло, что Марго не стала задавать вопросы, о моих таких познаниях в теоретической механике. Наверное думает, что у нас в детдоме этой дисциплиной с детства балуются. Ну и ладно, пусть думает о чём хочет, лишь бы не начала спрашивать. Даже не знаю что бы я ей ответил в этом случае.

Уснули не сразу. Молодые, чего нам спать-то? Но всё когда-нибудь заканчивается. Так и мы обнявшись и прижавшись потеснее друг к другу постепенно погружались в царство Морфея. Я уже почти заснул, когда Марго неожиданно попросила:

— Вилор, я хочу жареной рыбки.

Сквозь накатывающий сон, я ответил:

— Завтра, сбегая на рынок и куплю чего-нибудь.

— Нет. Я хочу свеженькой, только что пойманной.

Спорить с женой, по поводу какая ей нужна рыба: свежая или жареная, я не стал. Тихонько на ушко прошептал:

— Завтра с утра напомни и я чего-нибудь придумаю.

На что, тут же получил ответ, произнесённый сонным голосом:

— С утра не нужно. Ты днём поймай, а мама нам, когда я приду с техникума, пожарит. У ней очень вкусно получается жареная рыбка.

— Хорошо! — только так и смог ответить. А как мне ещё отвечать, в таком случае? Я не знаю.

У меня осталось две недели. А там, кровь из носа, придётся выполнять задание деда. У меня всё готово к этому, только кто знает что может случиться. Но я постараюсь и проведу это время с максимально возможной пользой. Всё для семьи и мне здесь жить дальше! Я всё сделаю для этого! С такой мыслью мой организм отключился и я наконец-то заснул.

Глава 24

У меня и так-то была не жизнь, а какие-то скачки по пересечённой местности. Ни минуты спокойной не было. Постоянно что-то происходило и не всегда это было чем-то хорошим. А с того момента, как Марго попросила свежей рыбки, жизнь вообще понеслась безумным горным потоком. Десять дней пролетели, как один. Я носился по городу — оформляя пенсию, тут помогла подруга тёщи, и получал расчёт в "Калужстрое". Провожал и встречал с техникума супругу. Менял пропорции в сухой смеси для изготовления кирпичей и заносил результаты в лабораторный журнал. Ловил, в любое свободное время рыбу для жены. Под это дело познакомился с сыном сапожника — Фёдором. Он хоть и контуженный, но чутьё, на то, где рыба будет клевать, у него — не от мира сего. Ещё ни разу не уходил без рыбы, если он рядом. Хороший парень, но — со своими тараканами. Один раз, мы с ним до полуночи задержались — налим пошёл. Я целый мешок домой приволок. Пришлось в бочонке солить, потому что другой ёмкости не было. Надо будет повторить, пока есть возможность, а то зима длинная и рыба может здорово выручить, в смысле покушать. Попутно утеплял, как мог и всеми мне известными способами, наш дом. Да и много чего по мелочам делал. И при этом, я не забывал, каждый день, заниматься физическими упражнениями. В общем: пахал как Стаханов в шахте. Отдохнуть удавалось только ночью и то не всегда. Всё-таки мы с моей женой люди молодые, даже, я бы сказал — юные, и ничто человеческое нам не чуждо. Я бы и дальше продолжил крутиться в таком темпе весь год, до следующей медкомиссии. Мне это подходило — вкус к жизни появился и смысл хоть какой-то нарисовался. Ну, может быть, прервался на один день, чтобы выполнить задание деда и продолжил бы дальше. Но всё закончилось сегодня в среду 26 октября.

Я как раз был в сарае, записывал новые данные в журнал. Марго в техникуме. Конкордия Прохоровна у себя дома занимается с заказом. А тут громкий стук в ворота. Выскочил посмотреть, кому там жить надоело. По другому просто не может быть. Все мои знакомые знают, где и как открывается дверь в воротах. Я её если и закрываю основательно, то только на ночь. Для этого есть хитрый засов. Мне его мастер Лепесток восстановил и привёл в порядок, сразу после свадьбы. Днём всё намного проще, просто нажал на ручку двери и заходи. Поэтому стучаться в ворота мог только незнакомый человек.

Вышел на улицу, а тут женщина в форме. Форма очень похоже на милицейскую, но всё-таки не она (смотреть в доп. материалах). Через плечо кожаная сумка, которая и помогла мне определить — кто передо мной. Почтальон. Женщина. Суровая женщина. И небольшой пакет, чуть больше обычного письма, что она мне передала под роспись, выглядел внушительно, благодаря куче марок и штемпелей, и грозно. Правда, пришлось сбегать домой за паспортом, а то ничего бы мне не отдали. Некоторое время мы ещё поговорили. Очень любопытная женщина оказалась. Спрашивала: почему я не выписываю газеты и журналы, как мне удалось прописаться в зоне отчуждения и чем я вообще занимаюсь? Отвечал уже давно заготовленной легендой: денег пока нет даже чтобы выписать одну газету, прописку получил временную — как детдомовец, а занимаюсь пока своим здоровьем — как инвалид. Надоела мне эта почтальонша. Еле-еле удалось её отправить дальше по маршруту. Настырная. Только зайдя в сарай и открыв пакет, я понял этот, внезапно возникший, ко мне интерес. Там было:

"Приглашение на награждение в Кремль"(образцы различных приглашений в доп. материалах).

Сижу, смотрю на этот оформленный по минимуму кусочек плотной бумаги и понимаю, что у меня наступают тяжёлые времена... Дни, если быть точнее. Это полный пинпек и "жэ па" в одном флаконе. В Кремле надо быть 29 октября к 15:00, а задание деда намечено на 28 октября в 19 часов с минутами. Менее суток на всё про всё? По идее, если поднапрячься, то должно получиться. Но, если у меня всё выйдет с заданием, то движение поездов, скорее всего будет остановлено или поезда будут проверяться. Чёрт! Как мне тогда добраться до Москвы? И ведь Собкин тут не поможет никак. Их, да и наверное, вообще всю милицию поднимут по тревоге. Какая от него помощь в таком случае? А мне же ещё себе надо алиби обеспечить... Тьфу, блин! Так и охота заорать, как Лёлик из "Бриллиантовой руки" — «Всё пропало, шеф!» и стукнуть себя по лбу. Весь МОЙ, заранее приготовленный и тысячу раз проверенный план летел к чёрту. Правильно мой дед говорил — что в таких случаях, ничего нельзя планировать заранее. Пришёл, посмотрел вокруг и сделал. Хотя и тут есть варианты. Надо только решить какой подойдёт, для такого случая. Что же за невезуха-то такая? Неужели не могли наградить меня в воскресенье? Или чего, там в Кремле, по воскресеньям не работают — что ли? Им видите ли в субботу удобно, а я тут сиди и думай — как мне быть? А может — ну его на хрям это награждение, потом получу, чего там мне присвоили? Для меня выполнить задание деда — это самая важная задача, а награду потом получу. Не пропадёт ведь она? Мы же в Советском Союзе, в конце концов, где учёт и контроль на самом высоком уровне.

Ничего не решив, я вывел мотоцикл и решил немного проветриться. Да что там скрывать, теперь-то? Надо дорогу проверить. Посмотреть на всякие лужи и канавы. Мне, на задание и с задания, предстоит добираться в темноте. Вот и посмотрю заодно — как и где лучше ехать.

От моего дома до станции Тихонова Пустынь есть множество дорог. Есть самая короткая по старому Калужскому тракту. Кутузов, в своё время, по нему отступал от Москвы. Нормальная дорога — но мне желательно что-нибудь без свидетелей. А тут — то одна, то другая машина или телега проедет. Пару раз я специально проехался вечером, чтобы посмотреть на движение транспорта. Каждый день по разному бывает. Нету никакой закономерности — всё от случая зависит. Меня это не устраивает и может привести к тому, что мою личность кто-нибудь запомнит и опознает. Есть ещё куча всяких просёлочных и местечковых дорог, тропинок и ходов. Вот и проедусь, выберу где поспокойнее.

Часа два я мотался по всяким-разным тропам и тропинкам, которые только русский человек может назвать дорогой. Нашёл, как мне кажется, самый нормальный вариант. При известной доли везения, я вернусь в Калугу незамеченным. Но тут, тоже есть свои нюансы. А вдруг дождь пойдёт? Или снег? Или ещё чего-нибудь? Ничего нельзя предсказать заранее. Я поэтому и не шевелился раньше времени. Хрям его знает эту погоду и каким боком, то есть явлением она повернётся, нельзя сказать уверенно. Теперь-то чего уж — три дня на всё осталось. Можно прокатиться и присмотреться, только аккуратно — не привлекая внимания. В общем — подкинули мне забот эти товарищи из Кремля, с этим своим внезапным награждением.

В процессе покатушек, я очутился в самом странном и необычном месте, которое мне когда-нибудь встречалось. Этот участок леса был местной страшилкой. Все, включая самых отчаянных из местных пацанов, пробовали свою смелость тут. Но — ни у кого ничего не

получалось. Насквозь, этот кусок смешанного леса, никто пройти не смог. Всего-то, где-то километр в диаметре и, если захотеть, то можно обойти вокруг за пару часов. Но вот, что там внутри — никто не знал. Кто бы не заходил, выходил там же откуда начинал путь. Даже милицию привлекали к этому делу. Но ничего не получилось. Хотели вырубить этот участок леса, чтобы люди даже не вспоминали про это него. Но стоило только начать, как тут же начались травмы у людей и непредвиденные поломки механизмов. Мужики совершенно случайно отрубали себе пальцы, кисти, ступни. Ломали ноги и руки, падали без сознания от теплового удара. Трактор проехав пять метров заглох и не заводился никакими способами. А когда всё-таки продвинулись на десяток метров пешком, то у всех появились симптомы отравления и они разбрелись по кустам, чтобы удобрить грунт. Тут-то председатель и понял, что нечего здесь делать и дал отбой операции. С той поры только мальчишки пытаются, каждый год пройти "на слабо" эту преграду. Но только всё без толка. Я тоже пробовал, в той жизни пройти и признал что это нереально. Это пинпек какой-то! Вроде всё нормально, идёшь и смотришь по сторонам, а потом бац — сначала страшно становится, а потом ты уже вышел там же где и зашёл. Хрень непонятная и опасная, кто один раз попробовал, больше никогда туда не пойдёт. Мистика короче. И я вот тут, прямо рядышком очутился. Случайно. На самом краешке, где дерево поваленное лежит и небольшая тропинка мимо проходит. Специально я бы сюда ни за какие коврижки не пошёл. Ну и ладно. Мне давно пора отдохнуть — почему бы и не здесь?

Сел я на поваленное дерево и отдыхаю. А мысли опять потихонечку возвращаются к ситуации с моим заданием. Понятно, что мне придётся крутиться как белка в колесе. Но, в процессе обдумывания и поиска решений, вылезает куча других мелких проблем да и ещё со всех сторон. Как взять билеты в Москву и не ставить в известность Собкина? Он же мне обязательно посоветует ехать в пятницу пораньше, чтобы потом переночевать в горкоме у Крапивина и следовательно, в Кремль попасть отдохнувшим. А мне это ну никак не подходит. Как вообще сделать так, чтобы об этом знало как можно меньше людей? Это же пинпек какой-то начнётся! Мало того, что Катерина возбудится с проводами, так ещё и наши комсомольцы пожалуют — Исипова и Сергачёв с каким-нибудь заданием. Мне оно надо?! Нет! Мне нужна тишина и спокойствие. Вот! Я хочу выполнить задание и забыть об этом навсегда. Если получится изменить историю, то хорошо. А если нет, то посмотрю что ещё можно сделать. Пока же — хочу просто жить.

В какой-то момент успокоился и начал понимать, что есть какое-то решение моей проблемы. Вот только оно, пока, состоит из разрозненных эпизодов мало между собой связанных. Нужен какой-то шаг или действие, чтобы всё это объединить и связать в одну цепочку. Тогда появится возможность всё успеть — выполнить задание и попасть в Москву на награждение. Только что это за шаг, я не мог понять. Ускользало от меня, что-то важное и я никак не мог понять что? Ладно, попробую вспомнить всё с чего, собственно это началось. Всё что связано с тем самым заданием деда. Желательно поминутно и дословно...

(22 марта 1980 год станция Тихонова Пустынь)

Мы приехали в деревню с утра. Повод был замечательный — дед Михаил праздновал свое столетие. Собрались все родственники. В честь такого события приехали даже те, кто уже давно не появлялся. Тётя Света с Сахалина прилетела. Она в Корсаково работала в госпитале ВМФ. Дядя Игорь из Нукуса наконец-то выбрался, он там чего-то в пустыне добывал — жутко секретный родственник. Я его вообще видел впервые. Короче, приехали

все — все тринадцать детей деда Миши со своими половинками и большая куча внуков, и внучек, и даже их друзей. Ну и соседи были, куда же без них-то. Председатель колхоза тоже был — он только что с Вязьмы прибыл и не мог пропустить такое событие. Еле успел к началу, потому что возвращался через Калугу. На самом застолье я почти не присутствовал. Покушал чем угостили и бегом на улицу, нагуливать аппетит с братьями и сёстрами. Взрослые отмечали, а мы носились по Тихоновой Пустыни и её окрестностям. Я уж и не помню чем мы там занимались. Помню, что было весело и мы вернулись домой только тогда, когда полностью промокли и замерзли. Март на дворе — снег и лужи кругом одновременно. А нам было пофиг. Мы бы и дальше гуляли бы, но в темноте это сделать не так-то и просто. К тому же кушать хотели все!

Отогрелись, наелись и опять собрались, только теперь в мастерской деда. Там места много, так что вместились все. Ну и понеслось — рассказы, анекдоты, истории всякие — весёлые и грустные. Сидели хорошо, пока у самых мелких глаза не стали закрываться. Тут бабушка пришла и всех отправила спать. Я же, почему-то, сейчас уже и не вспомню, долго сидел на кухне. Ну, не хотелось мне спать и всё! Сидел, крутил ручку настройки радиоприёмника и слушал всякую фигню.

Дед, как и положено, ложился спать последним (я не в курсе почему так, но это правило, когда гости дома, дед всегда соблюдал). Пришёл на кухню, сел напротив меня и стал набивать люльку табаком. Удивился, что я ещё не сплю. Потом позвал с собой в сени, перекурить перед сном. Я не курил, но пошёл за компанию. Да и развлечение какое-никакое, с дедом посидеть.

Скорее всего он, в этот день, выпил лишнего. Обычно, конечно, знал меру и сильно-выпивши его никто никогда не видел. Сейчас тоже выглядел нормально, но вот язык его выдавал. Разговор сначала был ни о чем. Больше всего деда интересовали мои успехи в боксе. А какие нафиг успехи, когда я только начал заниматься? За полгода многому не научишься. Я так и сказал, что всё ещё впереди. Дед согласился и начал, ни с того ни с сего, рассказывать о своей жизни. Как погибли его отец и старший брат на Русско-японской войне. Как с войны вернулся средний брат. Взял всё хозяйство в свои руки. О тяжёлых временах после войны. О службе по охране границы с Китаем. Как его попытались женить, а он убежал с купцами на Яик. Да и много чего дед рассказал в тот вечер. Я слушал и слушал, и мне было интересно. Неожиданно рассказ резко прекратился.

— А знаешь, внучок, — тихо спросил дед, — что мне больше всего хочется?

— Не-а, — не ожидая никакого подвоха ответил я.

И вот тут дед выдал... Оказывается, когда-то он прочитал книгу Герберта Уэллса "Машина времени" и был поражён, до глубины души такой возможностью, как вернуться в прошлое. Ну и заодно рассказал, чтобы он поменял и как бы это сделал. Я слушал и удивлялся — как, оказывается, мало я знаю про своего деда. А он мне выдавал такие истории, что дух захватывало. И всё подводилось к тому, что если бы, то он бы — ух! Он бы всем показал, как коммунизм построить! Ну и всех победить, заодно! Развоевался дед не на шутку, даже кулаком по бочке, какой-то постучал аккуратно, но — так, внушительно. Бабушка даже проснулась и выглянула в дверь, чтобы посмотреть чем мы тут занимаемся. Ясен пень, что дед её загнал назад, чтобы не мешала нам тут разговаривать. Но одно хочу сказать, что сделал он это ласково. Вот ведь...

Я не знаю сколько было времени, у меня тогда своих часов не было, но ни я, ни дед спать не хотели. Он даже отвлёкся и метнулся в дом на минутку. За табаком бегал. Ну и

рюмочку принял, скорее всего. Вернулся и продолжил фантазировать. А мне уже самому интересно стало, что же он ещё такого понараскажет. Карибский кризис и смерть Чкалова и это не всё, что дед хотел предотвратить. Краем я узнал, что у деда большое желание набить морду Тухачевскому за поход на Польшу. Не знаю, чего он к нему прицепился? Там не только Тухачевский виноват, по моему. Всё завершилось внезапно.

— А ещё, внучок, — с видом мирового заговорщика, тихо, на грани слышимости, произнёс дед, — я знаю, где и во сколько будут находиться некоторые суки, которых не грех и прижать посильнее. Представляешь возможности?

Я помотал головой, показывая, что не совсем понимаю.

— Ну вот смотри... — и дед начал объяснять.

Куча имён и фамилий, которые мне ни о чём не говорили. И деятельность этих людей против Советской власти. Я чуть не заснул, честное слово. Ну мелкий я был, в то время, не понимал ничего. Но дед, на это не обращал внимания и продолжал рассказывать.

— А ещё был случай, двадцать восьмого октября 1949 года. Я на станции, позади вокзала стоял. Ждал, когда буфетчица освободится. Мне бочку пива надо было на свадьбу забрать, а она чего-то всё тянула. Сажу в телеге, курю. Вдруг выбегают из-за угла три солдата с оружием. На меня карабины направляют. А я что? Объясняю им, что пиво жду уже час. В шесть часов привезли три бочки, закрыли буфет чтобы принять товар. Прошёл час, а всё ещё не продают! Ну и вроде отцепились. Только отогнали подальше, к пакгаузу, там тоже коновязь была. Переехал, чё мне. Хожу вокруг телеги, греюсь — не май месяц и довольно прохладно. Ну и любопытно мне стало. Решил проверить, что там такое? Осторожно, благо темно было, обошёл пакгауз с дальней от перрона стороны. Выглянул из-за угла-то, посмотреть, что за суета такая непонятная происходит. У перрона литерный стоит! Кругом солдатики в оцеплении — наблюдают за обстановкой. А на перроне, прямо возле фонарного столба, маршал Маленков и ещё два каких-то генерала стоят и курят. Я этого козла, тогда, сразу узнал. Его счастье что, в то время, мне было неизвестно, какой он на самом деле человек. Не посмотрел бы на оцепление и убил бы прямо там. У меня и мелкашка была в телеге тогда. Стрельнул бы и никто ничего не понял. Но тогда, я про него ничего не знал! И поэтому, только стоял и смотрел, как они разговаривают и курят — интересно же. Потом паровоз подцепился и они начали залезать в вагон. Вот тут-то и надо было стрельнуть. Упал человек — ну и что, с кем не бывает, выпивши ведь? Ещё и шум, гам, свистки паровоза, вагоны стучат, какие-то пьяные рвутся наружу из буфета, со стороны элеватора ещё парочка парней подошли и пытаются в буфет попасть, а я стою за углом и меня не видно. Расстояние всего-то метров тридцать — а с такого, я не промахиваюсь. Понимаешь какая возможность была? Если бы удалось опять попасть в то время, я бы не сомневался и выстрелил! Одним предателем дела Сталина, стало бы меньше.

Я согласился. А что мне ещё делать? Деда в таком состоянии я видел впервые. Заодно пообещал, что если в будущем изобретут машину времени, то я воспользуюсь теми знаниями что услышал сегодня. А потом пришла бабушка и разогнала нас. Ей уже надо идти корову доить, а мы сидим разговариваем. Мешаемся. Деду больше всего досталось. А я маленький, мне только подзатыльник прилетел, да и то любя. Зато спал как убитый, аж до обеда. Когда проснулся, то дед вообще никак не выдал, о чём мы с ним разговаривали полночи. Но иногда поглядывая на меня и моргал одним глазом, вроде как напоминая.

Вот так всё и было тогда...

(26 октября 1949 года, среда. В окрестностях станции Тихонова Пустынь).

Я сидел и вновь переживал, всё что происходило на дне рождения деда. Никаких подсказок, что мне могут помочь, я не обнаружил. С другой стороны, я мог чего-то забыть. Это же было фиг знает когда. И я, в то время, всё воспринимал по другому. Мелкий был и мог, просто не обратить внимание, на какие-либо мелочи. Зато, точно убедился, что план предложенный дедом я изменил в лучшую сторону. Я просто не смогу стрелять из-за угла пакгауза. Оцепление, это не колхозники с двустволками, а вполне себе боевые ребята. Дырок лишних понаделают и фамилию не спросят. Я поступлю хитрее и буду находиться на чердаке пакгауза. Хотя, какой там нафиг чердак — так, технологическое помещение. Прослойка между крышей и перекрытием первого этажа. Там даже в полный рост нельзя встать. Высота всего полтора метра. Но мне пофиг, я и не по таким неприспособленным к нормальному перемещению углам лазил. Так что не привыкать — справлюсь. Мне нужно сделать всего один выстрел и всё. Я буду свободен от обещания и наконец-то начну жить так как хочу! А на тех двух генералов, что будут вместе с Маленковым, мне совершеннейшим образом пофиг. Им и так достанется, пока будет идти расследование. Берия таких вещей не пропустит и вцепится в них, как Тузик в грелку. Да и порвёт скорее всего, выбивая показания. Там не только расстрелом пахнет, а как бы не чем поосновательней. Только я не знаю чем.

Сижу дальше, отдыхаю и опять вспоминаю. Был у нас с дедом ещё один разговор на эту тему. Буквально за неделю до его смерти. Не такой долгий, как на его дне рождения, зато коротко и по существу. Он тогда очень просил не забывать про то, что мне рассказал. И обязательно воспользоваться, если кто-то изобретёт машину времени. Я помню, что дед рассердился на меня и опять, как и в тот раз, стукнул кулаком по первому, что попало под руку. По холодильнику, вроде. А я что? Я спросил только:

— А что мне делать если, на моём веку, машину времени не придумают?

После того, как холодильник поставили на место, дед ответил:

— Тогда сыну своему расскажешь! И с него возьмёшь обещание, что он воспользуется этими знаниями. А если, и у него ничего не получится, то внукам передаст. Когда-нибудь, я в это верю, наши учёные придумают машину времени. Вот тогда эти знания и пригодятся. Понятно!

Дальше, дед уточнил много всяких деталей. Я сейчас несколько раз прокрутил этот разговор в голове, вспоминая всякие детали, но каких-либо подсказок не обнаружил. Ладно, чего уж там, как-нибудь разберусь. Не может быть, чтобы не было выхода. Не верю! Меня не так воспитывали.

Можно наверное и собираться. Мне ещё до Калуги надо добраться, а там и Марго пора встречать. Поеду. Мотоцикл хорош когда некого опасаться. Пофиг на его тарахтение, главное что мотор тянет, а не педали крутишь. Ещё раз, уже с другой стороны, проверил путь, по которому буду уезжать после выполнения задания. Память у меня хорошая, так что даже в темноте не заблужусь. Моя задача тихонечко проскочить мимо населённых пунктов. И я надеюсь что всё получится. Я выбирал тропы, по которым даже днём народ почти не ходит. Так что вечером точно никого не будет. Не спеша и попутно запоминая все повороты, я добрался до лесопилки.

Почти добрался. Отсюда до моего дома всего ничего. Надо прямо тут присмотреть местечко, для моего алиби. Я же пойду, как бы на рыбалку. Вот и нужно соответствовать легенде. Десять минут прокрутился по берегу и нашёл хорошее место. Мечта настоящего

рыбака! Группа кустов загорживает вид со стороны города, а возле речки небольшой пятючок свободный от растительности. Как раз места хватит, для меня и велосипеда. Ну и парочку донок-закидушек можно будет поставить. Решено! Тут и буду "рыбачить".

Теперь остаётся вопрос с приглашением. Нужно ставить в известность всех или только мою семью? Я склоняюсь к тому, что нужно вообще, на некоторое время, просто забыть об этом. Обратнo запечатать конверт и положить до вечера пятницы куда-нибудь. Потом, для всех, типа вспомню и посмотрю. А там уже некогда будет, что-либо решать. Да и, скорее всего, никто не сможет помочь. В случае, если движение по железной дороге остановят, можно на мотоцикле до Малоярославца доехать. А там на любом поезде до Москвы, как нечего делать. В общем всё решается и моя главная задача — это выполнить задание. А там разберёмся, я так думаю.

Зашёл домой, а там обед на столе стоит. Это тёща постаралась. Замечательная женщина. Я даже не стал разогревать, прямо так холодное покушал. Теперь можно отдохнуть часок и можно за Ритой съездить. Ей про мои проблемы знать не надо. Пусть учиться и не забивает голову всякой ерундой. Мне ещё надо с Фёдором, сыном сапожника встретиться. Насчёт рыбки с ним договориться. Я же сегодня ничего не поймал, вот у него свеженькой прикуплю, для жены. А что? Рита просит рыбу на ужин, каждый день. Где мне её сейчас искать? Один раз, в виде исключения, можно воспользоваться услугами Фёдора. А потом, когда всё успокоится, сам буду ловить. Хоть целый день буду проводить на рыбалке. Надо чуть-чуть потерпеть и всё наладится.

С сыном сапожника, у меня проблем не возникло. Всю крупную рыбу, что поймал за сегодняшний день, он мне обменял на двухцветный карандаш. У меня таких ещё два есть, не обеднею. Зато жена будет довольна.

Пока отвозил рыбу тёще, пока переодевался пришла пора встречать жену. Сегодня поеду на мотоцикле. Мне кое-что нужно купить по дороге, а это время. Неохота опаздывать, а эта тархтелка позволит успеть сделать всё. Надеюсь, что возле техникума будет где посидеть. Пока буду ждать жену, есть возможность хорошенько всё обдумать и может быть, всё-таки найти способ как совместить несовместимое. Не верю, что нет никакой возможности оказаться в Москве. Буду думать.

Глава 25

Вчера был тяжёлый день и само-собой такой же тяжёлый вечер. Так-то всё было нормально: встретил Риту, прошились по магазинам, купили всякую фигню и пришли домой. Потом быстро перекусили и разошлись: я в сарай работать, а Марго к маме помогать с заказом. Только спокойно работать я не мог. У меня, даже, периодически возникало желание разделить на пополам, чтобы быть во всех местах одновременно. И, что самое интересное — это то, что, по идее, к выполнению задания всё готово. А вот не могу сидеть на месте — и всё тут! Раньше мне удавалось успокоиться занимаясь каким-нибудь делом. Сейчас же любое занятие превращалось в пытку. Не знаю, как это объяснить, но это, наверное, что-то сродни женскому желанию рассказать свежую новость всем своим подругам. Вот и я хотел рассказать и боролся с этим хотением одновременно. В конце концов я решил — что не буду говорить о приглашении в Кремль. В пятницу всё расскажу и покажу, а там — хрям с ним и пусть будет что будет. И вот эта вынужденная хитрость, или скорее умолчание, мне не давало успокоиться. Дурдом полный.

Успокоиться удалось только ночью. Не знаю, чего там подумала Марго, но — утром, когда проснулись, она смотрела, на меня, с каким-то непонятым выражением. Перестарался что ли? Вроде, всё как всегда. Может чуть дольше, чем обычно. Зато отрубился моментально и выпался нормально. Взамен обрёл какое-то внутреннее спокойствие, что и показал лёгкий подъём. Подскочил с желанием жажды деятельности. Небольшой морозец на улице добавил энергии в мои движения. А последующие упражнения с бревном вообще выбили из головы последнюю хандру и ненужные сомнения. Последующий завтрак укрепил мой дух и ввёл мой организм в восторг. Из-за чего, я был согласен на все, о чём попросила супруга по дороге на учёбу. Правда обратную дорогу из техникума, я пытался вспомнить, что это за зверь такой — калья? Но что-то ничего у меня не получилось. Вроде встречалось это название в какой-то книге. Ладно, спрошу у тёщи, чего уж там. Она умная и много чего знает. Надеюсь, что поможет. Иначе придётся искать ответ у других компетентных товарищей. Например у Катерины. Эта точно знает — что это такое?

Сразу по возвращении домой, к Конкордии Прохоровне не пошёл. Образовалась небольшая проблемка. Это Витас учудил. Забрался, каким-то неведомым образом, в подвал и теперь громко тьякал и поскуливал, стараясь привлечь внимание. Пришлось помогать этому мелкому члену семьи. Зато сколько радости было у пёселя, когда я его достал из тёмного помещения в светлую кухню. Ему как-будто бы батарейку Энерджайзер кое-куда воткнули, так он носился по дому. А радостный лай слышали, наверное, в центре Калуги.

Тёща обрадовалась моему появлению. Тут же усадил за стол и до одурения напоила чаем со свежими коржиками. В процессе разговора я всё-таки смог узнать, что это за блюдо такое — калья. Как оказалось это та же самая солянка, но только из нескольких видов рыбы. Во блин! Век живи — век учишь! И ведь слышал и даже пробовал, правда под другим названием «Солянка рыбная, сборная», когда-то. Но — не суть, задание понятно и пора поработать. Придётся посетить калужский рынок, чтобы прикупить разной рыбки.

Вроде бы всё нормально, но вот сияющий вид тёщи меня удивлял. А началось всё с уточняющего вопроса Конкордии Прохоровны:

— А что это ты, Вилор решил про калью узнать?

А чего мне скрывать? Я и сказал:

— Рита попросила приготовить. А я не умею. Вот и спрашиваю.

Вот тут-то у тёщи и появилось это выражение безумной радости. Хотя, нет. Она сначала опять уточнила:

— Ритулька попросила?

— Да, — ответил я и добавил, — только она сказала, чтобы Вы приготовили, а я помог в этом.

Вот! Вот тут-то и возрадовалась Конкордия Прохоровна. Засияла улыбкой и блеском радости в глазах. Мне кажется, что от неё, даже, свет какой-то необычный стал исходить. Такая она была, прям как лампочка счастья, в эту минуту, что любой бы позавидовал. Ну а я, чтобы не терять время, потому что фиг его знает сколько эта калья готовится, сразу попросил тёщу озвучить весь список того, что нужно купить. Только, в этот раз, Конкордия отказалась от моих услуг. Прямо так и сказала:

— Калья — это дело хитрое. К тому же, я свою дочку знаю и её вкусы тоже. Сама схожу и куплю то что нужно. Надо только не забыть бидончик с собой взять, под рассол огуречный. Его много будет нужно.

Это меня удивило и я сразу же поинтересовался:

— А что — у нас своего рассола нету? Вроде солили огурцы и немало?

— Есть у нас всё, — тут же ответила тёща, а потом объяснила, — но для кальи наш рассол не пойдёт. Надо искать с тархуном в составе, а я его, в свои соленья не добавляю. Вот такие тонкости и это ещё не всё. Но ты, Вилор, не беспокойся. Я всё сделаю сама и именно так, как понравится моей дочери.

Ладно, с этим разобрался. А мне чем заняться? Наверное в первый раз, я не хотел заниматься изготовлением кирпичей. И одна только мысль, что придётся дотошно и скрупулезно заполнять лабораторный журнал, меня выводила из себя. Поэтому я недолго думая, решил ещё раз проехаться по пути моего отступления. А что? Вдруг лишняя лужа посреди тропинки образовалась, а я не в курсе буду.

Собрался и поехал. По пути заехал на лодочную станцию. Там заправил бак мотоцикла под закрутку. И уже теперь, полностью отдался изучению дороги.

Правильно я сделал, что решил проверить. Прав был мой дед, когда говорил, что нельзя всё планировать заранее, если может вмешаться погода или советская действительность. Одну из дорог, что шла между полей, какой-то умник, пересёк на гусеничном тракторе. Она и так-то была, не очень по качеству, а тут образовались две канавы поперёк пути. Пусть они были совсем неглубокие, но для меня, когда я буду ехать в темноте, это стопроцентное падение. Вот фигли этот трактор тут проехал? Чё блин, нельзя было как-то по другому вырулить? Ладно, хорошо что вовремя заметил. Теперь буду осторожнее.

Еду дальше и всё примечаю. Это сейчас я на мотоцикле, а завтра всю дорогу только педали буду крутить. Мотоцикл очень шумный, а если учесть, что дело будет происходить вечером, то можно себе представить, как далеко его будет слышно. Я и велосипед обязательно смажу, там где надо — получше и погуще. Чтобы даже скрипа никакого слышно не было. Кстати, не забыть про седло! Надо что-то с ним делать тоже — скрипит сволочь, как у Боярского в песне. Ну там, где про "Скрипит потёртое седло и ветер холодит былую рану" — вот и у моего велосипеда, та же самая проблема. Ещё и скрип такой неприятный. И ночью точно будет далеко слышно. Подумаю, что с этим можно сделать.

Еду не спеша и жалею, что на мотоцикле нет спидометра. Просто стало интересно,

сколько километров я намотал за эту поездку. Так-то, по моим прикидкам, расстояние от моего дома до вокзала Тихонова Пустыни примерно шестнадцать-семнадцать километров. Ну невозможно все повороты и изгибы точно посчитать, а там их немерено. Если ничего не помешает, то на дорогу уйдёт пара часов — не более. Это я по самому плохому варианту беру, а так всё будет гораздо быстрее. Да и спешить я не собираюсь. Не хватает мне, в темноте, по ломаться по-дороге из-за спешки. Ну его нафиг такие приключения! Я лучше аккуратно и тихонечко — без спешки, но — зато целый и невредимый. Мне главное, по завершении, от станции отъехать, хотя бы на километр, а там дальше спокойнее будет. Поздний вечер пятницы, чего людям в лесу делать? Хотя, припоминая свою молодость, знаю, что всякое бывает. Можно и медведя, ни с того ни с сего, встретить. А что? Осень на улице и эти товарищи ищут где им зимовать. А ещё есть такое выражение "темнота — друг молодёжи" и кто там, в этой темноте, ходит и дружит — это другой вопрос. Но встретиться случайно, что медведь, что молодёжь может одинаково.

На станцию я не поехал. Нечего мне там делать. Там всё давно промеряно и разведано. Специально, в любой удобный момент, шагами мерил. И ещё — как можно светить свою физиономию в месте проведения операции? Я не такой отчаянный балбес, хотя иногда сомневаюсь в этом. Зато нашёл превосходное место, где можно спрятать велосипед — до поры до времени. Есть, недалеко от станции, маленький ручеёк. И в одном месте, через него проложен мостик. Он из тех, что делают надолго — крепкий и надёжный. Жаль что пешеходный, но для меня это, на данный момент, не суть важно. Важно, что под ним отлично можно спрятать мой велосипед. Там, по идее и мотоцикл легко войдёт, только не надо мне это.

Пришлось несколько раз проехать и запоминать путь к этому мостику. Вроде никто не обратил внимания. Все или учатся, или работают. Народу почти и не видно. Да и я стараюсь не показываться на глаза. Чуть чего, сразу отворачиваю в сторону. Но всё же я решил возвращаться. Скоро дети пойдут со школы, а это ещё те ребята — любопытные и любознательные.

В Калугу вернулся слегка изменив путь. Всё-таки лишняя тропинка, по которой можно, в случае чего, проехать, мне не мешает. Собственно на этом подготовка путей отступления закончилась. Если не пойдёт снег с дождём или не ударит сильный мороз, что маловероятно, то у меня всё готово. Но я точно знаю, что завтра будет нормальная погода — пасмурно и с температурой около нуля, но — без дождя и снега.

Пока разъезжал по окрестностям, придумал чем мне заняться вечером. Надо приготовить снасти! А это дело не быстрое. Что-то у меня есть готовое, а что-то нужно, как можно быстрее, сделать. Вот и славно, хоть какое-то занятие нашлось.

Пришлось сделать небольшой крюк и заехать на рынок. Мне не мешает кое-что прикупить, раз уж собрался изготавливать рыболовные снасти. Наверное, на небесах что-то произошло. То что я искал уже давным давно и не мог найти — наконец-то появилось в продаже. Пусть в единственном экземпляре и только у одного человека, но это было то, что мне нужно. Большая катушка шёлковых ниток — настоящих, китайских. Тот гражданин, что их продавал, показал мне бумажную, чёрно-белую нащёпку, сбоку катушки, с плохочитаемыми иероглифами. Наверное, это должно было меня убедить в подлинности страны изготовителя. Мне было пофиг на бумажку. Я просто попробовал эту нитку, как говорится "на разрыв" и чуть не остался без пальца — крепкая оказалась и тонкая. Продавец как знал, гадёныш, что такое может быть. Очень уж быстро нашёл чем перевязать рану.

Хорошо, что пострадал мизинец левой руки это не повлияло на мою мобильность. Я расстроился и поэтому вернулся домой, не в самом хорошем настроении.

Дома пришлось искать чем лучше замотать ладошку. Ничего не нашёл и пошёл к Конкордии Прохоровне сдаваться. Как следовало ожидать, сразу начались охи и ахи, но, после пяти минут причитаний, мне очень качественно замотали руку. В добавок ещё и накормили всякими вкусностями. Пока насыщался, смотрел как тёща готовит калью. А потом и немного поучаствовал. Разбирал варёную голову сома. Конкордия использовала эту голову в качестве основы для рыбного бульона. А что? Нормальный бульон получился — наваристый. Даже на вид это было видно. А вот как дальше всё приходило, я не видел. Меня вызвал на разговор местный участковый.

Товарищ Ломарь интересовался возможностью аренды моего мотоцикла, иногда. Да мне собственно не жалко. Я только про бензин спросил и масло, а так возражений, с моей стороны никаких не было. Зато мне пообещали помощь в ремонте и поиске запасных деталей. Договорились, что Пётр Сергеевич заранее будет меня предупреждать, когда ему понадобится мотоцикл. Пожали друг другу руки и ещё минут пятнадцать просто так, и ни о чём стояли разговаривали. Я похвалился купленной шёлковой ниткой, а участковый тем, что на днях поймал налима под пуд весом. Я сделал вид что поверил и товарищ Ломарь наконец-то ушёл.

Вернувшись домой сразу засел в сарае. То что у меня нет свинца для донок, я понял почти сразу и это окончательно ухудшило моё и так фиговое настроение. Начал искать чем можно заменить. Кроме, как набор, каких-то железяк, ничего не обнаружил. Решил покопаться в соседнем помещении, где сушились кирпичи. Раньше тут сено было, в большом количестве. Я его иногда использовал, на всякие мелочи. Поэтому сейчас оно тоже присутствовало, но уже не так много. Когда начал поиски, то неожиданно для себя нашёл соломенную куклу. Такие дети делают(смотреть в доп. материалах). И эту скорее всего сделала Евдокия, да и забыла потом, что не удивительно — с её-то непоседливостью. Эта кукла стала началом моих находок. Тут под сеном много ещё чего нашлось — нужного и не очень. Видать ребята скидывали сюда всякий хлам, вместе с сеном без разбору.

Час я потратил, чтобы найти что-то более-менее подходящее, для моих целей. Постоянно приходилось отвлекаться, чтобы рассортировать нужное от ненужного. Ящик с болтами, гайками и шайбами разных размеров, я нашёл самым последним. Ну это, как раз не удивительно, всё согласно закону подлости. Сегодня вообще день не очень удачливый, для меня. Так невольно начнёшь верить во все эти гороскопы с магнитными бурями и ретроградными Меркуриями.

Изготовление донок, по идее нудный процесс. Зато он прекрасно отвлек меня от мыслей, о предстоящем задании. Потому что, чтобы я не делал, а эти мысли постоянно крутились в голове. И вот такая монотонная работа прекрасно отвлекала от них. Вроде бы отвлёкся, а всё равно, независимо от обстановки, мозг продолжал анализ. Я не знаю как это происходит. Но — от результата этого процесса, я впал в шок! Мы с дедом два балбеса! Мы не подумали о том, что пока я выполняю задание, дед будет стоять рядом. Он ведь придет за продуктами для свадьбы. Будет ждать когда откроется буфет. А тут я со своим заданием. Охрана, скорее всего, не будет разбираться и начнёт хватать всех кого встретит поблизости. Значит и деда могут задержать. Поверят ему или нет это неизвестно. Но то, что у него в телеге будет лежать винтовка может сыграть самым плохим образом.

Я перестал что-либо делать. Застыл на месте и пытался найти выход из создавшейся

ситуации. Но ничего более-менее подходящего в голову не приходило. Что делать? Бежать на Тихонову Пустынь, к деду домой и всё ему рассказывать? Так он не поверит ни одному слову. Ещё и по-матушке пошлёт, с этим у него всегда было просто. А может и нагайкой по спине перетянуть. Ну нафиг, я лучше чего-нибудь ещё придумаю. А может с ним прямо перед заданием поговорить, когда он к буфету подъедет? А что я ему скажу — что я его внук и приехал из будущего? Какой нахрен внук, когда мой отец ещё пешком под стол ходит. Дед материалист и не поверит никаким доводам. Я честное слово не знал, что можно придумать. Чудо, что не свихнулся от переизбытка эмоций. А тут ещё, опять, некстати вспомнил о награждении. Отчаяние или нет, не знаю, но — в этот момент, я всё больше склонялся к мысли, что про награду, на время можно забыть. И ещё добивало то, что я не подумал об этом раньше. Занимаюсь всякой фигнёй, а такой важный момент упустил. В общем: в голове творился полный бардак и вакханалия.

Не находя решения, я ругал себя самыми неприличными словами. Ситуация неприятная и главное, что в ней виноват я сам. Пару раз я пнул мотоцикл. Пинком вышвырнул какое-то ведро, что попало под ногу. Потом решил всё-таки успокоиться и подумать. Сел на стопку кирпича и вроде как начал искать решение. Тут меня нашёл Витас. Он почему-то решил именно в этот момент поиграть. А объектом своей игры выбрал соломенную куклу. Пёс вцепился в неё и начал трепать из стороны в сторону. А так как, я сидел рядом, то вся пыли и мусор полетели мне в лицо. Попытка отобрать, это соломенное чудо, привела к тому что, в процессе игры Витас меня укусил. Не сильно. И я бы это даже не заметил. Но укус пришёлся в порезанную ладонь. Мало того, что было больно, так ещё кровь опять начала сочиться. Ух, блин! Так я давно не ругался. Досталось всем, а особенно мне самому.

Немного стало спокойнее, когда пришла тёща. Она позвала меня попробовать калью. Конечно же я пошёл. Чего мне по двору бегать и махать укушенной рукой, когда есть возможность спокойно пообедать. А там Конкордия и её разговоры о методах приготовления различного вида супов и рассольников. Глядишь в процессе лекции сподоблюсь и придумаю что мне нужно делать? Мозг он ведь до конца не изучен и что там внутри происходит никто не знает. А на меня всегда хорошо действует, сытная и вкусная пища! Посмотрим. По крайней мере, я ничего не теряю.

Всё-таки тёща у меня отличная хозяйка. А калья, которую она приготовила это вообще что-то. Такого вкусного супа я не пробовал никогда. Что уж говорить о бутербродиках с щучьей икрой, которые нужно было есть вприкуску с кальей — это вообще отдельная история. Я конечно сомневался в качестве икры. Ведь, если мне не изменяет память, то щука нерестится весной и как эта икра дожила до осени, мне неизвестно. Но вкус блюда вообще — все мои сомнения отмёл.

Пора было встречать Марго. Я хотел уже пойти за велосипедом, но был остановлен Конкордией. Меня попросили по дороге купить сметану. Тёща покупая всё для кальи, совсем забыла про неё. И теперь я должен был это исправить. Да мне это не в напряг как-то. Тем более, что всё равно с Ритой будем идти мимо продовольственного магазина. Почему бы и не купить? Дал согласие и получил стеклянную банку в нагрузку. Ну и ладно, зато Марго будет есть калью со сметаной, а не как я — просто так.

Сегодня встречаю Риту на велосипеде. Решил, что так будет лучше. Во-первых — нагрузка на мышцы, а следовательно мозги начнут работать в другом направлении. Во-вторых — хорошая погода, почему бы и не проехаться. Витас меня не хотел выпускать со двора. Встал возле калитки и фиг его сдвинешь с места. Пришлось применять метод сладкой

сказки. Это когда даёшь кусочек сахара понюхать, а потом кидаешь его куда-то в сторону огорода. Пёс бежит туда и начинает искать, а ты быстренько смываешься, пока он занят поисками. Грех конечно обманывать пёселя не разумного, но мне простительно. У меня причина уважительная — я иду встречать супругу. Ну и сметану нужно купить, куда ж без неё.

Вот если кто-нибудь, в том времени, мне бы сказал, что я буду в темноте, осенью, при нулевой температуре, на велосипеде встречать любимую девушку — в глаза бы рассмеялся. А тут ничего, еду и встречаю. И всем вокруг пофиг. Потому что время такое, когда на улице чего и кого только не встретишь. По меня я вообще ничего говорить не хочу. Моя физиономия с фашистским велосипедом вместе, по моему, уже всем примелькалась и вопросов не вызывает. Доехал до техникума и никто в след не сказал, что я придурок. Типа в холод на велике разъезжаю. Понятие у людей совсем другое — если еду значит надо и всё тут!

Рита выбежала довольная как будто бы мультик на лекции показывали, а не скучную тему рассказывали. Что мне сразу понравилось. Мне такая жена, даже больше нравится, чем грустная и задумчивая. Так что в поход по магазинам в поиске сметаны мы пошли весело улыбаясь. Причём Марго постоянно уточняла — приготовила Конкордия калью или нет? А я что? Отвечал правду — что всё давно готово и ждём только её.

Вот пока шли и разговаривали на весёлые темы, я как-то забыл про свои проблемы. А стоило зайти в магазин и остаться одному, как мозг начинал искать выход из создавшегося положения. Вечером всегда очереди в магазинах. Поэтому мы с Ритой разделились. Она стояла в кассу, а я стоял в отдел. Всё-таки в государственной торговле это не в коопторге. Тут порядок покупки совсем другой. Вот в очереди меня и настигали всякие разные мысли, о моём задании.

Сметану купили и аж целую литровую банку. Рита ещё меня уговорила, да и я не был против чтобы взять полкило творога. Ей хорошо, а тащить всё это богатство мне. Но, что не сделаешь ради любимого человека и уж тем более жены. Донесу не развалюсь.

Мы только вошли в дом к Конкордии Прохоровне, как Рита стала улыбаться ещё шире. Ну да! Запах рыбной солянки стоял одуряющий. Как мне кажется, я согласен скушать ещё одну тарелочку этого блюда. Радостно потирая ладони мы с Марго заняли места за столом. Тёща не стала растягивать время и навалила нам по полной тарелке. Сметану добавляли сами. Бутерброды с икрой были готовы и ждали когда их возьмут. Мы с Ритой посмотрели друг на друга.

— Гаф! — подал голос Витас, прижимая лапой потрёпанную соломенную куклу.

Мы с Ритой приняли это, как сигнал и приступили к поеданию калыи.

Этот суп, я, теперь считаю, мало того что очень вкусным, так и ещё немножко волшебным. Стоило только съесть первые пару ложек, как я нашёл способ, как сообщить деду об опасности. Это было так неожиданно и просто, что я начал смеяться. Смеялся как дурак и не обращал внимания на то, что жена и тёща с недоумением смотрят на меня. А я вроде как и хочу остановиться, но просто не могу. Сил не хватает. Сижу, ржу и с каждой минутой все сильнее и сильнее. Понятно, что это такая реакция организма, но выглядит это, со стороны, как-то по дурацки скорее всего. Кое-как успокоился и отдышался. Пришлось оправдываться тем, что вспомнил анекдот, на тему общественного питания. Иначе меня бы не поняли. Ну и рассказал, конечно, сразу:

— «В столовой. Мужчина спрашивает на раздаче:

— А суп есть?

Ему отвечают:

— Есть один.

— Какой?

— Гороховый рассольник.

— Это же два супа? — возмущается мужчина.

— Теперь один, нам кастрюля нужна была».

Теперь смеялись все вместе. Только жена и тёща над анекдотом, а я над самим собой.

Мне было так легко, что смех сам собой не хотел прекращаться. Я нашёл решение и у меня всё получится!

Глава 26

Вчера засиделись с Марго в сарае до позднего вечера. Ни с того ни с сего Конкордия Прохоровна отпустила мою жену домой. Может заказ весь доделала, а может и ещё чего — я не в курсе. Дома, я сначала помог Марго разобраться с её домашним заданием, а потом уже она помогала мне с изготовлением рыболовных снастей. Это был наверное самый лучший наш совместный вечер. Мы же не только тупо решали задачи на кухне и крепили рыболовные крючки в сарае, а ещё и обменивались новостями, шутили, смеялись и разыгрывали друг друга. Весело было и как-то по настоящему, по семейному. Рита попутно навела порядок в том бардаке, что творился в сарае из-за моих опытов. Стало уютно и хотьхлама и всяких ненужных предметов всё равно было много, но это уже выглядело совсем по другому. Конкордия Прохоровна забрала у меня жену, где-то в девять часов вечера. Они пошли готовить ужин. Я же решил сделать то, с помощью чего можно предупредить деда об опасности. Если быть точнее то, попытался вспомнить — как это сделать. Это же, когда было? Ещё в той жизни и я, тогда, даже в школу не ходил. Бегал как хвостик за дедом, а он мне казачьи сказы рассказывал. Ну и всякие хитрости, что могут пригодиться настоящему казаку, показывал. Как костёр развести с помощью одной спички. Как в лесу не заблудиться. И много чего ещё. Я тогда мелкий был и следовательно очень любопытный. Мне всё было интересно. Помню хорошо, как...

Дед сидел на телеге и крутил в руках пучок соломы. Скручивал в жёсткий жгут и перевязывал, придавая форму вытянутой восьмёрки. Потом сплёл коротенькую косичку и вставил в одну из петелек восьмёрки и ещё одну поперёк. Получился знак бесконечности с крестом в одной петле.

— Смотри, внучок, — сказал дед, передавая мне это плетёное изделие, — если повесить вот этот знак в любом месте, то ни один казак туда не пойдёт. Это знак опасности. Такой вешали над входом в станицу, если мор какой напал. Ну там холера или оспа, или чума какая. Если снег скопился, на перевале, то тоже ставили треногу с таким знаком.

Я покрутил в руках эту штуку. Как-то не серьёзно она выглядит и очень похожа на куклу, только платья не хватает. Тут дед опять прервал мои размышления:

— Ну-тка, возьми соломки и попробуй сделать такую же.

Раза с пятого у меня начало получаться что-то похожее на оригинал. Хотя, как мне объяснил дед, тут особой красоты не нужно. Достаточно соблюдать форму и не забыть, что петля с крестом должна находиться снизу. Потом, на какое-то время, дед отвлёкся на разговор с соседом. А когда сосед ушёл, то мы поехали домой...

Вот и сейчас, сидя в сарае, я пытаюсь сплести такой же соломенный знак. Сделаю штук десять и развешу вокруг вокзала, на самых заметных местах. Чтобы дед даже дышать не подумал в сторону станции, чтобы пукнуть рядом с вокзалом поостерёгся. Мне он живой нужен, а не арестованный и расстрелянный. А бочку с пивом можно с утра купить. Ничего, свадьба не с самого утра начинается, потерпят гости.

Я удивляюсь, что раньше не вспомнил о такой простой штуке. И ведь, мне, весь день, отовсюду были напоминания и подсказки связанные с опасностью и соломой. А окончательно я понял — что к чему, только когда Витас притащил ту самую куклу ручной работы. Не знаю как, но пёс растрепал её и она стала напоминать ту самую восьмёрку или

знак бесконечности.

Выбежала Рита и позвала на ужин. А что? Можно и покушать, а с этими соломенными знаками завтра разберусь окончательно.

За столом я не стал терять время и начал постепенно готовить моих женщин к важному сообщению. Начал с того, что вскользь упомянул о Фёдоре и его предчувствиях. Якобы, завтра вечером ожидается прямо-таки необыкновенный жор у всех видов рыб, что водятся в Оке. И я хочу этим воспользоваться. То есть пойти порыбачить на вечернюю зорьку. Женщины согласились со мной и подтвердили, что Фёдор никогда не ошибается и этим надо воспользоваться. Тем более, что зима на носу и лишних продуктов не бывает. Не забыл, прямо во время ужина, порадоваться тому, что льда на речке ещё нет и значит не надо его долбить. Ну, чтобы проделать лунку. Здесь ещё ледобуров ни у кого нет. И лёд рубят топорами и ломами, а не сверлят. Жена и тёща, сообщая, меня поддержали и даже, обещали чего-нибудь приготовить, на перекусить по-быстрому. А я только рад — первая часть моего плана начала претворяться в жизнь. Дальше, я весь вечер только и говорил о пойманной рыбе и где мы её будем хранить. Предлагал закупить, и лучше всего прямо завтра, парочку кадушек или бочонков. На что Конкордия Прохоровна мне мягко возразила и пообещала взять всё необходимое у соседей. Так с разными разговорами мы и сидели, пока тёща не решила, что ей пора идти домой. Ясен пень, что мне пришлось её проводить. А по дороге, ещё пару раз напомнить Конкордии, где я завтра вечером буду находиться. Надеюсь, что эта информация, крепко закрепится в голове тёщи. С Ритой тоже будет подобный разговор, но чуть попозже и в более лёгком ключе, для лучшего запоминания.

Пока провожал тёщу, Рита успела навести порядок на кухне. Так что вернувшись, сразу попал в объятия жены. Ну и всё. Мы молодые и нам это полезно. Чего там говорить-то? Потом спали до утра, как младенцы, по крайней мере — я точно!

Морозец с утра, иней на траве и туманная поволока на поверхности реки — что может быть прекраснее, для начала ответственного дня? Правильно! Это — хорошая разминка с бревном. Именно разминка. Коротенькая и яростная, с максимальной нагрузкой за небольшой отрезок времени. То что нужно в преддверии тяжёлого дня. Сейчас ещё водными процедурами займусь, для полного эффекта, и можно на завтрак.

Завтрак с супругой во-время которого, я опять напомнил о предстоящей вечерней рыбалке, прошёл на ура. Рита тут же, в процессе уничтожения яичницы, начала придумывать, что мне собрать с собой. Вдвоём решили пройтись после техникума по рынку. И там чего-нибудь купить вкусного и питательного, вроде сала или домашней колбасы — на что денег хватит. Она же не знает, что у меня их дофига. А я не собираюсь ей об этом рассказывать — во избежание так сказать. Кстати, тут и Витас с нами завтракает. Подрок "мелкий", стал с хозяевами кушать. Раньше надо было звать или вручную тащить к миске. Ничего, скоро переедет на постоянное место жительства во двор, там и будет питаться. Надо только не забыть ему будку хорошую изготовить.

Вышли весело разговаривая. Я толкаю велосипед, а Рита просто держится за него. Да мне и пофиг — я если надо и их двоих в горку затолкаю. Только жена отказалась сидеть на этом "пепелаце" и использовать меня в качестве тягловой силы. Типа я раненый и мне нельзя напрягаться. Вот ведь женщина! И как её понять? Ночью значит можно напрягаться, а днем запрещено — что ли? Эх!

Сегодня, в преддверии праздника Великого Октября, рынок раздвинул свои границы. Торговали даже на близлежащих улицах и прямо с земли. И главное, что милицию это ни

грамма не волновало. В чём-то я с властями согласен. Люди массово режут поросят и другую живность. И это не только из-за праздника, а в большей мере из-за того, что идёт последний этап зимних заготовок и наступает время свадеб. Урожай собран — почему бы и не заняться личной жизнью? Я например только за!

— Вилор, смотри вяземские приехали, — дёрнула меня за рукав Рита, — копчения привезли.

— Какие Вяземские? — не понял я, — князя что ли? А нафига им копчениями заниматься?

— Сам ты князя! — с упрёком произнесла Марго и ткнула меня в плечо, — с Вязьмы люди приехали, всякими копчениями и соленьями торговать будут. Каждую осень приезжают. Теперь неделю тут торговать будут, пока всё не продадут.

— А с чего ты взяла, — переспросил я, — что они с Вязьмы?

— Вон, видишь мужчина крупный с усами как у Будённого? — Рита показала, своим изящным пальчиком в сторону здорового мужика, — он со своими товарищами, раньше у нас комнату снимал, в таких случаях. Я его помню. Никогда не обманывал и иногда оплату, за комнату, отдавал товаром. Вкусное у них мясо. Сразу видно что специалисты.

И тут, у меня в голове, всё сложилось. Вязьма! Блин! С Калуги регулярно ходят поезда на Вязьму. А оттуда до Москвы рукой подать! Если я, не смогу уехать на награждение через Тихонову Пустынь, то посылаю всех нафиг и уезжаю с Калуги до Вязьмы. А там вообще всё рядом. Уж оттуда-то я точно в Кремль не опоздаю.

— Ритка, ты молодец! — подхватываю жену на руки и начинаю её кружить прямо посреди улицы.

— Отпусти! — пропищала Рита, — ты чего устроил?

Еле сдержался, чтобы не рассказать, что послужило поводом к моему веселью. Хорошо, что чуть не споткнулся об упавший велосипед и эта, небольшая заминка, позволила резко поменять тему.

— Так ведь, если это твой знакомый, то можно скидку получить и купить всего побольше! — продолжая улыбаться ответил я.

— Чего получить? — с вопросом уставилась на меня моя супруга, — какая такая скидка?

Вот я тупень. В этом времени нету такого слова — скидка. Здесь всё "уступают" друг другу, а не "скидывает". Это в том "постсоветском", любая женщина знает, что это такое. И готова последний рубль потратить чтобы что-то приобрести "со скидкой". А как же — ведь сегодня в продаже трусы за 499 рублей, вместо вчерашних 500! А мне-то что сейчас делать? Как объяснить?

— Какая скидка? — начал выкручиваться я, — ты не расслышала просто. Я другое имел в виду.

Минут десять я потратил, чтобы бодро, но очень запутанно наговорить кучу слов. В конце концов, Марго просто махнула на всё рукой и пошла в техникум. Я вытирая пот со лба поплёлся за ней, предварительно подняв упавший велосипед. Да-с... Штирлиц прошёлся по краю...

Вернулся домой и сразу приступил к вязанию соломенных оберегов. Это только кажется, что скрутить, сплести и связать пучок соломы так просто. На самом деле, не имея необходимого навыка, процесс изготовления может затянуться. Попробуй чуть плотнее заплести косичку и фиг ты её прямо положишь. Обязательно вывернется или скрутится и в

итоге: получишь хрень, по-типу "кольца Мёбиуса" вместо восьмёрки. Но я, хоть и давно это было, примерно знал технологию процесса. Поэтому промучился недолго. К одиннадцати часам у меня всё было готово. Десять штук, как и было задумано. Хватит не только на коновязи, но и на все кусты вокруг вокзала. А значит — пора заняться обеспечением алиби. Это должно быть самое лучшее алиби. Такое чтобы никто слова против сказать не мог. Потому что я привык стены строить, а вот стоять рядом с ними в ожидании расстрела — это не для меня.

В этот раз, для большей мобильности, мне необходим мотоцикл. Придётся опять заезжать на пристань, чтобы заправиться. Хотя, чего это я? Тут обитает нормальный человек. Который, как и все люди, хочет слегка заработать. Почему я, буду ему в этом мешать? Нет уж! Пусть порадуется небольшой прибавке к жалованию. А что? Ему может быть кушать нечего, а тут вот пожалуйста. Как раз на буханку чёрного хлеба хватает.

Большой картофельный мешок лежит у меня в рюкзаке. Это нужно, чтобы рыбу складывать. Проехал по всей набережной и заметил у кого сегодня нормально с уловом. С этими можно поторговаться. Хотя, для алиби этого делать не нужно, иначе возникнут лишние вопросы. Все уже привыкли, что я торгуюсь до последней копейки. Так что выходить из образа, как-то не комильфо.

На берегу Оки, прямо напротив городского парка, встретил Фёдора. Он стоял в резиновых сапогах, по щиколотку в воде, и таскал всякую рыбную мелочь. С этим сыном сапожника, у меня нормальные отношения. Мы с ним давно договорились, что всю крупную рыбу, если она ему попадётся, он отдаёт мне. За символичную плату. Обычно это всякая ерунда, типа карандашей или перочинного ножика. Сегодня я ему предложу бензиновую зажигалку. Самодельная и очень распространенная среди курильщиков. Делается из обычной гильзы от винтовки Мосина. На рынке их продают по три рубля. Я купил парочку — на всякий случай(смотреть в доп. материалах). Такая валюта всегда пригодится, если придётся торговаться с пацанами моего возраста или чуть младше. В этом времени почему-то повальное увлечение курением. Курят все и особенно это заметно на том же Монетном дворе. Там папиросы это вообще отдельная валюта: играют на папиросы, берут в долг папиросы, отдают долг папиросами. Всё завязано на табак и изделия из него. Редкость — встретить мальчишку, что ни разу не пробовал курить. По моему только Фёдор не курит, но ему это противопоказано из-за контузии. Ладно, надо делом заниматься.

Первый кто мне продал рыбу это Фёдор, а дальше я просто поехал по набережной в сторону своего дома. Кто-то продавал, а кто-то не хотел ни в какую это делать. Но всё равно, набрал почти мешок рыбы. Не знаю сколько это будет в килограммах, но не менее двадцати, на первый взгляд. Привёз всё на место, которое выбрал. Тут же, прямо за кустами, с помощью парочки камней, притопил мешок с рыбой. Пусть полежит в воде до вечера. В речке вода холодная и моему "улову", я надеюсь, ничего не будет. Рыба там, в основном живая и думаю, что она такой же и останется. А даже если и уснёт, то это тоже ничего. Никто у меня, о причинах такого, ничего спрашивать не будет. Уже не раз такое было, что одна рыба остаётся живой, а другая гибнет. Я вернусь с задания, достану мешок с рыбой и сразу пойду домой. Покажу своим женщинам улов и алиби готово. В случае чего, если даже кто-то будет спрашивать — я сидел целый вечер и ловил рыбу. А если кто хочет проверить, пусть также посидит — может поймает чего-нибудь.

Ну — вроде все. Пора возвращаться домой. У меня ещё есть время, чтобы подготовиться к поездке. А там и Риту надо идти встречать. Сегодня пятница — короткий день и она

заканчивает раньше.

В первую очередь, я конечно же заехал к Конкордии Прохоровне. Минут пять ничего незначущего разговора меня не утянут, а женщине приятно. Чего-нибудь перекусить, я отказался, ссылаясь на то, что перекусим вместе с Ритой, когда придём с техникума. А вот чай с булочкой, пришлось употребить. Ну — не могу я отказать женщине, которая по моему собственному желанию, является моей тёщей. Да и запах свежей выпечки, тоже сыграл свою роль. Так что задержался я на полчаса. Зато теперь не буду отвлекаться и внимательно приготовлю всё, что нужно для выполнения задания.

В сарае, ни с того ни с сего, меня начала бить дрожь. Это было знакомое мне состояние. Каждый, кто когда-то занимался спортом и участвовал в соревнованиях — знает, что это такое. Мандраж блин! Ничего, сейчас займусь сборами и потихоньку успокоюсь. Тут главное — не дать себе отдалиться этому чувству. Надо стараться не думать и делать работу, которая требует сосредоточенности. Мне помогала перемотка кистей эластичными бинтами. Мотаешь, стараешься сделать это аккуратно и правильно, и дрожь постепенно уходит. Но это я, а другие, может быть, делали это как-то по другому. Не знаю. Ладно, фигли релаксировать, надо дело делать. А переживать буду потом, когда в Москву поеду. Там у меня будет много времени.

Винтовку, с единственным патроном, я обернул мешковиной и прикрепил верёвкой к раме велосипеда. В рюкзаке запасные портянки и обрезанные валенки, для бесшумного перемещения по чердаку пакгауза. Я долго думал и всё-таки решил взять дополнительное оружие. Мой выбор пал на "ТТ" — тот самый, который я отобрал у привратника, когда штурмовал бандитский притон. Как знал, что пригодится и спрятал в хорошем и недоступном, для тех кто не знает, месте. Ещё у меня куча соломенных "восьмёрок" и их тоже надо запихнуть в рюкзак. Без них я за свободу своего деда, гроша ломаного не дам. А так появляются варианты. Ну не может того быть, чтобы он не понял знаки — которым сам меня учил! Вроде всё. Я готов.

Велосипед становится внутри, возле самого входа в сарай. Тут и брать его удобнее, и если что можно найти на ощупь. Я, на всякий случай, закрою дверь на замок. В первый раз наверное это делаю, с того момента, как переехал жить в дом. Но — это осознанная необходимость. От наличия транспортного средства и оружия зависит успех выполнения задания. Я просто не могу рисковать и, пусть меня посчитают перестраховщиком, но лучше пусть будет замок, чем он же отсутствует.

До Марго я прекрасно доехал на мотоцикле. А что? Пока ещё светло и дороги в более-менее нормальном состоянии. Почему бы не промчаться с ветерком? Зато лишние мысли уходят из головы. Да какой там уходят — они убегают, опасаясь погибнуть вместе с балбесом на мотоцикле.

Проезжая мимо рынка, не отказал себе в удовольствии и купил один пирожок с рыбной начинкой. Расположился напротив входа в техникум и стал потихонечку поедать жареное чудо. Рита вышла почти сразу, как только я приехал. Неужели она меня ждала? Странно. Раньше я такого не замечал. Не давая мне сказать ни одного слова сразу же наехала с претензиями:

— Ты зачем кушаешь? Не мог подождать немного. Сейчас придём домой и там покушаем. А так ты себе весь аппетит перебьёшь.

— Ритуль, ну что ты в самом деле, — чтобы ответить пришлось обнять и шептать на ухо, — замёз я. А тут запах обалденный. Не удержался. Хочешь тебе тоже купим?

— Ну тебя, — Рита отвернулась и неспеша пошла по направлению к рынку, — я лучше потерплю.

Пришлось догонять. Что было не совсем удобно — в одной руке недоеденный пирожок был.

— Рит, что-то мне больше не хочется, — я решил избавиться от помехи, — давай ты поможешь с этим.

— Вот ещё, — Рита ответила не смотря в мою сторону, — буду я доедать за всякими.

— Рит! А пирожок вкусный, с рыбой, как тебе нравится, — не может быть, чтобы она отказалась и я продолжал настаивать, — жареный, с хрустящей корочкой. А аромат какой! Ой, а тут ещё лучёк в начинке зелёный. Вкусотища! Держи кусочек, попробуй. Ты такого точно не ела!

Сдалась. Подошла и рывком вырвала у меня недоеденную половинку пирожка. Ни секунды не задержалась — сразу же впилась крепкими зубками в румяный бочок. Заулыбалась счастливо. Ну и ладно, постоим подождём немного. Пусть кушает. Проголодалась бедная, на этих лекциях — уж я то знаю. Сколько пар, в том времени, оттарабанил — страшно подумать.

Кусочек пирожка оказался волшебным. Рита успокоилась и мы спокойно дошли до вяземских торгашей. Здоровенный мужик с именем Владимир Владимирович узнал Марго. Не сразу, но — согласился чуть-чуть уступить в цене старой знакомой. Ну и я, немного с ним поторговался. Даже какое-никакое удовольствие получил от этого дела. В итоге: мы прикупили по килограмму всяких разных копчёностей. Выбор конечно не как в коопторговском магазине, но вполне себе. Сало нежнейшее и колбаска с жирком пахнущая дымком. Я не знаю, как мы это всё донесли до дома. Наверное сыграло, что мы комсомольцы и умеем переносить трудности? Других объяснений мне на ум не приходит.

Конкордия Прохоровна устроила пляски с кастрюлями у себя на кухне, стоило только нам прийти. А уж как она заставляла кушать Риту — это отдельная история. Постоянно подкладывала добавку и сокрушалась, что доченька плохо кушает. Мне, с одной стороны — было смешно за этим наблюдать, а с другой — стало жалко мою жену. Как уж она не отговаривалась, ничего не помогало. И даже упоминание:

— "Мама, я стану толстой!" — не помогло.

Между тем, на улице стало темнеть. Пора и мне собираться, о чём я и сообщил своим женщинам:

— Пойду я наверное. Пока не стемнело окончательно, надо место занять. А то в темноте, не дай бог, заблужаю в кустах. Да и донки кидать сподручнее, когда хоть чего-нибудь видно.

— Тебя проводить, Вилор? — это тёща побеспокоилась. Святая женщина, я уже говорил.

— Да вы что, Конкордия Прохоровна?! — я натурально сделал вид, что удивился и возмутился одновременно, — не маленький. Не заблужусь.

— Ой! Вилорчик, подожди, я тебе бутербродов нарежу, — это моя жена заботливая, тоже решила принять участие в моих проводах.

Десять минут подождать — это ни о чём. Зато будет чем перекусить, когда я буду ждать поезд. Женщины, то ли почувствовали чего, а то ли ещё чего — но провожали меня как на войну. Рита даже всплакнула чутка — может для вида, а может действительно переживала. Фик этих женщин поймёшь.

Зашёл в дом, чтобы переодеться. Нафиг эту повседневку, в виде галифе и гимнастёрки. Тёплое бельё, тельняшка и рабочий костюм сверху — вполне подходит для предстоящего мероприятия. Брезентовая куртка поверх костюма и хромовые сапоги на ноги. Не хватает только кепки, чтобы выглядеть как местный гопник. Но я обойдусь авиационным шлемом. И так сойдёт. Мне не на танцы идти.

Сначала на берег. Закидываю все снасти что приготовил. Но — делаю это без наживки. Зачем? А вдруг что-то попадётся, а меня рядом нету? Нет уж! У меня другая задача. А рыба уже в мешке лежит, ждёт когда я вернусь и отнесу её домой. Вроде всё? Можно ехать.

Не даром я столько времени потратил, на поездки по этим дорогам. Хотя и стемнело, но наезженная тропа хорошо просматривается. По сравнению с тёмной обочиной, путь более-менее выделяется своим светлым тоном. Не спеша и стараясь не шуметь, я без приключений доехал до мостика через ручей. Завёл велосипед под настил. Достал валенки из рюкзака и быстренько переобулся. Хорошая обувь для малошумного перемещения. Отвязал винтовку от рамы и взяв её под мышку пошёл к вокзалу. Что-то как-то тихо в деревне. Народ не гуляет, хотя сегодня пятница и это как-то необычно. Неужели, в кои-то веки, молодёжь культурно читает книги дома? Может, конечно, как предположение — все в клубе находятся и двери закрыли, чтобы не мешать окружающим. Но что-то как-то мало верится. Ладно, это не мои проблемы.

Иду осторожно. Знаю, что под ногами нет мусора, который может шуметь, но — всё-таки стараюсь наступать бесшумно. Валенки, как специально созданы для этого. Войлок хорошо глушит любой невольный звук — то что нужно.

Возле вокзала никого и это превосходно. Быстренько оббегаю все места, где есть хоть капелька света. Всё-таки два фонаря светят и есть освещённые места, а есть те что находятся в густой тени. Развешиваю подготовленные знаки из соломы. Парочку на коновязи — это обязательно. Тут дед точно будет находиться. А остальные по окрестным кустам, так чтобы их было заметно. Теперь всё зависит от зоркости моего деда. Сможет он увидеть эти соломенные восьмёрки, значит выживет и его ни в чем не обвинят. А если не заметит, то тут значит не судьба. Я сделал всё что можно.

Винтовку через плечо и вперёд на липу. Забираюсь на уровень чердака. Тут, по толстой ветке, прямо до окошка. Кое-как протискиваюсь, даже скорее просачиваюсь на чердак. Удачно прошло и почти ничего не порвал. Хотя, где-то всё-таки успел зацепиться, но обошлось без прорех. И это прямо-таки радует.

Пробираюсь в полусогнутом состоянии до фронтона. Тут одна доска поломана и превосходно, на немного, отодвигается в сторону. Мне хватит этой щели, чтобы прицелиться. Главное, чтобы ствол не торчал наружу. Нефиг давать шанс охране, раньше времени меня заметить. А потом, хоть трава не расти. Потом будут другие проблемы — как по быстрому отсюда смыться, а сейчас это не важно.

Пока есть время и возможность, обустроиваю как могу своё место. Хлам, я ещё в прошлый раз убрал чутка. Зато появилась возможность устроить нормальную лёжку. Всяко удобнее стрелять лёжа! Я давно за собой заметил — мне чем удобнее, тем точнее я буду стрелять. Аккуратно смотрю, через щёлку на перрон и площадку перед вокзалом. Никого. Что ж, всё готово и остаётся только ждать...

Глава 27

Как там говорил Григорий Мелехов из романа «Тихий Дон» писателя Шолохова Михаила Александровича: — «хуже всего на свете — это дожидаться и догонять» и потом там же, но чуть позже — "ждать да догонять — самое постылое дело". Так вот — я с ним совершенно согласен. "Постылое и хернявое", я бы так выразился — и это ещё мягко сказано... Не рассчитал я маленько. Не учёл, что разогреюсь пока, буду ехать на велосипеде. Теперь жалею, что не взял чего-нибудь накинуть сверху. Плащ у меня есть, с подкладом, можно было его взять или любую другую накидку — сплюховал, не догадался. Но, с другой стороны — минимализм это наше все! Лишние вещи — лишний вес. И на велосипеде в тёплом плаще неудобно педали крутить. Теперь мёрзну по своей милости. Сижу как балбес без движения и стараюсь не шевелиться — по крайней мере. Замёрз словно цуцик, потому что не ожидал, что на чердаке такой сквозняк.

Делать нечего и, чтобы хоть как-то занять время, вспоминаю цитаты из различных произведений. Сегодня это, ставшие знаменитыми и многократно переделанные на всё лады, слова Шолохова. А это не очень хорошо. Когда я вспоминаю "Тихий Дон" это значит, что что-то произойдёт и не обязательно хорошее. В последний раз, когда я вспоминал этого писателя, убили моего друга. Вспоминать неохота. Это было давно и тем более в той жизни. Но горечь утраты, до сих пор со мной.

Что-то дед мне не всю информацию выдал. Точнее сказать — не уточнил некоторые моменты. А как оказалось это, в данный момент, самое важное. Да и я не переспросил его тогда — во сколько точно, он видел генералов на перроне? Хотя — о чём я говорю? Мне тогда это было неинтересно. У меня "на носу" были первые соревнования и все мысли были только об этом. Это сейчас я понимаю, что нужно было спросить, а тогда — эх и угу в одном лице! Мне известно только одно, что это было в районе семи часов вечера — и всё! А может дед сам этого не знал? Ну а что? Наручных часов у него не было. На вокзале есть часы, но они со стороны перрона — значит дед не мог их видеть. Вроде всё верно и я зря — сам себя кляню. Ладно, чего уж там — проехали.

Лёжа смотреть в небольшую щель не совсем удобно. Но мне делать больше нечего и поэтому — это хоть какое-то развлечение. Да и зрение понемногу привыкает к разнообразному освещению, на разных участках станции. Вон идёт группа молодёжи и уже весёленькие. Из громких выкриков становится понятно, что ребята и девчата идут в клуб. Ну и правильно — в пятницу так и нужно делать. А куда ещё можно пойти в деревне? Только в клуб. Было бы лето, то можно на пруд сходить. Там есть хорошее место для гулянок. "Полянка счастья" — как её все называют. Пока тепло и если нет дождя, то вся молодёжь вечером там встречается. Костёр жгут, песни поют и, если приходит местный аккордеонист, танцуют. Совсем редко, и такое бывает, приносят патефон, и тогда всё происходит гораздо веселее и более по-городскому что ли. Так что всё правильно ребята делают. В клубе сейчас тепло и светло. А стоит немного потанцевать и настроение становится лучше, и холод на улице не так беспокоит. Один я жду, как балбес, незнамо чего и мёрзну на сквозняке.

Остановился пассажирский «Москва-Кишенёв». Я на таком ездил, когда выполнял просьбу Собкина. Там ещё проводник тормознутый был. Есть он сейчас на поезде — не знаю, но и не суть. Короткая остановка, только на пять минут. Вышло всего-навсего три

человека. Фигли они тут забыли-то? На местных непохожие совершенно. Освещение на станции было хорошее, но эти пассажиры быстро ушли с освещённого места. Всего несколько секунд, когда они проходили мимо, прямо под мощными станционными фонарями, можно было их видеть хорошо. Мне, даже, в какой-то момент показалось, что это та парочка пенсионеров, что раньше попадались мне на каждом шагу и ещё кто-то с ними. Но присмотревшись я понял, что это не так. Люди были гораздо моложе и более плотного телосложения. Троица прошла мимо вокзала, пошла дальше вдоль путей по тропинке и скрылась в темноте. Только не видно у них никаких вещей с собой. Это конечно странно, но всякое бывает. Почему бы и нет. Ладно, прошли и прошли, чего я до них докопался? Всё забыл уже про них и слава богу...

Можно, наконец-то, просто полежать и расслабиться немного, на несколько минут. Теперь, следующий состав будет не раньше, чем через десять минут. Какой? Я не знаю. Может опять пассажирский, а может товарный. Я не начальник над станцией. Откуда мне знать-то? Тут я только точно знаю, что десять минут это минимум между поездами и всё.

Хорошо лежать и не вглядываться в темень. Мысли разные начинают надоедать. Это с одной стороны — хорошо, а с другой — лучше бы и не надо. Ну нельзя постоянно думать о деле. Это может плохо кончиться. Перегоришь, перестанешь соблюдать осторожность, всё может показаться ненужным, а там и до бегства недалеко. Нет уж, надо иногда раздумывать о вечном, а потом опять о деле. Как-то так... Вот, подумал о другом и сразу теплее стало. И чердак этот неуютный, на недолго стал покрасивее.

Шум пьяной разборки заставил опять чутка приподняться и посмотреть в щель. Ничего страшного не произошло. Два парня волокли третьего, куда-то через железнодорожные пути. А он резко высказывался по этому поводу. Ему не терпелось попасть в клуб, на танцы. Причём орал только он, а два других парня тащили эту пьяную тушку молча. Лишь иногда начинали громко и доходчиво, в основном при помощи великого и могучего, что-то втолковывать своему пассажиру. Тот соглашался и повесив голову, начинал орать что-то типа матерных частушек. Весело, короче, им было. Наверное.

Станция Тихонова Пустынь это всё-таки крупный транспортный узел. Движение на нём не прекращалось ни на минуту. Маневровые паровозы тягали вагоны, формируя составы. Шум пара, лязг сцепок, свистки сигналов и всеобщий грохот колёс по стыкам и это только общий фон. А какой звуковой удар происходит когда состав, трогается с места — это вообще не передать словами. В общем, если подойти к этому со стороны моего задания, то — работать можно! Фиг кто услышит звук выстрела в таком шуме. Были у меня мысли, как вообще сделать звук почти бесшумным. Но потом я это дело отмёл. Изменить навеску пороха — конечно, хороший способ, но это чревато всякими неожиданностями. Мне нужен стопроцентный результат, поэтому буду действовать так, как и предполагал раньше. Опять некстати вспомнились слова Григория Мелихова из произведения Михаила Александровича Шолохова "Тихий Дон" — «Умная у тебя голова, да дураку досталась». Прямо про меня сказано — знаю много всего, а как до дела доходит, всё идёт наперекосяк. Блин! Снова Шолохов вспомнился, это уже совсем никуда не годится.

А сейчас грохнуло особенно сильно. Пришлось посмотреть что там — зачем мне нештатная ситуация на линии? Мне нужно чтобы всё работало как часы — точно и во время. Но вроде всё спокойно и никаких шевелений панического характера не видно. Только парочка мутных персонажей, как зайцы проскакали по путям и скрылись в темноте осеннего вечера. Что-то неожиданно многолюдно сегодня на станции. Ага, а вот и виновник шума:

паровоз потянул состав на запасную ветку — в отстойник. Это мне знакомо. А вон опять кучка молодёжи формирует железнодорожные пути. Странно многолюдно сегодня на станции. Сколько раз я бывал здесь, пока нахожусь в этом времени? Не сосчитать. Поэтому удивляюсь такому наплыву непонятных личностей.

Протяжный гудок и сразу три коротких. Хрям его знает, что это за сигнал. Но сердечко предательски колыхнулось и заработало в бешеном темпе. Чуйка меня ещё ни разу не подводила. Началось... Аккуратненько выглядываю и вижу как к перрону подползает, на малом ходу, состав из четырёх вагонов и двух паровозов — один спереди и один сзади. Сразу видно, что это не простой состав. С таким количеством локомотивов, простые люди не ездят. Что почти сразу и подтвердилось. Стоило поезду остановиться, как из двух крайних вагонов высыпало двадцать вооружённых человек. После короткого построения они разбились на двойки и разбежались в разные стороны, остались только два человека — командиры, скорее всего. Ну это понятно — проверка окружающей территории на наличие отсутствия. Обычное дело. Про это мне дед рассказывал и даже не один раз. Так что — пока, всё совпадает с тем, что я знаю. И это радует. Делать нечего, пришлось затаиться. Любое шевеление, не предусмотренное природой, может выдать моё местоположение. А ребята тут не простые и несут службу профессионально — сразу чувствуется. Я это понял, когда увидел как они отчитываются о выполнении задания. Доклад командиру короткий и по существу, а это о многом говорит.

Лежу и не шевелюсь, даже в щёлку смотрю прищурившись. Не знаю почему, но мне кажется что так будет лучше. Вдруг там кто-то очень глазастый находится? Возьмёт и заметит, как мои глаза блестят. Я лучше поберегусь. Мне же ещё стрелять придётся — пусть глаза отдохнут.

Что-то не сходится количество охраны с тем, что мне рассказал дед в той жизни. Он, вроде, про десяток человек говорил, а тут двадцать и ещё два командира(не разглядеть звание, далеко). И оцепили они весь перрон с двух сторон, плюс вход в буфет и парочка ребят с оружием, с той стороны состава бродят. Это чуть напрягает. Как бы меня какой сюрприз не ждал, когда буду вылезать на улицу. Проверить, прямо сейчас не могу, слишком уж опасно бродить по чердаку. А вдруг действительно там внизу, откуда я буду спускаться кто-то стоит? Поэтому буду действовать — надеюсь на удачу. А вообще, конечно, мысли разные в голове бродят, в связи с этими изменениями. Например — не мог ли я, так повлиять на историю, что вот эти самые изменения произошли? Или дед забыл половину того, что было на самом деле? Короче, чёрт знает что творится и неизвестно чем закончится. И тут, как напоминание, вспомнились слова Григория Мелихова из произведения Шолохова "Тихий Дон" — «Побеждает только тот, кто твердо знает, за что он сражается, и верит в свое дело». Да, что ж такое-то?

Хотя, вовремя вспомнил, что у меня есть задача и я её должен выполнить. Только вот Шолохов этот некстати. Ладно, чего уж там. Собрался, сосредоточился и стал ещё более осторожный и тихолежачий. Жду, когда основные действующие лица появятся и всё станет на свои места.

Вот это ж... ни фига себе! Дед точно не всё видел! Или действительно я, как-то смог, повлиять на течение истории. На перрон вылезли(а по другому не скажешь) человек десять и все очень-очень уважаемые товарищи. Это было видно издалека. Все такие важные и сами себе на уме. Даже между собой разговаривали с начальственным апломбом. Из тех, кого я точно знаю это Маленков и Хрущёв. Второй вообще мой знакомый. И тут я ошибиться никак

не мог. Остальные мне не знакомы или я их просто не помню. Они стояли неорганизованной толпой, на освещённом месте, под фонарём. Да уж — такого количества я не ожидал увидеть.

Разговаривали эти товарищи между собой, никуда от состава не отходили. Сами собой или заранее договорились, но — разбились на несколько групп. Я только и мог слышать, что всплески смеха и громкий, чего-то доказывающий голос, ну и общий бубнёж возражений. Шум железнодорожных работ мешал. С другой стороны, мне их разговоры были, по большому счету, нафиг не нужны. Толку никакого. Слава богу, не португальский шпион и даже не румынский. В общем — лежу и жду.

Я не видел, что там происходит с паровозами. И это не очень хорошо. Слишком маленький угол обзора из моего укрытия. Для выстрела это не помеха, а вот для видения общей картины маловато. А мне нужно точно знать, когда начнут цеплять вагоны к паровозу. В этот тот момент, я должен быть готов на сто процентов. Ну а пока, я всё ещё лежу и стараюсь не шевелиться.

Ага! Пришло время и зашевелились вражины. Хотя, откуда я могу это знать? Может они очень достойные люди и просто попутчики Маленкова. Но всё равно — пошло движение. Все стали улыбаться, посматривать по сторонам и потирать руки, в предвкушении тёплого купе и горячего чая. Значит и мне пора. Пододвигаю винтовочку поближе и начинаю устраиваться поудобнее. Теперь можно, теперь мне отступать некуда: или выполни, или — всё к чёрту! Но — я сделаю. Просто потому, что обещал, а я обещания всегда выполняю. Так уж воспитали и ничего с этим не сделать.

С небольшими различиями, но дальше всё пошло так как рассказывал дед. Как самая большая шишка на перроне, среди остальных, первым в вагон начал подниматься Георгий Максимилианович. Тут ещё свита подыграла. Хрущёв улыбаясь, двумя руками показал, что пропускает такого человека вперёд себя. Генерал в форме, помог залезть шефу, на первую ступеньку. Одутловатая фигура не позволяла ему сделать это красиво. Фуражка неожиданно слетает с головы Маленкова и падает на перрон. Но — начальник не может упасть лицом в грязь, на глазах своих подчинённых и Маленкову пришлось продолжить подъём по маленькой лесенке. А фуражку ему потом подадут.

Я приготовился. Ствол не доходит до щели сантиметров десять. Перестраховываюсь, чтобы хоть как-то уменьшить звук выстрела. Обзор ограничен, но голову Маленкова мне прекрасно видно. Мушка прицела неотступно следует за целью. Когда Маленков поднимется на площадку тамбура, его голова будет почти на одном уровне по высоте, со мной. Шаг, второй и крупная фигура заняла дверной проём тамбура. Светильник на входе прекрасно осветил лысый затылок предателя... Ждать больше нельзя... Выстрел! Маленков падает вперёд, по ходу своего движения, в тамбур.

У меня пара секунд, чтобы убежать — пока никто ничего не понял. Задвигаю обломок доски на место. Встаю и полусогнувшись начинаю перемещаться к выходу. Винтовку держу в руке. Тут главное не суетиться и двигаться спокойно. Резкие движения могут привлечь внимание. Три шага я успел сделать и тут прозвучал выстрел. Чёрт! Меня обнаружили или что? Продолжаю идти. Нафиг! Даже если это так, то надо выбираться наружу. Там будет возможность скрыться. Ещё выстрел. И ещё, сразу же несколько очередей из какого-то автоматического оружия. Вот ведь... В кого они там стреляют-то? Под непрекращающуюся стрельбу я добрался до окна. Вылезаю, наконец-то на свободу. Есть! Я сделал это!

Спуск по дереву, чуть не окончился катастрофой. Неожиданно раздался взрыв и я еле

удержался на ветке липы. Ни хрена себе! Это что-то типа гранаты взорвалось — что ли? Хорошо, что где-то там, а не тут, прямо подо мной. Что там вообще происходит? Держусь в тени и быстренько пересекаю дорогу, под звуки выстрелов. Забега в переулок — всё! Слава богу, что уличных фонарей всего два и на большом расстоянии друг от друга! Я благодарю того, кто засадил деревьями обочину этой дороги. Точно знаю и даже наверняка уверен, что мне удалось проскочить незаметно, благодаря этим деревьям. Сейчас, когда началась стрельба и взрывы, никто из местного населения, не высунет нос на улицу. А значит никто не будет мешаться под ногами.

Мне бы надо было теннисные туфли одеть, для хорошей скорости, но и в валенках я показываю прямо-таки олимпийский результат. Сам от себя не ожидал — честное слово! Бегу по улице к мостику через речушку. По мёрзлой земле, валенки идеальный вариант — следов не оставляют и шума не создают. Всего-то пятьсот метров пробежать — это недолго. Всего-то несколько минут и добегу. Всего-то чуть-чуть осталось и всё! А вот стрельба продолжалась. Даже, по-моему, становилась с каждой секундой интенсивней. Раз в несколько секунд раздавались взрывы. Вот, черт! Там прямо войсковая операция идёт! Откуда это вообще взялось? Дед ничего про такое не говорил. А, впрочем, не об этом мне нужно думать.

Я добежал. Вытащить велосипед, из-под мостика дело двух минут. На переобувание времени нет — я это прямо чувствую. Да и ладно! Валенки тоже не самая плохая обувь. Вон как по улице бежал, только пятки сверкали! Хотя, под такую канонаду, грех передвигаться медленно. Вот меня и подгоняли очереди автоматов и россыпь одиночных выстрелов, а особенно взрывы гранат, или чего там взрывалось. Ладно, не моё дело. Я свою задачу выполнил, а там хоть трава не расти.

Прежде чем выехать на дорогу, внимательно осматриваюсь. Мне только неожиданных встреч не хватало, для полного счастья. Вроде никого не видно. А значит погнажи!

Ноги, мои ноги — крутите педали веселее! Седло, моё седло — уноси мою "жё па" куда подальше! Это конечно лирика, а на самом деле было боязно. Нет, я не боялся во что-нибудь врезаться. Дорога была относительно нормальная и более-менее различима в темноте. Главное не свернуть куда-то не туда. А так вполне можно передвигаться и даже довольно быстро. Я рисковал, стартуя на максимально-возможной скорости, но — в тот момент, это было прощительно. Взрывы и стрельба на вокзале, меня подгоняли, лучше, чем кнут погонщика. Крутил педали и мчался, мчался, мчался — пока не перестал слышать звуки перестрелки. Тогда только и вздохнул свободно. Стал притормаживать и внимательно смотреть под колёса.

То что я, ничего не понимал — это правильно, но не полностью раскрывает мои чувства. Я был в информационном шоке! Мой мозг работал на износ, пытаюсь обработать причины и следствия произошедшего. Я конечно пытался перестать думать на эту тему сосредоточившись на поездке, но это не имело успеха. Всё равно возвращался к поиску причины — почему всё пошло так, а не иначе? Поняв, что насильно от мыслей я не избавлюсь, решил — пусть будет. Еду и думаю, чего такого-то? Но чем больше думаю, тем больше ничего не получается. Не стыкуется ничего.

Когда я увидел берег реки все мысли исчезли сами собой. Зато включилась осторожность и паникёрство. Вдруг меня уже ждут? А что? Кто-то меня вычислил, устроил этот переполох на станции и теперь, хитро улыбаясь ждёт меня на берегу, чтобы арестовать. Или — кто-то, кто всё устроил, взял и позвонил в милицию, и рассказал про меня, и где

меня искать! Короче, я крался к своему месту и эмоции были — не передать словами. Трясло и потряхивало всего, вместе с велосипедом и винтовкой, не слабо. А последние десять метров, я вообще передвигался на карачках, предварительно оставив велосипед в кустах. Только выйдя на берег, я успокоился и расслабился. Никого тут не было. Уф!

Прикатил велосипед и тут же дал волю чувствам. На часы не смотрел, но минут пятнадцать я бегал по берегу и пинал всё, что попадало под ноги. Ясен пень, что всё это сопровождалось отборным матом и изысканными словосочетаниями извращённо-сексуального характера. Это не было слабостью — это была реакция организма на внезапный стресс. Но всё равно, вопрос оставался один — да как так-то?! Можно конечно задать его по другому — какого хрена? Потом пошёл откат. Я внезапно успокоился и пришла мощнейшая усталость. Что-либо делать я не мог физически. Сидел на берегу, дрожал и смотрел на воду реки и полная пустота в голове. Что и как меня сподвигло действовать дальше — я не знаю.

Вытащил мешок с рыбой из воды и собрал все снасти. Нагрузил всё на велосипед и поехал домой. Мне ещё там спектакль одного актёра устраивать. По дороге старался ни о чём не думать, только всё без толку. Подлая мыслишка, что меня просто использовали — не покидала голову всю дорогу до дома.

Сначала я загнал велосипед в сарай. И только потом понял, что моё состояние как-никак лучше всего подходит, для сцены с письмом о награждении. Мой неадекватный вид вместе с бешеным взглядом — это то, что нужно! Ещё и туплю на каждом шагу. Рита и Конкордия Прохоровна меня сразу поймут и посочувствуют моему горю. На какой-то момент, мне даже стало весело. Чуть-чуть на "хи-хи" не пробрало, но удалось справиться с повторным приступом стресса. Для начала спрятал мелкашку. Она сегодня отработала на отлично. Надо не забыть и обязательно почистить. Её ещё в дровяной сарай, в общежитии, вернуть нужно. Ладно, займусь позже, а пока так пусть подлежит. Отвязываю от велосипеда и бросаю мешок с рыбой, на пол и вытащив письмо из тайника, бегу домой к тёще. Надеюсь, что жена и её мама на месте и мне не придётся их искать. Ещё пожрать бы, хоть чего-нибудь. От дикого стресса, разыгрался бешеный аппетит. Ну — это моя обычная реакция, так что можно не удивляться.

Забегаю сразу на кухню. И собственно, ничего не пришлось объяснять. Я только и сделал, что отдал письмо, а дальше просто наблюдал за моими женщинами и их поступками. Для начала они конечно прочитали, что там было написано. Потом посмотрели друг на друга. Потом посмотрели на календарь. Потом задумались, а дальше тёща стала говорить по существу. Оказывается что меня ждали. Но не ожидали что случится такая неожиданность. Стол был накрыт по-праздничному, специально, чтобы рассказать о чём-то. Даже бутылочка какого-то вина присутствовала. Тут тоже чувствовался какой-то заговор, но я уже устал за сегодня удивляться и сразу не обратил внимание. А потом было уже поздно и тема поменялась. Зато советы посыпались как из мешка — всякие и разные. Пришлось вмешаться и сказать, что мне нужен костюм на награждение, а дальше я сам разберусь. И вот тут меня, в прямом смысле слова, огорошили. Полилась нужная и ненужная информация. Оказывается мой костюм давно готов и даже все значки и награды присутствуют. Что собрать меня в дорогу — это дело получаса. Можно даже кучу закусок со стола собрать с собой, прямо в рюкзак. Только, чего я поеду на ночь глядя? Может на завтра это всё перенести?

Пришлось возразить:

— Нет, я тогда не успею. Нужно выезжать сегодня.

А как им сказать, что на железной дороге хрям знает что творится? И всё возможно, что там ничего не работает. Лучше уж так. Буду настаивать на причине долгой дороги.

Пять минут сидели в тишине. Конкордия Прохоровна махнула рукой и вышла из комнаты. Но сначала внимательно посмотрела на свою дочку. Рита согласно мотнула головой и пересела ко мне поближе. Обняла и сказала на ушко:

— У нас будет ребёнок, — и посмотрела мне в глаза.

Вот тут-то всё стало на свои места: и эти неожиданные гастрономические изыски, в виде жареной речной рыбки и калы, и эти постоянные перемены в настроении, и даже вот этот стол, накрытый, чтобы сообщить какую-то новость. А ещё мне стало понятно, что срочно нужно ехать в Москву или я сойду с ума от таких новостей! Пока буду ехать, будет время подумать обо всём.

Глава 28

На вокзал иду без сопровождения. Нечего. Я и так за сегодняшний день все нервы сжёл. Не хватало потом, всю дорогу до Москвы, думать о том, как моя жена или тёща добрались до дома в темноте и холоде. Я лучше сам как-нибудь дойду. А чтобы женщины не пытались меня переубедить в обратном, я их нагрузил работой. Приволок из сарая мешок рыбы — пусть занимаются. Им там надолго хватит. Единственное в чём я им уступил — это не взял рюкзак(оставил в сарае). Но — денег немного взял. Ехать в Москву без наличности — это моветон! А для меня, вместо рюкзака, нашёлся чемоданчик небольшой. Хороший такой, кожаный, с ременными застёжками. Соседи выручили. Конкордия Прохоровна постаралась, сбегала к кому-то и принесла это чудо кожгалантерейного изыска. Для костюма и сорочки, да всяких мыльно-рыльных принадлежностей — в самый раз. Неудобно по началу, когда весь груз в одной руке, но зато стильно и вполне в духе времени. А сейчас я в своей повседневной одежде, да плюсом плащ с кепкой. Холодновато, конечно, но я потерплю — не впервой.

Направляюсь я в отдел линейной милиции. Казалось бы, что мне надо держаться от этой организации, как можно дальше, но — очень нужно. По крайней мере, другого места, где можно раздобыть, хоть чуточку информации, о том что произошло на станции Тихонова Пустынь, я не знаю. Ну и насчёт билетов узнать, согласно обстановке — это тоже причина не из последних.

Пока спешу, надеясь успеть на последний автобус, вспомнил, как и что происходило после того, как услышал о беременности Риты...

А ничего такого не было. Просто завис на пять минут. И это наверное меня спасло от вывиха мозга. За пять минут я успокоился и понял, что всё будет нормально. Ну — просто, по другому не может быть. А на данный момент, у меня есть своя задача — попасть в Москву! Всё остальное позже — когда вернусь. И я начал действовать. Конечно же поцеловал Риту. Как без этого? Поздравил тещу, со скорым званием "бабушка". Ну и предложил всё это побыстрому отметить, а потом всё-таки начать сборы меня в столицу. Пока сидели за столом и перекусывали, чем женщины пожаловали, я не забывал, им постоянно напоминать о Кремле и правительственной награде. В общем добился того, что женщины, сами стали меня выпроваживать из-за стола и поскорее мчаться на вокзал. Ну и всё! Дальше проще — тёща помчалась по соседям, а мы с Марго немного помиловались, напоследок. Я сходил домой за рыбой — это чтобы никто не пошёл со мной, на вокзал. А впрочем я про это уже рассказывал. Ну и вроде как всё. Дальше я побежал на автобус...

Чём ближе к зданию отдела милиции, тем меньше мне туда хочется. А надо! Информационный голод похуже пытки жаждой. Да и просто интересно — что же там произошло? Хотя, может и такое быть, что в отделе ещё ничего не знают. Времени прошло всего-ничего, а сотовой связи, как и всякой другой здесь, в этом времени, ещё не изобрели.

Надо было брать велосипед. Оставил бы его в отделе, под присмотром Фёдора или Катерины и поехал бы со спокойной душой в Москву. Не подумал и получил, что полностью замотался пешком идти. Это на колёсах, до вокзала пятнадцать минут не спеша, а вот пешочком получилось сорок минут с небольшим. И это я спешил ещё! А так и за час хорошо если доберёшься. Запыхался как лошадь скаковая. Когда подошёл к входной двери, то ноги

гудели и плакали. А вот нефиг было привыкать к мотоциклу! И пробежки с утра забросил! Обленился, нехороший человек и расслабился — вот и итог!

Прежде чем зайти, я заглянув в приоткрытую дверь и сначала ничего не понял. Тишина и никакого шевеления, даже заходить расхотелось. Но — моё чувство опасности молчало и я начал осматриваться, Можно конечно всё списать, на позднее время и конец смены, но — я то знаю! В отделении всегда кто-то присутствует, кроме дежурного. А тут никого... Хотя, нет! Стоило скрипнуть двери, как в окне дежурки появилась голова. Ага! Похоже дежурный прикорнул маленько, прямо на рабочем месте, пока все остальные где-то службу тащат. Вообще-то не положено, но мне сейчас не до этого. Кто я такой, чтобы обсуждать, устав караульно-постовой службы? Тем более, применительно к отделу линейной милиции. Делаю шаг внутрь и слышу:

— Вилор, ты?! — это дежурный разглядел меня и спрашивает. Значит знает в лицо. А это уже хорошо!

— Я! — коротко согласился и заодно вошёл в отделение.

Делаю удивлённое лицо и спрашиваю:

— А где все?

— А... — махнул рукой дежурный, которого я до сих пор не вспомнил как зовут, — всех вызвали на аварию. На Тихоновой Пустыни что-то произошло. Я не в курсе мелочей, но — всех свободных послали туда.

— А Собкин, тоже там? — интересуюсь, стараясь показать нетерпение и озабоченность. Даже потоптался на месте для пушного эффекта.

— Все там...

Ну, собственно, что и требовалось доказать. Как и положено в Советском Союзе никто ничего не говорит и не скажет — потому что военная тайна. Это ещё со времен Мальчиша-Кибальчиша пошло и продолжилось до времени Горбачёва. Этот утырок все тайны сам рассказал и другим разрешил. Ладно, у меня есть ещё одна попытка. Достая приглашение и показываю дежурному.

— Ух, ты! — восхитился сержант, — а чего же ты ещё тут-то? Надо же там уже, как бы, вот, да!

У парня походу культурно-лингвистический шок приключился. Ничего, со мной тоже такое бывает. Пришлось рассказать про Федю — сына сапожника и о грандиозном клёве рыбы на реке Оке. Ну и вскользь упомянуть, что Собкин обещал мне помочь с билетами. Сержант ненадолго задумался и выдал капельку секретной информации:

— Через Тихонову Пустынь в Москву не попасть. Авария там. Все поезда следуют сквозняком, без остановок. Ближайшая остановка в Детчино. Но, туда ещё надо попасть! Все машины наши в разъезде. Да и кто ж поедет, на ночь глядя за сорок километров? Единственный вариант это сесть на "полуночник" до Вязьмы, а там и Москва рядом.

По идее, я этот вариант и рассматривал. Сержант как будто бы прочитал мои мысли. Но — надежда была, что вдруг чего-нибудь другое предложит. Люди здесь работают опытные и всяко знают больше меня. Короче — мне всё понятно и другого пути нету. Я только уточнил:

— Что за "полуночник"?

— Так поезд на Вязму ровно в полночь в Калугу приходит, отсюда и название, — улыбаясь разъяснил сержант.

До двенадцати ещё было время. Я взял обещание с сержанта, что он позвонит в кассы и договориться насчёт билета для меня. Это ему не трудно — он сам так сказал. Девушки там

работают сговорчивые и с большим душевным понятием. А уж для героя, который спешит на награждение в Кремль, расстараятся по полной программе. Минут десять потом разговор шёл ни о чём. Я осторожно пытался выяснить, что произошло на станции Тихонова Пустынь, а сержант ловко уходил от ответов. В конце концов, поняв, что таким образом я ничего не добьюсь, иначе просто выдам самого себя, рассказал анекдот и распрощался. Сержант взялся звонить насчёт билета. А я пошёл в кассу — там девушки, а они более разговорчивые и, уж точно, любопытнее. А это — даёт надежду, на возможность чего-нибудь узнать!

Не, я понимаю сержанта! И то, что он выболтал о моём награждении — это тоже понятно. Но такой встречи в кассах я просто не ожидал. Только салюта и оркестра не хватало, а так очень похоже, на встречу супер-пупер-мега эстрадной звезды. Затискали, зацеловали и чаем напоили. А приглашение всё пропахло духами. Потому что девушки его прижимали к груди и восхищённо закатывали глаза. Итить, едрить и всё такое! Даже в Москву расхотелось ехать. Но — всё-таки я взял себя в руки, да и время неумолимо приближалось к полуночи и мне пришлось покинуть этот цветник. Еле-еле успел к уже стоявшему под парами поезду. Вот ведь... Только усевшись на своё место, я понял, что мне так и не дали задать ни одного вопроса. Наоборот только меня и спрашивали. Женщины, что с них взять.

В плацкартном вагоне всё было привычно. Только место у меня было сидячее, прямо возле прохода. Напрягает присутствие спящего человека, на одной лавке с тобой. Ты сидишь, а в тебя упираются ноги. Как-то я отвык от такого, но и дискомфорта особого не испытывал. Мне ехать всего три часа — потерплю. Лишь бы толкаться сосед не стал, а со всем остальным разберусь.

Тронулись и тут же проводник сообщил, что остановок, до станции Износки, не будет. Меня очень удивило — кому это он сообщал? Весь народ, кроме меня и какого-то деда, спал и видел третий сон. Но — наверное, в этом был какой-то смысл. Хотя я его не видел. Да мне, собственно, это было пофиг. Что так — что эдак, расписание движения не изменится и я прибуду в Вязьму вовремя.

Пришлось вспомнить, как это — дремать сидя. Но я справился. Как только закрыл глаза, сразу начал анализ всего что случилось. Задание я выполнил, так что можно вздохнуть свободно. Я так сконцентрировался когда прицеливался, что, по моему, смог увидеть как пуля вошла в затылок Маленкову. Это конечно преувеличение — на таком расстоянии пятнышко в четыре миллиметра даже "Зоркий Сокол" не разглядит. Но — мне так казалось, в тот момент. Так что тут я спокоен.

Дальше, что-то пошло не так. Сейчас я себя ругал, что не задержался хотя бы на чуть-чуть. Потому что можно было, наверное, задержаться на несколько секунд и посмотреть что там происходит на перроне. Но, я не сделал этого и теперь мучаюсь в неведении. Кто там стрелял? В кого стреляли? Что это были за взрывы? Мне ничего не известно и что с этим делать — я не знаю. Остаются только предположения и догадки. Неужели, кто-то смог, среди шума железной дороги, услышать звук моего выстрела? Но — как? Это просто нереально. Может я себя как-то выдал и все эти выстрелы были в мою сторону? Дурдом какой-то а не попытка подумать по-нормальному. А кто тогда что-то там взрывал? Это вообще из другой оперы. Ну — не может быть у простого охранения: гранаты или что-то подобное! Не верю!

Дед мог что-то устроить? Я так не думаю. Потому что я ему оставил знак, что находится в этом месте опасно. Он меня убеждал, что любой казак, если увидит такой знак,

не полезет, даже из любопытства в отмеченное место. И у меня нет ни одного логического довода, чтобы ему не доверять. Кто ещё мог такое устроить — я не знаю! Я не знаю, даже, что там произошло! Как я могу, что-то предполагать? Может там медведь или лось какой-нибудь из леса вылез — вот охрана и возбудилась. Перестреляла бедных животных, а заодно и взорвала все пути-тропинки, чтобы такого не повторилось? Опять-таки — откуда взрывы? В общем: я запутался и потерялся в своих мыслях. Дальнейшие размышления были признаны лишними и бесперспективными. Мне есть о чём, помимо переливания из пустого в порожнее, подумать. Нет, где-то в глубине сознания, я буду продолжать перебирать различные варианты случившегося, но — уже не так фанатично.

Как проехали Износки я не заметил. Очнулся от толчка в плечо. Смотрю, проводник ходит и всех будит. Ага! Скорее всего мы подъезжаем к Вязьме. Ну и отлично. На часах три двадцать и надо бы посетить туалет и хоть чутка физиономию сполоснуть. Сон не пошёл на пользу. Да и какой это сон — нафиг! Хорошо что чемодан есть. На него облокотился и не упал с полки, когда отключился ненадолго.

В Вязьме сразу бегу в кассу. Некогда мне рассматривать вокзал. Хотя и люблю я это дело. Народу в помещении очень мало. В основном люди отдыхают на лавках, а некоторые даже спят, заняв несколько мест сразу. Мешки, чемоданы, узлы какие-то и пустые окошечки кассы — первое что бросилось в глаза. А потом стало некогда. Поезд «Минск — Москва» подходит через десять минут и стоит всего-лишь пять минут. Билетов не было. Кассир мне показала на табличку: "Билетов в Москву — НЕТ" и виновато улыбнулась. И чё делать? Что делать-то??? В Калугу звонить, с надеждой что Собкин поможет? Или идти к поезду и с проводником на прямую договариваться? Стою и смотрю на стекло кассы, как баран на новые ворота. В голове полный сквозняк и одна дурацкая мысль-вопрос: — "Нафиг я попёрся в эту Вязьму?" и всё. А что? Ведь можно было на мотоцикле до Детчино добраться, а там уже все поезда останавливаются... Пинпец!

Решение пришло неожиданно. У меня есть приглашение! Почему бы не воспользоваться этим бонусом? Достаяю, разворачиваю, разглаживаю, прислоняю к стеклу показывая женщине и — о чудо! Заработало! Кассирша сняла трубку телефона и стала, что-то говорить. В это же время, другие женщины, что оказались не у дел, каким-то неведомым образом выбрались в зал. Тут повторилась картина с приглашением, что я уже наблюдал в Калуге. Женщины читали, вздыхали, прижимали открытку с себе и при этом смотрели в потолок. Да уж! Откуда-то появился милиционер. Представился по всей форме и тоже попросил взглянуть на приглашение. А я что? Конечно же показал, что мне жалко — что ли?

А вот дальше вышла небольшая заминка. Дешёвых билетов не было. В наличии был только билет в вагон СВПС, из тех, которые идут, как бронь. Придётся брать. Подозрительно конечно. Откуда у пацана шестнадцатилетнего такие деньги? А с другой стороны, мне сейчас не об этом думать нужно. Мне бы в Москву побыстрее попасть.

Успел! Успели! Женщины постарались и всё оформили в кратчайший срок. Я даже какую-то конфету успел схочмячить с парой глотков чая. Быстро и не чувствуя вкуса, но хоть что-то упало в желудок мой бездонный. Потом короткий бег с чемоданом в руке и я в поезде. Ура! Все пляшут и ликуют! Неполных шесть часов и я в Москве!

Залез в вагон и сразу предупредил проводника, чтобы меня не беспокоил и разбудил за час до прибытия. Как раз хватит времени чтобы переодеться и чего-нибудь перекусить. Да и подумать о том, куда идти в первую очередь тоже надо, а это время! За час управлюсь, я так думаю.

Отключился не разбирая постели. Прямо на диване. Только и успел, что чемодан на полку закинуть, присесть на секундочку и всё — как отрубил. Хотя, ничего удивительного — сколько всего за сегодняшний день произошло. А мой организм не железный. Ему тоже отдых нужен.

Проснулся за миг до того, как проводник начал ломиться в мою дверь. Тут же открыл и попросил три стакана чая или один, но с тройной заваркой. Мужик конечно офигел, но вежливо поинтересовался:

— А может кофейку в вагоне-ресторане заказать?

— Нет, — сразу, резко отказался я, — кофе это напиток, для изнеженных интеллигентов, а чай самое то, для пролетария. Но, если есть такая возможность, то пара бутербродов с сыром будет в самый раз.

Проводник удалился, бормоча под нос, что-то типа: — «Молодой, а ранний» или что-то в этом роде. Я не прислушивался, мне было некогда. Бегом в туалет и приводить свою физиономию в порядок. Если с лицом всё прошло быстро, то с причёской пришлось помучиться. Но — справился, пригладил то что выступало и расчесал то что было гладким. Сойдёт, короче, на первое время.

За четыре бутерброда и стакан чая отдал дикую цену — двенадцать рублей. Это был беспредел, но мне деваться некуда и пришлось заплатить. На всякий случай, запомнил в лицо проводника. При встрече я ему всё припомню. Он у меня, каждый лишний рубль, отработает с избытком.

За десять минут до прибытия, я оделся в свой парадно-выходной костюм. Проверил, как выглядят все мои значки и поелозил по ним рукавом пиджака, чтобы заблестели получше. Кое-какие поправил, а то долгое лежание в чемодане, не пошло им на пользу. Разгладил все ненужные складочки. Для этого пришлось покрутиться перед зеркалом. Зато стал выглядеть как нормальный комсомолец. Внезапно, с шумом открылась дверь...

Я вообще-то никого не ждал. Поэтому мгновенно обернулся и приготовился к любой ситуации. А что? Вдруг меня арестовывать пришли, а я не готов. Слава богу, это только проводник. Он стоял открыв рот, вероятно хотел что-то сказать и забыл. Пришлось помочь:

— Что-то случилось? — я был сама любезность.

— А... нет, — сделав шаг назад, проводник смущённо добавил, — конечная, Москва! Добро пожаловать!

Вот ведь крендель. Заметил мои значки и сразу стал вежливым. Ладно, чего уж там.

— Я в курсе. Спасибо за комфортную поездку, — взял чемодан и пошёл на выход.

Стою на площади Белорусского вокзала(смотреть в иллюстрациях) и думаю что делать. По идее, я знаю путь до Московского горкома комсомола от Киевского вокзала. Дойти отсюда, я тоже наверное смогу. Но, только — сколько это займёт времени? Вот и решаю: брать такси или ехать на трамвае. Такси это комфорт и возможность не помять костюм за приличные деньги. Трамвай это головная боль и выщипанные нервы, но зато за копейки. Что выбираем? Я даже усмехнулся. Какой нафиг трамвай?! У меня в кармане десять тысяч без нескольких рублей, а я поеду на трамвае? Пусть московские таксисты порадуются, может вспомнят когда-нибудь добрым словом.

Единственное о чем я мечтал всю дорогу до горкома — это чтобы Крапивин был на месте. Ещё конечно Ерасыл может помочь, но всё-таки лучше Сергей Вадимович. Он в курсе всех новинок в Москве. Да и, как правильно зайти в Кремль это тоже о нём.

Вахтёр опять встал как стена и не пропустил меня внутрь. Ведь знает меня в лицо, но

держит марку и откровенно наслаждается процессом. Гад московский. Время уже к одиннадцати приближается, а я всё ещё далёк от цели. Да что там говорить, я даже не знаю к кому надо обратиться в первую очередь, чтобы пройти в Кремль. Кому это приглашение нужно предъявить? Ну не в Мавзолей же мне идти, с этим билетом и Ленину его показывать?

Когда мой градус кипения, добрался до критической отметки, я решился идти на прорыв. Пусть будет, что будет. Или прорвусь и увижусь с Крапивинным или в милицию попаду. А там уже пусть решают, что со мной делать. Я ведь этому военному пенсионеру приглашение показал, думал что поможет. Нифига, как не пускал, так и продолжил меня держать в вестибюле. И по телефону не даёт позвонить. Что мне осталось делать? Чемодан оставил возле входа, потом заберу, если всё получится. А сам рванул вперёд по лестнице...

Дед-вахтёр не побежал за мной. А я молился всем богам, чтобы он не позвонил в милицию. Мне и нужно всего-навсего пять минут, а там уж пусть Крапивин разбирается. Добежал. Ворвался как метеор в кабинет и прислонился спиной к двери, чтобы не дать сразу открыть. Осмотрелся и понял, что никого в помещении нету. Вообще никого. Пусто. Что ж мне так не везёт-то? Прямо мистика с фэнтези какая-то. Или помощь от деда, с того света, перестала работать? Я же задание выполнил, вот и всё — живи, блин, спокойно.

Пять минут стою. Десять. Кто-то начал толкать дверь. Всё! Теперь точно арестовать пришли. Стою, упираюсь и не открываю дверь. Решаю прояснить обстановку и спрашиваю:

— Кто там ломится? Занято! Что не видно — что ли?

— Какой занято? — раздался голос с легкоузнаваемым акцентом, — зачем занято?

— Ерасыл, твою маму, это ты? — заорал я.

— Не трогай маму, — осторожно прозвучало из-за двери, — она этого не любит. У неё папа есть.

Открываю дверь и втаскиваю калужского казаха в кабинет. Пять секунд на опознавание и мы уже обнимаемся. В этот раз, я не позволил сломать мне рёбра. Я поздоровее буду. Занятие с бревном не проходят впустую. Ещё пять минут я трачу, чтобы обрисовать ситуацию. Всё! Можно вздохнуть свободно.

Сначала, конечно, Ерасыл-Азик, с моей подачи позвонил на вахту. Успокоил вахтёра. А то я уже начал переживать о последствиях моего прорыва. Потом быстренько нашли Крапивина. Казах сегодня был вместо диспетчера, так что — кто и где находится, он знал. Дальше мы пили чай и грызли московские сушки, предпочитая делать это без сахара. Чисто по казахски — правда без масла, но и так было вкусно. А там и начальник приехал. Тоже решил проверить мои рёбра на прочность. Не удалось. Я не дал.

Целый час я наслаждался видом работающих товарищей. А потом всё завертелось! Прибежали помощницы-комсомолки и принялись приводить мой вид в порядок. Как я с ними буду рассчитываться, я не знаю. Но, что-нибудь придумаю. Может опять торт какой-то куплю, а может пятьсот эскимо — потом придумаю. Сейчас мы ждём машину, чтобы отправиться в Кремлёвский дворец. А попутно ржём над анекдотами, которые я переделываю, в соответствии с нынешним временем. Я их не так уж много знаю. Но всё присутствующие реагируют нормально. Значит понимают и воспринимают, а это самое главное.

Доехали без проблем. Крапивин со мной не пошёл, на награждение. Сюда вход только по приглашениям. Нет, он мог бы конечно, позвонить кому-то там и его бы пропустили. Но не в этот раз почему-то. Я не решился переспросить почему, но наверное причины были.

Зато помог отметить на входе и показал направление куда надо было идти. А там уже было легко. Я же не единственный кого сегодня награждают. Вот и влился в ряды приглашённых. И таким образом добрался до Свердловского зала, где и присел на кресло. До церемонии осталось полчаса, можно просто посидеть и чуток отдохнуть. Заодно небольшую речь повторить про себя. Мне девчата хороший текст набросали. Такой правильный и в духе времени. Если произносить с выражением и со всеми знаками препинания, то на пять-семь минут хватит. А больше и не надо. Всё жду. Но это кажется, что я сижу спокойно. На самом деле, где-то глубоко в душе, я ожидаю остановки этого мероприятия. Ведь убийство члена политбюро так просто не проходит? Должны же в правительстве, как-то это обозначить. Или тут, как и в любом шоу-бизнесе принцип один — шоу должно продолжаться в любом случае?! «The Show Must Go On» — как говорится. А так, даже, стало интересненько — чем всё это закончится?

Церемония прошла быстро. Не скомкано, а именно быстро — без остановок. Красивая женщина зачитывала преамбулу, а серьёзный мужик вручал награду и жал руку. Все награждённые, в обязательном порядке, произносили короткую речь — наполовину состоявшую из обещаний и благодарностей товарищу Сталину и советскому правительству. Мои соседи сразу узнали того, кто вручал награды. Шепоток пролетел по рядам: — «Смотрите это Шверник! Сам Председатель Президиума Верховного Совета нас награждает!» — и все начали неистово хлопать в ладоши. Я тоже не остался в стороне и отбил нафиг все свои две ладони. Я бы и ногами потопал, но тут так не принято.

Меня награждали под такие слова преамбулы:

— За смелые и находчивые действия, совершённые при спасении жизни людей, охране общественного порядка и другие проявления гражданской доблести. Награждается орденом "Знак Почета" товарищ Тихий...

Вышел, чего уж там. Николай Михайлович Шверник пожал мне руку, вручил грамоту, красную коробочку, удостоверение и самолично прицепил мне орден на грудь. При этом аккуратно и незаметно попросил, шепнув на ухо:

— Пожалуйста, речь сократите по максимуму.

Я посмотрел на Председателя Президиума и коротко кивнул головой. И тут, как назло, всё заготовленные слова вылетели из моей бестолковки. Стою за трибуной и не знаю: чего сказать — с чего начать? Приплыл, блин...

Глава 29

Не знаю, что напишут корреспонденты газет про наше награждение, но — про мою речь, упомянут точно. Это была полнейшая импровизация с моей стороны. Слова сами возникали в голове. И тогда, мне это казалось правильным. Сейчас пытаюсь их вспомнить и не могу. Непонятно что произошло — я растерялся из-за того, что забыл все приготовленные слова и, в этот момент, внутреннее сознание само нашло своё решение. Стал говорить уже не прораб, а детдомовец Вилор. Говорил правда сумбурно, забыв подготовленный текст, поражённый роскошным видом Свердловского зала и торжественной обстановкой, но — от души. Поэтому, кроме общих фраз про Сталина и партию, ничего не могу вспомнить и всё тут. Зато, хорошо помню, как все, кто находился в зале, мне аплодировали стоя. Это — да, это помню. Ладно, завтра в газете, если напечатают, прочитаю и вспомню. Аж самому стало интересно — чего я такого наговорил?

По идее, после награждения должен быть банкет. Но, в этот раз, ничего подобного не было. Был фуршет, но очень мизерный. Выпили по бокалу шампанского, посмотрели на красивые колонны, потом сфотографировались на их фоне и разошлись. Я присоединился к небольшой кучке награждённых, которые решили сходить, посмотреть на Мавзолей. Сходили, посмотрели и пошли дальше, просто гулять. Совершенно неожиданно все, кто сначала решил уйти, опять встретились в сквере, где в будущем будет могила неизвестного солдата. Тут все награждённые, раз уж так получилось, решили пойти в ресторан. Я сразу отказался. Меня ждут в Московском горкоме комсомола. Сейчас сижу на лавочке и решаю какой подарок купить жене и теще. Всё равно мне идти мимо ГУМа, почему бы не зайти?

Не получилось зайти в ГУМ. Только я встал с лавочки, как, откуда не возьмись, нарисовался Ерасыл. Улыбающийся казах это отдельная картина, а улыбающийся Ерасыл-Азик, который наконец-то нашёл меня это что-то невообразимое. Оказывается он с машиной меня ждал, возле центрального входа, а мы вышли через служебный или ещё какой-то — не в курсе как он называется.

Я примерно представлял, что будет в горкоме. Да и казах прямо-таки намекал, своим хитрым прищуром, что надо бы обмыть награду. А я и не против. Деньги есть — можно неплохо посидеть вечером. Тем более машина в полном нашем распоряжении — грузи продукты и выпивку, да вези куда хочешь. Короче, погнали мы закупаться.

Почти коренной москвич казахской национальности показал магазин с хорошим ассортиментом. Мне на выпивку было пофиг, но раз уж обещал, то закупил поболее, чем в прошлый раз. Ну и съестного всякого-разного, чтобы на всех хватило тоже не забыли приобрести. Машину загрузили под завязку. А всё что не вошло в багажник, впихнули в салон, на заднее сиденье. Еле-еле сами вместились. И всё бы ничего, но... Ерасылу захотелось музыки. Мои доводы, о патефоне в кабинете Крапивина, на него не действовали. Пришлось потратить полчаса, чтобы заехать в какую-то общагу, и ещё минут двадцать, пока казах там пропал. Зато результат был впечатляющий. Да и Ерасыл сиял как солнышко, когда показывал мне... квадратную балалайку с двумя струнами!

— Домбыр!

— Сам такой! — не понял я.

— Это домбыр! — пояснил Ерасыл, протягивая мне этот инструмент.

— А я думал, что ты ругаешься, — спохватился я и взял в руки, то что мне усиленно пихали.

— Друг дал на вечер, — всё объяснил Ерасыл и добавил, — завтра вернуть надо. Очень ценный. Наследство от дедушки.

Ну — это понятно. Всё что связано с наследством, это всегда актуально: что у казахов, что у любого другого человека.

— Только нам оно нафиг? — спросил я.

— Я петь буду! — уточнил Ерасыл.

— А кто играть будет? — усмехнулся и посмотрел на казаха, — я не умею.

— Я умею, — обиженно засопел Ерасыл и отобрал у меня инструмент.

Понимаю. Обиделся человек. Но я, в этот момент, краем глаза наблюдал за машиной милиции, что остановилась буквально в десяти метрах от нашей. Поэтому отвечал невпопад. Ничего, Ерасыл не обидчивый и быстро забудет про наш разговор, а вот милиция это посерьёзнее будет. Милиционеры вылезли из машины и идут к нам. Как назло казах со своей балалайкой никак не может поместиться на заднем сиденье. Ругается по своему и перекладывает свёртки туда-сюда. А там всё продуктами завалено и навалено. Да и я, как осел стою и жду чего-то — нет, чтобы сесть и поехать. А милиционеры не спешат — идут потихоньку. Я прямо вижу, как они внимательно отслеживают каждое наше движение. И что интересно, водитель милицейский не пошёл вместе со своими товарищами, а стоит и наблюдает. Слава богу, что никто за оружие не хватается — это успокаивает и даёт надежду, что происходит какое-то недоразумение.

Я прямо представляю, какую картину видят милиционеры: стоит парень рядом с машиной как столб и молчит, а рядом с заднего места машины торчит задница и ругается по казахски. Конечно же они мимо не пройдут. Обязательно остановятся и спросят — чего и что тут происходит? Идти-то им всего-ничего, а время как будто замедлилось. Меня аж потрянуло всего. Но и никаких действий, я не стал предпринимать. Стою и жду.

Уф! Не дошли милиционеры до нашей машины. Не успели. Казах наконец-то уместился на сидение и, с громким хлопком закрыл дверь. Ещё и крикнул, чтобы я побыстрее тоже залезал. Тут-то меня и отпустило. Я в одно движение: впрыгнул в автомобиль и закрыл дверь. Водитель сразу стартанул с места. Что там с милицией, я не видел и даже не оглянулся, чтобы посмотреть. Ну нафиг... Приключение, блин.

В горкоме было шумно. Когда мы подъехали, то оказалось, что народ нас уже ждал. Понеслись обнимашки и похлопывания. Девчонки всего зацеловали и запоздравляли, а ребята чуть не оторвали руку предварительно отбив плечи. Забрав продукты и напитки из машины мы прошли в здание. Шумной толпой прокатились по коридорам и лестнице. Всем не терпелось послушать о награждении. В кабинете нас всех ждал Крапивин.

Вот только выглядел он совсем не по-праздничному. Я бы даже сказал, что он был — хмур, серьёзен и мыслями был далеко отсюда. Ребята и девчата начали накрывать на стол. А я подошёл к Сергею Вадимовичу, чтобы понять причину его такого настроения.

— Поздравляю, Вилор, — без тени эмоций и лишь слегка улыбнувшись сказал Крапивин, — когда домой собираешься? Ты, не подумай ничего, — тут же добавил секретарь, — я билет хочу тебе заказать. А то потом забудем. Или всё-таки решил в Москве остаться? Я буду рад!

— Нет, Сергей Вадимович, — я поспешил откреститься от такого предложения, — в Москве хорошо, а дома жена и тёща ждут.

— Так ты что? — изумлённо воскликнул Сергей Вадимович, — обженился что ли?

— Есть такое дело, — согласился я.

— Вот и повод отличный отметить...

Я, в полном офигевании, смотрю на Крапивина и кое-как спрашиваю:

— А моё награждение — это не повод?

— Да повод, конечно, — согласился секретарь горкома Москвы, — но, видишь ли какое дело. Тут, звоночек один был... из ЦК ВЛКСМ... попросили сегодня не проводить праздничных мероприятий. И, если что-то такое будет, то о всех таких случаях сообщать.

— Но это же НАГРАЖДЕНИЕ! — возмутился я, — как можно не отметить?

Тут я, наконец-то, понял почему отменили праздничный банкет после награждения в Кремле. Значит в правительстве уже всё знают и начинают принимать меры. Траур и похороны, всё такое и вроде этого. Из задумчивости меня вывел голос Крапивина:

— Что-то наверное случилось? Вот и рассылают распоряжения. А свадьба — это не политика. Её можно даже во время войны праздновать. Как-то так! Понимаешь?

Я молча кивнул. Махнул рукой и пошёл к ребятам. Может помочь чем-то надо? Но — как и всегда собственно, единственная помощь которую меня попросили оказать — это расставить всё на столе. Да и то, потом, девушки всё равно всё поставили по своему. А и ладно. Лишь бы на пользу пошло.

Застолье началось с просьбы Крапивина — не сильно шуметь. Ага! Это оставалось актуально только до третьей рюмки, а потом уже никто ни на что не обращал внимания. Меня поздравили с наградой и женитьбой. Потом с тем, чтобы я на этом не останавливался. А когда я переспросил — на чем именно? Все начали натурально ржать. В конце концов договорились: не останавливаться ни на чём, кроме единственной жены. Ерасыл отрывался по полной программе со своим домбыром. Пел зажигательные песни — в основном на казахском, но и некоторые песни на русском у него тоже неплохо получались.

Фиг его знает, чего я вдруг решил исполнить эту песню. Настроение наверное такое было. А впрочем, чего уж там переживать-то. Спел и спел — теперь уже назад не повернёшь. Началось всё с того, что я попросил у всех минутку внимания и предупредил:

— Петь я не умею. Но если вам понравится то вы подхватывайте. Вместе оно будет лучше смотреться.

Откашлялся и бодренько зарычал:

— Много на свете профессий самых важных,

Только есть одна, только есть одна,

Тысячи людей объединяет разных,

И зовут их просто — мастера.

Строители — вы создаёте города,

Строители — гордится вами вся страна,

Трудитесь в зной и в холода,

Строители — призванье навсегда,

Строители — вы создаёте города,

Строители — гордится вами вся страна,

Трудитесь в зной и в холода-да-да,

Строители, строители, строители — призвание навсегда!

Смелые проекты воплощайте в жизни,

Стройте на века, стройте на века,

И трудитесь так, чтобы в родной отчизне,
Люди были счастливы всегда!
Строители — вы создаёте города,
Строители — гордится вами вся страна,
Трудитесь в зной и в холода,
Строители — призванье навсегда,
Строители — вы создаёте города
Строители — гордится вами вся страна!
Трудитесь в зной и в холода-да-да,
Строители, строители, строители — призванье навсегда!

Народу понравилось и все дружно подпевали. Ерасыл тоже подключился и выдавал на своём инструменте бодренький мотивчик в стиле марша. Короче, всё прошло гораздо лучше чем я мог себе представить. Хотя, я стопроцентно не умею петь, но — людям понравилось. А что ещё надо, когда сидишь за столом? Вот и все.

Где-то через час, притащили патефон и устроили танцы. Девчонок было больше и поэтому медленные танцы как-то больше запомнились. Меня приглашали все девчата и не по одному разу. Устал танцевать, как на стройке смену отработал. К завершению банкета, я еле ногами двигал. Тут сказалось и присутствие алкоголя в крови. Хотя, я и не усердствовал, и предпочитал пропускать чем выпивать. А если всё-таки народ настаивал, то наливал себе чуток, на один плоток. Что поделать — праздник есть праздник. И портить его я не собирался. Крапивин несколько раз отвлекался на телефонные звонки. Не понимаю почему, только все, на время затихали и выключали патефон в этот момент. О чём там шла речь, было непонятно. Но — каждый звонок, добавлял мрачности в настроение секретаря. Сергей Вадимович ничего не говорил, но и не мешал другим веселиться.

Закончилось всё тоже, как-то неожиданно. Вдруг все стали собираться и убирать со стола. Буквально минут пятнадцать и вся наша компания испарилась из кабинета. Остался только Крапивин, который взял с меня слово, что я его дождусь с утра. Он хочет сам меня проводить на поезд. После такой просьбы, да и ещё сделанной таким мрачным тоном, я дал слово комсомольца, что никуда из этого кабинета не уйду. Собственно всё. Крапивин ушёл последним. Нам с Ерасылом идти было некуда. Да и не привыкать к такому. Хотя и очень не хочется. Поскорее бы оказаться в Калуге и наконец-то заняться производством кирпичей. Надоело всё!

Утром нас, как всегда разбудили уборщицы. Так как я вчера не сильно много употреблял алкоголь, то и самочувствие у меня было нормальное. Так, небольшая сухость во рту и чувство сочувствия самого к себе. Я это легко вылечил разминкой и пробежкой. А окончательно пришёл в порядок, после завтрака.

Сергей Вадимович пришёл к семи часам, когда мы с Ерасылом уже вовсю записывали слова "Гимна строителей". Казаху понравился текст и он решил сохранить его себе в тетрадку, на память. Мне не жалко, к тому же я не претендую на авторство. А так, глядишь и зазвучит этот гимн на несколько десятков лет раньше.

Крапивин, после того, как поздоровался долго молчал, сидя в своём кресле. Потом всё-таки решился и легонько стукнув по столу, привлекая наше внимание, предупредил:

— То что я вам скажу — это секретная информация. Так что прошу не распространяться, а лучше сразу забыть, как только выйдете из этого кабинета.

Мы с Ерасылом посмотрели друг на друга и молча кивнули соглашаясь с секретарём.

— Я хочу извиниться перед тобой, Вилор. Скорее всего ты не сможешь выехать из Москвы в ближайшее время. Я конечно сделаю всё возможное, для этого, но — надежды, на благоприятный результат почти нету. Собственно поэтому, я и хочу вам кое-что рассказать.

Крапивин ненадолго замолчал, что-то решая и, наконец-то решившись, начал говорить:

— Сразу хочу сказать, что подробностей, пока, мне не известно... — секретарь опять замолчал. Видно было, что слова даются ему с большим трудом, — значит так...

Рассказ занял минут пятнадцать. Если убрать все междометия и ругательства, то вкратце выходило, что произошла железнодорожная катастрофа. В которой, по предварительным данным, погибли несколько человек из ЦК ВКПб. Ведётся расследование где задействованы лучшие специалисты МГБ. Билеты на поезда из Москвы можно приобрести только по специальным мандатам и разрешениям. Доступным осталось только пригородное сообщение. Да и то, если есть соответствующая прописка в паспорте. Для меня Крапивин может сделать бумаги, подтверждающие мою командировку в Калугу. Но — лучше обойтись без этого и подождать некоторое время. Скоро всё успокоится и я уеду обычным порядком.

Настроение в кабинете было траурным. Сергей Вадимович переживал по своему. Ерасыл сидел и смотрел в одну точку на стене и ни на что не реагировал. А я понимал, что нужно тоже как-то показать своё переживание — этому сообщению. Но — ничего не мог с собой сделать. Меня прямо-таки грела мысль, что у меня всё получилось. Теперь я свободен от обещания и могу заниматься своими делами. Которых у меня до фига и больше. А эту задержку в Москве, я переживу. Ждать я умею. Главное не выдать себя, а там как-нибудь прорвёмся. На ум пришли слова песни из фильма "Бумбараш" и я решил её спеть. Там не требуется хороший голос. Вообще-то это строевая песня и исполняется толпой народу во время ходьбы строем. Так что ничего сложного. А впрочем, сейчас и в моём исполнении будет в самый раз.

Я попросил Ерасыла изобразить, что-нибудь ритмичное на его домбыре. Минут пять мы потратили на то, чтобы подобрать что-то похожее на марш. И я начал рычать, в своей обычной манере(ну не умею я петь):

— Дрожи, буржуй, настал последний бой,

Против тебя весь бедный класс поднялся,

Он улыбнулся, засмеялся, все цепи разорвал

И за свободу бьется как герой!

Ничего, ничего, ничего!

Сабля, пуля, штыки — все равно!

Ты, родимая, ты дождись меня,

И я приду!

Я приду и тебя обойму,

Если я не погибну в бою

В тот тяжелый час, за рабочий класс,

За всю страну!

Бедняк-трудящий с нами навсегда,

У нас один повсюду враг заклятый!

Весь черной злобою объятый, кровавый капитал, —

Он не уйдет без боя никогда!

Ничего, ничего, ничего!

Сабля, пуля, штыки — все равно!

Ты, родимая, ты дождись меня,

И я приду!

Я приду и тебя обойму,

Если я не погибну в бою

В тот тяжелый час, за рабочий класс,

За всю страну!

Мы победим, — за нас весь шар земной!

Разрушим тюрьмы, всех врагов — богов разгоним!

Мы наш, мы новый мир построим свободного труда

И заживем коммуной мировой!

Ничего, ничего, ничего!

Сабля, пуля, штыки — все одно!

Ты, родимая, ты дождись меня,

И я приду!

Я приду и тебя обойму,

Если я не погибну в бою

В тот тяжелый час, за рабочий класс,

За всю страну!

Смотрю, а Крапивин и Ерасыл сидят, слушают с суровыми лицами. Не знаю, что там у них в голове. Но — надеюсь, что спел я не зря.

Тишина в кабинете прервалась — зазвонил телефон. Крапивин резко поднял трубку и стал слушать, отвечая короткими "да" и "нет". Когда разговор закончился он посмотрел на нас и сказал:

— Несчастный случай на стройке. Кто-то из наших пострадал на воскреснике. Я уезжаю разбираться. Ерасыл остаешься на телефоне. Будешь сегодня за диспетчера. Всё важное записываешь в тетрадь. Я приеду и почитаю.

Я аж подпрыгнул, когда услышал о происшествии. Блин! Я прораб или где? Встаю и громко говорю:

— Товарищ Крапивин, разрешите с вами!

— А что ты там будешь делать? — спросил Сергей Вадимович.

— Как что? — искренне возмущаюсь я, — в конце концов это мой долг, как комсомольца, быть впереди, вставать грудью на защиту и первым идти в атаку. Ну и так далее...

Кое-как уговорил этого непробиваемого секретаря. Десять минут уговаривал. Даже Ерасыл и тот меня поддержал, а Крапивин молчал и думал. Только последний довод — моя награда, всё-таки сломила упёртость комсомольского вожака. Я так и сказал, что так просто такую висюльку на грудь не цепляют. Значит я могу участвовать и должен! Вот! Короче, побежали мы ко входу. Там нас ждала машина с водителем. Уже выбегая я услышал вслед вопрос Ерасыла:

— Вилор! А слова дашь переписать?

— Потом напомни, — мне только и оставалось, что крикнуть это, — когда вернёмся.

Почему я вызвался? Так тут всё просто. Это лучший способ не привлечь к себе внимание органов. Будут спрашивать, а я им: — «Работаю я, вместе с секретарём горкома комсомола Москвы и всё тут! Отстаньте и не мешайте, и вообще: займитесь делом в конце

концов». Конечно, я утрирую, но — примерно причина в этом. Мне нужна движуха и именно в местах, где меня многие могут увидеть и запомнить. Ну — как-то так!

На стройке было всё грустно. Я всегда говорил и буду это постоянно повторять, что устройство лесов и их демонтаж должен проводить специалист в этом вопросе. По идее это равнозначные по сложности работы. Даже, скорее всего, демонтаж травмоопаснее. А тут поручили это дело комсомольцам, которые пришли помогать в воскресенье. Ничего не имею против энтузиазма молодых парней и девушек, но есть какие-то нормы и допуски. Они должны были помогать, а не конкретно заниматься этим. Так и получилось. Недоглядели, потому что не знали, чем всё может закончиться. Вот и прилетело парню куском бруска по голове. Хорошо, что в вязаной шапочке был и шлеме каком-никаком, а так бы насмерть убило. Отделался тяжёлым сотрясением и больничным на пару недель. Разобрались быстро. Всех причастных немного поругали, а всех ответственных наказали. Болявому сделали последнее предупреждение и отлучили от добровольной помощи на месяц.

Я стоял на стройплощадке, смотрел на то, как идёт работа и честно завидовал ребятам. Крапивин ушёл в прорабскую, чтобы созвониться с Ерасылом — узнать последние новости. Мне же оставалось только наблюдать и заодно слушать, о чём идут разговоры. Может кто-то упомянет о железнодорожной катастрофе, а может и ещё чего. Но — ничего похожего слышно не было. Не знаю хорошо это или плохо. Потом разберусь.

Вернулись в горком не сказать чтобы уставшие, но и радости не было никакой. Сергей Вадимович сразу засел за телефон. Мы с Ерасылом стали записывать текст песни. Очень уж она понравилась казаху. Где-то час ничего не происходило, а потом началось...

Воскресник — это большая головная боль любого начальника. Крапивин об этом знал и поэтому всегда собирал у себя в кабинете самых спокойных помощников. Выездов в этот день больше не было, но — по телефону пришлось многое высказать. Причём команда Крапивина работала как часы. Кто-то ругался по телефону, а кто-то вёл записи, а кто-то уже составлял планы на следующую неделю. Работали с огоньком и утихомирились часов в шесть. По идее ребята и девчата готовы были работать и дальше, но — Крапивин всех распустил по домам, отдыхать.

Я предложил сходить в кино. А что? Тут в горкоме сидеть — что ли? Но, опять, встрял Сергей Вадимович и попросил нас не выходить на улицу. Во избежание так сказать. Ну и ладно, раз начальник просит, то кто мы так и сделаем.

Глава 30

Только во вторник, 1 ноября, я смог выехать домой. До этого только и смог, что в воскресенье, позвонить Катерине. Всём остальным, чьи телефоны я знал, дозвониться не удалось. А вот Воронцова была на месте. Она хоть и работала в архиве, но являлась сотрудником МГБ и поэтому, как и всё работала в авральном режиме. Попросил её, чтобы выбрала время и зашла ко мне домой. А там объяснила жене и теще, почему я задерживаюсь. Надеюсь, что ей всё удалось — потому, что, наверное переживаю больше всех. Мне-то известна причина всего, что творится вокруг. Все другие пока в полном непонимании и не придают большого значения, какой-то там "железнодорожной катастрофе".

А в Москве, с одной стороны была тишина, а с другой... "слухи ползли и ширились". Вроде как Москву закрыли, а вроде как и нет? Вроде идут аресты, а вроде как и наоборот — выпускают кого-то! Вроде что-то где-то взорвалось, а вроде как и наоборот — что-то где-то запустили в эксплуатацию. Я успел побывать на многих стройках и не только там. Везде слушал о чем говорят рабочие. Предположений о случившемся было много. Мне даже кажется, что эти слухи специально распространяют люди из МГБ. Этим самым отвлекая людей от действительной причины. Но почему-то самая распространенная версия, это столкновение двух составов — пассажирского и грузового, занимала первое место. Причём в пассажирском находился высокий военный чин, не менее генерала, а то и маршал. Почему и откуда взялась эта версия — я не знаю. Но — слухи, на то и слухи, чтобы возникать ниоткуда и пропадать в никуда. Ещё, как один из вариантов — это сход состава с рельс и падение его в реку, с моста. В общем — много о чём говорили. Да и я, хоть и знал, приблизительно, что именно произошло — тоже строил свои версии. Я до сих пор не мог понять, что же происходило на станции, после моего выстрела. Мыслей много, но — ни одной подходящей, к этому моменту, я не придумал.

Раз уж так случилось, что я задержался в Москве то Крапивин, собственным решением, оформил мне командировку и включил в рабочую группу. То есть, на время, я стал помощником исполнительного секретаря горкома Москвы. Офигеть какая должность в шестнадцать лет?! Сам, когда понял, немного возгордился, но — тут же опустил с небес на землю. Очень уж непредсказуемая должность. Да и работы предстоит выполнить много. Мы с Ерасылом мотались по столице. Наша работа заключалась в том, что мы подводили итоги прошедшего воскресника. Сколько человек участвовало, какие работы были проведены, какие замечания есть и ещё кучу всякой информации. Все эти бумаги нужно было заверить у начальника стройки или другого объекта, и привезти в горком. Как всегда, не обходилось без всякого рода тормозов. Начальники всегда начальники и если есть возможность, то все эти недотоварищи пытались часть работ записать на свой счёт. Тут уж мой опыт работы прорабом сыграл роль. Я буквально двумя-тремя словами, подкреплёнными убойными аргументами и визуальной демонстрацией, ставил на место зарвавшихся граждан. В следствии чего, совершенно неожиданно, выработка наших бригад выросла в несколько раз. Крапивин радовался как ребёнок и посылал нас с Ерасылом снова и снова. Мне не трудно, а вот казаху доставалось. Бумаги в основном заполнял и таскал он. Моё дело подведение итогов, сбор информации, а также проверка количества всех видов выполненных работ. А он заполнял, все эти бумаги, собирал их в папки и относил в машину. Зато, мы всегда

возвращались с большим плюсом. О чём говорилось в собранных и заверенных документах. В горкоме проще, там в дело вступали девушки. Они обрабатывали результаты и сводили всё в один акт. А дальше... А фиг его знает? Там уже действовал Крапивин. Нам он ничего не докладывал. Только говорил: хорошо или не очень хорошо — как-то так.

Никогда не думал, что у секретаря горкома такая бешеная работа. Это чем-то смахивает на работу прораба, когда у него несколько объектов. Тот же калейдоскоп событий и нужно принять решение в кратчайшие сроки. И это я только видел часть, которая была посвящена воскресникам, а ведь были и другие обязанности. Но — что видел, о том и рассуждаю. Да-с...

Во вторник, прямо с утра, Крапивина будто подменили. Прибежал в горком и начал обзванивать всех и всяких. Мы с Ерасылом находились в кабинете и всё слышали. Тема была одна: подготовить траурные мероприятия. Ну, то есть, сверяясь со списком, оформить необходимым образом: портреты, траурные ленточки, цветы, приспущенное знамя и всё такое, что положено в таких случаях.

У нас в горкоме тоже начали готовиться. Я, в самих приготовлениях, почти не участвовал, а вот Ерасыл метался как реактивный самолёт. То портрет надо правильный найти, то за чёрной лентой и цветами съездить в ближайший магазин. Мне же досталось помогать, всем остальным, в оформлении стенгазеты и актового зала. Ничего сложного, как оказалось, но и сидеть сложа ручки не пришлось. К одиннадцати часам у нас всё было готово.

Ровно в одиннадцать, по радио зачитали правительственное сообщение. Минут двадцать голос Левитана вещал, на всю страну, о великой потери, что понёс советский народ в следствии аварии на железной дороге. Подробностей, о самой аварии, никто не услышал, да это и понятно. Зато про прерванный героический путь погибших коммунистов, было сказано много. Далее был перечислен список погибших и их должности вместе со званиями. Первым конечно шёл Маленков Георгий Максимилианович — член Политбюро ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б). Второй в списке был Хрущёв Никита Сергеевич — Член Политбюро ЦК ВКП(б), Первый секретарь ЦК КП(б) Украины. Дальше шли имена фамилии ещё двенадцати человек из которых мне более-менее известны только Гречуха Михаил Сергеевич, Коротченко Демьян Сергеевич и генерал-полковник Яков Григорьевич Крейзер. Остальные фамилии я слышал впервые или, если и слышал ранее, то просто-напросто не помнил за ними что-то важное, чтобы запомнить. Уже потом сидя за поминальным столом, в кабинете Крапивина, и сопоставив должности погибших, которые услышал по радио, я примерно понял кто погиб. Да и застольные беседы, когда помянули погибших, внесли ясность и понимание в этом вопросе. Если совсем уж коротко, то погибла вся верхушка ЦК Коммунистической партии Украины. Ну или почти вся. Я не помню, да и не знал никогда — какой у них там состав был?

Пока все молча поминали, у меня в голове был только один вопрос — что же там такое произошло? Это что надо было сотворить, чтобы погибло столько народу? Там ведь охраны было двадцать человек, да и сами погибшие были почти все боевые офицеры, кроме Хрущёва, может быть. Без боя, наверное, не обошлось. Как и кто это устроил? Я точно знаю, что не было никакой катастрофы. Значит было что-то другое! А вот что — это, наверное, я никогда не узнаю.

Помянули и начали расходиться. Крапивин всех отпустил по домам, кроме нас с Ерасылом, а сам засел за телефон. Через десять минут разговоров, мне пришлось спешно

собираться. Появилась возможность уехать в Калугу. Мне собраться — только пиджак погладить и награды почистить. Да и то, обошлось без утюга.

Перед расставанием, был недолгий разговор с Крапивиним. Он настаивал, на моей работе в своей команде. То есть, прямым текстом приглашал меня на работу в горком комсомола Москвы, на должность одного из заместителей. Когда я напомнил о моей инвалидности, то получил ясный и категоричный ответ:

— Будешь в кабинете работать. Тут твоя инвалидность роли не играет.

— Я подумаю, Сергей Вадимович, — только и смог ответить я.

— Думай, — серьёзно посмотрев мне в глаза, ответил Крапивин, — только не долго. Как говорится — у нас незаменимых людей нет!

— Товарищ Крапивин! — я решился на последний довод, — мне всего-то шестнадцать лет. Какой из меня комсомольский работник? К тому же у меня жена. Беременная. Вот.

— Так, это же прекрасно! — улыбаясь как крокодил Гена, воскликнул Сергей Вадимович, — Смотри, как мы поступим. Ты приезжаешь в Москву. Я направляю тебя от горкома на курсы в Школу комсомольской молодёжи. Шесть месяцев учёбы и ты с нами. Ты же в Брянске, как мне известно, был секретарь комитета комсомольской организации детдома?

— Был! — не стал отрицать очевидное я, — только там было двадцать человек, а здесь целый город! Вся столица!

— Ничего, — успокаивающе буркнул Крапивин, — в школе всему научат. Это не так уж и трудно. Ты думаешь, я сразу тут оказался?

— Ничего я не думаю, — пытаюсь осмыслить предложение, ответил я, — мне домой нужно. Там подумаю, посоветуюсь с женой и тещей, и тогда отвечу: согласен или нет.

— Да пойми ты, Вилор! — чуть не сорвался на крик Крапивин, — в тебе есть потенциал. Я это вижу. Тем более, что Ерасыл тоже тебя советует привлечь к нашей работе. Он меня и агитирует, если уж совсем напрямую говорить.

— Сергей Вадимович, — я понял, что это может затянуться на долго и решил оборвать все эти уговоры, — вернусь домой и тогда решу. Всё! Чего вы меня как маленького уговариваете?

— Ладно, думай, — махнул рукой Крапивин, — только обязательно позвони. У Исиловой есть все телефоны.

На этом мы и попрощались. Ерасыл пошёл вместе со мной. Куда я без этого неугомонного казаха? Он почти коренной москвич теперь и знает дорогу покорооче. А ещё он знает кучу магазинов, где можно приобрести много чего полезного. Я же домой еду, а это значит, что нужно подарками запастись. Вот и пошли, запасаться.

Понакупил всякой фигни, честное слово. Брал то, на чём, как говорится, взгляд задерживался. Единственный критерий моего выбора было — место в чемоданчике. Так что, в основном, это была всякая полезная мелочь. Ножницы, солонка с перечницей, набор игл и другие такие же нужные в хозяйстве вещи. Ещё духи взял "Красная Москва" называются. Потом Ерасыл посоветовал и я согласился, что мешочек разноцветного бисера, тоже в хозяйстве пригодится. Его, в случае чего, можно и в руках нести. Там весу, всего-лишь килограмм от силы. Чемодан раздулся как-то непривычно, но нести его — это не мешало. Так что всё нормально.

На вокзале всё прошло отлично. Билеты были заранее заказаны и поэтому их покупка обошлась без эксцессов. По Киевскому вокзалу сообща решили не слоняться. Вышли на

привокзальную площадь. Тут в уголке, рядом с пригородными кассами, остановились. Ерасыл, с чисто казахской прямоотой, убеждал меня бросить всё нафиг и приезжать в Москву. Прямо так и говорил:

— Вилор, ты же сам видишь, как Крапивин к тебе относится. Бери жену и приезжайте. Тебя сразу в штат возьмут, а с женой потом разберёмся, но — чего-нибудь придумаем. Может тоже с нами работать будет. А может и чего сама выберет. За жильё не переживай. Сергей Вадимович, если надо, к себе в квартиру вас поселит. Он сам мне так сказал.

А я стоял и молчал. Чего мне ему сказать? То, что я в Москве не могу находиться. Душит она меня. Нету здесь нормальной жизни. Толпа народа бегает целый день туда-сюда и решает какие-то свои, чисто столичные вопросы. Кругом суета и заносчивость в отношении друг к другу. Прямо по фильму "Кин-дза-дза" — какого цвета на тебе штаны, такое к тебе и отношение. Эх! Но Ерасылу, я ответил — что подумаю. Обещания, я не люблю давать — с недавних пор. Только-только от одного избавился и то, как-то всё вышло не по моему. Вот и не стал ничего обещать. Посмотрю, как там дома, а потом — может быть и соглашусь. Хотя, скорее всего, мой ответ будет отрицательным. Не люблю я Москву. Если в Калуге предложат поработать в горкоме комсомола, то всё может быть. А в Москве — однозначно нет! Но Ерасылу, об этом, я не скажу. Незачем.

В киоске закупил свежей прессы. Брал всё подряд. Мне шесть часов ехать — надо же чем-то заниматься? А тут прямо двойная выгода получается: узнаю последние новости и время не зря пройдёт. Вообще-то, если оглянуться вокруг, то столица готовилась к празднованию 7 ноября. Кругом висели транспаранты и плакаты в честь 32-ой годовщины Великой Октябрьской революции. Мы с казахом специально не стали торопиться и сразу идти на перрон. Постояли, полюбовались на красочный вид площади и прилегающих улиц. А потом, я не смог сдержаться и купил пирожков у какой-то женщины. Она только-только подошла со своей корзиной и когда её открыла... Запах свежей выпечки был просто убойный. Ну, я и не выдержал. Ерасыл, кстати, тоже не отказался от такого угощения, когда я ему предложил присоединиться. Так мы и стояли, смотрели на вид праздничной площади и жевали пирожки. Хорошо-то как! А ведь, наверное, я только сейчас понял, что освободился от долга и жизнь, можно сказать, заиграла совсем другими красками.

Поезд "Москва — Одесса" подали за полчаса до отправления. Немного постоял с казахом возле состава и потом решительно влез в вагон. Не люблю прощаться. Пожали руки и хватит. Прошёл до места и понял, что мне несказанно повезло. Место моё возле окна и всего два попутчика. Значит можно спокойно почитать газеты и сделать хоть какой-никакой анализ произошедшего. Сейчас поезд отправится и можно будет этим заняться. Все разговоры и уговоры Крапивина и Ерасыла я оставляю здесь, в Москве. Нафиг! Мне есть с чём подумать.

Читал и думал всю дорогу. Но, как бы не старался, ничего нового я не смог для себя выяснить. Газеты давали минимум информации, даже конкретное место катастрофы не упоминалось. Чего отсюда можно извлечь полезного? Да ничего! Единственное в чём окончательно убедился, так это в том, что погибла верхушка ЦК КПУ вместе с Хрущёвым. Ну и Маленков с двумя генералами, до кучи. Под конец пути, меня это всё так задолбало, что решил больше никогда об этом не думать. Ну нафиг! Пусть идёт как идёт. Случилось и случилось. Я задание выполнил и пошло оно всё куда подальше! Буду жить и детей растить, а всё остальное — похрям! На станции Тихонова Пустынь вылез обновлённый и полностью убеждённый, что всё идёт как надо.

Пейзаж, ставшей почти родной станции, меня не порадовал. Нет, нигде не было ям и следов взрывов. Всё более-менее чистенько и аккуратненько. Но — я же не слепой! И косметический ремонт от капитального отличить сумею. Всё кругом было покрашено свеженькой краской и побелено известью. Покрытие привокзальной площади засыпано щебнем и песком. И даже, что скорее всего, выровнено и утрамбовано механическим способом. Да и ещё одно — я тут был неделю назад. Так что сравнить мне есть с чем.

Я специально, сначала, прошёл мимо входа в вокзал. Мне интересно было посмотреть на здание пакгауза. Остановливаться возле него не стал. Мимоходом, не спеша прошёлся и внимательно осмотрел. Что тут скажешь? Ворота новые и даже не покрашенные. Крыша со следами качественного ремонта. Свежая побелка стен со стороны перрона. Мне всё ясно. Похоже пакгаузу досталось не слабо. Так что я вовремя оттуда смылся. Если ворота снесли напрочь и половину крыши, то мне опупительно повезло, что я не стал там задерживаться. И опять вопрос только один — что тут нахрям произошло?

В буфете никого не было. Кроме самой буфетчицы, естественно. Но эта, очень уважаемая женщина, только выполняла свою работу и на вопросы не отвечала. Пирожок с мясом — пожалуйста, а вот почему новая крыша на пакгаузе — это не знаю. Попробовал один раз и сразу расхотелось продолжать. Видно, что напугана и сторожиться сказать лишнего. Так что — хоть танцуй перед ней, хоть стриптиз устраивай — всё равно ничего добиться не удастся. Пирожок съел, чай попил и пошёл к дежурному по станции.

Не повезло. Я дозвонился до Собкина, но он мне ничем помочь не смог — свободных машин в линейном отделе милиции не оказалось. И тут, неожиданно-негаданно, помог дежурный. Оказывается, есть грузовая машина прикреплённая к местному транспортному узлу. Зачем она тут нужна, я так и не понял. То ли уголь рабочим станции развозит, то ли какие-то детали из Калуги возит — не важно. Главное что на ней можно спокойно доехать до Калуги. Единственное что нужно это сделать как можно быстрее. Вот и всё собственно. Сел и поехал. И уже через полчаса я был возле дома. Водителю, за нормальную и оперативную доставку моей тушки, отдал всю кипу газет, что у меня образовалась. Можно было, конечно, оставить и использовать по назначению, но — лучше так. Да и шофер нормальный, пусть читает и просвящается.

Пару раз споткнулся пока дошёл до своих ворот. Вечер, чего я ожидал-то. Темень кругом, а ещё и все окна нашего дома были тёмными. Придётся до тёщи идти. Хоть и не далеко, а желание отсутствует, напрочь. Я в мечтах уже ужин должен был доедать, а тут такая негаданность. Ладно, пошёл, чего уж там.

Как и думал моя жена была со своей мамой. Меня оказывается ждали. Собкин передал Катерине, а она, в своей манере, доскакала до Марго и поставила всю мою семью в известность, что я вот-вот приеду. Ну и конечно же, Рита и Конкордия Прохоровна стали готовиться. Я думал, что они работают, а тут праздничный ужин почти готов, оказывается. Ну и наобнимались все конечно. Жаль, что Катя ушла — работа в милиции она такая — непредсказуемая. Но ничего, завтра зайдёт, тогда и поговорим.

Варёная картошечка, соленья, рыбка жареная и самое главное — сало маринованное! Я накинулся на еду, под довольные взгляды женщин. И пока насыщался, дал время Рите и Конкордии Прохоровне рассмотреть подарки. Интересно было за ними наблюдать. Сразу видно что мама с дочкой. Движения почти одинаковые и реакция, на что-то новенькое, аналогичная. Взвизги радости, вздохи восхищения и споры о том, чего и куда это применить. Ну и ладно, зато я поел нормально.

Потом были долгие разговоры: о награждении, о поездке, о Москве и о всём, что и как, там происходило. Отдельно, уже все вместе, рассматривали орден "Знак Почета". Я на него ещё в Москве насмотрелся, да и был у меня такой же в той жизни. Чего я там не видел? В общем — сошлись во мнении, что красивенький и тяжёленький(смотреть в приложении).

Сидели допоздна, всё ждали — может ещё какие гости заглянут, но — никого не дождались. Ну и бог с ними, значит завтра придут — это не к спеху. Допили чай и разошлись. Решили, что соберём всех, когда придут фотографии с награждения. Чтобы было, что показать гостям, помимо ордена и духов с бисером.

Десять минут и мы дома. А дальше... Могу только сказать, что моя печь работала отлично. Во всех комнатах было тепло и даже, немного жарко. Для освещения запалили всего одну керосиновую лампу. Но это так, чтобы было — как говорится. Нам и этого было много. Уж друг друга мы всегда сможем найти, будь тут полная темень или мрак какой-либо. А, на кровати заблудиться невозможно. Мы и не блуждали, а очень быстро нашли друг друга...

Засыпал с чувством полного счастья. Что ещё надо? Жена рядом. Дом отличный. Я наконец-то выполнил это дедовское задание! У меня начинается спокойная жизнь! Я сделал, всё что нужно и теперь — буду просто жить!

Эпилог.

Ух ты! Я, вроде как, это когда-то видел? Ну или что-то похожее было. Та же знакомая картина, то же место, те же персонажи и только погода пасмурная... Я стоял по пояс в траве, напротив мой дед правил косу оселком. От особенно сильных ударов высекались искры. Что-то новенькое, такого в прошлый раз не было — это точно. Несколько минут я наблюдал за резкими движениями деда. Потом не выдержал и спросил:

— Что не так-то? Дед, ты же обещал!

— Вообще-то, у нас здесь принято сначала здороваться, — как-то безлико, ответил дед не прекращая править инструмент, — ась?

— Ну, здорова, — коротко поздоровался я.

— Не нукай, — взвился дед, бросая косу в траву, — не запрят!

— Здорова, дед! — разборчиво и довольно громко, произнёс я.

— И тебе по здраву, внучёк! — с улыбкой и таким знакомым голосом ответил дед.

Дальше, у нас диалог как-то не заладился. Я стоял и молчал, ждал что мне скажет более старший родственник. А дед наладив косу принялся выкашивать участок, на котором стоял. Наконец я не выдержал:

— Дед, ну фигли ты? Сам позвал, а теперь молчишь, как пень об сову.

— Чего? — от удивления, старый бросил косить и аж глаза выпучил.

— Да говори уже и я пойду, — ответил я, потом добавил, — у меня там жена молодая и дел невпроворот, говорю. Излагай чего позвал!

— Ну, ты, это, — немного подумав буркнул дед, — полегче. Тут не я решаю, понятия иметь надо.

Стою, молчу, а что мне ещё делать-то? Я знаю своего родственника, сейчас подумает и сам начнёт разговаривать. Характер у него такой. Как что не по его... то ого-го. Да и ладно.

— Ты это, внучёк, — как я и говорил, дед долго не продержался молча, — спрашивай и вали отсюда.

— Чего спрашивать, дед? — удивился я, — мне и так всё ясно.

— Прямо всё-всё? — улыбнулся дед, — и даже ничего странного не случилось?

— Чего там странного-то? — ответил я, — всё хорошо. Ну может, удивился немного, что народу оказалось больше чем говорено было, а так всё нормально.

— Народу много? — дед, с места, аж подпрыгнул и возмущённо затараторил, — народу тебе много?! А кому я сказал, чтобы он сидел и не высовывался? А? Ты нахрена про этот долбаный джаз начал говорить? Ещё и про плакат фашистский вспомнил. Из-за тебя Хрущёва, на два месяца раньше в московский обком партии выдвинули, чтобы он навёл порядок и разобрался с союзом композиторов. Ты нахрена в милицию полез помогать? Из-за тебя Маленков получил дополнительные данные на еврейский антифашистский комитет. Ещё и украинские националисты возбудились, не кстати. Хорошо, что я помощников дополнительных нашёл. Остались ещё люди, старой закалки, которые за несколько дней свободы, на всё согласные. Пришлось, конечно, им кое-что пообещать, но — это мои проблемы. Так что — скажи спасибо, а то и с заданием напортачил бы. Ишь! Народу ему много!

Вот опять я ничего не понимаю — где я и где еврей? И причём тут плакат? Какие, к

чертям собачьим, помощники? Я вообще никого в глаза не видел! Опять дед что-то темнит и ничего, по существу, не говорит. Нет, вроде успокоился и чего-то хочет добавить:

— Короче, ты мне должен, потому и позвал! Когда время придёт, я всё расскажу, что надо сделать, а пока свободен...

Голос деда стал, как бы удаляться и становиться всё тише и тише:

— Ты всё сделал и теперь живи спокойно... До поры до времени...

* * *

Проснулся я совершенно невыспавшийся. Тяжёлая голова и полная убеждённость, что меня сейчас вывернет наизнанку. Возле кровати, на стуле, стоял чайник с водой. Утолил жажду, огляделся и понял, что не всё так плохо. Жена, чему-то улыбается во сне. Такая детская улыбка. Я аж засмотрелся. На улице, как видно в окошке, нормальная погода — по крайней мере дождя не видно. Можно пойти и устроить себе сверхсложную тренировку с бревном, до полного физического изнеможения. А потом съесть, чего-нибудь жутко вкусного и вредного одновременно. И это, раз уж организм требует, правильно. Мне теперь многое можно. Я же сделал, что от меня требовалось? Значит я свободен от всех обещаний и могу делать что хочу. Теперь-то заживу и, даже, возможно спокойно...

Больше книг на сайте - Knigoed.net